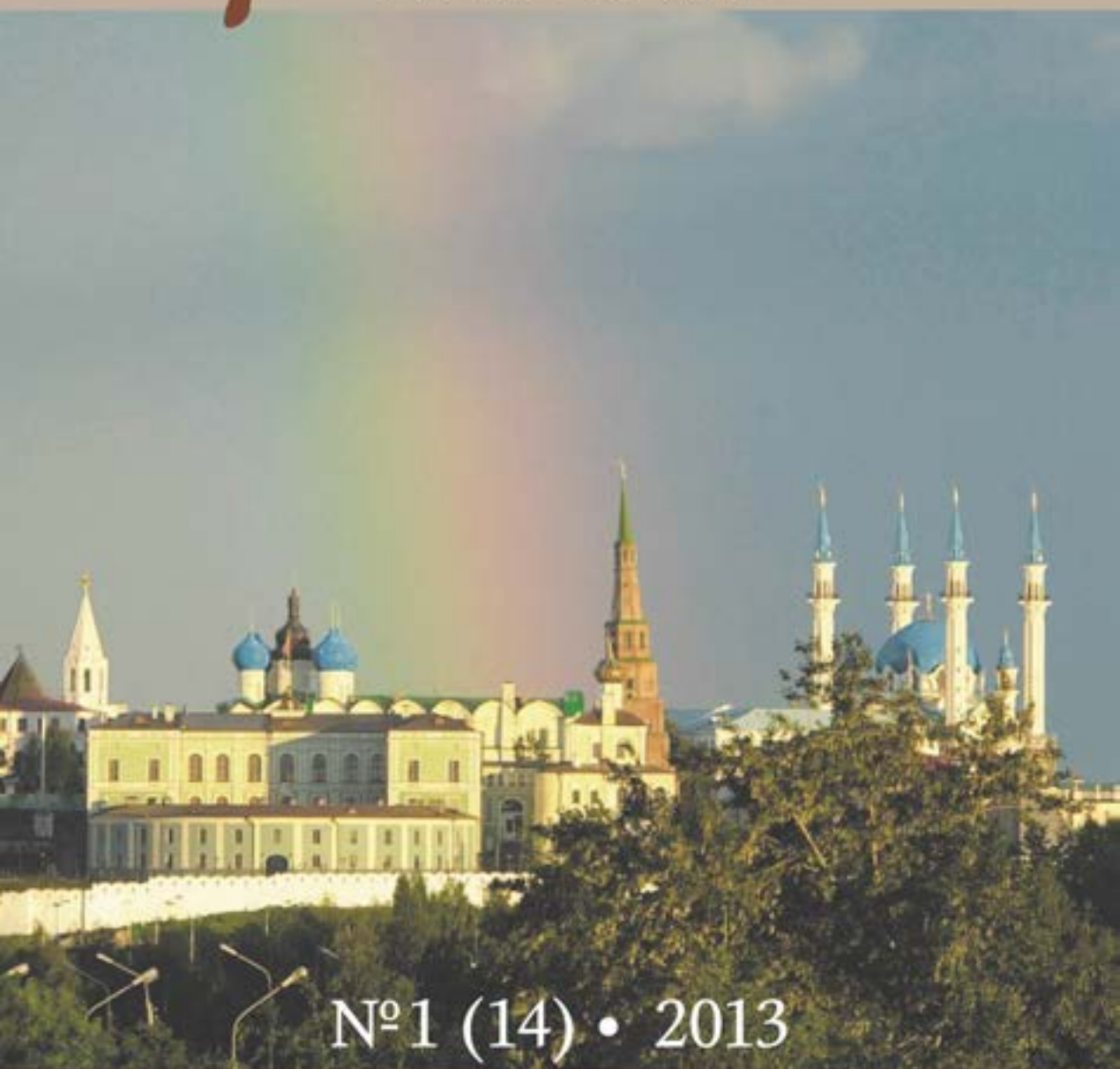

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН 12+

№1 (14) • 2013

Москва, Тверской бульвар, 25, Литинститут

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 1(14) • 2013

***Поэзия – это отнюдь не частное дело,
<...> поэзия даже не столько литература,
сколько один из видов служения России,
поле духовной брани за неё.***

Диана КАН, стр. 101

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – *первый секретарь правления Союза российских писателей;*

Ибрагимов Ильфак Мирзаевич – *главный редактор журнала «Чын мирас» («Наследие»);*

Ларионова Татьяна Петровна – *исполнительный директор республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);*

Миннахметов Ирек Джаудатович – *руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*

Переверзин Иван Иванович – *председатель правления Международного сообщества писательских союзов.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Беляев – *член Союза российских писателей (Казань);*

Н. М. Валеев – *доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);*

Н. А. Вердеревская – *кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Елабуга);*

В. Н. Гофман – *протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);*

В. А. Ермаков – *доцент, кандидат исторических наук (Орёл);*

Д. Е. Кан – *член Союза писателей России (Новокуйбышевск);*

В. А. Клячин – *член Союза писателей СССР (Иваново);*

С. Д. Кузнецихин – *член Союза российских писателей (Красноярск);*

О. В. Кузьмичёва-Дробышевская – *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

С. Е. Михеенков – *член Союза писателей России (Таруса);*

Н. В. Переяслов – *секретарь Союза писателей России (Москва);*

Н. Б. Рачков – *член Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);*

Р. Ш. Сарчин – *кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);*

В. С. Суворов – *доктор педагогических наук (Набережные Челны);*

М. А. Чванов – *президент Международного Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций по Республике Татарстан.

Заместители главного редактора – Александр Воронин,
Вера Хамидуллина

Редактор-корректор – Ксения Ларина
Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов
Художник – Ольга Белова-Недовизий
Фото на обложке – Михаил Медведев

События минувшей зимы

БОЛГАР И СВЯЖСК ГОТОВЯТСЯ ВСТРЕТИТЬ ГОСТЕЙ УНИВЕРСИАДЫ

В конце января в Казанском Кремле Государственный Советник Татарстана, Председатель Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ Минтимер Шаймиев провёл совещания по определению объёма работ на 2013 год в древнем городе Болгар и на острове-граде Свяжск.

Минтимер Шаймиев напомнил, что наступивший год особенный — Татарстан принимает Всемирные студенческие игры. На Свяжск и на Болгар выпадет приличная нагрузка по приёму туристов. Огонь Универсиады, зажжённый в июле прошлого года в Париже, в Университете Сорбонна при его личном участии, проделав путь по всему земному шару, уже идёт по территории России. «Работы должны вестись полным ходом, — сказал он, — ведь на процесс восстановления будем смотреть не только мы сами, но и многочисленные посетители. Чтобы не ударить лицом в грязь и не смазать то, что уже сделано, мы должны выглядеть как настоящие хозяева, принимающие дорогих гостей». Он поблагодарил всех присутствующих за почти трёхлетнюю добросовестную работу. По его словам, в течение этого времени удалось отработать механизм взаимодействия и вести дела корректно и красиво.

Помощник Президента РТ, Исполнительный директор Республиканского Фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова ознакомила участников совещания с перечнем объ-

ектов острова-града Свяжск, на которых в 2013 году проводятся реставрационные и строительные работы. Она отметила, что в 2013 году планируется завершить работу на 12 объектах, среди них Собор «Всех Скорбящих Радость», Троицкая церковь, Сергиевская церковь, в которых ведётся реставрация иконостасов и настенной живописи; Церковь надвратная Вознесения Господня. В этом году также будут закончены воссоздание исторического спуска по улице Московской, строительство двенадцативёсельного ботика — копии гребного катера императора Павла I. В текущем году Фонд «Возрождение» берётся и за реставрацию деревянных домов XIX века, сообщает пресс-служба Президента РТ. В ходе совещания были обсуждены вопросы по согласованию работ, которые продолжатся и в будущем году: реставрация Успенского собора, Никольской церкви, комплекса зданий земской больницы XIX века, консервационные работы на археологической зоне «Татарская слободка», благоустройство Благовещенской церкви. К этому списку относится и комплекс зданий ремесленного училища, реставрацией которого занимается благотворительный фонд «Островок». В нём будет открыт оздоровительный центр для детей, перенёсших онкологические и другие тяжёлые заболевания.

В обсуждении приняли участие руководитель секретариата Государственного Советника РТ Евгений Гришин, министр культуры РТ Айрат Сибгатуллин, министр транспорта и дорожного хозяйства РТ Ленар Сафин, ректор Казанского федерального университета Ильшат Гафуров, глава Зеленодольского муниципального района Александр Тыгин, генеральный директор ГУП «Татинвестгражданпроект» Адель Хуснутдинов, директор Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свяжск» Артём Силкин и другие официальные лица.

На следующем заседании Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев отметил, что в связи с проведением Универсиады в Казани, Международного археологического форума и традиционного «Изге Болгар жыены» подготовка к сдаче отдельных объектов в Болгаре будет намного сложнее, чем в Свяжске. Именно из-за сроков. «Основной объект — это речной вокзал, совмещённый с Музеем Болгарской

цивилизации, и самое главное — работа по его музеефикации. Это само по себе историческое явление, этапное событие, — подчеркнул он. — Также должен быть подготовлен весь комплекс, связанный со Святым источником «Габдрахман сѣхабѣ коесы» («Колодец сахаба Габдрахмана»). Мы везде должны достойно показать гостям Универсиады лицо республики. Везде, на всех объектах должен быть порядок, присущий нашему народу».

В ходе совещания прозвучало, что 18 мая, в Международный день музеев в Болгаре пройдёт Международный археологический форум с участием министров культуры регионов РФ и ведущих российских и зарубежных учёных-археологов. Поэтому в целом работы по подготовке основных объектов будут ориентированы на эту дату. Также к этой дате предполагается открытие археологической научной базы. Министр культуры РТ Айрат Сибгатуллин сообщил участникам совещания, что в настоящее время организацией этого форума занимается Координационный совет Министерства культуры РФ совместно с республиканским Минкультуры.

Директор Института истории КФУ Рамиль Хайрутдинов напомнил, что в 2013 году исполняется 70 лет с начала постоянных археологических исследований в Болгаре и 135 лет с момента создания в Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии, которое взяло на себя обеспечение всех археологических работ по Болгару, и учёные университета готовы внести свои предложения и темы для обсуждения на форуме.

Помощник Президента РТ, исполнительный директор Республиканского Фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова проинформировала присутствующих о ходе реставрационных и строительных работ в Болгаре, рассказала о степени готовности объектов, которые будут сданы в текущем году. Она отметила, что здание Речного вокзала — это не только мощное архитектурное сооружение, но и огромный музей, поэтому крайне важно завершить музеефикацию в установленные сроки. По словам Татьяны Ларионовой, реконструкцию и благоустройство территории комплекса Святого источника — «Габдрахман коесы» планируется завершить к июню 2013 года. Также готовятся к сдаче в этом году Фестивально-событийный комплекс, Западные и Восточные ворота, жилые дома для людей, переселяющихся с территории музея-заповедника, хозяйственные постройки для музея-заповедника. В завершающую стадию входят реставрационные работы на исторических объектах Болгара — памятниках архитектуры XIII–XIX веков: Соборной мечети, Северном, Восточном мавзолеях, Белой, Восточной, Чёрной, Красной палатах, Ханской усыпальнице, Малом городке. Будут продолжены архитектурно-археологические исследования, работа по консервации обнаруженных сравнительно недавно исторических объектов-руин: бани на берегу Волги, гончарных горнов, городской застройки у Соборной мечети, зданий рыночной площади.

В этом году планируется очистка «Рабига куле» («озера Рабиги») совместно с Министерством экологии и природных ресурсов РТ по республиканской программе развития водохозяйственного комплекса республики. В связи с объявлением 2013 года Годом охраны окружающей среды в России и Татарстане, Минтимер Шаймиев предложил Минэкологии разработать предложения о совместных с Фондом «Возрождение» мероприятиях в Болгаре и на острове-граде Свияжск.

В совещании приняли участие Руководитель Секретариата Государственного Советника РТ Евгений Гришин, глава Спасского муниципального района РТ Камиль Нугаев, исполнительный директор ГЖФ при Президенте РТ Талгат Абдуллин, генеральный директор ГУП «Татинвестгражданпроект» Адель Хуснутдинов, директор Болгарского музея-заповедника Рафаэль Махмутов и другие официальные лица.

А накануне Нового года на острове-граде Свяжжск случилось радостное событие — полностью завершён процесс переселения граждан из ветхого жилья в новые квартиры. 30 декабря состоялась торжественная церемония заселения трёх новых домов: двух многоквартирных, построенных в рамках программы переселения граждан из аварийного жилья, а также одного индивидуального, возведённого на средства Государственного жилищного фонда РТ. Таким образом, в Свяжжске с 2010 года жилищные условия улучшили 88 семей, в общей сложности 182 человека.

В связи с этим Республиканскому Фонду «Возрождение» поступило письмо от жительницы Свяжжска, текст которого мы приводим полностью: «Я, Гибалова Галина Ивановна, считаю себя коренной жительницей Свяжжска, так как прожила здесь 57 лет. Наверное, выражу мнение большинства свияжцев, сказав, что в последние годы наша жизнь кардинально изменилась. К великому сожалению, пришлось застать не лучшие времена, когда сообщение с «большой землёй» осуществлялось водным транспортом. Сложно передать словами те неудобства и тяготы жизни, с которыми приходилось мириться при всей видимой близости к третьей столице России: за водой приходилось ходить с коромыслом на колонку, электричество подавалось с перебоями, продукты приходилось хранить в погребах, ассортимент в единственном магазине оставлял желать лучшего. Особенно тяжело приходилось в распутицу, когда навигации не было, и мы оказывались отрезанными от мира.

Теперь же на реплики туристов: «Вы сейчас как в городе живёте!», с гордостью отвечаем: «Некоторые и в городе так не живут!»

Разительные перемены, которые произошли за последние два года, не укладываются в голову: дорог в Свяжжске не было никогда — теперь бульвары, крошечную тьму в ночное время сменило красивое цивилизованное освещение, ветхую пристань — современный речной вокзал, готовый принимать круизные лайнеры.

Естественно, «Москва не сразу строилась»; стройка была колоссальная, пыль целыми днями стояла столбом. Не верилось, что из котлованов, покосившихся сараев, заросших бурьяном пустырей возводится такая красота! Огромное спасибо руководству Фонда «Возрождение», Правительству РТ и всем причастным к возрождению острова. Уже два года я живу в благоустроенной квартире, о которой никогда не могла мечтать. Ещё раз выражаю признательность за все те блага, которые я получила лично и весь Свяжжск в целом, несмотря на некоторые недостатки и недочёты, допущенные при строительстве (не ошибается тот, кто ничего не делает). Надеюсь, что строительство и реставрация будут продолжены, а допущенные недостатки устранены в ближайшее время.

С глубочайшим уважением, учитель-пенсионер Галина Ивановна Гибалова, проработавшая в школе-интернате (коррекционная школа) 48 лет».

Казанский обозреватель

ДЕСЯТЬ САМЫХ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ФОНДА ВОЗРОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ЗА 2012 ГОД

1. В мае состоялось открытие в Болгаре Памятного знака в честь официального принятия ислама Волжской Булгарией в 922 году. Возведён как дань памяти предков, добровольно принявших ислам, ставший впоследствии основной религией татарского

народа. В музее, посвящённом данному великому событию, находятся выдающиеся ценности культуры и искусства: самый большой в мире печатный Коран, занесённый в Книгу рекордов Гиннеса, уникальное мозаичное панно, повествующее о дне принятия волжскими булгарами ислама в качестве государственной религии, записки Ибн-Фадлана, посетившего Волжскую Булгарию в 922 году, карта его пути из Багдада.

2. В том же месяце в Болгаре открыли Музей хлеба — историко-этнографический комплекс, интерактивный музей истории земледелия и производства хлеба на земле Татарстана, в котором воспроизводится быт деревенского жителя — с настоящими ветряной и водяной мельницами, деревенским домом с печью для выпечки хлеба и с надворными постройками, с домашними животными, амбаром, конюшней, хижинной кузнеца, колодезем, родником и озером. Здесь можно попробовать свежий хлеб, испечённый своими руками, поработать на мельнице, в кузнице или гончарной мастерской, почувствовать и понять величие труда земледельца.

3. Весной в Свияжске открыли Конный двор — современный туристский этнографический комплекс, созданный на базе восстановленного архитектурного памятника XVI века — конного двора Успенского монастыря. Все желающие могут побывать в ремесленных мастерских с гончарными станками, в кузнице, сувенирной лавке и ресторане, где можно отведать блюда русской национальной кухни. Гости могут покататься на лошадях или просто понаблюдать за ними в просторном манеже.

4. К началу лета в Свияжске закончены работы по благоустройству главных площадей, улиц и набережных города. Там воссоздана атмосфера уездного городка, коим долгое время являлся Свияжск. Благоустроены излюбленные места горожан и гостей острова: Рождественская и Успенская площади, главные набережные вдоль Конного двора и Богородице-Успенского мужского монастыря. Заложен новый яблоневый сад, саженцы для которого привезли из толстовской усадьбы «Ясная поляна» (представители знатного рода Толстых в XVII–XVIII веках были воеводами Свияжска).

5. Летом в дни празднования годовщины официального принятия ислама Волжской Булгарией «Изге Болгар жыены» открыли комплекс Белой мечети («Ак мәчет») — великолепный собирательный образ из лучших произведений мировой исламской архитектуры. Мечеть облицована белоснежным мрамором, что символизирует чистоту души и помыслов. Минареты выполнены в стиле минаретов мечети Пророка в Медине. Комплекс, включающий в себя медресе и резиденцию шейхуль-ислама, становится архитектурной жемчужиной не только Татарстана, но и всей России.

6. После завершения реставрации в середине июля на острове-граде Свияжск открыли единственную сохранившуюся приходскую православную церковь — святых равноапостольных Константина и Елены — памятник культовой архитектуры XVII века, созданный в традициях древнерусского каменного зодчества с элементами барокко. Храм возведён на месте деревянной церкви, выстроенной по велению царя Ивана Грозного, который по легенде высадил свои войска на остров Свияжск в День памяти святых Константина и Елены.

7. Впервые за всю историю ЮНЕСКО в начале июля в Татарстане осуществили Молодёжную модель Комитета Всемирного наследия. По инициативе Республиканского Фонда «Возрождение» в рамках 36-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, проходившей в Санкт-Петербурге, в Казани собрались представители 21-й страны-участницы Комитета. Эта новая инициатива пришлась по душе молодому поколению, которое наравне со взрослыми обсуждали номинации объектов, лучшие мировые практики сохранения и популяризации памятников, перспективы волонтерского движения в культурной сфере. Идею проведения Молодёжной Модели в таком формате поддержали страны, где будут проходить следующие сессии Комитета.

8. В октябре в Болгаре открыли Дом лекаря — единственный в России музей арабо-мусульманской медицины. Центральной темой в экспозиции музея стали сочинения Таджаддина ал-Булгари, выдающегося целителя Востока, раскрывающие роль Болгара и Волжской Булгарии как одного из центров развития науки, медицины и естествознания. В Ремесленных мастерских расположились промыслы, характерные для Волжской Булгарии: ткачество, кожаная мозаика, ювелирное дело, также в торговых рядах можно приобрести разнообразную сувенирную продукцию. Тогда же в Болгаре представили уникальное защитное сооружение, не имеющее аналогов в России, построенное над вновь выявленными археологами руинами Ханского дворца, который представляет собой музей под открытым небом и учебную площадку для учёных и исследователей. Благодаря скрупулёзной работе реставраторов, здесь можно увидеть не только руины дворца, но и части экстерьерного декора здания, а также другие крупные музейные экспонаты.

9. Осенью Болгар и Свияжск посетили эксперты консультативных организаций ЮНЕСКО — ИКОМОС, ИККРОМ и МСОП для оценки объектов, номинированных на включение в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Всеми экспертами положительно были отмечены приверженность стандартам Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, большой потенциал достопримечательных мест, а самое главное — всеобщий интерес к возрождению культурного наследия древнего Болгара и острова-града Свияжск.

10. Год закончился изданием при поддержке Республиканского фонда «Возрождение» фундаментального научного труда — атласа «Vulgarica. Время и пространство Болгарской цивилизации». Книга является серьёзным этапом международной координации исследований актуальных проблем татаро-болгарской цивилизации и включает в себя более 100 исторических карт, планов и схем, отражающих пространственную историю Болгарской цивилизации. В качестве иллюстраций использованы исторические реконструкции ведущих специалистов, фотографии предметов и конструкций из раскопок памятников Центральной Азии, Крыма, Кавказа, Балкан и Поволжья. Издание освещает всестороннюю деятельность руководства Республики Татарстан, Республиканского фонда «Возрождение», широкой общественности по возрождению древнего Болгара и острова-града Свияжск. Презентация Атласа состоялась в болгарском городе Варна в рамках IV Болгарского форума.

*По материалам сайта
фонда «Возрождение»
<http://yanarysh.tatarstan.ru>*

ДИНА И ЭЛЬМИРА — ЛУЧШИЕ ГОЛОСА РОССИИ!

Всероссийский телепроект «Голос» стал триумфальным для двух девушек из Татарстана — Дины Гариповой из Зеленодольска и Эльмиры Калимуллиной из Нижнекамска. Они стали лучшими!

Наставники Александр Градский, Леонид Агутин, Пелагея, Дима Билан отбирали ребят в свои команды буквально вслепую. Они сидели спиной к исполнителям. И критерий отбора был только один — голос.

После долгого конкурсного телемарафона в финал вместе с Диной и Эльмирой вышли Анастасия Спиридонова из Великих Лук и Маргарита Позоян из Краснодара. Именно эта великолепная и красивая четвёрка боролась за звание «Лучший голос России».

Дина потрясающе исполнила песню легендарной Эдит Пиаф «Non, Je ne regrette rien».

— Это удивительно... Я не понимаю, как ты это делаешь... Не понимаю... — потрясённо признался Дине её наставник в проекте Александр Градский.

Потом вместе с Александром Градским Дина спела песню на стихи Вероники Тушновой (замечательной поэтессы, родившейся в Казани) «Не отрекаются, любя». Это был, пожалуй, самый трогательный и пронзительный дуэт. По результатам зрительского голосования Дина набрала подавляющее количество голосов — за неё проголосовали 927 тысяч россиян, и она стала победительницей. Вместе с титулом «Лучший голос России» Дина получила главный приз проекта — контракт на запись альбомов с компанией Universal Music Group, где записывались многие мировые звёзды музыки.

О своём наставнике в «Голосе» — легендарном Александре Градском Дина говорит с большим теплом и признательностью:

— Александр Борисович называл меня «стойкий оловянный солдатик», потому что я всё воспринимала очень сдержанно и спокойно. Первые наши репетиции проходили так: мы все, 12 человек из его команды, приходили к нему домой и за чаем просто разговаривали, обсуждали песни, которые нам предстояло исполнять. Он относился к нам как к собственным детям, очень переживая за каждого из нас. Я боялась его подвести. Александр Борисович увидел в каждом из нас то, чего не замечал даже сам исполнитель. Со всеми поддерживает дружеские отношения и, при необходимости, всегда готов помочь! За время участия в проекте я научилась быстро брать себя в руки. Ещё раз убедилась в том, что за совершенно короткие сроки люди способны раскрыть в себе множество новых возможностей, о которых раньше, может быть, и не подозревали. За это ему огромное СПАСИБО!

После победы в «Голосе» у Дины было множество интервью, практически всех журналистов интересовали детали контракта с компанией Universal и то, какие песни войдут в дебютный альбом новой звезды.

— Надеюсь, что контракт не будет загонять меня в какие-то жёсткие рамки, а наоборот, поможет развиваться. Ведь цель компании именно в этом. Думаю, Universal невыгодно что-то ломать и менять во мне. Если зрителям понравилось то, что я делаю,

нет смысла сейчас всё это рушить и создавать другой образ Дины Гариповой. О том, что будет в альбоме, пока не задумывалась. Хочется, чтобы на диске в основном были авторские композиции и звучали песни на русском, английском и татарском языках.

Дина — студентка пятого курса факультета журналистики КФУ. Как у будущего журналиста у неё, естественно, возникла идея написать книгу о нескольких месяцах своей жизни, которые она провела на «Голосе». Наверняка многим будет интересна «кухня» этого уникального телевизионного проекта. Дина призналась, что неизвестно, хватит ли у неё эмоций и слов на целую книгу, но опытом участия в конкурсе и своими переживаниями поделиться хочется. Да и просто рассказать и на собственном примере доказать тем, кто только-только начинает свой путь в творчестве, что в жизни можно многого добиться.

Но на этом приятные сюрпризы не закончились. На следующий день после финала конкурса Президент Татарстана Рустам Минниханов подписал указ о присвоении Дине Гариповой и Эльмире Калимуллиной звания заслуженных артисток Татарстана.

— Для нас это стало полной неожиданностью. Я прыгала от радости, потому что звание «Заслуженный артист Татарстана», — призналась Дина, — это такая честь и ответственность. И получить его в 21 год очень почётно.

Вручая девушкам дипломы о почётном звании в казанском Кремле, глава республики сделал им ещё один неожиданный подарок — Дина и Эльмира получили из рук Рустама Минниханова сертификаты на новые квартиры.

Эльмира Калимуллина заняла в итоге второе место, тем не менее на родине её встретили как победительницу. После приёма в Кремле она подтвердила журналистам, что жильё им с Диной предоставили в Казани. Но пока всё это на уровне документального оформления.

Эльмире Калимуллиной 25 января исполнилось 25 лет. В прошлом году она окончила факультет вокала Казанской консерватории имени Н. Жиганова, кроме того получила второе высшее образование — на заочном отделении Казанского федерального университета (институт экономики и финансов). И теперь мечтает о сольной карьере. За время участия в проекте «Голос» она близко сошлась со своим куратором — популярной певицей Пелагеей. И теперь они постоянно созваниваются. А 25 февраля в рамках гастрольного турне Пелагея приезжала в Казань и пригласила Эльмиру Калимуллину спеть на концерте дуэтом.

В отличие от Эльмиры, Дина Гарипова вокалу не училась профессионально. Она была самой юной участницей телепроекта «Голос», ей сейчас 21 год. Её родители работают в сфере медицины, а брат Булат — в Театре песни «Золотой микрофон». Дина поёт с детства. И многого добилась благодаря участию в республиканском телевизионном молодёжном фестивале эстрадного искусства «Созвездие-Йолдызлык», который уже много лет проходит у нас в республике под личным патронажем Президента Татарстана — сначала Минтимера Шаймиева, сейчас — Рустама Минниханова. После победы на первом канале Дина Гарипова дала сольный концерт в родном Зеленодольске, чтобы поблагодарить земляков за поддержку её кандидатуры в зрительском голосовании.

Дине одинаково легко даются любые жанры — эстрада, фолк, поп, татарская песня, джаз, классика, рок и этно. По признанию певицы, от руководства фестиваля «Созвездие-Йолдызлык» она всегда ощущала большую поддержку. Так, имя Дины Гариповой было включено в список талантливой молодёжи на президентский грант. И такая многолетняя и плодотворная поддержка талантливых ребят на государственном уровне принесла ошеломляющий результат — победу во всероссийском проекте «Голос».

Ольга ИВАНЬЧЕВА

ЛОБАЧЕВСКИЙ И ПОЭТЫ, ИЛИ НЕЕВКЛИДОВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Когда около двух лет назад я начала озвучивать окружающим идею поэтического фестиваля имени Лобачевского, реакция была двоякой: или переспрашивали, а при чём здесь Лобачевский и приходилось с некоторым недоумением проводить очевидную, на мой взгляд, параллель между пространственной геометрией и поэзией, или сразу радостно подхватывали мою мысль. Среди последних были Равиль Бухараев, Шота Иаташвили, Юрий Володарский, Евгений Степанов, Андрей Корвин и, конечно, Алексей Остудин.

Теперь, когда Международный поэтический фестиваль имени Н. Лобачевского состоялся во второй раз, можно сказать, что он стал традиционным и органично вписался в культурную жизнь третьей литературной столицы России. О нём пишут в российских СМИ, поэты хотят в нём участвовать.

Немного о концепции фестиваля. Оригинальность и перспективность данного проекта состоит в синтезе поэтического и научного начала в формате одного поэтико-научного форума, который позволяет объединить учёных и поэтов и продолжает сложившуюся ещё во времена Н. И. Лобачевского традицию проведения совместных вечеров «Общества любителей отечественной словесности» в Казанском университете, на заседаниях которой читали свои стихи не только поэты, филологи, но и математики. Известно, что и Н. И. Лобачевский писал стихи, а его любимый преподаватель — Николай Ибрагимов читал курсы словесности и геометрии, а также был признанным поэтом, автором стихов песни «Во поле берёзонька стояла...» Закономерно, что именно в Казани — в городе с богатыми культурными, научными и поэтическими традициями, связанными с именами Гавриила Державина, Велимира Хлебникова появился фестиваль, который поможет объединить физиков и лириков, поверить «алгеброй гармонию».

Геометрия Лобачевского стала для нас символом выхода за рамки обычного, преодоления границ банального и общепринятого. Образно говоря, неевклидова геометрия с пересечением параллельных и есть суть поэзии. Ведь поэты заставляют пересекаться непересекающиеся образы и понятия. К тому же в самом Лобачевском помимо гениальности присутствовал дух свободомыслия, независимости, человеческого достоинства, и это роднит его с природой поэзии как таковой.

Открытие фестиваля прошло в роскошном отреставрированном особняке XIX века. «Неевклидовый» характер форума мы постарались внести с первых же минут. Звучала музыка одного из самых авангардных композиторов XX века Софьи Губайдуллиной. Продолжил тему фильм «Воображаемый Лобачевский», в котором не только освещались ключевые моменты биографии ученого, но и были изложены в доступной форме основные постулаты пространственной геометрии. Звучали приветственные речи, вспоминали великого математика — праздничный формат открытия диктовал торжественность. В числе приглашённых в этом году был известный поэт и организатор фестивалей в Польше Александр Навроцкий. Он произнёс вдохновенную речь о том, что математика является царицей наук, а поэзия — царицей душ. И, в сущности, каждый человек в душе является поэтом. Евгений Степанов говорил о том, что фестиваль по праву можно назвать литературно-практическим, так как уже увидел свет сборник материалов конференции, включающий в себя доклады прошлого и нынешнего года, что случается не так уж и часто.

На «Вечере неевклидовой поэзии» свои произведения прочитали Максим Гликин (Москва), Майя Шереметева (Санкт-Петербург), Нури Бурнаш (Казань), Марина Кулакова (Нижний Новгород), Наиль Ишмухаметов (Казань), Рустем Сабилов (Ка-

заны), Вадим Гершанов (Казань), Дмитрий Чернышёв (Санкт-Петербург), Эдуард Учаров (Казань), а также татарские поэты Джаудат Сулейман, Юлдуз Миннуллина, Рузаль Мухаметшин.

Не стало дежурным мероприятием и возложение цветов к памятнику Лобачевскому 1-го декабря, в день его 220-летия. Накануне вечером выпал долгожданный снег, а с утра был туман, и мы увидели удивительную картину — в морозной дымке неясно угадывались силуэты многоэтажных зданий филфака и физфака Казанского университета и Национальной библиотеки Татарстана, а облик Лобачевского, напротив, был очень отчётлив. Казалось, что он, склонив голову, благосклонно внимает моей простодушно-пафосной речи, с которой я обратилась к нему от всех участников фестиваля.

Вопросы современной литературы и культуры в разрезе естественно-математических, философских и исторических исследований рассматривались на научно-практической конференции «Влияние неевклидовой геометрии на художественное сознание», где прозвучало более десятка интереснейших докладов. В сообщении профессора философии Натана Солодухо «Что общего между математикой как наукой и философией как литературой» утверждалась мысль о том, что медиумом (проводником) между математикой и поэзией выступает философия. Восторг и даже бурные аплодисменты зала сопровождало выступление казанского философа Фана Валишина «Онтологический императив и проблема положительного героя». На одном дыхании выслушали поэта и философа из Нижнего Новгорода Марину Кулакову с исследованием «О том, как олениха-важенка, небесная хозяйка, превратилась в двухглавого орла, или «оленья» и «орлиная» символика в российской геральдике». Многие впервые задумались о странности российского герба, а двухглавый орёл назывался мутантом, ведь в природе такого просто не существует. Личность Лобачевского также становилась объектом исследований поэтов и учёных. Об этом — выступления доцентов Казанского университета Альфии Галимуллиной («Н. И. Лобачевский в контексте просветительского движения в России и Казани XIX века») и Айрата Бик-Булатова («Образ Лобачевского в русской поэзии»). Присутствующие многочисленные студенты казанских вузов мужественно проявляли неослабевающий интерес к докладам на протяжении всей конференции. А каждое выступление вызывало вопросы.

В рамках литературного форума прошли творческие встречи с поэтами: Дмитрием Тонконоговым (Москва), Игорем Паниным и прозаиком Анастасией Ермаковой (Москва), Александром Навроцким (Польша), Андреем Сизых и Артёмом Морсом (Иркутск), презентации книг Евгения Степанова («Диалоги о поэзии», «Профетические функции поэзии, или поэты-пророки»), Татьяны Данильянц («Красный шов»). Артистично и вдохновенно представил санкт-петербургский поэтический альманах «Сорокопут» (Lanius Excubitor) поэт Дмитрий Чернышёв.

Круглый стол «Геометрия гармонии», который вели поэт, заведующий отделом поэзии журнала «Арион» Дмитрий Тонконогов и критик, редактор отдела прозы и публицистики журнала «Кольцо А» Елена Сафронова, начавшись с лёгкой заминки, перешёл в бурное обсуждение вопроса, необходима ли «система координат» при оценке текстов. Дмитрий Тонконогов говорил о том, что руководствоваться нужно исключительно собственным поэтическим вкусом.

Особую красочность фестивалю придал проект «Фотопоезия» Лидии Григорьевой. Год назад его представлял Равиль Бухараев. Все дни фестиваля участники вспоминали его с особой теплотой и уважением.

Культурная программа была насыщенной и включала экскурсии по музею истории Казанского университета с посещением зала, полностью посвящённого Н. И. Лобачевскому, по Дому-музею писателя Василия Аксёнова, по Национальному музею Республики Татарстан, крупнейшему музейному хранилищу страны, которое находится в самом центре Казани и занимает здание бывшего Гостиного двора. Гости и участники познакомились с многочисленными экспонатами, отражающими историю, культуру, традиции народов Татарстана, а также древнейших мировых цивилизаций.

Говорят, что самое интересное в любом мероприятии происходит в кулуарах. Хочется верить, что наш фестиваль и стал теми самыми Кулуарами, где происходили и радость общения, и взаимообогащение, в результате чего появятся новые стихи, новые идеи, новые проекты. И хочется надеяться, что фестиваль Лобачевского будет развиваться, набирать с каждым годом всё большую силу и масштабность, доказывая неразрывную связь математики и поэзии, науки и искусства.

Лилия ГАЗИЗОВА,

автор проекта и организатор международного поэтического фестиваля им. Н. Лобачевского

ОН УШЁЛ В ЯНВАРСКИЕ МЕТЕЛИ...

25 января в Союзе писателей Республики Татарстан прошёл вечер памяти поэта, драматурга, прозаика Равиля Бухараева.

Почтить память поэта пришли друзья, близкие, коллеги, почитатели творчества поэта: председатель Союза писателей РТ Рафис Курбанов; председатель Союза театральных деятелей РТ Фарид Бикчантаев, председатель Союза художников РТ Зуфар Гимаев, ректор Казанской консерватории Рубин Абдуллин, заслуженная артистка РФ, народная артистка РТ Лия Загидуллина; народный артист РТ Эдуард Трескин; народный поэт РТ Ренат Харис и другие.

Равиль Раисович Бухараев родился 18 октября 1951 года в Казани. Сын выдающегося учёного Раиса Гатича Бухараева. В 1974 году окончил механико-математический факультет Казанского государственного университета, а в 1977 году — аспирантуру ВМК МГУ по кибернетике. Бухараев начал печататься с 1969 года. В 1977 году стал членом Союза писателей СССР. В 1990 году уехал в Великобританию. В 1992–2007 годах работал штатным сотрудником «Русской службы ВВС».

Равиль Бухараев состоял в ПЕН-клубах Венгрии и США, Всемирной академии искусства и культуры (Калифорния — Тайвань), Международной академии поэтов (Мадрас), Европейском обществе культуры (Венеция). Поэт писал на русском, татарском, английском и венгерском языках. Переводил произведения татарских поэтов, печатался как критик в журнале «Новый мир» и многих других. Равиль Бухараев — заслуженный деятель искусств Республики Татарстан (2001), обладатель премии журнала «Сельская молодёжь» — медали «Золотое перо» (1983), лауреат премии ТАССР имени М. Джалиля (1986) и Государственной премии РТ имени Г. Тукая (2006).

18 октября 2011 года в Казани состоялся праздник поэзии, посвящённый 60-летию со дня рождения Равиля Бухараева и 40-летию его творческой деятельности. Бухараеву был вручён орден Единения Организации Объединённых Наций за заслуги в области объединения человечества, к которому он был представлен посольствами Российской Федерации в Бельгии, Франции, Люксембурге, Голландии.

Последнее выступление на публике связано с участием в Международном поэтическом фестивале имени Н. Лобачевского в Казани в начале декабря 2011 года. 24 января 2012 года поэт скончался в Лондоне на 61-м году жизни.

А ровно через год в обновлённом после реконструкции зале Союза писателей РТ на ул. Муштары собрались друзья и почитатели таланта Равиля Бухараева. Специально к этой дате в первом номере журнала «Казань» за 2013 год вышла подготовленная вдовой поэта большая подборка воспоминаний близких и друзей, а также стихи Равиля Бухараева и Лидии Григорьевой. На вечер памяти в Казань сама она приехать не смогла, однако прислала видеозапись своего выступления.

Очень тепло отзывалась об этой удивительной паре их давняя подруга — известная казанская телеведущая, заслуженная артистка РФ, народная артистка РТ Лия Загидуллина. В частности, Лия Михайловна вспоминала их общую поездку в Индию, где Равиля Бухараева встречали как видного деятеля ахмадийской мусульманской общины.

Ректор Казанской консерватории Рубин Абдуллин рассказал, о чём они с Равилем Бухараевым говорили, когда тот приезжал в Казань. И признался, что до сих пор старается себя убедить, что друг просто уехал в Лондон, к себе домой, что когда-нибудь он ещё приедет...

Но самым глубоким и эмоциональным выступлением, пожалуй, стало на вечере памяти слово народного поэта РТ, лауреата Государственной премии РФ Рената Хариса, стихи которого в последние годы Равиль Бухараев много переводил. Ренат Магсумович показал, насколько многогранна и широка была личность ушедшего поэта, прочитал стихи друга на русском и татарском языках.

В заключение артисты Татарского театра кукол «Экият» сыграли перед зрителями отрывки из драматических произведений Равиля Бухараева.

Казанский обозреватель

«МЫ СЕБЯ ЭПОХОЮ МЕРИЛИ...»

Когда позади 85 лет, любому найдётся, что вспомнить. Но не у каждого жизнь окажется столь насыщенной и наполненной педагогической, научной, литературной и общественной деятельностью, как у Натальи Александровны Вердеревской.

Её юбилейный вечер под названием «И я оглядываю путь, страной и мною пройденный...» прошёл 25 января в библиотеке Серебряного века Елабужского государ-

ственного музея-заповедника. С ним Н. А. Вердеревскую в последние годы связывает очень многое. Музей-заповедник выпустил три её сборника. А Наталья Александровна, в свою очередь, является неизменным членом жюри литературной премии имени Марины Цветаевой и конкурса чтецов поэтических произведений Серебряного века. Её приглашают в музей-заповедник на творческие встречи, литературные вечера, серебряные балы, презентации книг, Цветаевские чтения и костры.

Жизнь Н. А. Вердеревской оказалась очень тесно переплетена с судьбой страны и, в частности, с такими драматическими и переломными страницами её истории, как годы репрессий, Великая Отечественная война, XX съезд КПСС, хрущёвская оттепель, период застоя, перестройка. Не случайно юбилейный вечер был построен таким образом, что воспоминания Натальи Александровны о своей жизни в 30-е, 40-е, 50-е годы и последующие десятилетия следовали после того, как ведущая делала экскурс в историю, называя происходившие в стране наиболее значимые события тех лет.

А начала Н. А. Вердеревская свой рассказ с глубокой старины, когда её предок татарин Салхомир вышел из Золотой Орды в Рязанское княжество и стал основателем нескольких дворянских родов. В частности, уже его внук носил фамилию Вердеревский по городку Вердереву, который он получил во владение от Олега Рязанского. Несмотря на то, что отец Натальи Александровны, председатель Ульяновского горсовета, был в 1938 году расстрелян, а мать после пяти месяцев заключения вышла на свободу с отметкой в паспорте, запрещавшей жить ближе 100 километров от столиц и крупных городов, две их дочери смогли получить высшее образование, а Наталья Александровна защитила кандидатскую диссертацию.

В Елабугу она приехала в 1955 году, решив перебраться из Сибири, где работала по распределению после вуза, в один из небольших институтов европейской части России. Через десять лет приняла заведование кафедрой русской и зарубежной литературы Елабужского пединститута, которая в годы её руководства была одной из лучших литературоведческих кафедр страны. Сама Н. А. Вердеревская об этом примечательном факте, конечно, не упомянула. Но на юбилейном вечере присутствовали те, кто когда-то были её студентами, а затем стали коллегами по кафедре. Например, А. И. Разживин, который рассказал, что Наталья Александровна отдала старейшему вузу Елабуги более 40 лет своей жизни и по праву носит звание его почётного профессора. Она — автор десятков научных статей, нескольких литературоведческих книг, выходящих в издательствах Москвы, Казани и Куйбышева. «Мы Наталью Александровну очень любим, уважаем и до сих пор считаем своим руководителем, — сказал он. — Мы до сих пор даём ей на рецензию наши статьи, сборники и учебники».

В свои 85 лет Н. А. Вердеревская является членом редколлегии и одним из самых активных авторов литературного журнала «Аргмак. Татарстан», где, по словам его главного редактора Николая Алешкова, «почти в каждом номере появляются её безупречные по стилю и языку материалы». Среди них — поэтические произведения.

Стихи Наталья Александровна начала писать ещё в юности. Однако первый её поэтический сборник вышел довольно поздно — после семидесятилетия. Зато потом они начали публиковаться с завидной периодичностью. Но, очевидно, впервые именно на юбилейном вечере была сделана попытка литературоведческого анализа её творчества. Неожиданная для всех и, наверное, вдвойне приятная для Н. А. Вердеревской, поскольку исходила она от собрата по перу, елабужского поэта Евгения Поспелова.

«Образ мысли и образ жизни, — сказал он, — нравственные убеждения и пристрастия эстетические, судьба и время, в конце концов эпоха, создавшая нас и созданная нами, эпоха, итог которой до сих пор не подведён и вызывает ожесточённые споры — я вас уверяю: всё это есть в книгах и книжках, вышедших из-под уверенного пера Натальи Вердеревской».

И ещё одно короткое замечание из его пространного выступления: «... используя образ Марины Цветаевой, ответственно заявляю: как хорошие коньяки и вина, многие стихи Натальи Александровны Вердеревской от времени становятся только лучше, приобретая, судя по всему, дополнительное содержание подобно свидетельству очевидца, увидевшего, услышавшего и понявшего более, чем все те, кто глазел на этот очень сложный мир бездумно и равнодушно».

25 января совпало не только с Днём российского студенчества, обучению которого Н. А. Вердеревская посвятила многие годы своей жизни, но и 75-летним юбилеем Владимира Высоцкого. К нему у Натальи Александровны отношение особое. В 2001 году Татарстанское отделение Союза российских писателей выпустило её замечательную книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», где с присущей зоркостью литературоведа, поэта и гражданина Вердеревская раскрыла такие темы, как «Сквозные символы», «Вторая коллизия», «Многосложность поэтического «я», «Поэт и время». И, зная это её пристрастие, участники юбилейного вечера подготовили и исполнили несколько песен самого Владимира Семёновича, на его стихи и, наконец, о нём — под названием «Колокол Высоцкого в Челнах».

Прозвучали официальные поздравления от Татарстанского отделения Союза российских писателей, редакции газеты «Республика Татарстан», Елабужского государственного музея-заповедника, Елабужского уездного дворянского собрания. Но больше всего было тёплых, сердечных поздравлений от поэтов и музы-

кантов, бывших студентов и коллег, друзей и многочисленных почитателей. Ей читали новые стихи и шуточные поэтические посвящения Николай Алешков, Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, Евгений Поспелов, Анатолий Разживин. А Александр Тарасов исполнил песню «Анна», музыку к которой он написал на стихи Н. А. Вердеревской. Каждый раз Наталья Александровна слушает её с нескрываемым удовольствием и радостью, ведь в ней говорится и поётся о самом близком и дорогом для неё человеке:

Зима пришла не вовремя,
Негаданно-нежданно.
Метёт метель за окнами
Четвёртый день подряд.
Мне мнится: в дымном облаке
Скользит, как призрак, Анна.
Святая иль пророчица –
Так люди говорят.

Есть имена неброские,
Немодные и милые,
В чьи именины помнится
Почти что ни о ком.
Они пропахли росами
(А может даже миррою),
Горчинкой тополиною
Да летним холодком.

А в этом старом имени –
Дыхание пустыни,
Звезда над древним городом,
Пастушеский напев.
В нём ветер струны трогает
В старинном клавесине,
Свидетеле печалей
Ушедших королев.

Зиме ещё пять месяцев
Трудиться неустанно,
А что позднее сбудется –
И предсказать нельзя.
Летающею походкою
Идёт по свету Анна,
Над временем, над вечностью,
Над пропастью скользя.

На этом вечере и сама Наталья Александровна читала свои последние стихотворения. Жизнь продолжается, даруя новые встречи, темы, поэтические озарения...

Людмила ПАХОМОВА

«ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА», ИЛИ В ОТСУТСТВИЕ ЗООФИЛА

В конце января в Воронеже на площади возле кинотеатра «Пролетарий» случилось полное безобразие: благонравные горожане едва не втоптали в асфальт представителей сообщества гомосексуалистов и лесбиянок. Чем же вызвано такое бурное негодование людей самых обычных, в нравственном смысле — традиционных? В ближайшие дни в Госдуме предполагался к рассмотрению закон, запрещающий пропаганду однополрой любви среди детей.

По мнению «голубой» и «розовой» части российского населения (в таком контексте слово «народ» мало подходит), это коренным образом нарушает их права. Кратко, примерно такие: открыто жить гомосексуальным укладом, иметь детей (любопытно, откуда они у них возьмутся — придётся, очевидно, идти на поклон к проклятым го-мофобам). И официально регистрировать браки.

Шесть сторонников любви, непонятной подавляющему большинству в России, громко утверждали, что в миллионном Воронеже сегодня их 200 тысяч. К примеру, зашёл в магазин — впереди в очереди четыре человека, значит, один из них — точно «необыкновенный». Лесбиянка посмотрит на тебя с презрением, гомосексуалист — ласково, и радушно улыбнется: мол, давай — к нам! И станет как-то кисло: сосиски покупать не захочется — всё-таки, по Фрейду, фаллический символ, а охлаждённые куры уже достаточно опошлены бойкими сторонницами гетеросексуализма без границ из группы «Пусси райт».

На самом деле, всё иначе: людей с «голубой» и «розовой» кровью в России достаточно мало — даже с учётом разного рода «симпатизантов», наподобие Познера и Парфёнова. Кстати, почему бы им не взять для внучки учительницу иностранного языка, по пристрастию — последовательную лесбиянку, а для внука — преподавателя физкультуры, жёсткого и строгого гомосексуалиста? Вот это — вряд ли! В домашнем распорядке подобных людей все роли определены традиционно, однако такие права — исключительно для внутрисемейного пользования.

Правозащитная истерия однополых любовников призвана опрокинуть старый институт семьи и сконструировать новый, в котором дети окажутся самой уязвимой частью. То есть человек, у которого сознание и либидо искажены именно таким образом, не станет жалеть дитя и беречь его от содомии. Потому что он сам — нагл и эгоистичен, а все прочие для него или гомосексуальные подопия, или враги.

Между прочим, великий итальянский режиссёр Лукино Висконти был склонен к однополым отношениям, однако в фильме «Гибель богов» показал всю мерзость штурмовиков Рема, открытых содомитов. И выкрик гомолюбов «фашисты» в адрес негодующей толпы на воронежской площади стоило бы отнести к самим пикетчикам. Именно они хотят опрокинуть всю прежнюю историю России, разрушить армию и сломать хрупкий межэтнический мир на огромных просторах нашего государства, загнать народное большинство в нравственную пропасть. И зачистить эту древнюю землю не только от людей с памятью и ответственностью, но и от самого непостижимого духа, которым живёт человек, продолжая свой род в детях и внуках.

Утверждая свои разноцветные права, лукавые крикуны умалчивают о том, что однополая «весёлая семейка» — только этап в последовательном разрушении современного человека. На очереди — тотальная изоляция детей от родителей, что уже сегодня демонстрируют нам активные сторонники и «держиморды» ювенальной юстиции. И как следствие — формирование детского самосознания по усмотрению вышестоящей инстанции. Одновременно — запрет на передачу сирот в православные приюты, истеричные крики: «Не отдадим детей попам!»

Ну, а сейчас к борьбе за свои интересы вполне могут подключиться и деятельные зоофилы. В 1997 году в Сан-Франциско вместе с любимыми собаками они были частью торжественного гей-парада, посвящённого столетию борьбы за «сексуальное освобождение». Как говорится, во время праздника «не одно животное пострадало».

Однако сегодняшний Воронеж определённо не захотел идти в ногу с американской столицей воинствующего порока.

Полиция, охраняя пикет сублильных «революционеров», страшно далёких от народа, кажется, преодолевала внутреннюю брезгливость — какая-то неловкость не сходила с грубоватых лиц плечистых мужиков в камуфляже.

Непонятых гомосексуалистов и лесбиянок «бесчувственная» толпа забросала снежками, а могла бы и всерьёз помять, как это случилось в эротически легкомысленной Франции с участницами группы «Фемен» на многолюдной демонстрации против юридической легализации однополых браков.

Бронзовый великий русский поэт Иван Никитин, погружённый в тяжкую думу, был единственным молчаливым свидетелем воинственного бреда растленных правозащитников и ответного народного гнева.

Уже в который раз за последние годы нам озвучивают в той или иной форме циничную мысль: «Народ — не тот, не подходит!» Что ж тут сказать... Народ — большой и подходит постепенно. А когда соберётся — мало не покажется никому.

Но сегодня — я люблю тебя, Воронеж!

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Читательская почта

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

* * *

Судьба или просто случай свели меня с журналом «Аргмак» № 3 (12) – 2012. Для меня, живущего многие годы в Италии, все российские литературные издания, попадающие в руки, становятся интересным событием, даже во времена тотального вездесущего Интернета.

От событий минувшего «Аргмак» ведёт читателя к современности, и снова публицистика сменяет поэзию, приводит к живописи и поистине остаётся в вечности через рассказ о жизни знаменитого российского художника Константина Васильева, картины которого, раз увидев, уже невозможно забыть.

Потом, как волна, «Аргмак» выбрасывает читателя на берег повседневной, нередко унылой действительности в рассказе А. Карелина «Скорбь», повествующего о современности. К сожалению, уже никого не удивляет хватка российского капитализма, сметающего на своём пути людей и целые поколения — с их прошлым, с их представлениями о жизни, с её традициями и устоями. В рассказе идёт речь о последних днях старой деревушки, где ещё теплится жизнь доживающих свой век стариков-пенсionеров и пьющих безработных мужиков, предприимчивых баб. Их выселяет с нажитых мест строительная компания, получившая подряд и выкупившая землю, на которой стоит деревушка, для будущей коммерческой застройки. Главный герой рассказа, одинокий пенсионер дед Емельян, который поначалу противится представителю

новых хозяев и даже собирает сельское сопротивление, простоявшее, правда, всего одну ночь и развеянное после сожжённых машин сельчан, которыми они после деревенского вече решили перегородить дорогу от техники строительной компании. Гарь горечи витает в воздухе и пробивается в души читателей. Брошенные, никому не нужные сельчане покидают деревню и растворяются в шуме мегаполиса. Что ждёт в будущем это поколение, как бы звучит вопрос? Вопрос риторический, но ответы у всех разные.

Воистину апогеем «Аргмака» становится повесть С. Грачёва «Племянник». Это, на мой взгляд, самое интересное произведение альманаха. Главный герой «Племянника» — тёзка автора Серёжа — молодой и в то же время зрелый человек. Его речь, мысли, суждения, логика, предсказания притягивают к нему людей с их проблемами, думами, вопросами и страхами. Дядя Сергея помогает и в то же время использует ребёнка, открывая ему в своей фирме своеобразное бюро помощи нуждающимся по любым вопросам. Деятельность самой фирмы, которая занимается продажей на улице всякой всячины, схожа с тем, что по приезду в первопрестольную продавал будущий богатейший человек Англии, и Серёжа, с его вселенским подходом к проблеме пришедших к нему граждан, начинает играть значительную роль в бюджете компании дяди Юры. Воистину от простого до великого один шаг, одна дверь в межкомнатном пространстве лотошного бизнеса. Нет, не думайте, что это повесть о том, как стать богатым, это произведение о хорошем и добром началах в душах соплеменников, мечтающих изменить мир к лучшему. «Песок — это люди, — по словам Серёжи, — ...намывает их в Москву с севера, юга и востока. А тех, кто здесь родился, сносит на запад», — говорит мальчик об изменении демографии России. Сама лексика героев Грачёва поражает. Учительница главного героя называет его «фиалковый». Со страниц повести врывается живая речь московской жизни. Она не просто оживляет, она ошарашивает: «Клёвый эффект, как в «Матрице», Мартышка, пойдём, покурим. И похоячим вместе...» Слышится гул ресторанов и дискотек, это растёт и крепчает новое поколение России, которое в скором будущем встанет у её руля. Интересны слова Серёжи о Боге: «Бог — не юрист, и вопрос так не стоит: виновен не виновен, наказать не наказать, вопрос стоит чисто по-хозяйственному: пригоден — непригоден». Кажется, для молоденького оракула нет запретных тем, и на всё у него есть ответ.

Конечно, многие юноши, сутками не вылезая из Интернета, читают и узнают то, что не в силах донести до них ни пресса, ни телевидение. Им кажется, что они всё знают, найдут ответ нажатием клавиши, выберут самый верный, самый правильный пружинчик. Серёжа совсем не такой. Даже если он выступает как прорицатель, будущий маг и чародей, как человек совершенно непохожий на советских и перестроечных людей. Серёже ничто человеческое не чуждо, он просит у дяди Юры заработанные им деньги, чтобы помочь девушке, с которой он познакомился на просторах всемирной международной сети. Узнав, что его знакомая больна, он срочно переводит ей деньги для операции.

Доброта и искренность героя радуют, вселяют надежду. В конце повести мальчик приходит в храм, и это самое лучшее для такой светлой души, как Сергей.

Когда человек влюбляется, он часто начинает писать стихи. Журнал, начиная с предисловия, пронизан подлинной поэзией: поэзией Цветаевой, подробным отчётом о научно-практической юбилейной конференции в Елабуге, посвящённой творчеству Марины Ивановны, с первых страниц задаётся лирический, одухотворённый тон всего издания. В авангарде издания стоит очерк Николая Дорожкина «Скифская война», повествующий о временах Отечественной войны 1812-го года.

«Аргамак» порадовал не только внешне, но и... чисто механически: берёшь журнал в руки, и не хочется его выпускать, а, открыв и полистав, решаешь — прочитать его от корки до корки. Что я и сделал.

Владимир ЗВАННЫЙ,
г. Больцано, Южный Тироль, Италия

* * *

Очень впечатляет литературный журнал «Аргамак», выходящий в Набережных Челнах и Казани своим собственным, идентичным, разножанровым голосом, озвучивающим культурно-литературные ценности и проблемы прошлого и современного времени! Особенное внимание заслуживает привязанность татарстанских и российских авторов к классическому и икононизированному образу, ассоциированному с русской культурой и языком в России и за рубежом — Марине Цветаевой, чьи поэтические произведения продолжают вдохновлять и окрылять современных писателей и поклонников поэтессы.

Дополнительным и отличительным качеством журнала «Аргамак» являются его страницы, посвящённые самым недавним культурным событиям, происходящим в стране, участие в которых принимают различные талантливые представители населения: писатели, поэты, музыканты, звёзды эстрады...

Репродукции избранных картин выдающегося русского художника Васильева (уделившего значительное время своей жизни исследованиям истоков русского искусства с акцентом на вечности и священности), тоже эксклюзивно опубликованы в журнале «Аргамак».

Очень впечатляет название раздела «Музы русской поэзии», в котором собраны произведения современных поэтов.

Не менее поэтичными названиями альманаха обладают разделы «Родом из детства», «Званные гости из Волгограда», «Мама, почитай», от которых веет ностальгическими воспоминаниями авторов, гостеприимством и теплом.

Привлекает большое внимание название и содержание главы «Современная повесть», в которой любопытный читатель может почерпнуть много интересной информации о современной русской жизни, культуре, образе мышления и языке (на примере главных героев повести Сергея Грачёва «Племянник»).

«Чтение с пристрастием», «Литературные штудии», «Очерк» и «Неформат» вносят дополнительный вклад в жанровое разнообразие журнала.

Елена СМИТ, г. Шоу Лоу, штат Аризона, США

* * *

Сейчас изучаю «Аргамак». Я наткнулась на него случайно. Умнички! Очень хороший журнал. Присутствует всё, что положено, вплоть до обратной связи с читателем. Есть место юным талантам, юмору, классикам, начинающим. Я направлю его на конкурс «Лучшая книга года» в Берлине в номинацию «Альманахи».

Татьяна ОКОМЕНЮК, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

* * *

Дорогой Николай!

Получил журнал № 3 за этот год. Наконец-то выбрал время прочитать его. Как всегда, порадовали многие публикации. Начну с прозы. Понравились повести А. Карелина

«Скорбь», С. Грачёва «Племянник». Авторы «разновозрастные», но оба ярко показали жизнь растянувшихся почти на четверть века нескончаемых реформ, в которых живут герои их произведений. Теплотой и лиричностью веет от рассказов Р. Башара «Гнездо соловья», У. Бадретдинова «Буй». Свежесть взгляда, лёгкий незамутнённый слог.

Порадовали и «Литературные штудии», исследование В. Михайлова «Один меж небом и землёй» о Лермонтове. Мне кажется, автор нашёл новое в прочтении классика. «Лермонтоведение» значительно обогатилось! И это ещё раз доказывает, что нет исчерпаемых тем в литературе, тем более в литературоведении. Достоин внимания и короткое эссе В. Улитина «Николай Рубцов и дети». Это ещё малоизученная страница в творчестве русского самородка.

Поэзия представлена уже знаковыми именами, прекрасными подборками стихов Е. Семичева «Защитники Отечества», Д. Кан «Меж восторгом и стоном». Правда, название цикла не очень удачное. Несёт цвет «желтизны», что в целом не соответствует талантливым стихам поэтессы.

Болью за Россию, за русского человека дышит каждая строка стихов Н. Зиновьева. Здесь меня сильно тронули твои слова, Николай, как главного редактора «Аргамак», во вступительной заметке к подборке Н. Зиновьева «Дождаться воскресенья»: «...Поэты не нужны чиновникам и олигархам, поскольку заставляют читателей думать, будоражат болото теперь уже «демократического» застоя (вне зависимости от искусственно созданных протестов на Болотной площади)». Сказано очень точно... И с этим, конечно же, нельзя мириться, как и не смиряется своим совестливым творчеством Н. Зиновьев.

Хороши, заслуживают доброго внимания и многие другие рубрики журнала: детские стихи Б. Вайнера, искусство, публицистика, рецензии на изданные книги в разных городах России. Вот уж чего не увидишь, того не увидишь нынче ни в одном толстом столичном журнале.

Прекрасное оформление, формат, в каждом номере новые имена, так и хочется подержать журнал в руках, раскрыть и читать, читать...

Николай КРАСИЛЬНИКОВ, Москва

* * *

Никола, тёзка мой дорогой!

Читаю каждый номер «Аргамак» с удовольствием. Ты молодец: журнал номер от номера интересен новыми публикациями, которые дают пищу для души и для ума. Поэму Перовского любители поэзии не могли пропустить, это целый самородок среди золотой россыпи стихов последнего времени. Радуюсь поэтическим находкам талантливых авторов, и даже не совсем порой удачные стихи некоторых молодых покоряют своей наивностью и желанием сказать читателю то, что они чувствуют и как видят мир, что ценят в современной жизни, неважно, что пока там не хватает мастерства, важно, что растёт территория поэзии, живой поэзии. Главное — они говорят от имени другого поколения, и нам это небезразлично.

В первую очередь хочется отметить великолепную статью Валерия Михайлова «Меж небом и землёй» о Михаиле Лермонтове, глубоко содержательную и поэтически-философскую, насквозь пронизанную любовью к поэту, очень убедительную и аргументированную. Я полностью согласен с выводами Михайлова, сам не однажды размышлял о Лермонтове почти в том же духе, но мои размышления навевали лишь стихи о нём. А вот такого масштабного исследования, причём такого художественно-выразительного, написать не каждому дано. Знал В. Михайлова по

отличным стихам в разных журналах, а теперь вот увидел в нём яркое литературоведческое дарование.

Любопытна в этом номере и небольшая повесть «Племянник» Сергея Грачёва. Фантазия в ней уживается с действительностью, повесть подкупает добротой и желанием осмыслить исторически человека на земле. Который, уж это точно, не от обезьяны.

Молодец, что опубликовал и хорошо проиллюстрировал статью Камиля Хайрулина к 70-летию художника Константина Васильева. Надо, надо чаще знакомить читателей с талантами такой незаурядной силы.

А вот в четвёртом номере за 12-й год я, прочитав полемическую статью «История не терпит суесловья» Петра Ткаченко о русском талантливейшем поэте советского периода Ярославе Смелякове, был, что называется, на седьмом небе от радости¹. Наконец-то прозвучала правда об одном из ярких явлений отечественной поэзии, наконец-то сказано то, что должно быть сказано нынешним читателям. И об эпохе тоже. В наши дни, когда опошлено и оболгано, кажется, всё, чем жили и дышали, как воевали и что построили, на что надеялись в прежние годы, когда в чести графоманы от литературы, когда с пьедестала поэзии сбросили и растоптали почти всех классиков советского периода, эта статья нужна как воздух, в ней с откровенной прямоотой говорится в историческом разрезе о тех, кто бесконечно жаждет революций, об этих борцах за своё и за себя. И о том, что революционность как составная часть российской истории и национальной жизни — это череда нескончаемых катастроф и бед для народа.

Это надо помнить всем, особенно пишущим. Это понимал Пушкин, это понял и Ярослав Смеляков, влюблённый в Маяковского, который тоже, в конце концов, это понял в своё время и поэтому погиб. И надо молодому поколению знать поэзию Ярослава Смелякова, который в те годы не побоялся признаться:

*Как словно я мальчонка в шубке
И за тебя, родная Русь,
Как бы за бабушкину юбку,
Спеша и падая, держусь.*

Вот и нам надо держаться за своё, за русское в истории и литературе, и за язык, «светящийся, как уголь во рту».

Спасибо Петру Ткаченко за честное, проникновенное слово о незаурядном русском поэте.

Радует интервью Ксении Лариной с руководителем ансамбля народных инструментов Николаем Фёдоровым. Очень своевременная беседа о важности сохранения народной музыки, о той же русской балалайке в оркестре, которая выражала и выражает в умелых руках чудо русской души.

И как же не задуматься, дорогой мой тёзка, о смысле жизни вообще на земле и человеческой истории в частности, читая статью «Начала ассиметрики» Александра Ольшанского. Неожиданная, может, и спорная, но фантастически убедительная публикация! Я читал её с не меньшим интересом, нежели талантливое художественное творение. Она коренным образом меняет представление о мире, в котором живём, о мире, который предстоит открывать и в котором предстоит жить потомкам. Госпо-

¹ От редакции. Мы гордимся, что именно в «Аргамак» состоялась первая публикация этой статьи. Вскоре она была напечатана под другими названиями в альманахе «Поход» и в журнале «Наш современник». Автор статьи, критик, литературовед, выпускник Литературного института им. А.М. Горького Пётр Ткаченко не случайно частый гость на наших страницах. Поздравляем его с убедительной творческой победой. И при нынешних небольших тиражах хорошо, что правда об Ярославе Смелякове и его эпохе прозвучала не только со страниц «Аргамак».

ди, жаль, что президенты и правящие элиты на земле не читают ничего подобного. Им некогда. Мир созрел для нового, они — не созрели и не хотят.

Николай РАЧКОВ, г. Тосно, Ленинградская обл.

* * *

Дорогой Николай, земляк!

Передо мной лежат твои книги и несколько номеров «Аргмака», которые ты мне подарил во время моего приезда на родину, в Набережные Челны, в нашу Орловку. Я не нахожу слов благодарности за такой подарок. Читаю твои стихи и радуюсь тому, что мы ходили по одним тропинкам с небольшой разницей в двенадцать лет. Я тоже храню в памяти, как самое дорогое, и дальние луга, и деревянную школу рядышком с церковью, обозы цыганского табора в логу на окраине села, бани на берегу реки Челнинки, маслобойку и многое другое. Память о родине помогала мне и вдали от неё — судьба офицера, лётчика-штурмовика забрасывала меня порой в самые горячие точки планеты (Ангола, Северная Корея). Да и сейчас я готовлюсь отмечать собственное 80-летие вдали от родных мест, ибо доживаю свой век в Крыму. А родина манит и манит. Её приметы зримо встают из твоих стихов.

Особо хочу сказать о твоём журнале «Аргмак». Твои журналы ходят по соседям, по друзьям — людям, в основном, моего и твоего поколений, вызывая в них благодарные чувства. Страницы «Аргмака», если судить обобщённо, много говорят о любви к Родине. Как это важно на фоне нынешнего космополитизма и хуторского эгоизма, особо понимаешь, находясь на Украине, которую продажные политики (и украинские, и российские) пытаются отторгнуть от братской России. Необходимость возвращения к былому единству звучит чистой и светлой нотой на страницах твоих книг и твоего журнала.

Ты знаешь, я ведь ещё и отнюдь не знаменитый, самодеятельный художник, страстно любящий живопись и графику. Поэтому хочу отметить работу Ольги Беловой-Недовизий, талантливо оформляющей твой журнал. Её графика отличается ясностью формы, изящным изобразительным языком. Тонкий линейный рисунок насыщен нежным тоном. Созерцание реального поэтического мира художницы рождает образно-ассоциативный ряд, не дополняющий, а гармонично вплетающийся в поэтические образы. Желая Оле успехов в творчестве, здоровья и большого личного счастья. Того же самого желаю и тебе. Надеюсь, мы ещё встретимся. Я всегда стремлюсь на родину — там мои корни, там живёт моя дочь...

Иван Трофимович ТОКАРЕВ,

*майор авиации запаса, участник боевых действий,
воин-интернационалист, г. Джанкой, Крым*

* * *

Доброе время суток, Николай Петрович!

Сегодня весь день посвятила знакомству с четвёртым номером «Аргмака», любезно присланным в мой адрес. Журнал замечательный — по жанровой наполненности, оформлению, по тональности звучания. В нём много чистого воздуха, нешаблонности...

Подумалось: как было бы славно, если бы наши облечённые властью чиновники проводили мониторинг, пусть не всех, но ключевых, дающих людям литературу, журналов, к коим теперь отношу и «Аргмак». И делали соответствующие выводы,

прислушиваясь к голосу писателя — первым шум времени слышит творец, писатель, поэт. Я готова расписаться под каждым словом памфлета «ЕГЭнахом всех побивахом». О духовной деградации общества необходимо кричать! Кому-то ой как на руку дебилизация общества, об этом и я недавно писала в статье «Рывок в пустоту», привожу небольшую выдержку из неё: «... митрофанушки были во все времена, но не было, как сейчас, *государственной поддержки невежества и безграмотности*. Невежества перестали стесняться, вот в чём главная беда».

Бывают такие моменты в жизни: ищешь подсказку на мучающий вопрос, и ответ обязательно приходит: с прочитанной книгой, газетной публикацией, встречей с человеком. Одним из таких ответов для меня стали размышления Александра Ольшанского «Начала асимметрики». Прекрасный слог, неординарность мысли, не боязнь пошатнуть, а то и разрушить устоявшийся авторитетный стереотип — всё нравится в этом повествовании. Бунтарский дух, никак не смирение делает людей ближе к звёздам.

Всегда от души радуюсь встрече с хорошим поэтом. Тем более, пишушим гражданскую лирику. На Великой Отечественной войне пропали без вести два моих деда, два Ивана. Отец всю жизнь искал их, не нашёл. Я — нашла... Они покоятся в воинских братских захоронениях: один в Подмосковье, другой — в Могилёвской области. Родители мои не дожили до этого светлого часа, но я с детьми и мужем ездила поклониться обоим дедам. Поэтому так близка мне тема великой войны, поэтому так тронули стихи Евгения Семичева, прочитанные на одном дыхании, тронувшие до слёз. Их бы давать в школьные учебники. Но сейчас, и это не злая шутка, детям в школах не задают учить наизусть стихи... И как наши дети будут помнить историю?..

Не знаю, что больше зацепило в повести «От сумы и от тюрьмы» — перипетии жизни героя или мастерство писателя. Наверное, всё же, симбиоз изощрённости судьбы одного и авторское видение сюжета другого. На мой взгляд, эта повесть — идеальный вариант для киносценария.

Вот мысли и чувства после знакомства с «Аргамак». Главное достоинство журнала, на мой взгляд, — человечность. А высокий профессионализм и нежелание служить потребе дня только усиливают привлекательность издания. Читаю такие журналы всегда от корки до корки, поэтому и отчёт по Цветаевской конференции, и объёмное, интересное и содержательное исследование творчества Ярослава Смелякова, и анонс моей «Каторжанки» незамеченными не остались, премного благодарна!

Лёгкой, хорошей строки и благоприятного расположения звёзд в Вашем нужнейшем, благородном деле, уважаемый Николай Петрович! Пожелания успехов всей редколлегии журнала! Ещё раз — огромное спасибо за такое замечательное открытие — журнал «Аргамак»!

Ольга ХМАРА, Воркута

* * *

Николай, добрый день! Книгу Семичева, конечно, пришло тебе. А о премии скажу так. Какие-то непонятные заезжие люди буквально оккупировали русское литературное пространство, лауреаты, делят премии, а мы сидим в партере и с недоумением наблюдаем за этим... И знаешь, самое страшное, что я стала понимать — деление идёт не на либералов и патриотов, а на писателей и неписателей. И среди либералов встречаются талантливые люди, и среди патриотов — до фига искаритов по принципу: поэтишка он, конечно, плохонький, но Родину любит. А любовь писателя к Родине — в его владении родным языком. Если любит, почему такую графоманию выдает, да ещё и у талантливых, тех, кто, собственно, литературу и делает, премии, как

хоть относительную возможность материальной поддержки, отнимает. Нынче как? От премии до премии живут поэты временно. В условиях, когда вертикаль наша литературная в полном параличе, тем паче надо горизонталь, межрегиональные связи крепить. Когда мы их выстроим, то и вертикаль сможем отформатировать. А это придётся когда-никогда делать, иначе не будет нам прощения. Прости за горькие такие слова, но наше за нас никто не сделает. И вот такие писатели, как ты, как Лютый, как та же Лиза Мартынова, Наталья Кожевникова — вы и держите, собственно, на своих плечах нынешнюю реальную литературу. Мало того, что вы сами активно пишущие, как тренеры играющие бывают, да ещё вторая нагрузка — тянете журналы и делаете их не хуже, а чаще всего лучше по качеству, чем иные спесивые столичные, проедающие информационные барыши прежних руководств, сделавших их брендовыми. Так что помогай вам Бог!

Диана КАН, Новокуйбышевск

* * *

Здравствуй, Николай! Получил номера журнала, спасибо! Он становится общероссийским, это безусловно. Наш «Отчий край» всё же региональный, не более того. Спасибо за публикацию моих стихов и стихов Михаила Зайцева. Приятно и почётно быть в компании таких замечательных, одних из лучших российских поэтов, как Николай Зиновьев и Диана Кан. Из более ранних номеров с удовольствием прочитал повесть В. Масына, как будто в детстве побывал. У меня очень схожие события разворачивались на берегу Оки... А я, Николай, всю зиму — вслед за антологией «Степь» — составлял новую антологию стихов русских поэтов 19–20 века. Рабочее название «Мчатся кони». Ни один поэт тему «хорошего отношения к лошадям» не обошёл. По объёму и количеству авторов книга примерно будет идентична степной. Включил два твоих стихотворения — «Наверно, я впадаю в детство...» и «Как тебе живётся, городская лошадь?..» Рукопись отвёз в Союз писателей. Её одобрили. Она включена в план издания на 2014 год. Сейчас весна, потихоньку стал кропать и свои стихи, а то была пауза. Вот такие дела. Летом или ближе к осени у меня должна выйти книжка стихов. Тогда пришлю. Всего доброго! Здоровья и всяческих успехов!

Борис ГУЧКОВ, Волгоград

* * *

Коля, привет!

«Аргмак» получил. Спасибо, что дал информацию о моей книжке.

Прочёл статью Ткаченко. Очень интересно. На 95% согласен. Есть маленькие тенденциозные перекосяки, но без них в публицистике, видимо, не обойтись. Например, он пишет, что «свободомыслие» шестидесятников поддерживали и хорошо оплачивали власти. Всё правильно. Но ведь и «свободомыслие» деревенщиков было тоже санкционировано властями и оплачивалось не хуже.

Интересный художник Геннадий Архиреев (и статья, и вклейка). Удачи!

Сергей КУЗНЕЧИХИН, Красноярск

* * *

Николай! Получил журналы. Отложил себе один, а остальные — по библиотекам. Прочитал подборку стихов Евгения Семичева. Какие замечательные стихи! И вот ка-

кое дело. Я сейчас заканчиваю биографию Конева для ЖЗЛ, а попутно написались путевые заметки после поездок на родину. Раздумья о земле, о земляках, об их непротых буднях среди разрухи, о том, как они эту разруху преодолевают своим трудом, любовью к земле и верностью своему крестьянскому предназначению. Ещё не знаю, куда их деть. Писал так, что и не думал, что это надо где-то публиковать. Если это может быть для вашего журнала интересным, вышлю, когда выправлю.

Сергей МИХЕЕНКОВ, Таруса

От редакции: путевые заметки о земляках Сергея Михеенкова опубликованы в этом номере на стр. 157

* * *

Здравствуй, Николай!

Благодарю Вас за новогодние поздравления. От имени редакции пензенского журнала «Сура» желаю и вам, чтобы «Аргамак» был подобен Пегасу, и на страницах Вашего замечательного журнала публиковались хорошие стихи и добротная проза.

Предлагаю Вам дружить журналами, как домами. Для начала мы можем обменяться публикациями тех авторов, которые для «Суры» и «Аргмака» являются самыми желанными.

С уважением,

Валерий СУХОВ,

член общественного совета журнала «Сура», Пенза

АНОНС ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НАПИСАЛ Я КАК-ТО ПРЕЗИДЕНТУ...

Недавно я подсчитал: в четырнадцать вышедших номерах «Аргмака», появившегося на издательском ипподроме России в 2009 году благодаря личной поддержке первого Президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева, опубликованы произведения (стихи, проза, статьи, эссе) 63 выпускников Литературного института имени А. М. Горького и слушателей Высших литературных курсов, действующих при этом институте.

Число 63 меня впечатляет и радует. Не знаю, сколько всего литературных изданий в сегодняшней России, где печатаются мои однокашники, но уверен, что без их художественного, созидательного слова литературный процесс обойтись не может. Значит, институт такой (кстати, единственный в мире) нужен. И писатели России тоже нужны, хотя не всем ныне это представляется очевидным. В октябре минувшего года чиновники Минобразования, преуспевшие в чрезмерном реформаторстве, вознамерились закрыть Литературный институт или присоединить его к какому-либо другому вузу.

К чести общественной организации «Содружество выпускников Литинститута» (горжусь, что принадлежу к их числу), а также нынешних преподавателей и студентов творческого вуза, нам удалось отстоять родные исторические стены по адресу Тверской бульвар, 25, а также всё то «разумное, доброе, вечное», что в этих стенах

произрастает. Поднялась волна протестов. Нами, например, президенту В. В. Путину, премьер-министру Д. А. Медведеву, депутатам Госдумы, новому министру культуры были направлены электронные телеграммы следующего содержания: «Литературный институт имени Горького, гордость СССР, крайне нужен всей России. Неужели он не нужен президенту, правительству, Государственной Думе, Министерству культуры? Докажите обратное — защитите творческий вуз от рейдерского захвата. От имени и по поручению Татарстанского отделения Союза российских писателей Николай Алешков, выпускник 1982 года; Александр Воронин, выпускник 1986 года; Лилия Газизова, выпускница 1996 года; Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, выпускница 2011 года».

Ответили не все, но, к нашему удивлению, не заставил себя долго ждать ответ из Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций. В нём сообщалось, что наше «обращение в форме электронного документа на имя Президента Российской Федерации рассмотрено и направлено в Министерство образования и науки Российской Федерации, в Следственный комитет Российской Федерации в целях объективного и всестороннего рассмотрения (часть 3 статьи 8 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»). Ответ подписал советник департамента письменных обращений граждан и организаций такой-то... Фамилию обнародовать не хочу, ибо стилистика послания («рассмотрено и направлено... в целях рассмотрения») удручает, но зачем подставлять рядового служащего департамента, если все вышестоящие изъясняются не лучше?

Но этим дело не кончилось! Делу был дан ход! «Рассмотрение» продолжилось, на моё имя пришла депеша из Следственного комитета РФ. Цитирую: «Ваше обращение от 09.11.2012, поступившее из Администрации президента Российской Федерации, содержащее сведения о рейдерском захвате Литературного института имени Горького, направлено для рассмотрения по подведомственности в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. О результатах рассмотрения Вы будете уведомлены в установленном законом порядке». Подписан сей документ инспектором 2 зонального отдела управления процессуального контроля за следственными органами — во как! Фамилию указывать опять-таки не хочу, но диву даёшься, как зашифрована должность сотрудника Следственного комитета, осуществляющего процессуальный контроль за следственными органами. Тут у меня мелькнула здравая мысль: Литинститут мог бы пригодиться всем российским чиновникам, остро нуждающимся в лекциях по культуре и грамотности письменной речи (как показывает ТВ, устной — тоже). Жаль, не понимают они этого. Да и вышестоящее кремлёвское начальство, судя по всему, недолюбливает писателей. Первые лица государства привечают, как правило, лишь тех «мастеров пера», которые стали коммерчески успешными благодаря детективному жанру или ненормативной лексике. Об этом, в частности, убедительно сказано в статье известного критика Владимира Бондаренко «Палёная литература», которая в позапрошлом году была опубликована в журнале «Наш современник», а также размещена в Интернете.

Однако я отвлёкся от сюжета. Как же дальше продвигалось «рассмотрение по подведомственности» и чем оно мотивировалось? Оказалось, и Следственный комитет РФ, и Генеральную прокуратуру больше всего «растревожил» в нашем коротком обращении к Президенту призыв не допустить рейдерского захвата Литинститута. Меня, слава Богу, не стали вызывать на ковёр в Москву и допрашивать, какие у меня есть сведения о потенциальных рейдерах. Но именно этот вопрос мне задал следователь родной Набережночелнинской прокуратуры, куда и поступило распоряжение

из столицы разобраться и, надо полагать, предотвратить возможный захват. Ну как же ты, говорю сам себе, не мог предугадать, что, обращаясь к Президенту, писать объяснение будешь земляку-следователю? Я и написал (не подводить же человека, у него служба такая), что сведения о возможном рейдерском захвате я почерпнул из сети, из многих публикаций российской прессы, из теленовостей, где неоднократно сообщалось примерно следующее: «Поговаривают, что одному олигарху так хочется занять особняк Герцена, что у него от необладания им даже поднимается температура по вечерам» (Александр Ольшанский. «Литинститут: ЕГЭнахом побивахом». Памфлет. <http://www.aolshanski.ru>. «Аргамак. Татарстан» № 4 (13)). Имени и фамилии этого олигарха ни я, ни Ольшанский, к сожалению, не знаем, как не знаем и других конкретных лиц, якобы желающих открыть по адресу Литинститута пятизвездочный отель и ресторан «Герцен», вложив в это дело свои капиталы.

А из прокуратуры города Набережные Челны, где я живу с рождения, где находится редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан», 11 января 2013 года поступил такой ответ: «На Ваше обращение о незаконных действиях в отношении Литературного института имени Горького разъясняю, что указанный институт находится по адресу: г. Москва, ул. Тверской Бульвар, д. 25, таким образом в случае выявления фактов и признаков рейдерского захвата института Вы вправе обратиться в органы внутренних дел г. Москвы с сообщением о преступлении».

Что ж, спасибо — напомнили адрес института, в котором учился и я, и другие подписанты. Не менее актуальным и «полезным» выглядит совет — в случае «выявления фактов и признаков рейдерского захвата института Вы вправе обратиться в органы внутренних дел г. Москвы с сообщением о преступлении».

Круг замкнулся, приехали! Хоть плачь, хоть смейся над идиотским бумерангом, над абсурдной чиновничьей чехардой, участники которой будто газет не читают, новости ТВ не смотрят, коли всерьёз ухватились за строчку о рейдерах! Гоголь и Салтыков-Щедрин отдыхают! Эта готовность вытянуться во фронт, создать видимость деятельности в поисках «стрелочника», потом поставить галочку и отчитаться напоминают что-то очень нехорошее в нашей истории — и отдалённой, и близкой. Подумалось — и это всё, к чему пришла нынешняя демократия?

На этом история с нашим протестом, надеюсь, заканчивается. Родной творческий вуз, который дорог нам так же, как дорог России Пушкинский лицей, мы общими усилиями отстаивали, но, что случится в ближайшем будущем, Бог весть. Надо быть начеку!

Николай АЛЕШКОВ,

*главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан»,
выпускник Литинститута 1982 года.*

От редакции. Материалы выпускников, студентов, преподавателей Литературного института имени А. М. Горького, слушателей Высших литературных курсов читайте в разделе «Тверской бульвар, 25», стр. 56

МУЗЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА

ВЗАИМОЧУЖДЫЕ МИРЫ

9 МАЯ

Какая тишь! И так необорима
В рассветной неге дремлющая жизнь,
Как будто все снаряды были мимо,
Все мины до одной не взорвались,

И генералы живы, и солдаты,
Все дети родились у матерей,
А если здесь и слышались раскаты,
То разве гроз, примчавшихся с морей.

Зарёй румянясь, в лепестках лежала,
Дыша малейшей гранулкой земной,
Такая жизнь, как будто не пропало
Из завершённых судеб ни одной...

ИЗБОРСК

Встыла старинная крепость
В гущу дворов-коробков
И оттенила нелепость
Их суетливых мирков.

Слышится звон колокольный,
Старый и мудрый набат.
Медленно люд богомольный
Двигается сквозь снегопад

Вверх по щебнистой дороге
К церкви, как будто в полон,
Всходят размеренно — долго:
Каждому шагу — поклон.

А за стеной крепостною
Скрыл участвовавший снег
Кладбище в вечном покое,
Озеро в праведном сне...

БАБУШКА

Костисты, помню, её запястья.
И вены – синие провода...
Господь был скуп на земное счастье,
Зато был щедрым на соль труда...

Косарь старушка была отменный,
В деревне мало, кто так же мог.
Надев на платье жилет толстенный,
Она обкашивала ложок.

Рядками на бок ложились травы –
Тянулся ровный медвяный след;
Работа с видимостью забавы
Далась надсадой прожитых лет.

Поодаль я на траве сидела,
В живой, стрекочущей тишине
Коса на взмахе чуть-чуть звенела –
Так почему-то казалось мне.

ДОРОЖНОЕ

Опроемтью мчат леса из Пскова,
Им навстречу – поезд из Москвы,
И рябят в окошке бестолково
Шпалы, камни и пучки травы.

Провода электропередачи
С ходу налетают на столбы,
Отбегают к станциям и дачам,
Утомясь от гоночной борьбы...

Не сбиваясь с рельсового такта,
Во всю прыть несётся мой вагон,
Словно проскочить в просвет заката
Под осевшим небом хочет он.

* * *

Не молчи, мой попутчик, мой друг, говори, говори:
Нам так мало осталось быть вместе – всего до зари,

Утром наши пути разойдутся уже навсегда,
И на вёрстах моих от тебя – ни следа. Ни следа...

И покатаются дальше составами ночи и дни
К встречам старым и новым среди суеты, толкотни.

Будут снова колёса стучать, километры дробя.
На какой же мне станции снова услышать тебя?

Пусть слова невпопад, всё равно говори – не молчи.
Я услышу твой голос когда-нибудь в тихой ночи,
Я печальный почувствую взгляд в растревоженном сне
И наутро решу: это ты вспоминал обо мне.

ТЯНЬ-ШАНЬ

Искрится пик высоких гор,
Его подножие – в тумане,
Как будто между облаками
Тугой раскинулся шатёр.

Спит светлоокая Челдыз¹
В шатре высоком, островежом,
И, отороченные мехом,
С одра покровы вьются вниз...

Дня голубая органза
Искрится пылью золотою,
Но чуть стемнеет под грядюю –
Откроет звёздочка глаза,

Омоет лучезарный лик
В священной чаше Иссык-Куля,
И, гор шатры легко миную,
Украсит предвечерний миг.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Мне бы в вагоне скорого
Двинуться в дальний путь:
Думать в вагоне здорово
И хорошо уснуть.

Из чернозёмной области
К тем берегам мой путь,
Где океаны лопасти
Землю дубасят в грудь.

¹ Челдыз – звезда (кирг.)

Пусть мне вагоны выстучат
Мудро простую песнь;
Сердце под стучи высочит
Всю городскую спесь.

Вытеснив сожаления,
В дрожжю качку сна
Вхлынет волной видение –
Дальняя сторона,

Та, где столбы точёные
Вздыбил базальт к ветрам,
Брызги в лицо солёные –
Лучший душе бальзам...

* * *

«Переплелись века и нравы».
А посмотреть вблизи – найдёшь
Всё в той же позолоте, право,
Всё с тем же ароматом ложь.

Глупцы не стали гениальной,
Людьми не сделалось зверьё.
Вот только правда всё банальной,
Всё незатейливей враньё.

ВИД С ПОГОСТА

Отсюда мне видны коробки
Многоэтажек городских,
От них по полю стёжки-тропки
Сюда, к исходу дел мирских.

Пейзаж таков, что помни всякий:
Прожить – не поле перейти,
Сперва дорожки в поле, злаки,
И вот он, крест в конце пути.

Град Жизни против града Смерти,
Меж ними – рябь дневной жары,
Как будто отразились в Лете
Взаимочуждые миры.

САВЕНКОВО

Какая, однако, стоит тишина.
Она будто в сговоре с дымкой приречной.
Серёга с двустволкой, с котомкой заплечной
Понуро бредёт, не убив кабана.

Кабан поплатился недолгим испугом
И ладно, пускай себе дальше живёт.
В заречном леске над задумчивым лугом
Влюблённая птица зазнобу зовёт.

А я, человек для деревни бездельный,
На сочное дня угасанье гляжу
И с ним растворяюсь в тиши беспредельной,
И отсветом бледным над лесом скольжу.

* * *

Земля промёрзла, будто вдовье сердце.
И ветер, как судьба, неотвратим –
Ни скрыться за углом, ни отвертеться,
И воли, кроме Вышней, нет над ним.
Не ведает коварства, превосходства,
Не понимает ни добра, ни зла,
Не прокликает вечного сиротства –
Вот так бы я свободною была.

* * *

Услышу Господа не в храме
Среди жужжания голосов.
Я, может быть, поеду к маме
Послушать древний шум лесов.

Там на стволы, чьи ветви в небе,
Закатный присмолился луч,
Как мёд, растёкшийся на хлебе,
Горяч, и терпок, и пахуч.

Шум сосен – выдох облегченья,
Нашёптывание молитв,
Издревле данных в утешенье
Держащим неба монолит.

ПОЛНОЛУНИЕ

Зеркальная черепаха
 плывёт в пузыре из света
И в облака ныряет,
 как шар бильярдный в лузы,
Но близ иглокожего солнца,
 лучами его задета,
Становится бестелесной,
 прозрачной, как гриб медузы.

ВОСХОД

Изнемогала ночь,
 Зажав руками рану.
 Напрасно: кровь лилась
 По небосклону,

А ветер мчался прочь,
 За тёмные курганы,
 То ль воя, то ль смеясь
 Умалишённо.

* * *

В моём окне такие виды
Морозной утренней поры:
Пушистых ёлок пирамиды
И лип хрустальные шары.

Блестят засахаренно крыши,
Сосулек стыннут леденцы;
Висят во всех оконных нишах
Узорных шалей образцы.

В пуху кусты, забор, деревья,
Дернинки жухлого белья.
Плывёт в снегах корабль – деревня
С флажками мёрзлого белья.

ДОМА

Средь холмов, где притихли озёра
В просмолённой сосновой тайге,
Хорошо бы в вечернюю пору
Прогуляться вдвоём налегке,

Любоваться, как в солнце закатном
Раскалилась сосновая медь;
На шершавом стволе красноватом
Так и хочется руки согреть.

Вон, курится туман по озёрам,
Поклоняясь вечерней звезде;
Мы с тобой побежим косогором
Искупаться в туманной воде.

До чего же пугливые ночи:
Только смерклось – и тут же рассвет!
Видно, солнце отсюда не хочет
Уходить на другой континент...

Мы вернёмся на зорьке, вдыхая
Быстротечный, прохладный покой.
Безмятежные радости рая
Здесь повсюду у нас под рукой.

ДИНА САДЫКОВА

ДАНА МНЕ БЕССОННИЦА

* * *

Блики света в витражном узоре.
Переливы, изгибы, черты...
Танец тувелек инфузорий,
Гладь холодной апрельской воды.

Раскрывается, бьётся, клокочет,
Томно дышит взопревшая гниль.
И душа непонятного хочет
Сквозь стекло и нагретую пыль:

Растревожено жить настоящим,
Что отпустит однажды, пройдёт...
Сладок воздух весенний горчащий,
И сирень у ограды цветёт...

ЗИМА

Зима пахнет смертью и вспыхнувшей спичкой,
Мерцая чуть слышно. Гудок электрички
Окликнув внезапно, уносится прочь
В заснеженных соснах угадывать ночь.

Её неизбежность волной настигает:
Змеиный укус, Саломея нагая.
И пристальной бьётся во влажных зрачках
Жестокая бездна, серебряный прах.

* * *

Бледный шифон — ещё не зима
В кружеве веток озябших.
Видишь, зажглись уже окна в домах,
Милых, простых, настоящих.

Душу создавший не слеп и не глух,
Сердце моё не пустыня:
Тёплой ладонью прижавшись к стеклу,
Буду вдыхать твоё имя.

Хочется только... быть рядом с тобой,
Чувствовать крепкие плечи.
Виолончелевый бархат ночной
Грусть мою памятью лечит.

СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ

Отмени переговоры,
Совещания и встречи,
Крайне важные, бесспорно,
Эти гонки будут вечно.
Отпусти себя на волю
Босиком бежать по лугу,
За которым будет поле,
Где по коже бьют упруго
И рокочут, словно море,
Золотистые колосья...
Я устала от вопросов;
Подари мне запах лета
Вместе с утренним рассветом,
Чтобы я его надела
Вместо платья, только тело.
Мы в траве густой утонем,
Прикасаясь к стеблям тонким,
Будем пить росу с ладоней,
А потом, зажав соломку
Между губ солёных, влажных,
Растворимся в небе. Слышишь?
Точно сердце бьётся в каждом
Лепестке, и ветер выше
Поднимает наши души.
В том пространстве виз не нужно:
На двоих одно лишь имя,
Как пароль на всякий случай.

Терпкий аромат полыни
И полудня мёд тягучий,
Вьются бабочки, стрекозы
Носят зной на хрупких крыльях.
Невесомые, как воздух,
Обо всём вокруг забыли —
В этом солнечном сплетении
Мы не разнимаем руки.
Так сплетаются растенья,
В чутком сне прильнув друг к другу.

ЛЮБОВЬ

Так греет, обжигающая пальцы
 Картошка запечённая в золе.
 Так хочется уставшему скитальцу
 Обветренным лицом припасть к земле.

Покорно тонут в золоте заката
 Фламинго легкокрылых облаков,
 И ты летишь во сне своём куда-то,
 Ещё не ведая её оков.

И кажутся намного ближе звёзды:
 Над чёрной бездной – нежность молока.
 И ты не зря глотаешь жизни воздух,
 Когда в тебе течёт её река,

Что значит больше, чем тарелка плова,
 Игра охотника и смена поз.
 Но описать любовь бессильно слово,
 Как будто скулы свёл тебе мороз...

* * *

Неразборчивость фразы ли... связи...
 Станных нитей от слова к душе.
 Влажный голос. Обмотанный прядью,
 Безымянный, как будто в кольце.
 Телефонная трубка, как губка,
 Вобрала наше море внутри.
 Не звони мне. Прощай. Слишком хрупко.
 И мой номер до точки сотри.

Переход, продавщица с цветами.
 Это ландыши? Странно. Уже...
 Он писал тебе письма стихами
 И цитировал Бродского. Жест
 «Ниоткуда, с любовью...» Ступени

Предвкушения, запах измен.
 Он стоял, как в кино, на коленях,

Получая всю душу взамен.
 (Но достаточно было лишь тела.)

Отчего называется белым
 Этот грубо написанный свет?..

.....

Всё не вечно, помимо печали.
Все когда-нибудь бурно кончали,
А потом от тепла – ни следа.

Мы, как яд, проникали друг в друга.
Мы играли, ходили по кругу.
О любви не пиши никогда.

Интернет – это призрак пространства.
Здесь изменчивость и постоянство
Обретают иные черты
Наготы.

Вместе с Богом рождаются дети.
Вкусим пряник и верные плети.
Одиночества сети в сети.
Никуда от Него не уйти.

* * *

Я кончился, а ты жива.

Борис Пастернак

Почему, уставая от этого мира, с себя
Хочешь скинуть, как плащ старомодный, его оболочку,
Но короткий рукав, не решаясь взлететь, тебе,
Остаёшься стоять, распознав журавлиную строчку –

Острый угол печали, на небе рисующий путь?..
Ты закроешь глаза, не пытаясь себя обмануть,
Ибо знаешь, что «правда – такая же ложь, и не больше»,
Только горькое эхо и ветер холодный по коже.

И дорога – лишь кордой отмеренный путь,
Эти вечные скачки за волей по кругу.
И кому-то завещано жизнью рискнуть.
А кому-то предать на распятие друга.

Режиссёр этой славной картины, конечно, не ты.
Но решать подоплёку её почему-то обязан.
Одиночеством с жизнью обвенчан, повязан,
Ты стоишь, не решаясь взлететь, у черты...

МОЛИТВА

По слепку гор тянулась в небо
Из недр тумана лестница твоя.
А я прошу ... Прощенья мне бы
И зимних яблок в снежные края.

Пусть говорю не громче веток нижних,
Насытив душу горстью толокна.
Ты подарил мне горы – годы жизни,
Когда стояла молча у окна...

Качались и качаются деревья,
И снег идёт такой же, как всегда.
Сугробы и далёкие деревни,
Дороги, люди, холод, поезда...

Зелёный свет, застывшая платформа,
Гудит во тьме заснеженный прибор.
Крепчает холод. Бережнее форма
Сугробов, обещающих покой...

И кажется, закончатся страдания,
Горела бы родимая звезда!
Где катятся по блюду ожидания
Не знающие места поезда.

* * *

Дана мне бессонница – думать о вечном,
Стать проще и легче дышать.
Тянуться к ответу рифмованной речью,
Движение чувства познать.

Держась за соломинку, плыть в неизвестность.
На ощупь, на запах, на глаз –
Вобрать в себя времени зыбкую местность
И ток, проходящий сквозь нас.

ВИТЯЗИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

КОЛЕСО ПО ДОРОГЕ КАТИЛОСЬ

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка – ведьма,
Мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи – не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым бела
И подозрительно здорова...
Вплоть до того, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирлась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мать... а мать ещё жива,
Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
Тебя так долго.
Сверни у чёрного столба —
Нет выше долга.

ДОМ

Дом построен. Ещё не остыли
Зубья пил и бойки молотков.
Срублен он мужиками простыми,
Вот, послушайте тех мужиков:

- Ох, наличник! Спасибо Емеле...
- Птах весной прилетит под застрех...
- Бог помог — до Покрова поспели...
- Так теперь и по чарке — не грех...

А потом расходились по трое,
Окликая октябрьскую тьму.
Дом построен!
Всем миром построен!
Значит, мир будет в этом дому.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах —
Отчаянно печи чадили в домах,

И в каждой четвёртой по счёту печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
– Спаситель воскрес!..

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
– Не таскайте,
пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И, с самим собой в борьбе,
Я ташу: сестре – с капустой,
С мясом – папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит в доме мир и лад!

ХРАМ

Храм родился тяжело,
Туже истины.
Собиралось всё село
Возле пристани.

И стучали молотки
Лето целое.
Поднималось у реки
Чудо белое.

В небеса взметнулся крест
Ярким всполохом.
Долгожданный Благовест –
Грянул колокол!

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
Разума своего:
Взглядом пронзит тяжёлым,
И не удержишь слёз.
Папёрть метёт подолом,
Гулко бубнит под нос.
Скорбный, как шорох листьев,
Голос его дрожит.
И от колючих истин
В страхе народ бежит.

ПРО СОСЕДКУ

Долго не пишется... Яблони ветка
Лезет в окошко, тихонько звеня...
Тут вот на днях прицепилась соседка:
«Ты, говорит, напиши про меня.
Я ж, погляди-ка, страдаю от веку:
Брошена, дети — сиротки, как есть...»
Как же, ну как объяснить человеку:
Судеб разбитых на свете — не счесть.
Нынче хорошее встретится редко,
Чаще — предательство, злоба, враньё.
Ну а соседка... Да что там соседка!
Я ведь уже написал про неё:
В этом стихе, и вот в этом, и в этом —
Долго верёвочку горькую вью...
Нет. Обзывает хреновым поэтом —
Хочет фамилию видеть свою.

* * *

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный упруг.

Ночная тревожная птица
Клянёт ледяную росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё, и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.

А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почуяли птицы.
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

* * *

Небо свесилось устало.
Август звёзды сыпал густо...
Человека вдруг не стало.
Свято место стало пусто.

Присмирели вдруг дубравы,
Зябкий стон поплыл над пашней.
Показалось, лёг на травы
Снег, безвременно опавший.

Мир застыл вполоборота.
И под звёздную порошей
Тихо-тихо молвил кто-то:
— Человек-то был хороший...

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал — за грош.
И шутил:
— Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
— Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Видно много на нём отметин —
Так болит, что уж мочи нет...
Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:

— Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле — совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?

А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

ПАМЯТЬ

Отец шагнул в родимый дом
Из огненного круга.
Четыре года сын с отцом
Не видели друг друга.

Война впечатала свой след
В их судьбы, точно в глину.
Отцу исполнилось сто лет,
Четыре года – сыну.

Суровый, будто трибунал,
Молчит в дверях мужчина.
Пацан родителя узнал,
Тот не припомнил сына.

КОЛЕСО

Колесо по дороге катилось,
На ухабах стираясь до дыр.
В нём усталая белка крутилась –
Приводила в движение мир.

Ах, как весело спицы сверкали!
Мир раскрученный мнился иным.
Колесу мы кричали в запале:
– Ну давай!..
И летели за ним...

Пронеслось, прозвенело, умчалось
В даль далёкую, за окоём.
Только пыль на дороге осталась,
В нас – инерция. Так и живём.

Так живём, одурманены снами,
В переулках уютных квартир.

Колесо догнивает в канаве.
Белка сдохла.
Но крутится мир!

АЛЕКСЕЙ БОРЫЧЕВ

ЦВЕТНЫЕ ПАРУСА

НЕ ЖАЛЕЙ НИ О ЧЁМ...

Не жалей ни о чём. Позабудь. Позабудь.
За окном пролита кем-то звёздная ртуть.
И скрипят отсыревшие двери.
И висит родниковой слезою луна,
Отражая в себе имена-времена,
Умножая печаль на потери.

Не скучай. Не скучай. Образуется круг,
По которому шествуют сотни разлук,
А внутри только встречи да встречи.
Если в дверь постучат – ты гостей прогони.
Тёмной ночью с добром не приходят они,
И не слушай за дверью их речи.

Не пиши никому, не пиши ни о чём!
Обожги себя ярым рассветным лучом,
И – получишь ты то, что хотела!
Но закатных лучей не встречай, не встречай,
Потому что они разжигают печаль,
А зачем тебе – чтобы горела?..

ОБУЧЕНИЕ ФЕВРАЛЮ

В ослепительной тьме, в тишине снегопада
Февралю обучала мой город зима,
На домишки бросая ледовые взгляды
И сводя снежным голосом парки с ума.

И молчал ученик-городок перед нею,
Аккуратно внимая беззвучным словам:
То дневной кутерьмою он красил аллею,
То фломастером ночи покой рисовал.

То, решая задачу сложения звуков,
Пересвиста синиц и людской суеты,
Проникался несложною зимней наукой,
То грустил, не найдя в ней порой простоты.

Но за партой времён протекал интересно
Этот вовсе неновый урок для него,
Потому что февраль каждый раз неизвестный,
Потому что наука зимы – волшебство!

Потому что зима, хоть строга и сурова, –
Снегопадно красива, стройна, высока!
Он хотел понимать её снова и снова,
И домами тянулся в её облака.

Иногда бормотал, отвечая нескладно,
Если та вдруг сердилась, метелью кружа,
И тогда убегал он туда безоглядно,
Где всё глубже весною дышала душа.

ДЕТСТВО

Лунный мячик в луже –
Никому не нужен.
Солнышко на блюде – тоже ни к чему.
В соловьиной трели,
Будущим расстрелян,
Прошлый мир мой, где ты?
Где ты? – не пойму.

... Сон простой и ясный
Вижу я прекрасно:
Мы бредём по лугу летним вечерком –
Я и мой приятель.
Солнце – на закате.
И с небес слетает
Счастья светлый ком...

День смешной и рыжий...
Ласточки над крышей –
В памяти, как в капле, все отражены
Выпукло и чётко.
Правда, век короткий?

Что молчишь, дружище?
Тоже видишь сны?

ЛЕСНАЯ ПАМЯТЬ

Лесная память собирает
В ларец янтарных поздних дней
И то, что мне казалось раем,
И то, что грустного грустней.

Лесная память солнценосна
И вечна, будто небеса.
Их яркий мёд испили сосны,
Открыв туманные глаза...

В сплетённой солнцем паутине
Осенних дней трепещет боль
О том, чего не стало ныне —
Мне душу выевшая моль.

А сам гляжу я на овраги
Уставшей осени моей,
В лесное царство светлой влаги,
В хрустящий свет календарей.

На корабли осенних далей,
На их цветные паруса,
В сырую тьму моих печалей
И в сосен влажные глаза.

И вижу в них огни былого,
Давно отцветшие огни,
Которых в сумраке лиловом
Лесная память сохранит.

ИЗВЛЕКАЯ ЗАВЕТНЫЕ ЗВУКИ

Отделяя заветные звуки
От глубокого звона сердец,
Обретаю простор для разлуки
И свободы терновый венец.

Если всё это — то, что осталось,
Если всё это — камни да пыль,
Сохрани в колыханьи усталость,
Мой любимый ветрами ковыль.

Где разлуки тревожное пламя
Догорело в бескрылой ночи,
В родниковую влажную память
Осторожный покой заключи.

Или ты забываешь как будто
Истлевающий ночи овал?
Как на иглах колючего утра
Непокой над тобой танцевал?

Просыпается страха волчица,
Обнажая клыки суеты,
И по венам, пульсируя, мчится
Новый день, огибая мечты.

И сердца обнажают глубины,
Где озёра густой тишины...
И опять только дети невинны.
И опять только вёсны нежны.

ТЬМА...

Эту тьму, что пришла погостить ко мне –
Не впустить, не прогнать. И стоит она,
Размыкая круги пустоты в окне,
Раздробив тишину на осколки сна.

И, мигая глазами семи тревог,
Удивлённо заглядывает в окно,
Наблюдая бессонниц моих рывок
В океаны грядущих ночей на дно.

И стоит, и молчит, и глотает дым.
Это полночь свои развела костры,
И заметны повсюду её следы,
И шаги вдоль по душам легки, быстры.

Только полночь и тьма, никого кругом.
И затерян мой дом в их немых лесах.
И томлений о прошлом колючий ком
Вдоль по памяти катится прямо в страх.

Эта тьма, эта тьма – в никуда мой путь.
Путешествие в страны зеркальных дней,
Где, рассыпав желаний моих крупу,
Ожидание счастья кружит над ней.

ЗАБУДЬ ЕЁ...

Забудь её, мой страстотерпец март!
Пускай зиме свои слагает гимны.
И пусть зима – метельная зима –
Опутает сетями сна тугими

Её мечты и сказки – те, что в ней
Гнездились, словно птицы. Пусть узнает,
Как доживать свой век под спудом дней,
Не понимая – осень ли, весна ли

Дымит золою медленных минут
В огне времён, убогом, бледном, тусклом,
Когда – что плыть по жизни, что – тонуть –
Без разницы! Покинутая чувством,

Она забудет вещие слова,
Что оживляют землю, камни, скалы.
Её не закружится голова,
Когда найдёт того, кого искала...

Забудь её, мой трепетный апрель!
Пускай полюбит льдистые узоры.
Прости за то, что холод ей согрел
Предсердие
 своим колючим взором.

Она вернётся. В это верит май.
Она придёт: всё в мире повторимо
И поправимо...
 Каждая зима
Стремится роль весны сыграть без грима.

ЗА БЕЛЫМ КРАЕМ ТИШИНЫ

За белым краем тишины
Кинжалы слов обнажены,
И сталь безвыходных высот
Щекочет злобою висок.

Кромсает ненавистью дни,
В которых призраки одни,
В которых белая тоска
Имеет розовый оскал.

Там свет – осколками стекла,
Там темень – острая игла –
Вшивает в дремлющий простор
Снов нескончаемый узор.

Они во мне отражены
Пределом новой тишины.
А в зеркалах иных времён
Сам тишиною отражён!

В повторях этих до поры
Легко рождаются миры,
Где появляется Она,
Чьё имя носит тишина...

РАССВЕТНЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ПИРОГ

Рассветный солнечный пирог
Слоился в небе облаками...
На перекрёстке двух дорог
Копил бывшее мшистый камень.

На копья буден волшебство
Весны нанизывая метко,
Взломачен первую листвою
И суетой пичуг на ветках,

Парной апрель смотрел с небес,
Румяный и голубоглазый;
И влаги капельная взвесь
Цвела над топью непролазной,

В которой талая вода
Несла в безвременье остатки
Снегов,
Подтаявшего льда –
Весь мир зимы, больной и шаткий!

Светящей нитью времена
На бархат бытия ложились,
Когда лесной тропой весна
Брела в клубах искристой пыли.

И, зажигая солнцем дни,
Роняла воск полдневных бликов
В густую тьму, в сырые пни
Под хрип гортанный враньих криков.

Казалось, будущность парит
В просторе праздничной истомы
На крыльях утренней зари,
Торжественна и невесома.

ЛЕСНАЯ КЛУБНИКА

В цветении солнечных бликов
Храня постоянство своё,
Багряной лесною клубникой
Дремало моё бытие.

Оно равнодушно качалось
На стеблях, пригнутых к земле,
И ягод созревшая алость
Блестела в небесном стекле

То красно-лиловою тучей,
То облаком цвета зари,
Которых полуденный лучик
Сияньем своим одарил.

Стрекозы беспечного детства
И пчёлы печальной поры
На ягоде спелой, чудесной
Не раз затевали пиры...

Но поздние сроки настали.
Последние вёсны пришли.
И стали родными печали
Моей постаревшей Земли.

Звенело последнее лето
Осколками тёплых секунд
И ржавым кромсало стилетом
Скорбей и печалей лоскут.

И ленты весёлых событий
Обвили стволы пустоты,
Пронзавшие трепет наитий,
Бросавшие тень на мечты...

Но спелой клубникой июля
Дремало моё бытие;
Все радости быстро уснули,
Не смея отведать её.

Б. Н. Тарасов

С. А. Грачёв

НЕ ПРОДАЁТСЯ ВДОХНОВЕНЬЕ

На вопросы о мониторинге на эффективность и о сохранении национально достояния отвечает заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, ректор Литературного института им. А. М. Горького, писатель Борис Тарасов.

Б. Н. Тарасов — сопредседатель Правления Союза писателей России, лауреат Международной литературной премии имени Ф. М. Достоевского, Всероссийских литературных премий им. Ф. И. Тютчева, И. А. Бунина, Александра Невского, Правительства Москвы и др., автор книг «Паскаль» (в серии «Жизнь замечательных людей»), «Чаадаев» (в серии «Жизнь замечательных людей»), «Непрочитанный Чаадаев и неуслышанный Достоевский», «Куда движется история? (метаморфозы людей и идей в свете христианской традиции)», «Тайна человека» и «Тайна истории», «Пётр Чаадаев в Москве», «Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте» и др.

— Министерство образования и науки проводило мониторинг деятельности российских вузов в период с 15 августа по 15 сентября. В предварительные списки вузов с «признаками неэффективности» попали Российский государственный гуманитарный институт (РГГУ), Московский Архитектурный институт (МАРХИ), Брянский государственный университет имени Петровского, Калужский государственный университет имени Циолковского, Воронежский государственный педагогический университет, филиал МГУ имени Ломоносова в Пуцино, Литературный институт имени А. М. Горького...

Борис Николаевич, я знаком с историей Литинститута, закончил его в 1986 году. Литературный институт имени Горького располагается в старинном особняке, в котором родился Герцен. В 1921 году в одном из залов читал (последний раз на публику) свои стихи Александр Блок, об этом рассказал Гиляровский. Бывали тут Владимир Маяковский, Александр Серафимович, Евгений Замятин. Михаил Булгаков приходил сюда на собрания объединения «Литературное звено», а затем в романе «Мастер и Маргарита» поместил в Доме Герцена ресторан «Грибоедов», видимо, зная, что по Тверскому бульвару много лет назад прогуливался с немцем-гувернером маленький Грибоедов.

Николай Старшинов и Семён Шуртаков:
в Литинститут с фронта

Юрий Казаков.
Ещё не написана «Свечечка»

В читальном зале: Юлия Друнина и её сокурсники

Виктор Коротаяев, Мария Астафьева, Николай Рубцов, Виктор Астафьев

Владимир Соколов, Евгений Евтушенко – студенты Литинститута

На Ленинском субботнике в апреле. Середина восьмидесятых годов

На семинаре Виктора Розова

Выпускники Михаил Шиповалов (1967 г.) и Сергей Грачёв (1986 г.).
Встреча с читателями у дверей «альма-матер»

ИЗ ФОТОАРХИВА ЛИТИНСТИТУТА

Выпуск 1982 г. Заочное отделение

Как слово наше отзовется...

День открытых дверей в апреле 2012 года.
Ректор Борис Николаевич Тарасов (в центре)

Разговор о музыке на семинаре поэзии.
Слева направо: Святослав Бэлза, Евгений Рейн, Борис Тарасов

Выпускница из Болгарии Лиляна Стефанова
на 75-летию Литинститута. 2008 г.

Юрий Черноричский и Николай Романов
на вечере памяти Ю. И. Минералова. 2012 г.

Презентация литературного альманаха «Аргмак. Татарстан» в Литинституте.
Слева направо: Борис Тарасов, Николай Переяслов, Николай Алешков,
Николай Красильников, Ольга Кузьмичёва-Дробышевская. Май 2011 г.

На международном совещании юных дарований,
будущих абитуриентов Литинститута. 2012 г.

Имена истинных мастеров слова — как не назвать их! В Литинституте, организованном и открытом Максимом Горьким почти 80 лет назад, в декабре 1933 года, учились писатели Юрий Бондарев и Маргарита Алигер, Михаил Луконин и Юрий Трифонов... Вы продолжите список имён?

— ... Александр Яшин, Григорий Бакланов, Леонид Зорин, Виктор Розов, Евгений Долматовский, Давид Кугультинов, Роберт Рождественский, Владимир Солоухин, Василий Белов, Николай Рубцов, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Виктор Астафьев, Александр Вампилов — можно долго перечислять имена знаменитых писателей, поэтов, драматургов, литературных критиков, мастеров художественного перевода. Здесь преподавали Константин Паустовский и Леонид Леонов, Михаил Светлов и Лев Кассиль, Константин Федин и Павел Антокольский. А во флигеле, также принадлежавшем с 1920 года писательским организациям, жили Андрей Платонов и Сергей Сергеев-Ценский, Осип Мандельштам и Всеволод Иванов, Борис Пастернак и Даниил Андреев. Литинститут закончили лауреаты Государственных премий Константин Симонов, Александр Чаковский, Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Сергей Михалков, Константин Ваншенкин, Фазиль Искандер, Андрей Дементьев и др.

— *Среди преподавателей и профессоров, преподававших нам в 1980-е годы, были удивительные учёные: Аза Алибековна Тахо-Годи, Станислав Бэмович Джимбинов, Евгений Николаевич Лебедев, Всеволод Алексеевич Сурганов, Георгий Иванович Куницын, Юрий Владимирович Томашевский, Михаил Павлович Ерёмин, Владимир Васильевич Основин, Сергей Дмитриевич Артамонов, Константин Александрович Кедров, Владимир Павлович Смирнов, Владимир Иванович Гусев. О блестящем преподавательском составе Литературного института во все времена складывались легенды.*

— Да, а ранее преподавали Валентин Фердинандович Асмус, Сергей Михайлович Бонди, Илья Ильич Толстой, Сергей Иванович Радциг, Александр Александрович Реформатский, Михаил Леонович Гаспаров, Григорий Осипович Винокур, Геннадий Николаевич Поспелов, Валентина Александровна Дынник, Леонид Иванович Тимофеев, Александр Павлович Чудаков. Позднее, в 1990-е — начале 2000-х у нас трудилась легендарная женщина-учёный, профессор Наталья Александровна Бонк, которая создала или, как иногда говорят, «придумала» английский язык для России. Она вела в Литинституте курсы английского языка, студенты второго и третьего курсов учились по учебнику, специально написанному Н. А. Бонк для Литинститута. Работали и сейчас трудятся основоположники некоторых дисциплин, специальностей, авторы классических научных трудов и учебников. По трёхтомнику «Русская словесность» профессора А. И. Горшкова, удостоенному Госпремии, и сегодня учится молодёжь. Так же, как и по учебникам истории России профессора А. С. Орлова или русской литературы Ю. И. Минералова. Весомый вклад в филологическую науку вносят профессора Л. И. Скворцов, А. М. Камчатнов, А. Н. Ужанков, В. И. Гусев, М. В. Иванова и другие преподаватели.

— *Расскажите о преподавателях, работающих сегодня в институте. Каковы основные направления в учебно-педагогическом процессе?*

— Обучение в нашем институте состоит из двух составляющих: система творческих мастерских, которые ведут известные писатели. Есть семинары прозы, поэзии, драматургии, критики, очерка и публицистики, детской литературы...

— *Раньше семинара детской литературы не было.*

— Теперь есть. И ещё — переводческое отделение, где преподают известные во всём мире переводчики: Виктор Гольшев — по английской литературе, Евгений Солонович — по итальянской. Творческие семинары у нас ведут известные писатели самых разных направлений эстетических, мировоззренческих: Владимир Костров,

Евгений Рейн, Сергей Есин, Александр Рекемчук, Олеся Николаева, Игорь Волгин, Михаил Лобанов, Станислав Куняев, Евгений Сидоров, Руслан Киреев, Анатолий Королёв, Эдуард Балашов, Владимир Гусев, из более молодого поколения — Андрей Василевский, Павел Басинский, Алексей Варламов, Олег Павлов, Геннадий Красников.

Второе направление — универсальное гуманитарное образование, которое важно нашим студентам и как литераторам, и как будущим работникам тех или иных учреждений и организаций. Студенты изучают отечественную и мировую историю и философию, отечественную и зарубежную литературу, эстетику, психологию творчества, русский язык в его разнообразных исторических и современных проявлениях, западные и восточные иностранные языки, теорию и историю перевода, страноведение. Недавно мы создали российско-корейский центр. Происходит также обучение основам экономики, права, редакторского, корректорского дела.

— *Основ экономики и права раньше тоже не преподавали.*

— Правда, они имеют прикладной характер — дополнительный к основному образованию.

— *А как же получилось, что у Литинститута вдруг обнаружили «признаки неэффективности»?*

— Дело в том, что использованные в мониторинге критерии не учитывают предметно-содержательной (не говоря уже о творческой) специфики тех или иных вузов, а направлены на финансово-экономическое и материально-техническое его обеспечение. Примечательно, что весной этого года в Литинституте была успешно проведена плановая аккредитация на очередные шесть лет работы, получена бессрочная лицензия Министерства образования и науки, утверждена новая программа, по которой, наряду с рядом стратегических вузов, Литинститут получил возможность вести учебный процесс в рамках специалитета, без разделения на бакалавров и магистров, что является косвенно высокой оценкой его деятельности. Такой же косвенной оценкой можно считать и увеличение количества бюджетных мест в текущем году, хотя налицо тенденция их сокращения в других гуманитарных учебных заведениях. О привлекательности для настоящих и будущих поколений свидетельствует большой растущий конкурс, несмотря на так называемую демографическую яму, и, по данным самого Министерства образования и науки, Литинститут занимает 7-ое место среди всех вузов нашей страны по среднему баллу ЕГЭ. Высокая оценка его деятельности выражена и господдержкой в виде гранта Президента РФ, вот уже четвёртый год предоставляемого профессорско-преподавательскому составу, а также его включением по поручению Президента РФ В. В. Путина в Федеральную адресную инвестиционную программу для реконструкции комплекса зданий, работа по которой переходит сейчас из стадии составления проектно-сметной документации в стадию её конкретной реализации.

Но обратимся к упомянутым выше критериям. Например, количество квадратных метров в аудиториях на одного студента в Москве должно быть 13 квадратных метров (в провинции — другие требования по метражу). У нас 11 с небольшим. При этом не берётся в расчёт, что у нас сейчас проводится реконструкция всего комплекса зданий, после которой будут расширены учебные площади.

О другом критерии, касающемся научных исследований. Он не затрагивает количество и качество выпущенных монографий, книг, учебников, проведённых в институте международных и российских научных конференций, симпозиумов, семинаров, деятельность студенческого научного общества, Совета молодых учёных и т.д. Трудящиеся у нас заслуженные деятели науки и почётные работники высшего образования России в отчёт не попадают, потому что министерство интересуется лишь суммой потраченных за год денег на одного преподавателя. Между тем, если говорить о на-

учной и творческой работе, то следует подчеркнуть, что 80 процентов преподавателей института имеют докторские и кандидатские научные степени. В институте сформированы три основных направления научно-исследовательской работы:

— *филологические науки* (изучается язык как материал словесности: история русского литературного языка, его современное состояние; теоретическая стилистика; язык русской художественной литературы прошлого и настоящего; язык отдельных писателей);

— *литературоведение* (изучается литературный процесс: теория, история, практика; современное состояние зарубежной и русской литературы и критики);

— *русская литература* (изучается история и современное состояние русской литературы).

Функционирует диссертационный совет по защитам докторских и кандидатских диссертаций по трём специальностям: Теория литературы. Текстология; Русский язык; Русская литература (по филологическим наукам). За 5 лет проведено 29 успешных защит, из них 8 докторских. За 2011 г. сотрудниками опубликовано 11 монографий, 8 учебников, которыми пользуются многие вузы, 15 учебных пособий. Кроме того, преподавателями института было издано 36 книг и художественных переводов. Всё это осталось вне критериев мониторинга.

Каковы доходы института из всех источников на одного преподавателя? — это ещё один критерий, по которому проверяют сегодня высшую школу. То есть рассматриваются доходы вузов от платного обучения, гранты на научно-технические разработки, внедряющиеся на производстве, — это тоже критерий для всех вузов. В Москве должен быть показатель — 1,5 миллиона рублей на человека в год, а у нас, несмотря на то, что мы творческий вуз, приходится на штатного работника более 1,7 миллиона рублей.

Но, исходя из специфики нашей творческой деятельности, мы привлекаем — в зависимости от развития, содержания и потребности того или иного курса и предмета — преподавателей-совместителей. Например, для чтения спецкурсов по текущей, то есть современной отечественной литературе. А это уменьшает формальный показатель на 100 тысяч рублей. Причём, совместители, как вы понимаете, — подвижная категория преподавателей, и в этом году их может быть больше или меньше, чем в прошлом.

Ещё один критерий — ЕГЭ. У нас ещё до ЕГЭ существуют три дополнительных испытания для абитуриентов; опять же, предметно-содержательная деятельность творческого вуза требует такого подхода. И, даже, несмотря на это, средний бал ЕГЭ у нас 7-й по стране среди всех вузов.

— *Это очень высокий показатель.*

— Вот именно. И, разумеется, если бы учитывалась вся совокупность результатов от всех направлений нашей работы, то картина по результатам мониторинга была бы иной. Например, по учебникам наших преподавателей учатся студенты в других вузах, но подобные параметры не учитываются в мониторинге на эффективность и неэффективность. Есть ещё такой критерий — количество закончивших институт иностранных граждан. Но наши студенты — поэты, прозаики, драматурги, критики — пишут на русском языке. У нас нет факультета, на котором бы обучали молодых литераторов писать стихи или прозу, например, на японском языке. При мониторинге не учитывалось и то, какие у нас стажёры, аспиранты, какой обмен с зарубежными вузами, деятельность летних школ по русскому языку для иностранцев и российско-корейского центра, учреждение российско-итальянского и российско-белорусского конкурсов для молодых литераторов и переводчиков, работа в составе учредителей «Института перевода» и т.д. и т.п.

— *А издательское дело? Выходят ли в Литинституте свои альманахи, другие книги?*

— Хотя собственных средств у нас не так много, мы стараемся заниматься издательской деятельностью: недавно возобновили альманах «Тверской бульвар, 25», есть ещё студенческий альманах «Пятью пять», в котором студенты публикуют не только стихи и рассказы, но и свои научные работы. Сейчас наладили ещё и издание дипломных работ студентов-заочников. Издаются книги по материалам научных конференций и литературных чтений.

— *Помню, у нас на курсе были казахи, узбеки, киргизы, ингуши, грузины, армяне... Недаром в 1983 году Литературный институт наградили Орденом Дружбы народов. Кстати, из его стен вышло несколько министров культуры Российской Федерации. Литинститут издавна сравнивают с Царскосельским лицеем, в котором учился Александр Сергеевич Пушкин и целый ряд юношей, ставших затем писателями и государственными деятелями XIX века. Но всё это — культура нашей страны... А вот с прагматичной, менеджерской точки зрения всё выглядит иначе: Москва, Тверской бульвар, метро «Пушкинская», старинный трёхэтажный особняк с внутренними двориками, сквером и приусадебными постройками. Лакомый кусок. И попавший в «чёрный список» Архитектурный институт тоже в самом центре Москвы расположен...*

— Многие обращают на это внимание.

— *Как известно, рейдерство бывает разных типов. Коммерческим структурам, имеющим своё лобби в правительстве, наверно, очень бы хотелось построить на месте Дома Герцена, рядом с тремя театрами, и, в общем-то, недалеко от Кремля, скажем, отель. Мы живём в капиталистическом мире... Как отреагировали на результаты этого безграмотного мониторинга мэтры отечественной литературы и вообще — общественность?*

— Многие писатели — с негодованием или возмущением, с недоумением. В правительство были направлены протестные письма и обращения от различных писательских союзов, редакций и издательств, из разных городов.

— *И, благодаря возмущению общественности, Литинститут вывели из «чёрного списка». Так сказать, «под напором стали и огня»?*

— Наш институт и МАРХИ вывели из этого списка, так как критерии мониторинга не отвечают творческой специфике Литинститута.

— *А Консерваторию, ВГИК и ГИТИС эта история вообще не коснулась, не так ли?*

— Они относятся к Министерству культуры, там учли творческую специфику вузов.

— *Конечно, современные реалии не могут не сказываться на учебном процессе. Впрочем, реалии бывают разные. Например, в 1980-е годы не было компьютеров, и литераторы писали авторучками или печатали на пишущих машинках. Как в Литературном институте обстоит сегодня дело с компьютеризацией учебного процесса?*

— Компьютеризация — очень важный аспект современного вуза. Несколько лет назад была возможность приобрести компьютеры, и мы сполна использовали эту возможность, оборудовали лингвистический кабинет. Сегодня есть определённые сложности, так как не выделяется средств на модернизацию компьютерной базы. С возникающими трудностями приходится справляться своими средствами. Это касается не только компьютерной базы; при ограниченном государственном субсидировании нам удаётся оплачивать часть коммунальных услуг из заработанных средств. Так что причин для уныния нет. Тем более, что было поручение Президента В. В. Путина о включении Литературного института в федеральную инвестиционную программу по реконструкции, реставрации и воссозданию прежнего облика зданий Литературного института.

— *Каковы ваши ректорские планы на будущее?*

— Хотелось бы провести реконструкцию и реставрацию зданий института так, как задумали. И ещё: при Литературном институте создаётся Музейно-культурный центр, в котором будем проводить творческие встречи с выпускниками и выдающимися писателями современности, собирать их писательские архивы, в том числе всё, что связано с историей литературы XX века, с историей Литинститута, — как сохранённое национальное достояние.

— *И прекрасно изданный трёхтомник воспоминаний о Литинституте найдёт достойное место в этом музее.*

— Да, и вскоре выйдет четвёртый том. Есть уже осуществляемый план занятий со школьниками, нацеленный на то, чтобы лучшие наши традиции работали на образование подрастающего поколения, помогали бы в воспитании тех людей, которые интеллектуально, духовно, эстетически будут понимать разницу между настоящим искусством, настоящим творческим поведением, и тем, что мы видим нередко сегодня в сфере так называемой массовой культуры. Это особенно важно при теперешнем понижении общего культурного уровня, чрезвычайно необходимо для молодого поколения, которое мы постепенно теряем в бескультурье медиа-электронного варева, в условиях падения интереса к литературе и русскому языку даже в общеобразовательных школах.

Ежегодно в весенние и осенние каникулы мы проводим уже ставшие традиционными совещания молодых дарований — потенциальных абитуриентов Литературного института.

— *Нередко большую помощь учебным заведениям разного уровня оказывают попечители. Насколько я знаю, в Литинституте также создаётся Попечительский совет, не так ли?*

— Да. В него должны войти представители законодательной и исполнительной власти, различных министерств, государственных, общественных и коммерческих организаций, СМИ, издатели... Я согласен с высказыванием министра культуры Владимира Мединского о том, что творческое образование является национальным достоянием наряду с Эрмитажем и Оружейной палатой. И мне бы хотелось, чтобы одна из наших национальных ценностей — Литературный институт — сохранялся и совершенствовался в новых исторических условиях, и, сохраняя традиции, приобрёл все те преимущества, которые даёт модернизация. Надеюсь, что Попечительский совет поможет нам в этом.

Беседовал Сергей ГРАЧЁВ,
выпускник Литинститута 1986 года

АЙДАР САХИБЗАДИНОВ

выпускник Литературного института 1993 года

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Повесть

Это было давно, в другой Казани, что утекла во времени, как и та (бывшая в ту пору) Волга.

Каждые полгода, грохоча по железному мосту, поезд увозил меня в межгорье над рекой — вдаль, в Москву. В моём чемодане лежали неряшливые черновики провинциала.

Каждый раз, прочитав рукопись, руководитель семинара прозы Феликс Кузнецов склонял убелённую голову, молча трогал руками страницы... Он поднимался и начинал говорить о литературе. Глубоко, вселенски — совсем не так, как писал в «партийных» книгах. И с заднего ряда было видно, как в страхе космического познания сжимаются спины слушателей. Он поворачивался ко мне и говорил:

— В вас есть искра Божия... — и добавлял многозначительным шёпотом: — У вас есть... шанс.

Главный критик страны, член-корреспондент АН СССР, задавший в своё время Солженицыну, Евтушенко и Ахмадулиной такого перца, что тем надолго стало мурно, — он, чьи «кирпичи» изучались во всех гуманитарных вузах как устав, с кем при встречах великие бонзы, Брежнев и Андропов, пускали слезу и лбызались, как братья, — этот «кремлёвский монстр, второй Жданов», на которого в пору «ловли ведьм» посыпались демократические камни, — этот человек обожал меня!

Стоило ли мне опасаться его любви?..

Вещи мои были о человеческих судьбах, трагедии, и я был честен. И получал за труд. Хотя и стали потребностью льстивые рукопожатия в коридорах, пульсирующие в ладонь про «шанс! шанс!», и открытая зависть «западников», зеленеющих при упоминании о Шолохове и Толстом, и посещение комнаты ревнивыми пятикурсниками... Чтобы не принимать всё это всерьёз, я работал. И сосед по комнате, поэт-символист, тоже не спал ночами, ворочался в творческом бреде, заражённый, — вместе со мной отрывал на ночном кладбище цинковый гроб афганца...

Появились первые публикации с отличными отзывами в столичных изданиях. Но хотелось большего.

Я завидовал в стране лишь одному человеку...

И однажды дома вынул из почтового ящика большое письмо. В обратном адресе значилось: Красноярск, Академгородок... Я быстро разорвал конверт. Двойной листок ученической тетради был исписан острыми, вытянутыми вкусом чернильными буквами. «Ну и наворочал ты, брат! Талантливо и очень!» — прочёл я первые строки...

Я ещё раз посмотрел на обратный адрес: это он, которому я завидовал. Венценосный Астафьев, автор «Царь-рыбы», произведения, которому по концентрации таланта я не знал в мире равных. Что оставалось мне, молодому человеку, который ещё в пору детства, в четвёртом классе, выйдя ночью в осенний сад, блестящий влагой на ветках и звёздами на небе, вдруг прошептал, потрясённый мирозданием: «Я буду настоящим писателем!»? Что оставалось? Согласиться, что мечта сбылась?

Я переживал счастье в одиночестве. По утрам писал рассказы. Они получались ещё лучше! Отвечал на письма друзей. Вечерами уходил в городской парк. Посещал кафе. Сидел в уединении. Вина я пить не мог. Кровь была отравлена. Год назад я продал душу дьяволу, и он задушил зелёного змия.

Когда-то я делал «выходы» похлеще Ивана Флягина, очарованного странника. Возвращался домой визави с волосяными улыбками — в обнимку с парнокопытными, бьющими в бубны и барабаны... Наскучивало, выгонял их кочергой из-под дивана и спускался в подполье — посчитать, пересыпать в ладонях алмазы, поправить в мешковине ручной пулемёт — тихонько, но с хитрецей: оставив нарочно творило открытым, чтоб подсмотрели, чертяки, — и убоялись! Надоедало и это — приводил покупателей-держиморд к дому, чтоб продать его и жить самому в землянке, как жили на Руси отшельники, занавесившись от бренного мира рогожкой. Наскучивало и тут — продал всё ж душу черту. И вот пить не мог...

— Ты не имеешь права! — кричала мне по телефону жена одного писателя, когда случился кризис. — Ты не принадлежишь сам себе. Иначе ты — преступник!

И вот с отравленной кровью, сам себе не принадлежащий, я сидел вечерами в кафе, как достояние республики. Слушал музыку, влюблялся в сикстинские лбы задумчивых школьников.

Это было кафе «Визит», с купейчиками, как в вагоне, с матерчатými стенками и плывущей в проходе музыкой. Как в вагоне, за обшивкой которого полощется воздух, здесь ощущалось трение времени... Сюрреалистичность кафе дополняло и то замечательное обстоятельство, что оно находилось дверь в дверь с конторой ритуальных услуг. В матовом окне соседей мерещились трость, гроб и шляпа, и ещё картонные туфли, застывшие в «па» чарльстона...

Я шёл в другое кафе. За углом. Без названия. Оно тоже было странным: глядело через дорогу на кладбище. Я сидел у окна, тянул густую кровь кофе. Передо мной, над льющемся в стеклянной витрине перламутром фруктовых соков, возвышалась бронзовая статуя Афины, в такт музыке подсвечиваемая от изножья нежно-алыми вспышками, а в окне, через дорогу, смотрел на меня, как бы распятый на самом бытии, высокий католический крест.

Ещё было не поздно, когда я садился в трамвай и ехал, от кофе мудрый, умиротворённый. В окне плыл зимний город. Все та же кладбищенская ограда, отпечатавшиеся в небе сучья деревьев, каменные ворота. Я видел глазами Рустема Кутуя, шагающего вдоль ограды писателя Топчего, высокого, сутулого, дёргающегося от кашля. И самого Кутуя в пустынной квартире, похожей на мансарду, с огромным, от пола, окном, — за письменным столом: тонкие черты, львиная эспаньолка и шевелюра с роящимися в ней вселенскими мыслями, писателя — антипода героя книги любимого им Оскара Уайльда: внешне старца с вечно юным бунтующим сердцем.

И вновь дома, дома, арочные ворота в мир умалишённых — и надо всем этим, над головами идущих прохожих, парила царственно вскинувшая руку легкобедрая Афина, в одежке тьмы, то и дело обнажалась с пурпурным светом снизу вверх, снизу-вверх — методично, от точёных колен к груди...

Мост через Казанку — аварийный. Посты ГАИ пропускают только легковые автомобили. Отцепляются вторые вагоны трамваев. Как в спринте, они пускаются через страшный мост, стремительные, куце-боязливые, и каждому вагонновожатому, достигшему кромки другого берега, кажется, что сзади, под искрой последнего колеса, зависшего в воздухе, рушится в воду неисправный мост.

Остановка «Дворец химиков». Здесь, на площади, всегда ветрено. Когда-то на этом месте стоял Кизический монастырь. Целый город, возложенный камень к камню, с церквями, службами и колокольнями... Говорят, возможности человеческой памяти беспредельны, и можно извлечь из неё даже то, о чём думал каменщик, кладя данный кирпич. Так сколько же было тут камней-мыслей? Сколько судеб, вмурованных с думою в кладку! Время...

Здесь были усыпальницы деда Льва Толстого, графа Ильи Андреевича Толстого, казанского губернатора, умершего в 1820 году, и Мусиных-Пушкиных, Баратынских...

Призрачная обитель, форпост кремля, дрейфующий в древность под стражей чубатых сосен...

В стеклянном дворце музыка, мигающий свет. Музыка и танцы. И пьяный диск-жокей. Иногда он падает со сцены. На лету его ловят за фалды пиджака и, словно куклу, усаживают на место. Помотав головой, он вновь вскидывает руки, как барабанные палочки, несёт в микрофон несусветное.

Бледный лик в полумраке я заметил давно. Невысокая, она была похожа на девочку. Но в танце я ощутил высокую грудь, маленькие цепкие руки. Глаза шурились и казались чёрными.

— Знаешь, детка, в чём прогресс человечества?.. В том, что здесь, под бетонным полом, — кладбище.

Она посмотрела пристально.

— Мы и есть те самые бесы, которые на гробах пляшут.

Танец кончился, я отвёл её на место и пошёл вон...

— Постойте! — она окликнула меня на ступенях. Остановилась и, взявшись рукой за поручень, стала спускаться медленным шагом. — Кто вы?..

У неё были чёрные волосы, на прямой пробор, чуть подстриженные, и белое, молочно-розового цвета лицо, в которое, казалось, можно было смотреться.

— Я?.. Червь, царь, убийца.

— Похожи, — сказала она твёрдым голосом, ничуть не изменившись в лице. Я видел наше отражение в стенном зеркале, за перилами, и мог наблюдать за нами обоими как бы со стороны. На затылке у неё, рядом с макушкой, был бантик, стягивающий хвост волос кверху, чтобы казаться выше ростом. Наблюдение со стороны придавало мне чувство превосходства. Между тем её глаза смотрели с улыбкой — властные в глубине глаза.

— На кого же? — поинтересовался я.

— На себя, — она смотрела не моргая. — Я вспомнила. Видела ваше фото в газете. Вы пишете прозу.

У неё была чёткая, уверенная речь. Мне понравилось, что не сказала «книжки», ни тем более «статья», как неграмотно выражались мои знакомые студентки-гуманитарки, а именно: прозу.

Одевшись, мы вышли в парк. Стояла ночь. Декабрьское небо вымывал верховой ветер, оно было синим и чистым. А низом, цепляясь за крыши домов и кроны сосен, летели в сторону Волги тучи. И в шуме хвои, качке теней, казалось, речут стены монастыря.

Мы шли по аллее. На ней была шубка и берет, надетый с шармом; он был к лицу, и она это чувствовала, веселела глазами. Руки она держала в карманах шубки, сшитой без вытачек, отчего полная грудь выпирала упрямо и неуклюже, как у рано созревшей школьницы.

Оказалось, она побывала замужем. Муж её был хирург, аспирант, неудавшийся учёный...

— Он держал меня за пигмейку. Приходил поздно. Говорил колкости. Я только молчала. Потом понял, что может меня потерять... Я никогда не возражала, не ссорилась. Но в душе осталось столько яду...

На другой день она сказала, что была знакома с известным композитором. Они расстались, тот устроил ей сцену. Человек с определёнными требованиями к женщине, он заподозрил её в чём-то. Вернее, сцену устроила она, оскорбившись. Сделала очную ставку с его другом, помогшим ей поступить в трудный институт, где она заочно училась. Композитор и друг потерпели крах...

Мне было всё это неприятно, я обрывал её.

— Нет, ты должен всё знать! — говорила она, быстро откидывая волосы от чистого лба, будто открывала самую душу...

— Он тоже был старше меня. Намного. Но возраст меня не интересует. Как и внешность. Терпеть не могу смазливых парней! Обезьяны. И, в конце концов, мы...

— Прекрати.

— Но я должна!.. — перебивала она скороговоркой.

Перламутровые струи фруктового сока у стойки буфетчицы брызгали на стекло. Я слушал её с нежным чувством, и пурпурный отсвет на теле бронзовой Афины возвещал о победе, победе, победе...

Мы поехали ко мне. В полночь она молча вышла в прихожую. В кружевной сорочке, расчёсывала у зеркала чёрные волосы. Под светом матерчатого абажура темнели у ключиц голубые вены. Лицо было детским — и потому поражала её грудь: большая, материнская. И вдруг мне стало жаль себя: я понял, что влюбился.

— Ты знаешь, — сказал я, — у меня уголовное прошлое. Я был наркоманом и продал этот дом. А ещё у меня есть сын, и он лишь чуть-чуть младше тебя! — я жестоко ворошил своё досье и говорил, говорил...

Теперь мне стало жаль её...

Таких откровений она не ожидала. Тихо присела на тумбу у зеркала.

Я указал на дверь, и указал на себя.

— Вот — я. Вот — порог. Выбирай.

Отвернулся и ушёл в спальню. Лёг в темноте, закурил. Шли мучительные минуты... В тишине вдруг почувствовал: она вошла. Тихо села в изножье постели.

Я молчал, сердце колотилось. Наконец она шевельнулась, склонила голову и тихо проговорила:

— Завтра у меня выходной. Я хочу на концерт. Мы никуда не ходим.

— Ты понимаешь, я намного старше тебя?! — пытал я её в другой раз. — Я могу заболеть. Я такой тяжёлый. Я вешу сто килограммов!

— Я буду носить тебя на руках, если заболеешь, — сидя на стуле, она попыталась улыбнуться, но под моим пристальным взглядом сникла.

Одoleвая робость, вновь сказала:

— Я буду стараться (посмотрела умоляюще). И ведь у нас будут дети, много. Я буду как клушка и сама постарею (глаза обещали постареть). Ты не знаешь меня, какой я могу быть!..

И вдруг я чётко представил, какой славной она может быть, — эта девочка с большой, материнской грудью... Я протянул ладонь к её лицу и дрожащими пальцами отрагивал её волосы, сам воздух вокруг головы, точь-в-точь как Скупой рыцарь — золотую, с алмазными каменьями раму, и не смел коснуться её лица.

Тогда, месяцами двумя раньше, в Москве у меня вышла первая книжица, и ещё оставались деньги, которые я мог транжирить: покупать дорогие в ту пору «сникерсы», водить её в кафе, отвозить домой на такси.

— Скажи, какая тебе выгода от встреч со мной? — иногда спрашивала она с вкрадчивым любопытством.

У себя дома я кормил её свежим недожаренным мясом. Парное, выдержанное на сильном огне, оно издавало первобытный костровый запах. Дымилось в её ровных зубах, истекало сукровицей. Кусая, она топырила пальчики, глаза изображали вос-торг.

Нам было весело. Порой она становилась сущим ребёнком. Наскучивал разговор — набрасывалась на меня с пледом в руках, охватывала им голову, валила на диван и мучила с игровой кровожадностью дитяти.

Всклоченный, запыхавшийся, я высвобождал голову и усаживался отдышаться. Она кидалась ко мне на колени и, обняв за шею, лоб в лоб, в пытке клонила мою голову книзу:

— Скажешь, какая выгода?

Мучимый, я лукаво отводил глаза в сторону, словно боялся проболтаться... Тогда она усаживалась на мою грудь верхом и с усердием маленького палача придумывала новую пытку:

— Сей-час...

В годовщину смерти Пушкина я взял такси, и мы поехали по Оренбургскому тракту. Миновав Воскресенский монастырь, въехали в гору, в берёзовую рощу. У опушки вышли из машины. Было морозно, небо — звёздно. Лес за снежной поляной чернел, пустой и голый. Устрашал равнодушием. Словно готов был принять и любую другую дуэль. Мне вспомнились мои юношеские стихи:

*... Ствол пистолета чёрен, пуст,
Грядёт зловец, без отсрочки.
Гром-молния! И снежный куст
Махнул Ариновым платочком.*

Совсем не то. Всё было проще и страшнее. Как-то живодёрней.

Перед поездкой я топил печь, угли ещё пылали, но я закрыл заслонку. По возвращении угара не было, изба продышалась. От печи пахло накалённым кирпичом, как в бане. Розалина стянула с головы толстый вязаный свитер, осталась в чёрной майке с вырезом, и видеть после мороза её кожу обнажённой было как-то странно. Мне очень хотелось взять её в лес, но, приехав туда, я понял, что не в состоянии при ней почувствовать то, что ощутил бы в одиночестве; да и она следила на опушке за моим лицом — лицом писаки, вспоминающего Пушкина. Я чувствовал себя лицедеем...

Я был внутренне недоволен, она это видела, и, когда я заговорил, склонила голову и тихо помешала ложкой чай.

— Не так поэзия, творчество интересует в нём, как его жизнь. Самым несчастным из умирающих был *он*. И умирал в страшном одиночестве. В его возрасте человек всегда одинок, не может найти новых друзей; душа приобретает множество таких тайн, которыми уже не поделишься... Нынче одни сюсюкают: «Натали, Натали»; другие, кто почестнее, лишь отдают дань уважения его симпатии. Дальше — забор: не хотят рисковать репутацией, бояться камней идиотов, а больше лицемеров, кто зарабатывает очки на публике. Честна была Ахматова, она особо, по-женски подошла, с патологической ревностью. И видела Натали просто, как в бане баба видит бабу...

Но ведь и другой в судьбе молодого Пушкина быть не могло! Не могло быть другой. Творец всегда вдохнёт содержание: он видел её такой, какой хотел видеть. Аристократ, человек с эллинским воображением. В её вьющемся локоне, в прожилке у виска для него клубилась история: кровавые войны между Августом и Антонием, ревность Катутла, крах обманутого в любви Наполеона... Если женское лицо не вызывало в нём ассоциаций, — какая там жизнь! Ему нужен лик. Лунный... Я всё думаю, почему красивые женщины, в лице которых природа, казалось бы, запечатлела всё, верх Совершенства и саму Добродетель, — почему они так часто являются порождением зла? Они, а не Дантесы? Те нажимают лишь на курки. Мужчины-литераторы этой темы мало касаются, потому что боятся прослыть женоненавистниками. Заметь: её обличали только женщины: Цветаева и Ахматова. Думаешь, она не знала, куда плывёт семейная лодочка и кто вообще её муж? Она всё требовала денег, самолично, как деспот, назначала Смирдину гонорары за сочинения А. Пушкина, который вынужден был краснеть и прятаться в другом кабинете при появлении издателя. Это уже был не тот ясноглазый Пушкин, а хмурый муженёк. Знаешь, почему об этом помалкивают?.. Да потому, что всё скрывал сам Пушкин! Мужчине всегда стыдно, что жена изменяет. В конце жизни Пушкин жил мучительно трудно. Это надо не только знать, но и почувствовать. Когда ему всё открылось, он ужаснулся грязи. Муки ревности — и обида, обида! И за всё это — пуля в живот. Чтоб обижался вдвойне!

Он умирал, она, «... чистейший образец», ждала его смерти. Не из ненависти. Хуже и гаже! Чтоб скорее всё кончилось, ушёл главный свидетель. И он это знал. И сам просил уничтожить письма, всё, что могло опорочить семью. Каждая семья несчастна по-своему. Дантеса он простил, а её нет: ведь не за что! Если где пишут о прощении, то врут. Он втайне плакал...

Вот говорят: добро, доброта... Настоящая доброта — это зло. Потому что она — справедливость. А не мягкотелость. Это про неё, про мягкотелость, слюнтяйство, говорят: мол, хуже воровства. А не про ту доброту, настоящую, которая и есть справедливость. Мягким быть проще, безответственной. Добрым трудно, врагов наживёшь...

Я ушёл в соседнюю каморку, откинул шторку, закурил у окна. Небо было чёрным, звёзды проступили ярче, появилась луна, лик её был отуманен...

Она стояла сзади меня, держа в руках чашку свежего чая.

— Вот, — она поставила её на подоконник, возле горшка с алоэ. Я уткнулся головой в её грудь:

— Когда я буду целовать твой беременный живот?..

Предстояла разлука. У неё наступила зимняя сессия. Учёба ей давалась плохо, и она старалась. Я покорился судьбе. По вечерам бродил в одиночестве, посещал литературное объединение Зарецкого.

В ЛО при музее Горького я начал ходить ещё школьником. Семидесятые...

Это, прежде всего, молодой и красивый Марк Зарецкий, бедный, вдохновенный поэт и совок, с длинными, как у Христа, волосами. Прекрасная дикция, знание наизусть сотен страниц российской поэзии, великолепное артистическое чтение — как альтернатива стихам заносчивых «гениев».

Я тоже принёс тогда поэму. Сусальный эпос в стиле Пушкина. Меня разбили...

До этого я показывал отрывки из неё Юрию Белостоцкому, секретарю Союза писателей, ветерану-бомбардировщику. Это был плешивый, очень симпатичный дядя с синими глазами. Он здорово хвалил мою рукопись. Помню, мы сидели в кабинете в Доме печати на Баумана. Кто-то вошёл. Белостоцкий не сдержался, кивнул: «Гляди, юный Лермонтов!» Я был на небе. Возвращаясь, вспоминал тот осенний вечер в саду в пору детства: свершилось, я стал писателем.

И вот какой-то «Мрак Зверецкий», как называл его в своём эпосе Лоренс Блинов... Нет, у меня просто слов не было! Я взял шапку, рукописи и пошёл вон. Демонстративно загремел тяжёлой зимней обувью по трескучему дереву старых ступеней!

— Ты вернёшься! — воскликнул Зарецкий.

Я пошёл, конечно, к Белостоцкому. Понёс обиду.

В тот день я увидел сразу всех казанских писателей. Было заседание правления. Я нашёл актёрский зал, приоткрыл дверь и узрел уши избранных. Со сцены выступал Ян Винецкий. Жестикулируя, он яростно критиковал чей-то роман о шахтёрах. За то, что герой выпивает после работы. Где это видано в советской стране? Разве можно доверять такому отбойный молоток — священное орудие стахановца?!

Тогда был январь, на улицах мело. Шапка в моих руках была мокрая. На душе тоже стало неуютно. Я прикрыл дверь.

После заседания Белостоцкий принял меня сдержанно, хмурился. Наверное, обо всем знал. Прозаик, он, кажется, понял свою ошибку: так, как я, нынче не пишут.

Зарецкий был прав: я вернулся. Любовь к поэзии была выше моих амбиций.

Я терпел критику, изломал стиль. Меня били по-прежнему. Громили и студенты-старшекурсники. Таланты Сергей Карасёв, Равиль Бухараев были ещё терпимы. Но вот эрудиты и «вознесенцы» рвали меня в клочья. Выросший в татарской семье, где говорили только на родном языке, я был ещё мало начитан, и не мог противостоять эрудитам. Кроме Пушкина и романа «Война и мир» ничего не хотел знать. Толстого я читал медленно, с упоением, перестал ходить в школу. Меня поразил его стиль, он был как стерео-голос — над полями сражений, балами, дубравами, над всей моей жизнью. Я жил той эпохой, её чувствами и понятиями о чести, родине.

Вот это и было то, что я мог им противопоставить. Не знание, не эрудицию, а чувство, как *должно* быть писателем. Как видеть мир. Теперь, сопоставляя Льва Толстого и Вознесенского (у которого земной шар — мотающийся «арбуз в авоське»), можно представить, какие были сшибки, то есть какие обиды получал я...

Мне не повезло, я попал в литобъединение раньше своего времени, мальчишкой. Года через два волна старшекурсников должна была схлынуть, и я бы избежал «де-

довщины». Сыграла роль и *вписываемость души*. Пацан, я был им неинтересен. А если «возбухал», то давили на равных. Да так, чтобы поболее молчал, не отнимал времени.

Однажды литобъединение посетил высокий старик со включенной шевелюрой. Он спорил с молодёжью. Рассеянный, с большими узловатыми руками, что-то доказывал, отрицал со страдальческим оскалом на лице. Племя, «младое, незнакомое», подтрунивало, мелькали ехидные усмешки. Старик казался одиноким. Зарецкий молчал, наблюдал с интересом.

И вот этот сухой, высокий человек, исчерпав аргументы, поднялся на сцену (чего никогда не делалось) и начал рассказывать стихотворение. Размашисто жестикулируя, он напоминал корявое дерево над обрывом. Его огромные пятерни с растопыренными набалдашниками пальцев взмывали к потолку. Он закончил стихотворение словами о гробе человечества «из бетона и стекла».

Молодёжь как во время чтения, так и после снисходительно кивала — с сожалением об очередном старце-маразматике...

Когда он ушёл, я узнал, что это был писатель Топчий. Бывший узник концлагерей. Зарецкий устраивал в ЛО кровопролитнейшие сражения. Между «зубастыми». Он бредил схватками. Чего стоили Булат Галеев и Лоренс Блинов! Умница, ходячая энциклопедия, в критике Лоренс был сушая пиранья и рвал с мясом.

Если Зарецкий проживёт лет на пять больше, то это благодаря адской энергии, что инъецировал через укусы Лоренс.

Однажды Зарецкий сел и написал гениальное стихотворение:

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.*

*Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.*

Как положено, переписал в трёх экземплярах, раздал кружковцам, прочитал вслух и сел в рядях, притих...

Какая тут разразилась критика!

— Чепуха! — полетело со всех сторон. — Вата! Это мог написать человек с умом кролика. Идиотизм!

Казалось, с каждым ударом Зарецкий становился ростом меньше, в плечах уже. (Надо представить, какой бармалеевский зуд, между тем, он удерживал в желудке! В его сети попала вся стая пираний. Сразу!) Он выжидал. Чтоб зафиксировать факт окончательно, чтоб поглубже впутались.

— Так, хорошо, — пробурчал, наконец, всё ещё с видом побитого. — Чепуха? — может быть. Кролик писал? — тоже очень может быть...

Обижено кривя шею, он поднялся, достал из портфеля книгу.

— А. С. Пушкин. Стихотворения. Том такой-то, страница такая-то... — прочитал он и заново, уже по книге, повторил то, что было подано на съедение в виде рукописных знаков.

Наступила историческая тишина.

Казалось, было слышно, как в подвале, в музейной печи, где работал Пешков, шоркаются в чанах тараканы...

Наконец в задних рядах зашевелились. Послышались шаги по деревянной лестнице.

— А чё, Пушкин плохих стихов не писал, что ли? — обронил кто-то.

— Хи-хи-хи...

С тех пор прошла четверть века.

Он всё так же ведёт литобъединение. Лишённый работы, но бескорыстный. Государство не платит ему лет десять.

Когда я вошёл, увидел те же очки и глаза. Лишь голова была седая. Он готов, как и прежде, сидеть с начинающими авторами допоздна, до голодного обморока. И никто не уйдёт, не обсудившись. Ни юнцы. Ни, тем паче, пенсионеры, щепетильный и ревностный пиитический класс. Он тщательно прорабатывает каждое стихотворение. Ибо знает, какой ценой они даются.

Давным-давно из иных мест я прислал в литобъединение через сестру рукопись. Это была уже проза, первый рассказ. Его читали вслух и обсуждали на полных правах присутствующего. Отзыв в письменной форме я получил в камере. Тёплые слова сделали меня вольнее вольных...

Он служит слову.

Почему он не стал единоличным правителем муз, не развил в себе автора?..

В нём живёт три таланта: Олеси, Бабеля и Мандельштама. Они пожирают друг друга, бражничают и толкутся, не давая возможности кому-то в уединённой муке реализоваться. И он, обильный, пошёл в люди, в сердца — вибрацией произносимого слова.

В литобъединении при музее Горького занимались Рустем Кутуй, Диас Валеев, Роман Солнцев, Ахат Мушинский, спасший меня от тюрьмы.

Это единственное место в Казани, где меня бьёт мандраж поэзии.

Уходя, я пожал его дряхлеющую руку.

— Дрожит? — сказал я.

— Ничего, в бронзе не будет! — заверил он, широко обнажив сквозь бороду зубы...

Счастье видеть божественного Кутуя мне выпало ещё в детстве. Это было в другую эпоху. Тогда ещё молодые были и в полный рост ходили по земле те многие, что нынче лежат по погостам.

Лето. На Ждановской улице сумерки. Мальчик с удочкой через плечо, я иду с черного клёва. Мой деревянный трамвай, позванивая, убегает в древесно-мещанскую глушь улицы Островского, поросшую бурьяном. И вот из подъезда пятиэтажного дома, на стене которого нарисован лесник, выходит человек в клетчатой рубашке с короткими рукавами. Он что-то кричит прохожим. Я стараюсь его обойти... Но он уже поёт.

Это была ария из оперетты Кальмана «Мистер Икс». Я ничего не смыслил в операх и опереттах, но сильный голос запал в душу, — вибрирующий басами голос:

Да, я шут, я циркач, так что же?..

Пусть меня так зовут вельможи.

Как они от меня далеки, далеки,

Никогда не пожмут руки...

Он спел и крикнул на всю площадь:

— Молчать! — сделал рукой отстраняющий жест, будто отказываясь от аплодисментов. — Я вам не артист. Я — Рустем Кутуй!

Имя своё он произнёс грозно.

И вот через тридцать лет судьба свела нас. Грозный человек оказался отзывчивым, верным другом. Он и басу своему не изменил. Как-то мы ездили на дачу на Лебяжье. Ждали автобуса. И он рассказывал:

— Тут недалеко живёт моя первая жена. Внуки. Они называют меня «плохим дедушкой». Я ж бродяга. Ну вот, как-то поехал на дачу, автобуса нет, замёрз. Сходил в магазин, и вон там, под кустом, согрелся. Ну, думаю, внуков проведу. Пошёл, позвонил, в ответ — тишина. Дома никого не было, но показалось, что мне нарочно не открывают. Я не стал лягать дверь. Решил их наказать по-другому, посредством искусства. Представляешь, всю ночь пел под окнами.

— Арии?

— Угу, — он посмотрел исподлобья. — Бегал вокруг дома как угорелый, и горлачил. Басами уничтожал условности света. Мне хлопали. С балкона девицы бросали цветы, хихикали...

Когда мы стали работать в одном журнале, встречались чаще. Как-то Кутуй заболел. Я поехал к нему в больницу. Начался тихий час. В здание впускали только больных. Я проскользнул. Поднялся наверх. Как раз Кутуй выходил из курительной комнаты с двумя потёртыми типами, похожими на злоумышленников. Они как-то незаметно «рассеялись»...

Мы вошли в небольшую палату. Как заслуженный деятель искусств, он жил в отдельной.

— Как дела? — спросил я.

— Плохо... Завтра придёт главврач.

— Ну и?..

— Будет расправа.

— За что?

— Опять пел.

Он посмотрел вопросительно, почесал голову. Я отвернулся к окну, делая вид, что люблюсь рошей...

— Выпил чуток. Пришёл сюда, забаррикадировался, лёг, ну и... Говорят: «Сотрясал обитель...»

В нём совмещались интеллигентская деликатность и бунтарство. Он тоже за смывок продал дьяволу душу. И служил ему верно. В известные времена человек обеспеченный, в сердце он не со всеми ладил. Выходил на свой знаменитый балкон и в трусах (это болезнь многих писателей) начинал ругать власти, декламировал и заканчивал выступления какой-нибудь содержательной арией. Брутальный тембр сокрушал эфир над широкой поймой Казанки...

Как-то на даче я ему сказал, что в Москве нас (его и меня) называют не иначе, как *тата́ре*, а в Казани — *манкурта́ми*. И могилы наши будут сиры. Ну и пусть, добавил. «Ну и плевать», — сказал Кутуй. Помолчали. А горько!

Не встречаться с Розалиной стоило больших усилий. Однако это не было истязанием брошенного. Думы мои о ней были светлы и чисты.

Позвонить в Дом моды, где она работала, хотя бы услышать голос теперь я не имел возможности. Она училась. Прежде, когда я звонил, она просила сказать в трубку что-нибудь ласковое. И ждала. Я говорил глупость. И мы оба были счастливы. Тембр голоса, само дыхание — мы ощущали так, как только могут ощущать очень близкие люди. Смысл слов не играл роли, важен был только голос. И два взрослых человека, становясь детьми, получали от этой игры необычайную энергию и тягу к жизни.

Вечерами я поджидал её в фойе. Она выходила и тотчас спрашивала:

— Скучал?

Это был любимый вопрос.

— Ага, — отвечал я, выйдя в темноту улицы. — Принял душ и вылетел. Бегу по шпалам, там рабочая ветка, смотрю: вдали что-то чернеет. Подошёл — мужик. Пьяный. Положил голову на рельс, обнял, как подушку, и будто чего-то ждёт... Я поднял его, отлалял.

Он мычит, недовольный, покачивается...

Оттащил его ещё дальше, пристрашал и бежать. Опаздываю! Оглянулся, смотрю: стоит. Глядит вслед...

«Эй! — кричу. — Оплеух навешаю!»

Он качается и бурчит: «Я те навешаю...»

Что делать? — опаздываю! А если уйду, он опять, мерзавец, на рельс ляжет! Пришлось бежать в диспетчерскую. Сказал: мол, дурень там лежит, сообщите по радиации на локомотив...

Выслушав меня, она говорила:

— Молодец! Ты будешь надёжным мужем. А теперь ответь: скучал? Хорошо скучал?.. — она с вкрадчивым любопытством взглядывала из темноты... Я продолжал с нарочитой задумчивостью:

— Знаешь, кажется, раньше я где-то видел этого самоубийцу...

— Ой-вой-вой! — от нетерпенья завывала она, хватаясь за живот и делая гримаску; или била меня варежкой по плечу, а порой вовсе останавливалась, умолкала, глядя под ноги, — и я, низко пригнувшись, просил прощения, губами снимал с её щёк мгновенно похолодевшие на февральском ветру слезинки...

С началом учёбы время её стало строго расписано. Домой она приезжала поздно, ежедневно высиживая по пять-шесть пар. Это казалось невыносимым! Такие скучнейшие предметы! Выделка мехов, кож, органическая химия!.. Но она упорно трудилась...

Февральские вечера, зимнее время, когда начинало темнеть во втором часу пополудни, тянулись мучительно долго. Выдержал я лишь четверо суток...

Был девятый час вечера, когда я сошёл с трамвая напротив её дома. Издали заметил в её окне слабый свет.

Войдя в подъезд, поднялся на этаж. Одолевая тревогу (я вовсе не был знаком с её матерью), позвонил. В квартире было тихо... Я позвонил ещё. Тишина. Тогда я уверенней нажал кнопку звонка. Издали, от остановки, мерцание в окне походило на отсвет от экрана работающего телевизора.

«Мать... — думал я. — Или спит, или...» Я покосился на глазок в двери. Крошечный стеклянный зрачок оглядывал в своём широком радиусе всю площадку... Стало не по себе, я сунул руки в карманы и, насвистывая, спустился вниз на один пролёт. Сел на подоконник. Снизу поглядывал на дверь, на глазок...

Я вновь поймал себя на мысли, что боюсь встречи с её матерью. Это чувство внушал мой возраст. Казалось, я пришёл сюда украсть. Обмануть её ребёнка, находящегося в неведении по молодости, и мать могла открыть ей глаза. Втайне я почувствовал к ней неприязнь... Смотрел на добротню обитую дверь, коврик, поверх него второй коврик... Чувствовалась аккуратная татарская семья, где живут без мужичины — и потому идеальный порядок, нет сшибок, ссор, водки, всё рационально; и парень — одногодок дочери, разбирающийся в кожах, наверно, был бы здесь уместней и нужней, чем я...

«Что знает она обо мне?..» — думал я с самолюбивой обидой. И вместе с тем, глядя на обитую накрест дверь, в которую никогда ещё не входил, видел в этом тряпичном кресте для себя — *запрет...*

Неожиданно дверь подъезда сильно хлопнула, будто ударил ветер. И наверх кто-то побежал, пыхтя. Сердце у меня заколотилось. Я выглянул из-за перил. Она поднималась стремительными кругами, я узнал шубку... Подняв розовощёкое с мороза лицо, она увидела меня. Обрадовалась, схватила за руку и, пригнув от усилия голову книзу, потащила наверх. Я бормотал про свет в окне, и что, возможно, почтенная родительница...

— Это — ночник! В освещённую квартиру веселее возвращаться и воров отпугивает. Айда! Есть хочу, умираю!..

Мы сидели в опрятной кухоньке. Набив рот картошкой, она бормотала про учёбу, лекции; вскользь сказала, залезая под стол, что мать у подруги. Скоро придёт.

Вытащила из-под стола банку варенья. С удовольствием медленно капала-разливала бордовую сладость в маленькие хрустальные розетки — каждому по одной, и мне, холостяку, привыкшему ложкой лазить в банки, потому что мытьё посуды — каторга, было жаль их девственно сверкающей чистоты.

После чая она отвела меня за руку в зал, усадила на диван, включила телевизор, потом магнитофон, затем опять телевизор. Постояла. Выключила всё! С грохотом выдвинула ящик из стола, вынула и дала мне в руки фотоальбом.

Я рассматривал детские снимки. Вот она сидит на диване, свесив пухлые ножки. Вот в саду; лицо повёрнуто вверх к объективу; она упрямо тянет с головы панаму, щека вперёд, а в глазу такое откровенное недовольство, будто её кто-то сзади щиплет, а она терпит... Я нашёл её взрослую. Застолье. Чьи-то провода в армию. На плечи Розалины накинут сержантский китель, она безутешно рыдает. И если бы не лица подругек, любующихся её игрой, и не лукавый прищур её глаз, то фото могло бы породить ревность. «Это брат приезжал в отпуск», — пояснила она с улыбкой. На одной фотокарточке я прочёл надпись: «6 мая. Накануне свадьбы». В лёгком платье она стоит у подъезда, руки по швам, ноги плотно сведены в коленях. Без чулок, ещё без загара, они девственно-белы — и накануне непоправимого, кажется, оголены до потрясающей наготы!

Она с грустью смотрит из далёкого лета, чужого лета...

Я всё ждал, что вот-вот позвонит мать. Но видно было, что Розалину её отсутствие не беспокоило. После полуночи я понял, что мать вряд ли сегодня вернётся. Сам в ту ночь я работал дежурным строповщиком,

но не спешил: вагоны тогда ставили редко. Розалине на следующий день предстоял трудный зачёт, но это тоже мало её заботило, а после полуночи она вовсе махнула рукой: «Утром выучу!..»

Она принесла мне постель. Раздвинула в зале диван-кровать и накрыла свежей простыней. Приказав раздеться, уложила, выключила свет и ушла в другую комнату. Окна в квартире не занавешивались: этаж был высоким, а противоположные дома находились в отдалении. Луна освещала в квартире все предметы. И, лёжа посреди зала в чужом доме, я чувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение; то и дело подтягивал внутрь свои торчащие из-под одеяла ступни...

В цветистой пижаме, в штанцах с кружевами у колен, она появилась в двери как арлекин, и сказала: «Хи-хи!..» Поставила ногу на кровать и встала на неё, как встают на крышу сарая, походила, помяла её.

Всю ночь она веселилась. Усевшись на полу у раскрытого шкафа, примеряла на груди пикантные кружева, бросала, доставала новые. Шалила и хозяйничала так, как умеют шалить и хозяйничать дети, получившие в отсутствие родителей свободу! В голубом свете луны, падающем с неба, нагая, смеющаяся, семеня пухлыми ножками из комнаты в комнату, вела за руку от предмета к предмету — пробовала везде спальные места...

Я уехал рано утром, с большой головой. Она лишь приподнялась на локтях с закрытыми глазами, простонала: «Я только секундочку!..» — и вновь упала головой на подушку — в крепчайшем сне.

На «Площади химиков» было темно, безлюдно и ветрено. Я дожидался первого трамвая. Ехал в необогреваемом дребезжащем вагоне. Прижавшись плечом к металлической раме у окна, ощущал пронизывающий организм холод, но не мог шевельнуться — из боязни, что зябкий воздух проникнет под одежду.

На базе вагонов не было, и я уехал отсыпаться.

Поднялся в полдень, до вечера ездил по делам и вновь лёг. Поздно ночью встал, умылся; пил кофе... Было необычайно тихо, кругом всё спало, и это ощущалось в доме. Я закурил. Листал на столе бумаги, пытался читать. Вновь заварил кофе и включил радио. «Полуночник» передавал отрывок из Льва Толстого «Бал у Кити Щербацкой»; затем исполняли романс «На заре ты её не буди».

Передача закончилась, и я вновь остался один среди спящего мира. Сидел, бессмысленно оглядывал предметы... Я ещё жил той ночью, видел полутени её лица, волосы, плавающий во тьме влажный блеск глаз. Всё вспоминалось как потрясающий сон. Хотелось рыдать, но слёз не было...

В конце февраля мы вновь стали видеться ежедневно. Как и прежде, я встречал её в фойе. Мы бежали к вокзалу на пятый автобус. Дребезжащий «извозчик» поджидал нас: лишь мы заскакивали — хлопал дверьми и трогал. Куцый и съёжившийся от холода, в дыму и позёмке, бежал под огнями цирка, по набережной, огибал под холмом белую кремлёвскую стену, равномерно подсвеченную от земли треугольниками мандаринового света, напоминающими гирлянду. С севера за стеной, над крепостным оврагом, где летом растёт бузина, возвышался собор Благовещенья. С синими главами, как шапки звездочётов, он будто поднимался на ночь в космос...

Мы выходили у Чеховского рынка и вприпрыжку бежали ко мне. У печи она садилась на стул; я стягивал с неё гамаши, чулки, отогревал ладонями холодные покрасневшие коленки. Она лепетала, что мне нужно построить баню, горячую, парную баню!..

После ужина, за чаем, она сладко говорила, что ближе к лету станет ночевать у меня. Ночью будем слушать соловьев. А когда поженимся, построим ещё курят-

ник. Можно завести и кроликов, она шила бы шапки. Хотя — нет: кроликов убивать жалко...

Всё это я воспринимал с беспечной улыбкой. Но вскоре она принялась исполнять задуманное. Во-первых, подала заявление на развод с мужем. И очень переживала, что он не явится в суд. Эта отсрочка могла отдалить наше бракосочетание.

Накануне суда она была задумчива. Я вызвался назавтра идти с нею. Я ещё ревновал её к мужу. Но она настрого запретила.

На другой день я дожидался её с нетерпением. Она должна была приехать сама.

— Всё хорошо, — сказала она, появившись на пороге. — Да, развели. Да, сразу.

Она была неразговорчива. Я заподозрил неладное.

— Вы хоть поздоровались?..

— Зачем я должна желать здоровья человеку, который сделал мне столько зла!

Меня слегка покоробили эти слова... Напившись чаю, она легла ко мне и успокоила:

— Ты знаешь, мне жаль его. Когда я выходила, он набирал в ларьке полную сумку вина...

Совсем некстати у меня кончились деньги, оставшиеся от гонорара. Зарплата была маленькая. На вторую работу я тоже уйти не мог, так как трудился над дипломом.

У меня ещё была надежда на выход московского сборника. Но вскоре Феликс Кузнецов сообщил, что издательство «Современник» переходит на коммерц-книгу и «вообще начинает торговать водкой!» Ещё больший удар получил тогда Рустем Кутуй: «Советский писатель» «рассыпал» его книгу «Избранного». Неудачи погоняли друг друга... Молодой московский режиссёр Мишка Ваксман, мой сокурсник, год назад предлагал мне сняться в главной роли его фильма «Горячий асфальт жжёт ноги». Я не думал, что гожусь вообще на какую-нибудь роль, но режиссёр явил крайнюю привязанность, почти добыл деньги, да и задумка мне нравилась: молодой человек живёт дикарём на природе, презирает цивилизацию, в него влюбляется яркая девица; но в конце концов они расстаются — горячий асфальт жжёт ему босые ноги. Тогда московская бабка Мишки Ваксмана сообщила мне по телефону, что внучёк воспользовался турпутёвкой и навсегда остался у родных в Америке... Другой режиссёр, уже казанский, Валерий Севастьянов, страстно мечтал снять короткометражный фильм по моему рассказу «Отчество». Он возил меня на студию, показывал свои работы, говорил, что президент Шаймиев дал добро, обещал помочь, я принялся писать сценарий, но весной всё полетело прахом — нет денег, нет базы...

Всё рушилось... Ещё на третьем курсе я понял, что мой столичный шеф, невидимая, но мощная рука (о, как я это чувствовал в столичных редакциях!), потерял реальную власть. Человек, который ещё недавно одним мановением руки мог обеспечить мне в империи миллионный тираж, Феликс Кузнецов, — стал бессилён. И даже люди, некогда посаженные им в редакторские кресла, теперь избегали его влияния. Он понимал это и чувствовал, что понимаю и я; и порой его задумчивый молчаливый взгляд на семинарах подсказывал мне умалчивать в редакциях, что я его ученик. Это была пора политической травли. Дворцовый человек, он был старчески мудр — и, как мудрая подводная лодка, лёг на дно, тогда как в пору политического шторма плескалась наверх и брызгала пеной мелкая щепка. Человек умный, полезный и знающий, он всё же сохранил за собой место ректора института — место выборное...

Не вышла вовремя и моя казанская книга, которая должна была стать моим дипломом. Тогда-то я и кинулся строчить вторую часть повести — не желая перепечаты-

вать наскучившие рассказы. С повестью я тоже не успевал. Пришлось к оконцовке её пришить хвост из новеллы, написанной ритмической прозой, из которой, собственно, и вышла вся эта повесть. Я знал, что первая часть вытянет весь текст, и я защищусь непременно. Меня интересовало лишь одно: что скажут насчёт идеи произведения столичные критики. Забегая вперёд, сообщу: они ничего не сказали. Владимир Гусев отметил мою «оголтелость», забыв, однако, свои же извлечения из Андрея Белого, что весь чудный Гоголь состоит из неправильностей русского языка; говорил с неприятием о «почве и судьбе», о страшных «подводных течениях», морщился от той самой ритмики — и, боец в поединке с Евтушенко из-за будущего Литфонда, наконец-то выдохнул своё главное: нет в повести ни слова о политике!.. Два других сладких старца, из тех, коим больше по душе счастливые сказки и позднечеховский бальзам, отмечали повесть так: одного коробило от того, что герой съел печень любимой девушки (не поняв, конечно, текста); другой сумрачно шурился, тоже чего-то в тексте не поняв, — так я и не сообразил — *чего...*

Разгневанный Феликс Кузнецов не мог им ответить, так как по правилам защиты коротко выступил вначале. Но, предваряя следующего студента, вдруг переключился на меня и, весь красный от гнева, начал громить комиссию. Говорил, что студенческие работы надо читать хотя бы через две страницы, а не через пять, что *главное в повести не понято*, что он открыл Василия Белова и что... — тут он посмотрел на меня со злобой. Я опустил голову, думая, что да, кажется, этой повестью я перехитрил самого себя...

После всего он подошёл ко мне и сказал, что не обиделся за то, что я подал недоделанную вещь, он знал мой ход: в последний раз, пользуясь услугами института, хотя бы на заготовке испробовать столичных критиков; похвалил, что не ищу лёгкого пути; однако заметил: подай я сборник рассказов, ставших «гвардейскими», — автоматически получил бы красный диплом.

Диплом меня тогда вовсе не беспокоил, тем более красный. Но всё же я уехал с осадком в душе. Я чувствовал, что наломал дров.

Накрушил я поленьев и с Виктором Астафьевым. В периодике и новой книге, что он прислал, я видел его ослабшее письмо, старческий субъективизм, близкий к морализму Льва Толстого, которого так страшился Николай Гумилев (Бог услышал его, он избежал старости). Под статью сонму молодых, Астафьев кинулся писать «по-новому», «вскрывать» то, на чём прежде сладко почивал. Я сам знал одну сторону жизни, которая в те годы очень интересовала умы и позволила бы сделать имя, — хорошо знал, но не писал из отвращения, потому что на этом зарабатывали горлопаны... Он катал журналистскую «Лодочку», очерковый роман о войне, в надежде, что это — *живопись*. Это был уже не мой Астафьев, а какой-то строчила. Я же хотел новую «Царь-рыбу»! В молодости он прошёл в моих снах — как Бог, теперь жизнь его близилась к концу, надо было успеть... От чистого сердца я написал ему об этом. Я не вполне осознавал, что он уже дряхлый и на кончиках пальцев его нет уже того искромётного пульса, что прежде водил его перьями. И, как любой старик, он крепко обиделся детской обидой и обозвал меня — «густопсовым реалистом»! Я живо представил, как дрожала его склеротическая рука, когда он бросал на бумагу своей чернильной авторучкой островерхие размашистые буквы. Он напомнил моего отца, фронтовика, его одноногого, такого же ослабшего, обидчивого и слезливого. Мне стало грустно. И опять-таки... больно! Я понял, что совершил в жизни очередную ошибку. Хотя бы в том, что старика обидел... Ведь всему свой срок! И розам, и «арзамасской ночи» — и всех нас ждёт в конце незрячий посох и станция Астапово, придём к абсурду, не ножками — так в немощи

мысленно. Это — круг, иначе ездили бы на квадратных колёсах. И всё же это был благой совет — уйти от политики. Он, хмурый «таймень», попался на этот крюк, как кровожадный ёрш. Ясноглазенький старче Бунин, глубоко им чтимый, писал в пору войны о персиках и персях — понимая, что на всякую войну есть газетчики, а у него — своё, и мало отпущено дней, что он — не журналист и вообще «в театрах работать не дурак!»¹

Жизнь уже осаживала меня, но я бежал, как ретивый коренник. Действительность ещё не так давила, инерция восторгов была сильна. И возле Дома моды, где ждал Розалину, видя, как, раскрыв дверки авто, девиц из театра «Лик» встречают люди, умеющие из воздуха делать деньги, — я не завидовал. Снисходительно лицезрел с улыбкой, принимая происходящее в кружении снежинок, огней — за некий театр, игру лилипутов добрейшего Карабаса, где я и только я — главный режиссёр. О, они могли быть уверены, что я не сделаю им зла!

Лишь потом я ужаснулся своей нищете. Лишь потом, как это часто бывает, когда муж последним узнаёт, что обманут, а сапожник, что он без сапог, — я увидел себя, режиссёра, на освещённой сцене голым! Тогда я потерял продовольственные талоны, почти голодал... И на фоне набежавших метелей, грязного льда на дорогах и ветра, хлопающего драповыми полами пальто, мне часто виделся на улицах петроградский Александр Блок в изъеденной молью боярке и профессорской шинели, несущий у груди краюху хлеба — ту, что встречный знакомый при разговоре всю выщипал и съел. В такие минуты я остро ощущал давно понятное, что та революция и эта — «страшные лета России», спекуляция, экспроприация, грабёж.

Теперь я не имел возможности кормить Розалину тем, чем хотел. Раньше я не мог пройти мимо кондитерского ларька, чтобы не купить шоколадку, не мог не остановить такси. Теперь я прекратил посещать столовую, чтобы сэкономить на «сникерс», на остановке, обняв сзади и грея ей спину, чувствовал, что она, бедная, молчит оттого, что у неё коченеют ноги. И под светом автомобильных фар опускал голову, будто эти монстры с кубиками на борту, мигая в глаза, уличали меня в нечеловеческой скупости... Я краснел при виде ларьков, как назло появляющихся на каждом углу, стыдился крикливых цветочниц, торгующих модными тогда розами, её любимыми цветами, пара которых стоила чуть ли не всю мою зарплату, и спина сжималась от страха, что какая-нибудь просвирия, окутанная в шаль, хитро окликнет меня: «Купите девушке цветы!» Порой я смотрел на них с мольбой...

Проводив Розалину, я возвращался с другого конца города во втором часу ночи. Я знал, что опять не высплусь. Добирался на каких-нибудь колёсах до «ветеринарного моста», а оттуда — вверх, в своё нагорное захолустье. Или другой стороной — через железнодорожный вокзал, сквозь тёмные дворы Ухтомского с зияющими арками трущоб и лаем бездомных псов, кочующих стаями. На рынке, «Сенном базаре», ночевали люди в вагончиках и кузовах машин; прикрытые тулупами и припорошенные снегом, они сонными глазами следили за мной — из бунинского времени...

Однажды я увидел у лотков белую «Волгу», за нею стояли южане, что-то говорили на своём языке. В кармане у меня не было ни гроша. Неожиданная мысль озарила меня, я снял с головы свою новую шапку, подошёл к ним.

— Продаю, — протянул.

Отошёл в сторону, ужасно не любя торг. Я не мог видеть своего лица, но, казалось, даже темнота не могла скрыть гримасу... Южане долго крутили шапку в руках, гортанно возражали. Потом я услышал хохот, шапка перелетела через машину и упала к моим ногам: ондатрой они гнушались...

¹ Слова, сказанные И.А. Буниным (примечание автора).

Я поднял её, и, нагибаясь, ощутил в пояснице какой-то рабский хондроз — отряхнул, надел шапку и побрёл восвояси.

Безденежье, ночные переходы, недосыпанье, затем работа на холоде — всё это изнуряло. Сам себе я казался скучен. Известно, отсутствие денег лишает человека загадочности, у него меняются лицо, повадки и даже походка; и однажды на остановке, когда, щерясь от дум, я глядел на дорогу, Розалина одёрнула меня:

— Не сутулься!

Теперь она уже не спрашивала меня, блестя лукавинкой в глазах, какая мне выгода от встреч с нею. Дома задумчиво молчала, оглядывая стены, а потом, очнувшись от мыслей, вдруг спрашивала невпопад и как бы с недоумением, почему у меня так темно — или такие зелёные обои?!

Что-то случилось тогда со мной, я отчаялся; то чувствовал себя виноватым, то раздражался, был даже резок, и успокоился лишь позже.

Тогда я принял важное решение.

Эта мысль посещала меня давно, на тех же остановках, и стояла немалых болей в сердце. Я решил продать свою усадьбу, родовой дом с местом. Этих денег хватило бы приобрести квартиру и на несколько лет сносной жизни. Решение, стоившее мук, теперь теплою сердцу, но я думал сохранить его в тайне до начала лета...

Между тем наступил март. Сначала была оттепель, а после неё грянула весна! В окрестных садах зацвевькали птички, ветви берёз порыжели; почерневший снег лежал в лучах как мельхиоровый. Небо стало высоким, с вешними прозеленями; в прорывах облаков они реяли как знамёна пророка.

Моя невеста, сходя с трамвая, весело взглядывала из-под берета. Кожа на её лице была ослепительно белой.

Снег сбегал по асфальту маслянистыми ручейками. Она надела туфли и строгое удлинённое демисезонное пальто, подчёркивающее бюст. С распущенными по плечу чёрными волосами, шагала уверенно, лицо выражало достоинство — и я робко, украдкой любовался ею...

В конце апреля я уезжал в Москву на защиту диплома. Поезд уходил вечером. Мы заперлись у меня дома. Я целовал её волосы, чистый девчоночий лоб, шею и грудь; грудь была упругой, но будто расступалась — увлекала в головокружительную бездну. Как путник перед пустыней, я хотел напиться впрок — и она не противилась: смотрела снизу, с присущим женщинам молчаливо-податливым великодушием... Она обещала писать, но я прощался, предчувствия мучили меня.

Уже наступили сумерки, щели противоположного забора вспыхнули красным — туда уходило солнце. Мы лежали рядом, глядя друг на друга в истоме. Голова её завалилась, чёрные волосы на влажном лбу рассыпались и прилипли мельчайшей сеткой, похожей на вуаль. Она смотрела отрешённо, как уставшая от уличных игр девочка: рот приоткрыт, мутные зрачки глядят будто из-под воды...

Жизнь в Москве была однообразной. То тяжёлое предчувствие не покидало. Я думал о ней всегда. И думал как об утрате... Между тем отправил ей обыкновенное письмо. И был поражён, когда буквально через три дня получил ответ. Сначала я испугался. Затем подумал, что это розыгрыш. Адрес был написан печатными буквами. Было даже желание бросить письмо в урну — лишить насмешников удовольствия... А пальцы рвали конверт. Вот так почта! Знакомый почерк, нет, не почерк — а голос, далёкий, родной голос сообщал: «Когда ты уехал, было тяжело. Я шла по вокзалу и плакала. Я скучаю...»

Она любила меня и в рубище... Я прослезился.

Предстоящая защита диплома меня уже не волновала. Я знал, что защищусь, что повесть не написана, предстоит работа. Но учёба завершена! И скорее домой, к свободе! Чудесное лето! Я буду писать у открытого окна, а она, поливая цветы, будет улыбаться из сада...

После защиты я дал телеграмму, простился с друзьями. Возвращался в Казань уже навсегда. Поезд приходил утром. Из тех самых гор, развалившихся над рекой. Здравствуй, Волга! Здравствуй, родная земля, мелькнувшая под мостом камышовой отмелью! Атлашкино, Юдино, Аракчино. Вот и Зилантов монастырь, змеятся улочки Кировского района. Здравствуйте, деревья и воздух, которым дышит любимая землячка!

В какой-то трогательной мудрости я сознавал, что если поставить цель и стремиться к ней — долго, хотя бы всю жизнь, то ты непременно её добьёшься! А я всегда мечтал быть любимым красивой девушкой.

Поезд замедляет ход — видна насыпь, ковыль... платформа. И вот они — люди, люди, люди. Я вглядывался в лица, они счастливы, озабочены, с ищущими глазами... Иные окаменели, губы натянуты в ожидании, готовые вот-вот разродиться радостным криком. Прижавшись к окну, я внимательно осмотрел весь перрон от начала до главного здания: дети, женщины, парни с цветами.

Её не было...

Я ещё стоял на опустевшем перроне. Искурил сигарету. Затем взял вещи и направился к телефонной будке. «Что-то случилось», — думал я.

Я набрал номер её рабочего телефона. Девушка сказала, что Розалина больна, продуло ухо, воспаление. Я вспомнил, что она жаловалась на боль в ухе ещё зимой и хотела лечь на обследование.

«Неизвестность преодолена, — подумал я с некоторым облегчением, — а ухо я вылечу».

Надо было съездить домой, бросить чемодан. Я сел на четвёртый автобус. Уютный львовский автобус с ласковым пением «пропеллера» сзади салона прокатил меня по городу, который я оставлял нагим и серым, и высадил на ометьевской горе. Я поставил чемодан обочь дороги, поднял голову — и не узнал родных мест!.. После каменной Москвы я будто очутился на деревне у бабушки! Вокруг бушевали сады! В белой кипени стояли яблони и пирамидальные груши, низкой пеной напирала на изгороди цветущая вишня! Солнце до того было ярким, что небо казалось чёрным. В лицо дул волжский освежающий ветер — верховой, избежавший столкновения с нагретым камнем городских зданий, стоявших в низине.

Я добрёл до дома, отпер ворота, раскрыл — и не входил. Сел на корточки и глядел в глушь двора, заросшего зеленью старых яблонь. Широколистые ветви лезли в окна, под навес к двери... Даже тропинка к воротам покрылась за месяц жемчужной травкой, как мхом. На тумбе, у входной двери, сидел и плакал кот Маркиз, мой товарищ. Я наблюдал за ним, а он всё плакал, клонил книзу голову и косился, дёргая усатой щёчкой...

Мать Розалины встретила меня сдержанно (мы уже были знакомы, и я ей не нравился). Она сообщила лишь, что Розалина с утра ушла на прогревание. Как я ни пытался её растормошить, ничего не добился. Она явно что-то скрывала. Я сказал, что буду ждать Розалину сегодня, и уехал.

Оттуда отправился на работу, получил причитающуюся сумму. Настроение было приподнято-нервозным, я будто чего-то с нетерпением ждал и вместе с тем боялся...

Домой меня подвозил на «Москвиче» сосед, попавшийся по дороге. Он смотрел на шоссе и расспрашивал о столице, о москвичах, говоря, что они жадны: гостей са-

латами морят. Мы, провинциалы, мясом потчуем, а они — всё травкой да травкой, покуда от них не съедешь.

У поворота в наше захолустье я увидел невысокую девушку. Она была в джинсовой юбке, с туго зачёсанными и прищипленными на затылке волосами, мелко семеня, склонив голову. Сердце во мне так и забилося!

Мы поравнялись, и я убедился: она! Я вышел из машины и как-то неловко, чувствуя на лице краску, поздоровался, пригласил сесть в машину. Она глянула в раскрытый салон, щека у неё скорбно дёрнулась:

— Я не сяду.

Я почувствовал, что сердце бьётся где-то у горла... Поспешил отправить соседа...

— Почему?

Она опустила ресницы, потом резко вскинула глаза. Но угол рта у неё опять-таки дрогнул:

— Между нами всё кончено!

Она стала говорить быстро, несвязными фразами. Я был взволнован — всё случилось так неожиданно! — и больше глядел на неё, чем слушал. Смысл слов был, однако, понятен: кончено! Разные... Не дал... Не видела... Отвратительно!..

Я медленно поднял глаза:

— Но ведь ты, Розалина, кажется, была со мной счастлива?

— Я никогда не любила тебя!

Я вновь исподлобья посмотрел ей в лицо: глаза её были жёсткие, злые... Наверное, я ещё мог что-то сказать, сказать даже многое — как когда-то, когда она слушала меня с восхищением; как медиум, увлечь, посвятить её в мир трансцендентальный. Казалось, что это сон, ещё не поздно, и я верну её...

— Соловья баснями не кормят! — сказал кто-то на дороге. Это были два парня, они шли с бутылкой к пивной и говорили о своём. Она не могла их видеть, да и не оборачивалась, но глаза её при этих словах сверкнули злорадством.

Да, наверное, сказать я мог... Но она была полна какой-то пугающей решимости. Казалось, сама чего-то ужасно боялась. Да и слышать как следует меня не могла: одно ухо её было заткнуто ваткой.

Она повернулась и пошла, что-то бросила под ноги, фразу ли, слово... Я не расслышал, но позже этот звук возрос в памяти и определился: нищета! И кто бы потом ни разубеждал меня в этом, даже если б она сама, — для меня тогда прозвучало именно это. Как заключительное слово в нашей повести.

Дни были тяжкими. Не радовало уже ни буйное лето, ни свобода, которую обычно ощущают выпускники, ни сознание того, что всё, творимое мною в Москве и ради неё, Розалины, наконец-то благополучно завершилось. Я был угнетён, подавлен, считал себя на земле никчёмным и лишним человеком; и, видя в очередях людей с зажатыми в руках продовольственными талонами, думал со стыдом: зачем им проза?

Я возненавидел литературу.

Я стал ещё бедней, порвал последний пиджак и, несмотря на тоску, боялся встречи с Розалиной, предвидя её цепкий и насмешливый взгляд на неуклюжей латке...

Боялся я тогда и приезда своего четырнадцатилетнего сына. Он вот-вот должен был прибыть на каникулы, но я не смог бы его занять. А порой представлялось, как он, счастливый, пришёл бы ко мне из сада с исписанным листочком в руке и объявил: «Папа, я написал стихи!»

— Как стихи?.. Ка-ак стихи?! — вскакивал я с дивана, задыхаясь от недоумения и ужаса. — Как стихи, негодяй! — и начинал его бить, бить, бить! Прижатый к полу, он смотрел на меня очумелыми глазами и кричал в ужасе юношеским грудным басом:

«Папа, не надо! Не надо!» — «Будешь ещё писать стихи?» — орал я, сокрушая его ударами. — «Нет, папа, нет! Я никогда больше не буду писать стихи!» Изнемогший, я отпустил его и говорил хрипло, умиротворённо: «Хорошо, сынок. Больше никогда-никогда не пиши стихи... Копи деньги, торгуй тряпками, богат будешь, купишь таких, как я, писателей с дюжину...»

Прошло время. Я простил её. И до сих пор помню. И вижу ту мою девочку, как Дюймовочку, в магическом кристалле, который всегда со мной. Я простил... Ведь и я разбил её молодую мечту. И даже благодарен ей, что разрыв она совершила именно тогда, после разлуки, когда чуть-чуть отвыкли друг от друга. Благодарен и за то, что она избавила меня от большей трагедии в будущем...

Да и что я мог дать ей?! Быть женой писателя нынче — подвиг. Кроме того, она отдала бы мне молодость, красоту, а в ответ получила бы эгоизм поглощённого идеей писателя, который и вправду не принадлежит сам себе, ни тем более женщине, деньгам... В его руках гораздо большее: корабли и замки, воздушные флоты и целые армии судеб, которыми нужно управлять. Но он всегда одинок, даже если с ним останется маленькая любимая женщина, — беспомощен и жалок, как и всякий деспот, начиная с Древнего Рима...

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

выпускник Высших литературных курсов 1975 года

НЕ МОЖЕТ РОДИНА БЫТЬ МАЛОЙ...

МАТУШКА ПЕЛА

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.

Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой – ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.

Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли её лёгкое тело
На вековечное поле-жильё.
Все мне казалось: матушка пела.
Песней наполнено сердце моё.

* * *

Расскажи мне, земляк, мой товарищ бывалый,
Ты прошёл сто дорог, не жалея коня,
Это кто же назвал нашу Родину малой,
Словно выстрелил чёрною пулей в меня?!
Мы сидим у огня, путь проделав немалый,
Здесь родимое небо и Вечный покой.
Воскресает душа, словно путник усталый,
Что с ковшом наклонился над Лунной рекой.

Мне другая земля никогда не приснится
Потому, что в объятых чужих городов
Я летаю во сне беспокойною птицей
Над вершинами сопок и сизых хребтов.
Потому, что осталась в распадах Урала
Та тропа, что из дома меня увела.
Потому, что певуньей была моя мама,
И черёмуха в детстве безумно цвела.

Вновь вершины твои солнце красит зарёю.
Ты последних лучей от меня не таи.
Я иду по земле, сам я стану землёю,
Но останутся вечными камни твои.
С дымом горьким долин мы повязаны кровью.
Так прости, если я, о минувшем скорбя,
Нерадивый твой сын, запоздалой любовью,
Тихой песней своей потревожил тебя.

* * *

В глубинке русской посреди разрухи
У низких окон, как у царских врат,
Сидели на завалинке старухи
И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
Ни вечных кур, ныряющих в пыли...
Остались только песни им... И это —
Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
В чужие клетки сыпалось зерно...
На мой вопрос: и как же вам живётся? —
Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождём,
Где б я ещё услышать мог такое? —
Чего не доедем, то допоём!

То допоём!.. Так как же жил я, если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко
И медленно вращался шар земной.

ДВА РУЧЕЙКА

Там в облаках, где с тобою бродили мы
В хрупких подснежниках у родника,
Робко играя лазурными льдинками,
В небе рождаются два ручейка.

Два ручейка, две слезинки горячие,
Две неразлучных поющих струи,
То выходя, то скрываясь под кручами,
В разные стороны мчатся они.

Зверь насторожённый, птица ли редкая
Бродом пройдут, не оставив следа.
Станут ручьи обязательно реками
И разбегутся уже навсегда.

Я ухожу голубыми долинами,
С белым туманом сливаясь в одно,
Не потому, что с тобой не любили мы, —
Просто так русло моё пролегло.

ЧИБИС

Над уснувшим заливом,
над чистой водою Нугуша.
Разрезая беззвучно
высоких небес синеву,
Родового закона
жестоких отцов не нарушив,
Чёрный ястреб снарядом
в зелёную падал траву.

На песчаной косе
слядяные рассыпались рыбы.
И, спасаясь от острых когтей
у меня на виду,
Из росистой травы
робко вынырнул раненый чибис

И у ног моих замер,
смертельную чую беду.

Успокойся, пернатый,
и сбрось с себя мокрую тину.
С этой смертью крылатой
ты встретишься в жизни не раз.
И в ответ мне так нежно
и так маслянисто светились
Под весёлыми рожками
чёрные бусинки глаз.

Сколько было любви
в хрупком тельце его невеликом...
По холодным утрам,
лишь займётся рассвет над рекой,
Он будил меня резким,
тревожным, пронзительным криком,
И душа наливалась
вдруг болью,
дарящей покой.

Он спешил мне навстречу,
хромая по мокрой поляне...
Но в последнем из дней,
в насторожённом утреннем сне,
У палатки моей,
утопающей в белом тумане,
Я его не услышал...
И умерло что-то во мне.

Боже! Как же случилось,
что в мире, где кровь и разбои,
Где заря увядает,
ещё не успев расцвести,
Не хватает не радости нам,
а пронзительной боли,
Чтобы слиться с природой
и краткий покой обрести?!

И когда я уеду,
покинув лесное раздолье,
И последние искры
погаснут в остывшей золе,
Прокричи мне, мой чибис,
пусть сердце сожмётся от боли,
И я снова поверю,
что я ещё здесь, на земле.

* * *

Во мху на выбитом утёсе,
Построенные ветром в ряд,
Четыре крохотных берёзки,
Дрожа от холода, стоят.

Что так о них я беспокоюсь?
Какой в том смысл? Какой в том толк?
Водю обдаёт по пояс
Их проходящий катерок.

Их не заметит под собою
Пурга, промчавшись напролом,
А лишь засыплет с головою,
Едва-едва махнув крылом.

На скалах маленькая ниша
Не укрывает их от гроз.
Сопливый, словно ёрш, мальчишка
Уже их трижды перерос.

Что дался мне их вид неброский,
Их непокой и неуют?
Четыре маленьких берёзки
Мне спать, как дети, не дают!

РА

Теперь я знаю и, наверняка,
Отбросив карт недостоверных ворох, –
Берёт начало Белая река
Среди болот под пеною черёмух.

И бесконечной лентой золотой
Вплетается в узорчатые страны.
Я снова здесь её водой святой
Лечу свои запущенные раны.

Река Любви великого Творца
Летит сквозь наши пажити-пожити...
Пройти её до самого конца
Не хватит жизни, будь ты долгожитель.

Река то замирает, то летит,
Одним крылом срезая травы лога.
Встаёт и Кама на её пути,
И под ногами путается Волга.

И Ангара, и Обь, и Енисей
Журчат ручьями в Океан Забвенья...
И Амазонка – лужа перед ней!
– Ах, ах! – я слышу ваши обвиненья ...

Но не спешите!.. Я ль тому виной,
Коль сам Господь, предвидя наши распри,
Не опоясал ею шар земной,
А свил в моток и обозначил Каспий.

И, может быть, пришла уже пора,
(Я сам ещё не верю в это счастье),
Назвать её Рекой Священной Ра
И не делить, как Родину, на части!

ГОЛУБАЯ ГЛИНА

В жизни брэнной моей
на последнем её рубеже
Указал мне Господь
появиться в долине ужей.
Для чего и зачем? –
это ведал Всевидящий Бог.
Но я знал лишь одно –
не бывает случайных дорог.
Как порывами ветра над полем несёт мотылька,
Так меня уносила течением сильным река.
Может быть для меня,
сокровенную книгу открыв,
Упиралась вода
в голубой вековечный обрыв.
Как страницы столетий,
лежали литые пласты...
Никогда ещё в жизни
я с вечностью не был на «ты»!
– Здравствуй, вечность!
Я – миг!
Я – всего лишь пылинка с полей!
Слышу:
кто-то смеётся над горькою правдой моей...
И я вижу,
как в глине ракушки раскрыли глаза.
Они были живыми
сто тысячелетий назад!
Они были живыми, как я,
как под небом любой,
Не мечтая стать глиною,
как небеса, голубой!..

Где-то слышал мой друг:
говорят, даже старцем седым
В руки глину возьми
и окажешься вновь молодым.
Я на берег сошёл:
Ни людей, ни тропы, ни межи...
Только мёртвые камни
и чёрные с жёлтым ужи.
Молча глину размял
и вдруг вздрогнул от мысли нагой:
Всё о жизни печёмся...
Я ль это, иль кто-то другой?
Снова стать молодым —
это что: наказание иль честь?
Может, лучше остаться таким,
кем на свете ты есть —
Обессиленным,
но
не бросающим всё же весла? —
Испытание это
Господь мне в дорогу послал...
За деянья мои
я не буду Всевышним прощён.
Свечи носят ужи.
Ну и пусть.
Я не умер ещё.
Цапли застыт глаза,
и свистят, словно пули, стрижи,
Плёт взрывает голавль,
ходит жерех в траве — это жизнь!
И я другу сказал:
— Снова стать молодым не спеши.
Станет глиною всё,
кроме чистой, как небо, души.
Свечи носят ужи
с незапамятных древних времён,
Панихиду справляя над всеми,
кто здесь погребён.

* * *

А ну-ка, друг, по чарочке налей,
С тобою дров спалили мы немало...
Ты помнишь, как ловили голавлей
В реке Уфе чуть ниже Шишмарала¹?

Из камыша следил за нами лось,
Подняв рога — тяжёлые лопаты...

¹ Шишмарал — большой ключ, расположенный по левому берегу реки Уфа.

На каждый торопливый наш заброс
Клевал голавль и вздрагивал сохатый!

Вода бежит и времечко течёт...
Балки гниют и провисают балки.
Но говорят, что не идёт в зачёт
То время, что проводим на рыбалке.

И этот лось, жующий смачно снедь
Со дна реки – уже не зверь, а средство,
Что заставляет нас помолодеть...
Не так ли старики впадают в детство?

Так наливай! Считать не станем дни.
Поднимем смело чарки, как забрала.
Стареть нам не позволят голавли
В реке Уфе чуть ниже Шишмарала!

ЯБЛОНЯ

Ольхой дымит заброшенный погост.
Чернеет остов рухнувших ворот.
Забитый дом по окна в землю врос.
Плетень упал, а яблоня цветёт.

Ни кур, ни вездесущих воробьёв.
Всё замерло. Земли не роет крот.
И матушка, что холила её,
Давно не здесь, а яблоня цветёт.

На обелиске стёрты имена.
И поезд скорый, набирая ход,
Уносит Русь в иные времена,
В беспамятство, а яблоня цветёт.

МАГОМЕД АХМЕДОВ

выпускник Литературного института 1979 года

НЕБЕСНЫЙ ДАГЕСТАН

БЕСЕДА

– Где ты, Родина? Где? –
 к небесам обращаю я взоры.
– Там, где вечно была, – отвечает, –
 где скалы и горы...
– Что ты чувствуешь, Родина?
 – Чувствую горькое горе.
Жаждут крови враги,
 люди всюду в печальном раздоре.
Стал другим человек,
 подменили его в новом веке,
Совесь, совесть сегодня
 смертельно больна в человеке.
Чечь моя на кону,
 ибо средь виртуальных величий
Забывается всё: и язык, и очаг, и обычай...
– О, Всевышний, – молю, –
 береги Дагестан год за годом,
Много туч нависает,
 склонились они над народом.
Отгони эти тучи своею всеильной рукою,
 Подари Дагестану хотя бы немного покоя...
– Ты куда держишь путь, моя Родина?
– Разве я знаю?
Зло везде и жульё,
 стая кружит вокруг вороная.
Словно в пропасть я падаю...
– Родина, край мой любимый!
На вершины вернись,
 на вершины, где клёкот орлиный,
Где высокие горы
 беседуют мирно по кругу,

Неприступные скалы

плечо подставляют друг другу.

Чтобы горцы опять стали горцами прежней породы,
Чтоб язык свой родной забывать не посмели народы.

ЛЕДЯНОЙ ДОМ

– Дорогая, куда ты?.. Нет прежней вины,
Все грехи позади, нет от них и следа...
– Все грехи мои тобою даны,
Это ты – мой грех, ты – моя беда...

– Ты на небо взгляни: средь ярких светил
Там звезда у нас ярче всех была.
– Нет звезды. Ты, любимый, её убил,
От неё осталась одна зола...

– Ты зачем босиком идёшь зимой,
На горах обливая слезами снег?
– Ты построил дом для любви ледяной,
И любовь там остыла уже навек...

– Ты устала, устал и я. Не могу
Без тепла... Отогрей, родная, наш дом.
– Ты давно гореть не даёшь очагу,
Нет мне места в сердце твоём пустом...

– Ты куда, любимая?.. Ты прости...
Неужели всё вылетело в трубу?
– Без тебя мне легче перенести
Горе своё и свою судьбу...

... И ушла любимая, словно – вор.
Жизнь украла...
Весь мир...
А дом ледяной
Тает, без солнца, средь гордых гор,
Тает под солнцем
и под луной...

* * *

Рядом нет никого. Одиноко вокруг.
– Где твой друг дорогой?
Где единственный друг?
– Одиноко вокруг. Рядом нет никого.
Друга нет,
Ложь бесстыдно убила его.

— Нет любимой с тобой. Закатилась она,
Словно солнце, — не видно его из окна.
Что случилось?
— Любимую в злые года
Схоронила измена — и нету следа.

... Я и сам потерялся. Ищу — не найду...
Ну, а Родина где?
— Я попала в беду.
Воют трубы, и славу и честь хороня...

Если Родины нет,
значит нет и меня.

ДОН КИХОТ

Эй, Дон Кихоты! По коням! Вперёд!
Я этот рыночный мир не приемлю.
Крепость в момент перед нами падёт,
Стражники бросят оружие на землю.

Я не хочу побеждать на войне,
Проигрыш свой я считаю победой.
Место, которое дадено мне,
Я украшаю застольной беседой.

Эй, Дон Кихоты, народ от греха
Мы упасём на земле, пока живы.
Истина эта не так уж плоха,
А остальные все истины лживы.

Мы погибали за правду не раз.
Пусть отродясь ни жены, ни любимой.
Вместо любимой на сердце у нас
Есть только образ придуманный, мнимый.

Коль упаду на скаку я с коня,
Мне ли срывать на строптивом досаду?
Если несли на носилках меня,
Все лишь смеялись вокруг до упаду.

Кто меня только презренно не бил,
Ладно бы кони — топтали и люди,
Те, кого так беззаветно любил:
Я им о жизни твердил, как о чуде.

Если б в любом самом грешном краю
Встали за нами — иного не надо, —
Люди бы все оказались в раю,
И никакого бы не было ада.

Эй, Дон Кихоты! В тоскливом дому
Вам прозябать ли, от скуки пьянея?
Только не нужен мой клич ни-ко-му...
... Где ты?
О, где ты, моя Дульсинея?..

БЕЛЫЙ КОНЬ

Аульчане мои, земляки,
Я всё больше люблю вас с годами.
Помню, в детстве, у горной реки
Белый конь был — как белое пламя.

На коне — и глядишь свысока,
И душа замирает порою.
Белый конь узнавал седока,
Сразу сбрасывал он лжегероя.

Белый конь — он в глаза нам смотрел:
Вот и новое выросло племя!
Станешь храбрым джигитом, пострел,
Ногу в стремя смелей,
ногу в стремя!

Век машинный бушует, гремя,
Всё давно изменилось на свете.
... Но купают, как прежде, коня
В горной речке отважные дети.

РУССКОЕ ПОЛЕ

В русском поле опять только снег, только снег,
Нестерпимо бело в русском поле зимою.
Дни мои, мои годы пустились в разбег.
Я печален, что нет тебя рядом со мною.

Где, любимая, ты? На кого мне пенять?
И куда, и какая взяла тебя сила?
Жаль, что песни моей не смогла ты понять,
Не смогла, а зима вот её подхватила.

Где, любимая, ты? Песни той уже нет,
Что тебе напевал я душой молодую.
Сколько лет ты мне снишься уже, сколько лет,
Снег идёт, снег идёт над моей головою.

Снег идёт, не видать ни луны, ни звезды,
И душа холодеет от выпавшей доли.

Словно конь подо мною летит без узды,
И лечу на коне я по русскому полю.

Ты – как русское поле, нежна и грустна,
И в груди от тебя столько света и воли!
Всё проходит – любовь остаётся одна,
Если эта любовь – словно русское поле.

ОГОНЬ ГЛАГОЛА

Где судьбы нашей, горе измерившей, пик,
Где из сердца рванувшийся горестный крик?
Где стихов об Отчизне пленительный свет,
Чтоб остался в народе бессмертным поэт?

Где он, мёд правдой жизни наполненных строк,
Чтобы пить как лекарство в назначенный срок?
Где свобода, добытая в страшной войне,
Где наш путь к ней, в какой он теперь стороне?

Где мечты в лунном свете крылатых ночей,
Где огонь вдохновенно сиявших очей?
Звуки неба! Да кто их услышит уже?
Вон как пусто в измотанной, жалкой душе.

Я привязан к судьбе, как унылая тень,
Нет у слов, чтобы выразить нынешний день.
Боже, беды от нашей страны отврати,
Дай ей время, чтоб силы набраться в пути.

Мы о будущем думали прежде, мой друг,
Не купить и не взять было нас на испуг.
У ненастного века мы нынче в плену.
Кто наш почерк поймёт? Что поставит в вину?

Кто из наших в дороге знобящей погиб?
Сердце градом побито, как вольный Гуниб.
Языку всё страшней чужеродный приют.
Продают нашу песню и нас предают.

Можно ль что в этом мире навеки сберечь?
Постоим до конца за родимую речь.
Так обнимемся, друг, наши души не лёд,
Если в них ещё держится древний полёт.

И не зря, неспроста есть в стихах наших всё ж
И величие гор, и волнистая рожь,
И глагол наш горящий возвышен и строг,
Коль живут в наших строчках Отчизна и Бог.

СНЕГ ЗОЛОТОЙ

Осень... Прощанье...
И ветер чистит
Кроны уснувших деревьев вокруг.
Каплями солнца
светятся листья,
Падая в сердце моё, мой друг.

Снег золотой
осыпается с веток.
Снег золотой
засыпает меня.
Что-то мне хочет
сказать напоследок
Средь золотого
осеннего дня.

Листья летят,
словно шепчут:
«Мы были...»
Был ведь когда-то
и я молодым.
Время придёт –
и сверкнут на могиле,
снегом её занесут
золотым...

НЕБЕСНЫЙ ДАГЕСТАН

Синие песни синих небес!
Разве я смог бы жить без вас?
Гляну на небо – там горы и лес,
Там, в облаках, мой второй Кавказ.

Мне, повидавшему много стран,
Видится сердцем, как никому:
Там есть ещё один Дагестан,
По одному мы уходим к нему.

Все мы уходим отсюда, увы,
По одному на небесный суд.
Песни Неба, прислушайтесь вы,
Имя Аллаха в себе несут.

Все мы уходим с земли родной,
Битые снегом, свинцом, дождём.
Сколько и света, и тьмы за спиной!
Что с нами будет, когда придём?

Что с нами будет, Великий Аллах?
Так ли исполнили мы свой долг?
И нарастает невольный страх:
Там наготу не прикроет шёлк.

Там, в небесах, Дагестан высок,
Дух там сильнее и крепче стать.
Кто до него подняться смог,
Может поэтом достойным стать.

Там Ахульго... Шамиль... Устазы...
Шейхи, поэты... Герои там.
И ни одной неверной слезы,
Только любовь к родным горам.

Битые снегом, свинцом, дождём,
Только с надеждой одной в горсти,
Что с нами будет, когда придём?
О, Великий Аллах,
прости...

Перевёл Николай РАЧКОВ

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ
выпускница Высших литературных курсов 2011 года

СНЕГ В ДЕКАБРЕ

...Отрадно, любо в ласковый зимний день упасть на чистый, ещё нетронутый снег — он манит, влечёт неодолимо. И ты падаешь, широко раскидываешь руки и глядишь в небо. Как славно, как здорово просто лежать — распростёртым, свободным. Просто смотреть! Видеть, как падают пушистые снежинки: неторопливо, завораживающе. Они летят, не сталкиваясь даже в густом снегопаде, — для каждой есть место в пространстве. И невозможно проследить путь ни одной из них, они появляются, будто ниоткуда, и исчезают в никуда. И, кажется, глаза разбегаются в стремлении охватить необъятный снежный простор: он над тобой, под тобой, всюду. И уже трудно понять, то ли лежишь, то ли летишь...

А потом начинает слепить белизна, и ты закрываешь глаза. Но сквозь смежённые веки продолжаешь видеть свет. А снежинки всё падают. Падают на лицо, словно лёгкие поцелуи. И тают, тают. И вот по щекам текут снежные слёзы — прохладные, беспечальные.

Если облизнёшь губы, то почувешь — именно «почувешь», в этом есть что-то изначальное, глубинное, — вкус необычайной свежести: такой не бывает ни в мартовской сосульке, напитавшейся первым солнечным теплом; ни в родниковой воде даже в самый знойный июльский полдень; ни в только что сорванном августовском яблоке; ни в осеннем дожде. Только в снеге! И нахлынет нестерпимое желание пить, пить эту прохладу... И ты пьёшь. И думаешь, что утолишь внезапную жажду. Но это только думается, кажется: пьёшь-пьёшь и не напиваешься. И вдруг осознаёшь: ею не напьёшься, как, наверное, невозможно напиться настоящей любовью.

Большой.

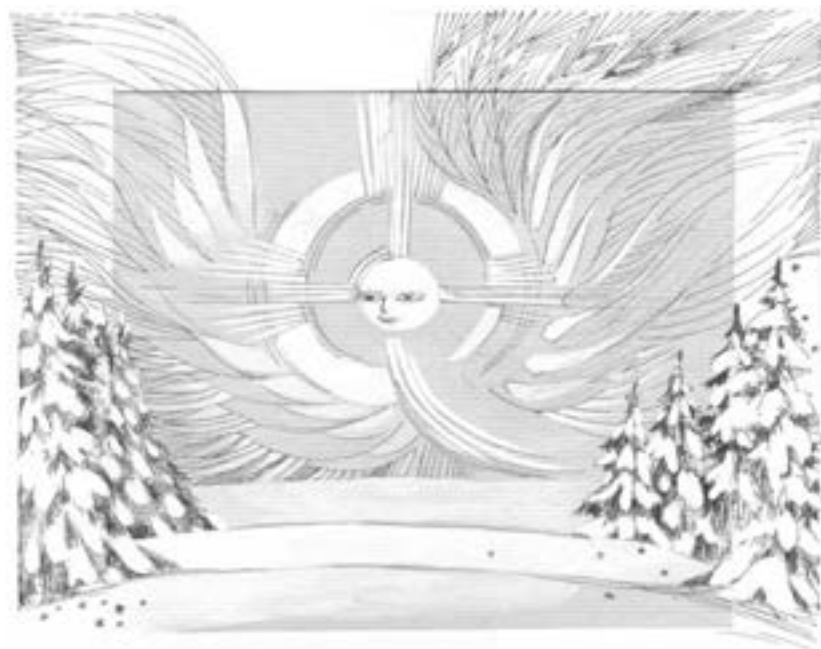
Может быть, вечной.

Просто падающей с неба.

СЕВЕРНЫЙ ЖАР

Дорога. Поезд настырно, но как-то по-сиротски одиноко врзается в снежный простор. Вдоль обочин — вековые тёмно-зелёные, в богатых белых шубах, царственно мудрые ели. Многие они повидали, многое знают, оттого-то темны, оттого-то тяжелы их лапы, надёжно укрывающие земные тайны, — так и чудится их глухая поступь, их глубинные мистические звуки, усмиряемые мощью леса.

Макушки некоторых деревьев оголены, будто почтительные хозяева то ли приответственно, то ли задумчиво сняли меховые шапки перед этой загадочной дорогой.

Удивительно: верхушки елей напоминают тянущиеся к небу маковки церквей, и венчают их крестики тонких упругих веток. Сколько печали во всём, сколько надежды, вот-вот послышится многоголосье далёкого молитвенного звона.

И рельсы — две въевшиеся в снег нити хрупкой, но цепкой жизни, напряжённо гудят: то, вдохновляя, зовут за собою состав, то, понукая, тянут его к далёкой таинственной цели. Один поворот, другой, почти без остановок, на Север...

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Сию у окна. Предзакатное солнце отбрасывает длинные фиолетовые, в тональности си-минор, тени деревьев. Они грустно тянутся за лесом там, где его сплошная стена изредка прерывается, будто заканчивается одна из главных тем органной фуги. И непонятно, то ли тени, играя свою тихую побочную мелодию, боятся оторваться от родных елей, то ли стремятся убежать в равнинное, манящее белизной приволье. Красота! Она вливается в меня вечной музыкой, которая и радует, и тревожит душу.

Вдруг у кромки леса, по-над сугробами, — белая птица, похожая на голубя, но не голубь: крупнее, больше. Летит. Спешит. Совершенно белая, только на кончике веерного хвоста — небольшая полоска, словно пришитая поперёк узкая чёрная ленточка. Не мерещится ли мне птица? Нет — вижу! И не только вижу, а как будто слышу в высоком регистре её стремительный мятежный полёт. Она летит напротив моего окна, истово машет крыльями. Машет, машет, не отстаёт. А колёса жёстче, быстрее стучат, стучат, гремя басами главной темы. А птица всё летит и летит, настырно, упрямо... Зачем ей этот поезд? Кто она? Может быть, — чья-то душа? Заплутавшая. Неуспокоенная.

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Дорога. Странная эта дорога, трудная, тайная: Вологда — Коноша — Кулой... — Костылево... — Котлас... Холодно. Колет холод. Воеет холод. Гудят колёса, их скорбный басовый мотив напрягает, разрывает душу. Гудят, гудят... Гул... ГУЛАГ!.. Что здесь? Кто здесь? Под каждой шпалой — сколько жизней?!

Здесь был этап, здесь был ГУЛАГ.

«Э-тап — гу-лаг, э-тап — гу-лаг...»

Птичий полёт, его шемящий сердце напев унесит мысли за их собственные пределы: белая птица с лентой траурной — чья-то душа, неуспокоенная, неуспокоенная; маковки елей — вознесённые к небу тени могильных крестов, которыми когда-то были усеяны обочины... И птица летит и летит за поездом. Может быть, хочет что-то спросить? Может быть, — что-то сказать? Передать — туда, живым...

Заскрежетали колёса. Крутой поворот. Лес — в стороне. Распахнулась необъятная снежная даль, как модуляция в доминанту, как просветленье в диссонансе скорби. Птица пропала. Сбилась? Наверное, не успела. Но что это? Впереди, над раскинувшейся белой равниной, окаймлённой на горизонте чёрной полоской тайги, завис огненный шар. В радужной дымке, в переливающемся загадочном свете, — огромное Солнце. С двух сторон от него на большом, но уловимом глазу расстоянии — ещё по одному огненному шару. Эти солнца чуть меньше главного, но от них устремляются к зениту высоченные радуги-крылья: вот-вот они сольются в поднебесье, вот-вот венцом охватят весь простор.

«Тук-тук — тук-тук, тук-тук — тук-тук...»

Вижу, от головного Солнца вверх и в стороны, к малым солнцам, потянулись широкие радужные лучи... Проявился солярный крест... Разлился колокольный звон... Каденция... Да это же — великая Жар-Птица! Священная Птица-Рарог, о которой вещают древние сказания. Она, словно мать, грозно и любовно, всепрощающе обнимает землю. Слышу долгий мажорный аккорд, звучащий от глубоких басов до самых высоких пронзительных нот, — жизнеутверждающий, заполняющий и расширяющий пространство.

Дорога. Поезд настырно врезается в снежный простор...

МОСКОВСКИЙ ТЁРН

Узнаю этот запах: раннее весеннее солнце наполняет воздух особой смесью влаги и света, которую называю «ароматом фиолетового кварца». Неторопливо иду в сторону метро. Иду по улице Руставели. Странно тихо. Даже редкие машины проезжают так, будто боятся развеять тоскливую, сонно-белёсую дымку утра...

В душе — баховская «Сарабанда», — музыка, совпадающая с ритмом сердца, печальная мелодия разлуки.

Вдруг в сознание проник лёгкий, еле уловимый запах миндаля, а вместе с ним ворвался весёлый воробьиный гомон. Остановилась. Оглянулась. Слово облако на фоне ещё чёрных лип и клёнов — пышный куст. Зацвёл терновник. Белые лепестки плотно облепили густые ветки, и невозможным стало разглядеть бесчисленные длинные колючки, которые совсем недавно сердито ёжились в снежные холода. А теперь — щедрый белоснежный цвет, даже воробьёв почти не видно, больше догадалась: их — целая стая. Заполнили куст от земли до макушки и кричат, кричат...

Весна!

Я глубоко вдохнула. Вслушалась. Взволнованно забилося сердце. Весна...

Хм!.. Слышу стремительную баховскую «Шутку» — неудержимую музыку новой встречи.

ДИАНА КАН
выпускница Высших литературных курсов 1997 года

ПОЛЁТ НАД БЕЗДНОЙ

«Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были!» Тем не менее, несмотря на то, что с момента смерти моего учителя, каковым считаю Юрия Поликарповича Кузнецова, прошло уже несколько лет, я доселе как-то не могу по-настоящему уразуметь, что Кузнецова нет среди живущих. Что я никогда не увижусь с ним, никогда не прочитаю новых его стихов, что он никогда не прочитает моих... Жизненная текучка-бегучка худо-бедно отвлекает от ежеминутного осознания невозвратности случившегося. Вот так бегаешь-бегаешь и вдруг, словно наткнёшься на невидимую преграду. И задохнёшься... Но опять отгонишь от себя страшную мысль. И где-то на задворках сознания попытаешься утешиться — что уж там, разве что-то так кардинально изменилось? Годами, будучи «невъездной» (не по политическим, по материальным причинам) далее собственной новокуйбышевской околицы, не виделась я с Юрием Поликарповичем, не вижусь и сейчас. Что изменилось? Между тем, изменилось ВСЁ.

Начать с того, что с уходом Кузнецова кардинально изменилось русское литературное поле. И без того оно агрессивно уничтожаемо последние десятилетия плотоядной «одноклеточной» масс-культурой. Но пока живут и работают русские писатели-классики, то как-то ещё остаётся надежда на возрождение некогда могучего русского духа... Кузнецов в моём его восприятии был — само олицетворение этого духа.

Последний раз, помнится, в мае 1998 года свиделись с ним в стенах редакции журнала «Наш современник», минут пятнадцать поговорили о том, о сём... А следующее моё «свидание» с Кузнецовым состоялось на Троекуровском кладбище, когда в январе 2004 года принесла на его могилу погребальные белые розы. Положа руку на сердце, если бы не смерть Юрия Поликарповича, когда бы ещё вырвалась я в Первопрестольную?..

До сих пор не могу простить самарским коллегам-писателям, что, ослеплённые ненавистью к моим литературным успехам, они в апреле 1998 года скрыли от нас с Евгением Семичевым, что в Тольятти приезжает со своим творческим вечером Юрий Поликарпович. Самарские писатели решили тогда сделать всё от них зависящее, чтобы не допустить нашей встречи с Кузнецовым. Что ж,

английский принцип «рул энд дивайд» («разделяй и властвуй») был последние десятилетия в Самаре одним из ключевых в управлении писательской организацией со стороны немолодого, но подающего надежды прозаика, литфункционера Евгения Лазарева. А это была, как оказалось, последняя возможность встречи моей с Юрием Кузнецовым. Это я поняла, когда уже стояла у его могилы...

Около могилы-то я стояла... Но, всё равно, — не верила! Укоренившееся во мне последние годы сознание того, что где-то там, далеко, Юрий Поликарпович пишет стихи, думает, грустит, радуется, общается с друзьями и учениками, ухаживает за женщинами, в общем, живёт — такое сознание морально поддерживало меня в минуты грусти и печали. Да и разве ж для того, чтобы чувствовать духовную близость другого человека, надобно надоедать ему своим присутствием?..

Мои заметки ни в коей мере не претендуют на исследование кузнецовского наследия. Это просто заметки кузнецовской прилежной ученицы — наверняка пристрастные в силу того, что ученица Учителя почти боготворила. Впрочем, пристрастно (со знаком плюс или минус) почти всё, что сегодня пишут о Кузнецове. Для меня он был своеобразным поэтическим и жизненным ориентиром. В трудные моменты жизни я всегда мысленно спрашивала и спрашиваю себя, если я поступлю так — что сказал бы об этом Юрий Поликарпович? Эта привычка мысленно «советоваться» с ним в трудных вопросах сохранилась у меня и поныне...

А тогда, в ноябре страшного 2003 года узнав, что Кузнецов умер, я в какой-то момент поняла: для того, чтобы выжить и творчески не сломаться, надо жить так, словно он и не умирал. Не знаю, насколько мудрым можно назвать такое моё «страусиное» решение, но, тем не менее, тогда оно спасло и поддержало меня. Говорят, гордость — не очень хорошее чувство, но я горда и счастлива, что могу назвать Юрия Поликарповича Кузнецова своим Учителем, хотя он и не признавал в русской поэзии ученичества как такового и школ как таковых. Что ж, это его право прижизненного классика, как и моё творческое право ученика считать своим учителем того или иного поэта. Главное даже не в литературе, ею я занималась и до встречи с Юрием Поликарповичем. Писала стихи о неразделённой и вследствие этого такой огромной любви. Говорят, что стихи были талантливые. Но что-то меня мучило, лишая душевного покоя. И тут это оказавшееся для меня судьбоносным совещание молодых писателей в Москве в январе 1994 года. И я (повезло так повезло!) попадаю в семинар к «тому самому» Юрию Кузнецову, который «пил из черепа отца», многие стихи которого старательно, за неимением его книг, ещё в юности переписаны мной в заветную тетрадь. *«Нет, я с тобою говорить не стану. // Вернусь домой и верный нож достану.// И в стол всажу... И верному ножу // Я про твою измену расскажу...»* У каждой молодой девицы есть такая заветная тетрадь-исповедница, и я не исключение из правил. Кузнецов немногословен, сдержан с нами, семинаристами, держит дистанцию и слегка отстранён. Неужели это он, такой спокойный на вид, автор обжигающих строк о леди Макбет: *«... За то, что вам гореть в огне // На том и этом свете, // Поцеловать позвольте мне // Вам эти руки, леди!»* Даже не верится! Молодые поэтессы-семинаристки (практически поголовно «лабающие» под Ахматову) шепчутся меж собой, что выросли с книжками Кузнецова под подушкой... Им повезло больше, чем мне: ухитрились купить-достать кузнецовские книги. Признаться, я не любительница литературных сборищ. Но этот семинар-совещание — первый, последний и единственный на моём этапе вхождения в литературу, я не забуду никогда. Именно на нём произошло долгожданное осознание мной жизненного призвания. И именно Юрий Кузнецов, сам того не зная, помог мне в обретении того, без чего телесная жизнь, даже вкупе с попытками лирической самореализации, пуста и никчёмна. После встречи с Кузнецовым я поняла, что поэзия — это отнюдь не частное

дело (что это «не вздохи на скамейке», я понимала и раньше), поэзия даже не столько литература, сколько один из видов СЛУЖЕНИЯ России, поле духовной брани за неё.

Именно тогда, проводя семинарский разбор наших «поэтических полётов», Кузнецов, устало вздохнув, словно обращаясь ни к кому и одновременно ко всем, уронил такую фразу: «Россия в пропасть летит, а о чём пишут молодые поэты?..» По причине молодости и протекающей отсюда патологической занятости исключительно своим богатым внутренним миром, мы, естественно, писали преимущественно о любви, перемежая свои писания поэтической экзотикой в виде «брабантских кружев», «тосканских канцон» и т.д. Думается мне сегодня, что именно эта эгоистическая сверхзабоченность собой и своими переживаниями стала причиной того, что иные из нас, кузнецовских семинаристов (и я в том числе!) по итогам семинара не обнаружили себя в списках принятых в Союз писателей России. Не буду кривить душой, для меня это был удар в сердце. Не потому, что — не приняли, а потому что — именно Кузнецов! Тогда казалось, что после такого творческого фиаско я уже не оправлюсь. Мой оренбургский земляк — поэт Демурин, также бывший участником этого совещания, но в другом творческом семинаре, и, в отличие от меня, принятый там в Союз писателей, отечески-снисходительно посоветовал: «Ну вот, уж так радовалась, что к Кузнецову попала, а тут такое... Лучше б ты к нам в семинар попала, у нас бы тебя приняли...» В молодой, оскорблённой в лучших чувствах запальчивости, я заявила земляку что-то в том духе, что пусть меня лучше не примет Кузнецов, чем примет кто-то другой... Как ни странно, именно после этого фиаско я железно решила, откинув все сомнения творческого и материального характера, ехать на Высшие литературные курсы. Именно к Кузнецову и только к нему. Многие мои оренбургские земляки увидели в этом решении безумную попытку «прыгнуть в пасть тигра». И добавляли что-то там ещё о моём непомерном гоноре. Но всё было и проще, и сложнее. Недолгое пребывание на кузнецовском семинаре открыло вдруг передо мной то, к чему неодолимо потянулась мятущаяся душа. Я стремилась на ВЛК не столько для того, чтобы доказать Кузнецову свою творческую состоятельность, хотя и это стремление по молодости лет наверняка присутствовало. Я ощутила, что общение с ним нужно мне для того, чтобы стать настоящим поэтом, взорвав изнутри ту лирическую камерную скорлупу, в которой я давно уже задышалась. И никто не мог помочь мне это сделать, кроме «жестокосердного» Кузнецова, как я его тогда в душе окрестила.

Увидев меня среди своих семинаристов, Юрий Поликарпович, как мне показалось, меня не узнал (мало ли молодых поэтов в России, и все на ВЛК к нему рвутся!), но позже, уже в процессе учёбы, я поняла, что он меня помнил, потому что как-то по-доброму сказал мне, что я «настырная». Я тогда не поняла, огорчаться мне или радоваться этому кузнецовскому определению. Но «настырность» моя на самом деле была просто непреодолимым желанием общения с Мастером, перед которым я творчески преклонялась ещё со времён подросткового возраста. Эта «настырность» была не что иное, как страстное желание творческого общения, какого я не имела и не могла иметь в Оренбурге. Как-то уже после смерти Юрия Поликарповича я наткнулась на афоризм, поразивший меня: «Злой человек может вредить двояко — делая зло и делая... добро». Мне вдруг открылось в тот момент, насколько добрым и человечным по своей природе был Юрий Поликарпович! Ведь он, даже, казалось бы, причинив мне зло (не принял в Союз!), в итоге сделал этим «злом» мне добро. Прими он меня в Союз писателей с первой же попытки, кто знает, поехала бы я, умиротворённая «признанием», в Москву на ВЛК? Наверняка так и осталась бы в Оренбурге и, в конце концов, попросту задохнулась бы в тамошнем безвоздушном пространстве... Именно поэтической оренбургской камерности я боялась больше всего, словно одержимая клаустрофобией. Как теперь понимаю, я боялась её даже больше сурового взыскательного Кузнецова, перед которым трепетала.

А первопричиной, по которой я отважилась «прыгнуть в пасть тигра», была та кузнецовская фраза про летящую в пропасть Россию и равнодушных к этому полёту над пропастью молодых поэтов. Эта фраза вошла в меня гвоздём (и наверняка не в меня одну!). Показательно и то, что такие и похожие слова я частенько слышала в Оренбурге от тамошних писателей, но эти слова оставляли меня почему-то равнодушной. Видать, имеет большое значение не только то, ЧТО сказано, но и КЕМ сказано. Я часто вспоминала эту мельком, без всякого дидактизма, удручённо обронённую Кузнецовым фразу, вернувшись в Оренбург. И по мере того, как я размышляла над ней, всё в моей неприкаянной жизни стало вставать на свои места. Служение Родине для меня, дочери кадрового советского офицера, выросшей в военном городе-гарнизоне, не было отвлечённым понятием, хотя имело в детстве осознание не литературного, но военного наполнения. Понемногу жизнь стала обретать очертания и вектор: поэзии в ней должна быть отведена роль не светской салонной барышни, развлекающей эстетствующих «ценителей», но защитницы и воительницы России. И все последующее общение с Юрием Поликарповичем только укрепляло меня в открытии такой простой, казалось бы, истины. Но ведь на то они и простые вечные истины, что каждый из нас должен выстрадать их самолично.

* * *

Во время перекура между занятиями на семинаре, когда нависла затянувшаяся пауза, которую никто не решался прервать в присутствии Кузнецова, я неожиданно для самой себя расхрабрилась и сказала:

- Юрий Поликарпович, у нас вчера Владимир Демури́н женился.
- В который раз? — с короткой усмешкой остудил мой оптимизм Кузнецов.
- В третий... — слегка растерялась я, а стоящий тут же Владимир Демури́н не без гусарства меня поправил:
- Вообще-то, в четвёртый!
- Эх, молодёжь! — скептически хмыкнул Кузнецов, — не хватает ума жениться раз и навсегда.
- Юрий Поликарпович, не всем так везёт, как вам, — не без обиды, поскольку в то время как раз только что вышла замуж во второй раз, сказала я.
- При чём тут везение? — улыбнулся Кузнецов. — Дело не в этом, просто время на женитьбы терять — всё равно, что шило на мыло менять.

* * *

Первое семинарское обсуждение — всегда обсуждение судьбоносное. Оно спускает тот глянec гениальности, с которым практически каждый второй (если не первый!) ВЛКашник приезжает в Москву. Это обсуждение расставляет акценты и делает дальнейшее общение более конструктивным. К первому своему обсуждению на ВЛК я готовилась, можно сказать, загодя — перестала спать за неделю до оногo, так волновалась. И было отчего волноваться. Во-первых, я знала, как жёстко, подчас даже ожесточённо, обсуждают друг друга поэты. Тут не захочешь, да вспомнишь Дмитрия Кедрина: *«У поэтов есть такой обычай // вокруг сойдясь, оплёвывать друг друга...»* Ну, до плевков, конечно, не доходило, но желающих самоутвердиться на костях и стихах ближнего хватало. Странное дело, из тех, кто наиболее рьяно самоутверждался таким образом, как показало время, ничего путного в литературе не получилось. Потому что хорошее чувство соревновательности в поэзии (особенно среди молодых) — дело хорошее, так-

же хорошее дело — желание творчески самоутвердиться. Вот только делать это надо лишь и исключительно за свой счёт, не топчя потенциальных творческих соперников, а соревнуясь с самим собой в попытке взять ту или иную творческую высоту. Мысль не новая, но почему-то часто молодые не берут её в расчёт и многое теряют. Да что многое? Творческую судьбу и первородство творческое теряют, разменивая всё это на злобу-зависть по отношению к более одарённым коллегам, а потом и вовсе, поняв, что терять им в литературе нечего, меняют окончательно это творческое, пусть и небольшое, но богоданное первородство на чечевичную обывательскую похлёбку.

Итак, моё первое обсуждение на ВЛК. Как бы много и как бы неприязненно ни обсуждали меня на оренбургском литобъединении, но это семинарское обсуждение я запомнила навсегда. Во-первых, меня удивило то, что вроде неглупые и, более того, позиционирующие себя знатоками в литературе люди несли такую несурзаицу, на которую и отвечать-то нечего. Например, один эпигон Иосифа Бродского обвинил меня в том, что на моих стихах имеется налёт одесского юмора. Между тем я слишком уважаю поэзию, чтобы как-то так с легонца-юморца относиться к тому, что пытаюсь писать сама и что пишут другие. Остальная «стая товарищей» (недаром словосочетание ВЛК отдаёт чем-то «волчьим») тоже в стороне не осталась, на мне изрядно оттопталась. Ну да мне не привыкать, от битья только злее в работе становисься. Не хотелось бы обижать моих друзей и поклонников моих стихов, но, честно говоря, тем, что я творчески состоялась, я обязана в первую очередь моим многочисленным завистникам. Воистину, наших недоброжелателей попускает нам Бог.

Но это я сейчас, задним умом, понимаю. А тогда, видя, как терзают мои стихи, написанные кровью молодого сердца, умевшего (и даже любившего!) страстно страдать (за что меня обвинили чуть ли не в сатанизме), глядя на то, как трусливо самоустранились в этой травле (а кое-где её и с удовольствием поддерживают) мои земляки из Оренбуржья, я в отчаянии подумала о том, что выход мне, теперь, пожалуй, только один... Потому что мнение Юрия Кузнецова о моих стихах, хоть он ещё и не высказывал его, т.к. он выносит его после всех «прений», мне заведомо известно: Кузнецов не принял меня год назад в Союз писателей России.

За мои стихи тогда вступился только поэт из Самарской области Евгений Семичев, с которым я на тот момент едва-едва была знакома. Но его практически единственный голос в защиту потонул в дружном хоре обвинителей... В общем, тучи сгустились донельзя над моей буйной головешкой, но я решила выпить сию горчайшую чашу до дна и выслушать «приговор» Кузнецова, не суливший, судя по азарту однокашников, ничего хорошего. Каково же было моё изумление, когда Кузнецов в своей речи (до этого, давая вволю высказываться своим семинаристам, он не проронил ни слова) сразу отмёл все обвинения меня в сатанизме. «Нет, никакой это не сатанизм, это просто ярко выраженный поэтический темперамент», — сказал Кузнецов к моему огромному удивлению. Но глядя, как надеждой загорелись мои глаза, Юрий Поликарпович тут же добавил педагогическую «ложку дёгтя»: «Вы не всегда владеете своим темпераментом, Диана, это плохо, это недостаток мастерства, а вам пора становиться мастером, для этого есть все задатки...» У меня закружилась голова и всё поплыло вокруг. Остальное я помню смутно, потому что очнулась окончательно только на кухне в общезитии, чистя картошку для супа. Заглянул один из моих сокурсников с семинара прозы и, уважительно глядя на меня, протянул: «Поздра-а-авляю!..» Я поняла, что весть о моём удачном обсуждении уже гуляет по коридору, но, чтобы продлить триумф, я прикинулась непонимающей: «Ты о чём?..» — «Как о чём? Сам Кузнецов тебя хвалил, вот это да!..» Хотя не припомню, чтобы Кузнецов меня особо хвалил, он вообще не был склонён, как истинный профессионал, к восторгам по поводу каких-либо стихов. Он просто указал

мне путь, по которому я должна была пытаться двигаться. «Диана, пора становиться мастером...» А вот реально помочь мне обрести поэтическое мастерство (то есть тот дар глагола, о котором Цветаева говорила, что поэт — это равенство души и глагола) помог мне мой будущий муж Евгений Семичев. Меня тогда не только как поэтессу, но и как женщину очень тронуло его рыцарское поведение во время моего творческого «избиения». Хотя, как Семичев признался мне впоследствии, это было отнюдь не шагом рыцаря по отношению к даме, а просто словом поэта в защиту другого поэта. В общем, мне предстоял длительный путь мастерства, который, как я теперь всё яснее понимаю, у истинного поэта конца не имеет, ибо истинный поэт учится всю жизнь. Обсудив всех семинаристов в первый год обучения по одному разу, на второй год ВЛК Юрий Поликарпович в самом начале учебного года сказал, что посвятит весь второй учебный год исключительно лекционным занятиям с нами. А обсудить вторично планирует только двух поэтов — Евгения Семичева и Диану Кан. Эта новость также мигом облетела весь коридор общежития, на нас, к тому времени уже находящихся практически на пороге московского ЗАГСа, посматривали с уважением, смешанным с завистью.

* * *

К «вакхическим» забавам своих семинаристов Юрий Поликарпович относился без одобрения, но в то же время и без осуждения. А поклонений Бахусу в общежитии Литературного института, на седьмом ВЛКашном этаже, хватало. Как же, собралась разношёрстная компания поэтов и прозаиков со всех градусов и весей российских. Кое у кого уже кое-что издано и как минимум каждый первый полагает себя областным (краевым) классиком. Доселе памятна мне попавшаяся тогда на глаза в общежитии тоненькая самиздатская коллективная книжечка стихов молодых поэтов под претенциозным названием чуть ли не «Классики Крыжополя!» Но, полагая себя несомненным гением, каждый слушатель ВЛК тем не менее жаждет признания новых сокурсников. А для этого надо, как минимум, познакомиться. Для знакомства же надо, как минимум, распить бутылку спиртного. К сожалению, традиции общежитского творческого общения таковы: вас попросту не поймут, если вы за знакомство предложите не выпить, а поесть, предположим, торт. Ну да, не нами заведён вакхический обычай литинститутского знакомства, не нам и осуждать его. Да и как осудить молодых, полных жизни и честолюбивых надежд провинциальных литераторов, вырвавшихся из своих родных захолустий на столичные просторы и поневоле испытывающих головокружение от московской атмосферы? По мере того, как все перезнакомились, «вакхическое» общение, конечно же, сошло на нет, вытесненное проблемами творческого характера и нелёгкого материального выживания в столице на более чем скромную стипендию. Но не для всех.

Некоторые так вошли во вкус, что никак не могли остановиться. К таким вот «разгулявшимся» принадлежал и ныне, увы, покойный поэт Владимир М. из Челябинской области. Мы все на ВЛК были потрясены, когда узнали, что во время одного из своих разудалых загулов М. угодил под поезд метро. Ему не довелось отделаться лёгким испугом, и он попал в больницу, после которой хромота у него так и осталась, зато мозги, кажется, встали на место. Володя М. перестал пить, чему все мы, его сокурсники, были несказанно рады, потому что, несмотря на творческую конкуренцию и непростые отношения между собой, все мы, тем не менее, прекрасно осознавали свою общность — ну хотя бы провинциалов в столице. Поэтому известие о том, что Володя после долгой «завязки», что говорится, «развязался», было не из приятных. Каким-то образом слухи о хмельных его приключениях дошли до Юрия Поликарпо-

вича. На одном из семинаров Кузнецов с укоризной попенял нам: «Что же вы, друзья-поэты, не остановите М., нельзя же так?» Все мы растерянно переглянулись, и неловкость воцарившегося молчания нарушил Евгений Семичев: «Юрий Поликарпович, кто же способен остановить того, кого даже поезд метро не остановил?..» Кузнецов отрешённо посмотрел в окно. А мы продолжали виновато молчать, хотя ручаться могу, что не было среди нас, обитавших в литинститутовском общежитии, ни одного, кто бы в той или иной форме не пытался воздействовать на Володю М. в смысле антиалкогольной пропаганды.

* * *

Отдельной темы заслуживает финансовое выживание студентов в столице. Потому что, как только заканчиваются привезённые с собой деньги, тут же со всей насущностью встаёт вопрос — что дальше? Несмотря на то, что Литинститут, пожалуй, один из немногих вузов, где студентов в дополнение к стипендии во второй половине 90-х годов кормили бесплатно обедами, финансовый вопрос стоял более чем остро. Первое после приезда время, жируя на привезённых из дома харчах и с азартом предаваясь обсуждению творчества друг друга, мы мало задумывались о завтрашнем дне с житейской, финансовой его изнанки. Но уже на одном из первых семинарских занятий Юрий Поликарпович вдруг сам, безо всяких просьб с нашей стороны, сказал: «Кому ещё не исполнилось 35 лет, назовите себя, постараюсь, чтобы вам дали творческие стипендии на следующий год...» Подходящих по возрасту оказалось человек шесть или семь. Пока Юрий Поликарпович записывал наши данные, Евгений Семичев обиженно сыронизировал, имея в виду себя: «Ну что ж, а кому за тридцать пять лет — то не жаль и помирать...» Юрий Поликарпович, занятый записями, казалось, пропустил эту реплику мимо ушей. Но, как стало ясно в дальнейшем, он запомнил её, потому что через год помог Евгению Семичеву — единственному поэту из нас, провинциалов, кто во время своей учёбы на ВЛК не получал никакой материальной поддержки со стороны своей Самарской областной писательской организации — получить более весомую, уже не юношескую, а «настоящую» творческую стипендию Союза писателей России... А пока, записывая наши имена, Юрий Поликарпович честно предупредил, что не может точно обещать, дадут нам стипендии или нет. Да мы и сами знали, что шансов немного, поскольку литература тогда (да и сейчас!) финансируется по «дважды остаточному» принципу. Финансируемая традиционно остаточно российская культура из невеликих своих достатков вынуждена ещё и «остаточно» помогать писателям, выделяя им творческие стипендии, соискателей на которые куда больше, чем самих стипендий. И, тем не менее, у Юрия Поликарповича оказалась счастливая рука (а скорее всего — сильный авторитет в правлении Союза писателей России, которое пошло навстречу его просьбе). И все мы, не достигшие 35 лет его семинаристы, стали творческими стипендиатами Союза писателей России, что очень помогло побольше думать именно о творческой, а не житейской составляющей учёбы в Москве. Юрий Поликарпович вообще как-то без лишних слов понимал всю сложность физического выживания писателя, да ещё студента, в столице. Поэтому всегда под предлогом того, что ему некогда или, что не голоден, он отдавал свои талоны на питание в институтской столовой семинаристам — то одному, то другому.

* * *

Как я уже говорила, Юрий Поликарпович всегда держал в общении дистанцию с нами. Он никого особо не выделял, со всеми говорил на «вы» и корректно. Да мы

и сами были не последние идиоты, чтобы не понимать, КТО наш Мастер. Несмотря на его холодноватость, ВЛКашные поэты любили его беззаветно — не только как гениального поэта, что, как говорится, само собой разумелось, но и как редкого по нашим временам настоящего русского порядочного человека. Нечастая кузнецовская похвала в адрес того или иного слушателя ВЛК сразу становилась известной всему курсу и делала того, кто её удостоился, героем времени. До сих пор я жалею, что не удосужилась записать лекции Юрия Поликарповича. Эта наша дурацкая беспечность — жить так, словно тысяча лет впереди! А между тем кузнецовские лекции — настольная книга для поэта, чтобы мозги его встали на место, и эмоциональная «интернациональная» мешанина в голове уступила место стройному русскому мировоззрению. Расскажу только об одном таком весьма показательном эпизоде. Однажды, услышав не очень лестное мнение Кузнецова об Ахматовой, которую я в своё время читала чуть ли не наравне с Пушкиным, я не стерпела. Думаю теперь, что тут сыграла роль «женская солидарность», весьма кружившая мне голову в то время. Как же! Одни сплошные мужики захватили литературный процесс, нас, бедных женщин, за людей, то бишь за поэтов, не держат — то в Союз не принимают, то снисходительно отзываются... Где, спрашивается, справедливость? Ну и я, что говорится, набралась дерзости и попеняла Юрию Поликарповичу: «За что вы так Ахматову не любите?» Кузнецов пристально, словно впервые увидел, глянул в мою сторону: «Диана, вам надо учиться внимательнее читать... Читату вспомните: «И если когда-нибудь в ЭТОЙ (Кузнецов слегка сделал ударение) стране поставит задумают памятник мне...» Это сегодня мы то и дело слышим о России — «эта страна», не ново, Ахматова ещё когда ТАК называла Россию...» Это был один из моментов истины, ради которых и стоило ехать к Кузнецову на ВЛК. «Эта страна» — ЭТА. Одно слово из трёх, как ни цинично прозвучит, букв вдруг открыло мне мою любимую Ахматову несколько иначе. Мне вдруг приоткрылась трагедия, заключённая не во многих строчках, а втиснутая в одно слово. Кузнецов одним своим замечанием научил меня ЧИТАТЬ стихи. Конечно, слово ЭТА выдаёт некий момент отстранённости автора от своей страны, не говорим же мы о родной матери — «эта мать». Но ещё ведь ЭТА страна — СССР, советская, а была ТА страна — дореволюционная Россия, которую Ахматова застала в силу возраста, и которую считала родной. Так, благодаря Кузнецову, я открыла для себя Ахматову не только как автора стихов о несчастной любви, но как поэта, чью глубокую гражданскую трагедию открыл мне Кузнецов... Вообще, оценки Юрием Поликарповичем творчества того или иного поэта были суровы, но, если вдуматься, эта суровость была справедливой и обоснованной. Он учил нас читать и воспринимать поэзию не читательскими, эмоционально-любительскими глазами, но — пристальным поэтическим взором, который должен видеть стихи насквозь. Чтение стихов должно было стать не праздным времяпрепровождением, но — творческой мастерской каждого из нас.

* * *

К концу нашей учёбы Юрий Поликарпович как-то сказал: «У меня на даче кран течёт, кто сможет помочь починить?» Вот, наверное, был момент, когда те из наших мужчин-поэтов, кто не владел азами сантехники, горько пожалели о своём неумении. Ведь это же была единственная, представившаяся за два года учёбы на ВЛК, возможность реального общения с Кузнецовым в неформальной, так сказать, обстановке. Как бы то ни было, делегированы на починку крана и утверждены Кузнецовым были поэт из Луганска Владимир Казмин и Евгений Семичев. Шибутной, но при этом очень обаятельной Вова Казмин, как человек сантехнически «бывалый», прямо со слов Кузнецова поставил «диагноз» текущему крану и даже раздобыл где-то некую блестя-

щую деталь-штуковину, которую авторитетно называл «сгоном». И вот во время оно, в час назначенный, полуденным погожим майским днём Казмин и Семичев поехали с Юрием Поликарповичем на Киевский вокзал, чтобы добраться до кузнецовской дачи и починить кран. Наши ВЛКашники с нетерпением ждали их возвращения. Ко мне в комнату периодически заглядывал кто-то из сокурсников и интересовался: «Ну как, ещё не приехали?» Я и сама сгорала от любопытства. И вот в десятом часу вечера явился Семичев. Жена Володи Казмина Светлана, приехавшая к мужу на побывку, строго спросила Семичева: «А где Вова? Кран-то починили?..» — «Нет, кран не починили, сгон не подошёл, — отвечал Семичев, — потом немного выпили с устатку, не хватило, пошли в магазин, а я по пути сбежал домой в общагу... Им-то что, они мужики здоровые, их и литром водки не свалишь, а я, если ещё чуть выпью, до дому не доеду...» Спустя ещё несколько часов в общагу заявился и Володя Казмин — он был задумчивый, с тем же пресловутым «сгоном» в руках. «Где Семичев? — изобразил он гнев, чтобы реабилитироваться перед строгой женой, — мы с Юрием Поликарповичем его там ищем, думаем, куда девался, а он тут спит-почивает...» Тем не менее, гнев Вовы был явно только для проформы. А самому ему явно не терпелось поведать то, как и о чём они говорили с Юрием Поликарповичем...

Кран Вова поначалу честно пытался отремонтировать, но — увы, судьба в этом ему не благоприятствовала. Кран оказался крепким орешком, и с устатку, как водится, мужчины решили выпить по сто грамм. Разговорились. Володя Казмин когда-то служил в Афганистане, Юрий Поликарпович — на Кубе, так что разговор преимущественно шёл об армии. Конечно, как порой бывает, когда русским людям есть о чём поговорить, выпивки не хватило. Собрались сходить в ближайший магазин, который находился за несколько километров от посёлка. По пути Семичев отстал и... уехал в Москву. Юрий Поликарпович и Владимир Казмин долго и безрезультатно искали Семичева в лесу. Стояла тихая майская ночь, хвойный лес вокруг, тишина... Слушая Володю Казмина, я для себя мысленно экранизировала его рассказ, как всегда делаю, когда мне интересно. Идя по лесу, Юрий Поликарпович и Володя Казмин взяли в руки длинные прямые ветви и устроили при лунном свете нечто вроде импровизированного богатырского поединка, где вместо мечей были ветви хвойных деревьев. Два высоких русских красивых мужчины богатырского сложения, бьющиеся при лунном свете деревянными мечами. Я ахнула, слушая Володю и представив себе эту картину так въяве, словно бы сама присутствовала там... А потом снова и снова удивлялась в душе тому, что суровый и застёгнутый на все пуговицы Кузнецов может быть таким большим ребёнком. Хотя при этом умом понимала, что, конечно же, если бы Юрий Поликарпович, несмотря на свой жизненный опыт и литературный статус, в душе не оставался русским романтиком, он бы вряд ли мог быть таким уникальным поэтом — всегда новым и всегда неожиданным, с чистотой и свежестью восприятия, которые есть только у детства.

... Образ летящей в пропасть России при всей его трагической пронзительности — как образ именно русского полёта над бездной — я часто ощущаю во сне. И верю, что нет и не может быть такой смертельной пилотажной петли, из которой Россия не вырвется опять в зенит, пока она способна рождать таких поэтов, как Юрий Кузнецов. Стихи Кузнецова — воистину звёздный свет, который светит нам во мгле смутной России сквозь время и пространство даже после гибели «источника своего излучения».

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

выпускник Литературного института 1993 года

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИСТИННОМ СЛУЧАЕ

(Рассказ Александра Солженицына «Правая кисть»)

Один из первых рассказов А. И. Солженицына «Правая кисть» был написан в 1960 году — «в воспоминание об истинном случае, когда автор лежал в раковом диспансере в Ташкенте». Ни один советский журнал не напечатал эту вещь в то время, и она «ходила в Самиздате». Впоследствии заглавия нескольких сборников малой прозы писателя за рубежом и в России повторяли название рассказа. И это обстоятельство определённо свидетельствует о том, сколь большое значение придавал Солженицын упомянутому произведению — не очень известному в читательских кругах, обойдённому вниманием критики, многократно обсудившей «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Случай на станции Кочетовка»...

Сегодня на фоне славословий и порицаний в адрес Солженицына всё чаще звучат суждения, что он в большей степени — общественный деятель и публицист, нежели художник. Примечательно, что подобные характеристики срываются с либеральных уст, ещё вчера неутомимо певших «осанну» художественному мастерству писателя, судя по всему — в пику почвенническому взгляду на его творчество — как правило, негативному. Одновременно высокопоставленная дама-филолог замечает в телепрограмме, что у Солженицына ей «мешают» «Двести лет вместе», а «помогает» — «Архипелаг ГУЛАГ». Таким образом, происходит достаточно явная переоценка писательского наследия, к сожалению, во многом тенденциозная, а с идеологической точки зрения — вполне своекорыстная. Тем не менее, публицистические работы Солженицына сто́ит рассматривать критически, хотя бы потому, что мнения автора по жизнеустройству России касаются напрямую каждого читателя, который примеряет их к окружающему социуму, уже два десятилетия откровенно безнравственному и хищному.

Иное дело — произведения художественные, где главенствуют образ, искусство повествования, способность рассказчика распорядиться событиями и деталями в пределах мира, который он воссоздаёт в присутствии доверившегося ему собеседника. Здесь всё — неоднозначно, слова живут собственной жизнью, и писатель часто предстаёт другим человеком по сравнению с тем, каким мы знаем его в зримой реальности. В этом — тайна творчества.

Поэтому есть все основания для того, чтобы ещё раз внимательно взглянуться в прозу Солженицына и попытаться увидеть в ней черты, прежде ускользнувшие от филологического ока.

Фабула «Правой кисти» не отличается сложностью, автор в примечании называет произошедшее «случаем». Точно так же события на станции Кочетовка в известном рассказе Солженицына уже в заглавии получают сходную жанровую пометку. В отечественной литературе такой приём, как правило, используется для показа примет времени, среды, человека — и шире: характерных черт эпохи. Достаточно упомянуть рассказ литературного антагониста Солженицына М. А. Шолохова «Судьба человека», который начинается как очерк, но затем превращается в гениальную — по краткости, простоте изложения и нравственной глубине — картину русской доли в годы военного лихолетья.

Масштаб повествования в «Правой кисти» не столь значителен, поскольку о многом автору приходилось говорить крайне сдержанно, только намечая горизонт последующих литературных и документальных сюжетов. Можно сказать, что вся ранняя проза А. И. Солженицына входила в советский круг чтения как некая цепь «случаев», время и пространство между которыми заполнялось поначалу скрытыми от постороннего взгляда и слуха личными читательскими драмами. А впоследствии будто поднялся из небытия огромный материк русского несчастья — и прежние «случаи-отрывки» обрели контекст.

«Правую кисть» пересказать несложно и недолго. Главный герой из места ссылки по болезни переведён в больницу в Ташкенте. Ещё вчера он умирал от рака, но сегодня болезнь отступила, и он будто впервые смотрит на окружающий мир. У изгороди старик в истрёпанной одежде еле слышно обращается за помощью к окружающим, на руках у него — направление на лечение. Герой провожает его в приёмное отделение и попутно выясняется, что в годы гражданской войны тот воевал под Царицыном. Регистратор больницы, молодая девица, отказывается принять больного. Немошной правой рукой старик с трудом достаёт ветхую бумажку, которая гласит, что её податель служил в Отряде Особого Назначения и «много порубал оставшихся гадов». Герой обращает внимание на правую кисть старого чоновца, когда-то с коня рубившего саблей пешего врага — теперь эти пальцы беспомощны. Он оставляет старика у окошка регистратуры и уходит.

Два персонажа рассказа, по существу, являются взаимными противоположностями.

Судьба главного героя искалечена карательной системой коммунистического государства, а сам он почти стёрт с лица земли страшной болезнью. В мире ликует весна, и бывший зэк, стоя на обочине земного существования, жадно наблюдает за множеством мелочей, которые, взаимно соединяясь, составляют живую, объёмную, играющую красками и формами картину.

«Ещё не смея сам себе признаться, что я выздоравливаю, ещё в самых залётных мечтах измеряя добавленный мне срок жизни не годами, а месяцами, — я медленно переступал по гравийным и асфальтовым дорожкам парка, разросшегося меж корпусов медицинского института. Мне надо было часто присаживаться, а иногда, от разбирающей рентгеновской тошноты, и прилечь, пониже опустив голову. <...> я уже знал ту истину, что подлинный вкус жизни постигается не во многом, а в малом. Вот в этом неуверенном переступе ещё слабыми ногами. В осторожном, чтобы не вызвать укола в груди, вдохе. В одной не побитой морозом картофелине, выловленной из супа. Так весна эта была для меня самой мучительной и самой прекрасной в жизни».

Поразительно это описание самых обыкновенных примет повседневной реальности, увиденной внимательными, жадными глазами человека, который вернулся практически из небытия. Почти треть рассказа занимает такая панорама. Способность необыкновенно остро видеть, слышать, осязать многообразие мира — главная

особенность героя в сравнении со всеми остальными фигурами, хотя бы мимолётно появляющимися на страницах «Правой кисти». И ещё одно свойство делает слова рассказчика значительными — взгляд в собственное лагерное прошлое, соединение своего тяжкого опыта с участием каждого, кто попал в чудовищное советское «зазеркалье».

«Я был жалок. Исхудалое лицо моё несло на себе пережитое. <...> Но я не видел сам себя. А глаза мои <...> прозрачно <...> пропускали внутрь меня — мир».

Так в сознании главного героя фоном возникает память, и его зрение оказывается в состоянии видеть прошлое и настоящее.

«Нескладный маленький человечек, вроде нищего» у ворот больничного парка «задышающимся голосом» бормочет, взывая к прохожим: « — Товарищи... Товарищи...» Но он никому не интересен, и лишь вчерашний смертник ходит к нему со словами: «Что скажешь, браток?..» Здесь едва уловимо автором обозначено отличие слова «товарищ», стёртого революционной эпохой, от узко-кругового обращения «браток», сохранившего теплоту.

Регистратор, «очень молодая сестра с носом-туфелькой, с губами, накрашенными не красной, а густо-лиловой помадой», равнодушна к заслугам «ветерана революции» («мне Сергей Мироныч Киров под Царицыном лично руку пожал»). Тогда как у рассказчика подобные детали боевого прошлого вызывают отчуждение, а порой — содрогание. В определённом смысле гражданская война для него ещё не кончилась, и лагерная страница биографии героя это подтверждает. Тем не менее, он называет больного старика «папаша», будто скрадывая житейским именованием ту дистанцию, которая постепенно проявляется в их немногословном общении.

Для бюрократической социальной системы фигура едва живого просителя избыточна. У Солженицына этот образ становится обобщающим для скрытой характеристики октябрьских перемен 1917-го: революция не только пожирает своих детей, как вышло с «ленинской гвардией» в 1934 и 1937 годах; она отбрасывает, будто жом, из которого уже выдавлен сок, даже судьбу своего фанатичного бойца. Только один раз старик назвал героя «сынком», упоминая о собственном прошлом, как будто подчёркивая возрастную разницу и словно поучая младшего. В остальных случаях он произносит почти как мольбу: «товарищ»...

Одеты и герой, и его немощный собеседник по-нищенски схоже. У одного — «полосатая шутовская курточка едва доходила... до живота, полосатые брюки кончались выше щиколоток, из тупоносых лагерных кирзовых ботинок вывешивались уголки портянок, коричневых от времени»; у другого — «грязно-защитная гимнастёрка и грязно-защитные брюки»; тяжёлые пыльные сапоги «с подбитыми подошвами»; «толстое пальто с засаленным воротником и затёртыми обшлагами»; «стародавняя истрёпанная кепка».

В рассказе есть две постоянно повторяющиеся приметы этого «нескладного маленького человечка»: «непомерный живот, больше, чем у беременной — мешком обвисший» — «будто перевешивал старика к переду»; «отёчные глаза его были мутны» — «какая-то тускловатость находила на глаза». Тут отчётлива изобразительная параллель по отношению к герою-рассказчику: «от охранительной привычки подчиняться и прятаться спина моя была пригорблена»; взгляд прозрачно смотрел на мир.

Насколько сходны эти фигуры внешне («так мы пошли, два обтрёпыша <...> мимо тупых алебастровых бюстов» вождей) — настолько противоположны они в своей духовной проекции.

Застилающая взгляд старому чоновцу пелена, кажется, мешает видеть не только предметы и фигуры, реально окружающие его. «Тускловатость» зрения не позволяет

«ветерану революции» отследить непреодолимую уродливость людских взаимоотношений, что воцарилась в коммунистическом государстве, во имя которого лично он «много порубал оставшихся гадов».

С позиций сегодняшнего дня уже по-иному, многозначно, понимается и характеристика старика устами главного героя: *«Болезнь его была по медицинским справкам запетлистая, а если посмотреть на самого — так последняя болезнь. Наглядысь на многих больных, я различал ясно, что в нём уже не оставалось жизненной силы. Губы его расслабились, речь была маловнятна...»* Станным образом в этих суждениях высвечивается мысль о неизбежном крахе страны Советов. Слова в рассказе «Правая кисть» теперь живут как-то иначе, выходя не только за пределы «писательского случая», преподнесённого автором читателю, упрощённо говоря, с нравственно-назидательной целью — в них проявилось нечто провидческое и даже вневременное. А в соотношении с яростной, непримиримой публицистикой Солженицына в рассказе оживает ещё и христианский подтекст.

Стиль в «Правой кисти» оставляет впечатление шероховатости. Он как бы не присутствует здесь вовсе, уйдя на второй план: только устность небольшой истории о возвращении в жизнь; выбор деталей внешнего мира, который необходимо показать «новыми», жадными глазами; судьба, обозначенная скупой фразой: выход из умирания — и память о годах лагерной жизни. Этого малого художественного инвентаря, вкуче с точно прописанным обликом анти-героя, оказывается достаточно, чтобы образ, вынесенный в заглавие рассказа, волновал читателя спустя годы — когда и реалии изменились кардинально, и ужасы давнего времени отчасти мифологизированы, а во многом забыты или искажены.

Кажется, нет иного, ненавязчивого и поразительно точного литературного отти-ска той эпохи, когда страна переходила из одного социального состояния в другое — как будто более гуманное по отношению к собственным гражданам. Хотя, на деле, чёрствую душу микроскопического начальника по-прежнему не интересует чужая боль, всё так же отдельный человек — будто копейка среди крупных купюр государственных забот и непомерного личного эгоизма казённых людей.

Заметим: в самом общем смысле герой просит за своего антагониста. И просит «сторону» дружественную по отношению к её фанатичному адепту, которого она теперь безжалостно отвергает. Ещё вчера система сочла «социальным мертвецом» рассказчика, посчитав его чужим для себя. А сегодня уже бывший революционер для неё — скорее вещь, нежели едва живой старик, нуждающийся в уходе. Герой оставляет их друг против друга — строителя и его создание: *«Я тихо положил ей надорванную справку поверх книги и, обернувшись, всё время поглаживая грудь от тошноты, пошёл к выходу...»* К слову, читала регистраторша, «по всей видимости, комикс про шпионов»: *«На странице вверх ногами я увидел благородного чекиста, прыгнувшего на подоконник с пистолетом».*

Здесь тошнота героя может иметь не только медицински-симптоматический характер. Ассоциативно тут и знание о прошлом чоновца, и пошлая, бывающая только в реальности, параллель: бывший чекист рядом со «своим» бульварным, выхолощенным до комикса жизнеописанием.

Ныне советский уклад решительно изгнан из повседневности, публичной анафеме преданы все его черты — чёрные и светлые, без разбора. Воздух напоитан расчётливостью и цинизмом, слово «товарищество» почитается элементом прёклятого, косного советского словаря, хотя почти два века тому назад оно обладало несомненной высотой и содержательностью. Именно теперь важно взглянуть на рассказ, отвергнутый советскими журналами, к настоящему моменту почти забытый — и понять, в чём его

затаённый смысл, почему достоверность изображённого пронизывает время и становится художественной истиной.

«Правая кисть» содержит в себе некий след чудовищной повреждённости русской души в XX веке. Это бытийное повреждение не сгладилось по сей день, хотя и храмы теперь не заперты, и книги доступны. Отречение от собственного прошлого калечит русского человека, не позволяет ему двигаться в будущее — словно топчется он всё на том же тесном пяточке настоящего уже многие десятилетия. Вот и герой Солженицына в рассказе выглядит мудрее и терпимее автора, в действительности известного своей жёсткой непримиримостью ко всему советскому — притом что «Правая кисть» написана «в воспоминание об истинном случае».

Рассказчик — альтер-эго писателя — помогает анти-герою, не становясь его «сиюминутным товарищем». Когда проясняется страшное революционное прошлое больного старика, герой молча повторяет перед новым «человеком системы» ходатайство в пользу уже отработанного, стёртого винтика коммунистического механизма: «Подойдя к фанерной форточке, я опять надавил её...» Им движет не называемое вслух и прямо не адресуемое чувство нравственного долга — не перед ветхим ветераном-очономцем, а перед униженным и оскорблённым человеком. Христово поучение о том, что нужно ненавидеть грех, а не носителя греха, прочитывается здесь вполне внятно. Отсутствие прямой отсылки к евангельскому тексту, но использование своего рода духовного подмалёвка делают «Правую кисть» истинно христианским повествованием — на фоне многих современных прозаических сочинений, затянутых в путы дидактики и бесцветной церковной риторики.

Рассказ «Правая кисть» отличается постоянным взглядыванием выздоравливающего героя в многоликое пространство. Природная красота искажена социальной схемой, но даже в ней находится нечто изначально живое: сочувствие и помощь — хоть и отягощённые отчуждением и неприязнью, но побеждающие их — и тем самым возвращающие русской душе потерянную когда-то невероятно важную часть.

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

выпускник Литературного института 1982 года

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА

Памяти Гали

*О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?*

А. Блок «Возмездие»

1

Мосты пластались над Невую,
Под ними пенилась волна.
Исаакий грустно головою
Покачивал... Была видна

Васильевского перспектива,
Ростральные колонны... И
Стремилась к Финскому заливу
Байдарки... словно бы ладьи.

Везде движение и действо,
А не затишье и не штиль.
На здании Адмиралтейства
Подъят, как шпага, острый шпиль.

На Петропавловке – тот с пикой
Сравню... О, как они горят!
А их сиятельные блики
Прохладный воздух золотят.

Спят блистающие шпили...
Они судьбу мою пронзили,
Душе – явили высоту,
Но вместе с тем и... маяту,

Поскольку странный я мечтатель,
А город – вещий Предсказатель

Моей скитальческой судьбы,
Однажды вставшей на дыбы,

Как кони Клодта на Фонтанке,
Дразня строптивостью осанки,

Что грациозной прослыла...
Рвались в натяге удила

У тех коней! А это значит –
Они вольны... Но воли – нет!
... Сам Николай свет Палыч скачет¹
За Медным Всадником вослед.

Спас-на-Крови – смертельной меткой²
Помечен... Пиршество для глаз:
Волнистой купольной расцветкой
Он восхищает всякий раз!

А на подходе к Эрмитажу
Верёвкой очередь свилась...
Кого же там сегодня «кажут?»
И с чьим искусством держат связь,

В сырое, пасмурное лето,
Так резво взявшее разбег?!
Ты мне расскажешь ли об этом,
Мой мечущийся человек,

Когда возьму тебя за руку,
Как девочку?.. И мы пойдём
Туда, на невскую излучку,
Что прополоснута дождём.

И там, любуясь небосводом,
Услышим лиственную речь,
О свойствах северной природы...

А рядом будут шумно воды,
Плескаться, пениться и течь.

¹ «Сам Николай свет Палыч скачет...» – имеется в виду Император Николай I, памятник которому установлен на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге.

² «Спас-на-Крови...» – известный храм в Санкт-Петербурге.

2

Нас просквозит промозглый город,
Дожди швыряющий за ворот.

И повергающий в озноб –
Мильёны толп!

Его трагичная краса –
Слезами наполнила глаза.

О, град Петров, мой Дух пленявший!
В нём прошумела жизнь моя,
Вся состоявшая из фальши,
Порой лишённая жилья.

Он горделив, спесивый Питер!
Тяжёл, глыбаст его гранит.
Я вам дарю его, возьмите!
Его трамвай в ушах звенит.

В нём всё: дворцы, соборы, тюрьмы,
Дворы глухие, точно трюмы

На дно ушедших кораблей,
Сошедших с местных стапелей.

В нём колоколит гулко Лавра,
Звон мелодичный, точно лава, –

Течёт... И город горевой
Перед стихией волновой

Оцепенел... Подъяли крылья
Мосты, под коими рябя,
Волна плюётся водной пылью...
И в этот миг увидел я,

Как ветер, дующий с залива,
Теснил в пространстве зыбкий зной...
Ты в этом городе дождливом
Мне стала верною женой.

И не на год... На многи годы.
Срок поразительно большой!
Об этом помнят невки воды
И круг знакомых в жизни той.

Но он редет постепенно,
Тот круг... Иные – за чертой...
И мы уже в сей жизни бренной
С ночной миримся темной.

Её не стали мы бояться.
Она в ночах сближает нас.
Даёт возможность нам обняться,

Чтоб никогда не расставаться,
Ни на минуту, ни на час.

Я знаю: память не отпустит...
Забуду ли, как вдоль Невы
Ты шла, являя бездну грусти
В наклоне лёгком головы.

Я грел дыханьем твои руки.
И были мы ещё не врозь,
Но холод будущей разлуки
Уже пронизывал насквозь.

Дышали нервно и неровно...
И я хотел тебе сказать:
«В твоих глазах слеза... огромна –
Не дай на землю ей упасть!»

3

... Я очарован русской далью.
От Петербурга вдалеке
Я вспоминаю только Галю –
И нету выхода тоске.

Быть может к ней рвануть обратно?
Но не могу! Ослеп от слёз,
Взглянув на солнечные пятна,
Блуждающие меж берёз.

О, как они в Касимов звали
Из Питера: «Покинь жильё!»
Покинул... Попрощался с Галей,
Но не оставил я её.

Нет, нет я с нею не в разладе!
Я не удрал сюда тайком.
Я с нею *мысленно* в том граде,
Основанном самим Петром,

Где, как фрегаты, балюстрады,
Мосты грохочут, аки гром!
Пышны дворцовые фасады,
Воздушны вензели, ограды,
Тяжёл гранитный бурелом.

Как ласковы, крылаты львята
На мостике!.. О, Петербурх,
Неуловимый и невероятный!
Он весь – и зрение и слух.

Мне гул его, увы, невнятен...
О чём он? Разве разберёшь?
Огромен город, непонятен!
И в чём-то с парусником схож.

Он разный: бедный и элитный.
Зимой в нём зябнут деревья...
Скрулит любую грань гранита
Вольнолюбивая Нева.

Мы в этом городе с тобою
Смеялись, плакали... Конфуз
Произошёл... И вот судьбою
Разорван брачный наш союз.

Ответь, зачем? Какая сила
В нас охладила прежний пыл?
Да, ты меня за всё простила.
И я тебя за всё простил.

Что это *всё* сегодня значит?
Не знаю я... А ты – молчишь.
Но не о том ли дождик плачет,
Тревожа тихим плачем тишь?

Внемли ему! Он дождь – хороший,
Грибной... Эк, сеется с небес!
Он очень много нынче может,
Ну, например, ворваться в лес.

И окатить лавину листьев,
И пыль дорожную прибить,
И наши вянущие лица
И освежить их, и умыть.

О, дождик питерский, особый,
Мерцающий и затажной!

Он для того мерцает, чтобы
Не расставалась ты со мной.

Мы оба жёстко жизнью мяты,
То небеса не утаят...
А утаят — крылаты льята —
Порх! И в Касимов полетят.

4

Умора! Льята... и по-птичьи
Вдруг полетят с берегов Невы!
... О, Петербург! Твоё обличье
Сомнабуличное, увы!

В тебе есть что-то от надлома
Психического... Ты — экстрим!
Но мне ты стал *Небесным Домом*.
И вместе с тем — таким *Земным!*

Твоё божественно барокко!
Постмодернизм, ампир и «сюр»,
Хоть и пришли к нам издалёка,
Но стали синтезом культур.

Когда я их узрел однажды
В сиянии северного дня,
То был объят духовной жаждой,
Потрясшей юного меня.

Нам этот город, как подарок!
Как невесомо в нём парят
Кресты, балконы, дуги арок
Над частоколом колоннад!

Весь Петербург так разностилен!
Ему сама Нева — узка,
Над коей в высь взметнулись шпили,
Прокалывая облака.

Ах, сколько воли и усилий
Его явило бытие!
Сей град не пасынок России —
Скорей строптивый сын её.

Ему в себе самом — не тесно...
Он весь распахнут! Просто — ах!
И зависая, как над бездной,
Опору ищет... в небесах.

5

... Но точно так же берег окский
И поздняковские ложки
К себе зовут... Пейзаж неброский –
Ершатся, хохлятся стожки.

Здесь жизнь бежит с тяжёлым сапом...
Я ей попался на крючок.
Намедни в шкаф упрятал шляпу –
И стал совсем, как... мужичок.

Рыбалкой занят... Пусть не омуль
Таится в омутах Оки,
А лещ и язь, плотва, где отмель...
Бубнят буксирные гудки.

И нежно жалит жало зноя.
Страшит! Но взгляд – не отвести.
А будильё стоит стеною –
И мне к избе не подойти.

Мешает ветхое дрекольё...
Изба, как бабушка, стара.
Жила с детьми в ней тётя Поля,
Родная мамина сестра.

Здесь жил и я... И, между прочим,
Почти забылось всё уже...
В то время мама и мой отчим
В Сибири были, в Огодже¹.

Девятилетнего от роду,
Отдали тётушке меня:
«Ну, наконец-то! Вот свобода!»
Жилось вольней день ото дня.

Мне полюбилось Поздняково,
Простое тётينو жильё.
Ни окрика, ни злого слова
Я не услышал от неё.

Минули годы... Постепенно
Поблёкли в памяти те дни...
Но был мне Глас: «Послушай, Гена,
Не отдаляйся от родни!»

Я помню – истово молился,
Когда я всё-таки решился

¹ «В Огодже...» – посёлок в Амурской области.

Дать дёру в Питер продувной,

Где я порхал, мелькал, женился,
Остепенился! Сын родился...

В тот день край неба приоткрылся –
И дождик прыснул проливной.

Сверкал, плескался: «Озорую!
Как Лиру – струи все дарую

Тебе, поэт! Играй, диви!»
Бывало буйно запирую...
Пою: «По волюшке тоскую!»,
Но тосковал я... по любви

Под шепоток дождя грибного,
Прохладного и навесного,

С небес подавшего привет
Земле, где я искал ответ
На свой вопрос: «Что за дорога
Ведёт мой Дух сквозь дебри лет?»

Ответа нет! Я злюсь и маюсь.
В ответ вопросом упираюсь.

Такой чудинки быть не может,
Когда вопрос ответы множит...

Кто их сегодня подытожит?
Родня? Но где моя родня?
Я дожил до такого дня,

Когда вокруг меня – чужие,
Наглеющие молодые,

На шеях цепи золотые,
А души – вязкие пески...

Вы мне совсем не земляки –
Репейники с берегов Оки!

6

... И вопрошает Дух мой снова!
Вопросы праздны и просты:
Как, отстранясь от суеты,

Наполнить музыкою Слово,
А не изнывом немоты?

Найду ли я такие строчки,
Где застрекочат, как сверчки,
Старушки в ситцевых платочках,
Прокуренные старички,

Где алкаши с лицом, как тесто!
С глазами мутными, что пруд...
Они нахально влезли в текст мой.
И замелькали — там и тут.

Я гаркнул! Грубо возмутился!
На сленг, сорвавшись, перешёл:
«Эй, лохи! Кто ещё не спился,
Поймите, лопнул жизни шов,

Которая вас окружала,
Жалела... Чаше — обижала...

А ну из Питера — в Касимов
Бегите! Быстро! И без слёз...
Судьба суровый взгляд скосила,

На вас... Вам небо отворила —
Молитесь! Веруйте всерьёз!»

И, закрывая эту тему,
Всем бедолагам я ору:
«Я не гоню вас из Поэмы!
Вы в ней живите... как в миру».

А если что — меня зовите...
И никакие «тити-мити»¹

Не предлагать мне! Не-не-не!
Они нужней вам... Вы... *на дне*.

А там свои законы «волчьи».
Там не сюсюкают, а... «мочат».

И мне вас жалко от души,
Хоть вы и «чмо»², и алкаши.

¹ «тити-мити» — речь идёт о деньгах.

² «чмо...» — человек, морально опустившийся.

7

Прощаюсь с вами... Будьте здоровы!
Не вздумайте желать мне славы,
Тем паче денег, хоть нужны,
Чтоб выпутаться из нужды.

Вы пожелайте мне, чтоб я
С проблемой *Духа* в брэнном теле
Подразобрался... Еле-еле
Он внемлет зову *Бытия*.

Он как бы впал в дремоту, в сон...
Он угнетён, подавлен он.

Пришла пора ему встряхнуться.
Из детства – к зрелости вернуться,

Поэму вспомнить, где петух
Меж строчек ходит... И где слух

Улавливает звук рожка
Пастушеского... Облака –

Лиловые, розовы, багряны
Являют миру свой наряд...

Их кучерявы караваны
Бредут по небу... Нет, скользят,
Подобием капустных гряд.

А *Дух* парит мой над простором,
Лишённый отдыха и сна,
Готов он сдвинуть с места горы,
Как океанская волна,

Когда я жду её прилива,
Конечно, в мыслях... То уже,
Должно быть, взвихривает гриву
Волна, грозя моей душе –

Обвалом... Ибо всюду слухи
О возрождённой силе зла...
Оскал цинизма и разрухи –
Вот что Россия обрела

За эти годы «перестройки».
(Здесь рифма просится – «помойки»).

Какие гибельные зовы,
Куда тебя, о Русь, влекут?
Ужель вопросы бестолковы,
Как бестолков «сизифов» труд?!

8

Не оттого ль мой *Дух* мятётся?
Как свет во тьме — на части рвётся.

И вновь вперяется во тьму,
Зачем? Не знаю! Не пойму!

Как не пойму тебя, Морозов...
Ты кто: поэт или философ?

Воспевший прозой и стихом
Рязанский край и отчий дом.

И деревеньку Поздняково,
Куда душа лететь готова,

В благие летние деньки,
Когда так тёпел плёс Оки!

И громко кваканье лягушек,
Где тени призрачных старушек

И старичков ты воскресишь
В душе и памяти... Решишь,

Что это — сон... Пора проснуться.
Дать ход зарядке... Встрепенуться!

И сесть за стол, где чист листок,
Так жадно ждущий взлётных строк.

... Но вместо первых робких строчек
Явились... *чёрточки* сперва.
И заполнял я тот листочек
Ну как бы так... из озорства.

И привставали на носочки
И запятые, и тире...
Вдыхая свежий воздух ночи,
Заснул я только на заре,

Оставив уйму многоточий
И клякс... как листьев в сентябре.

На том исчёрканном листочке,
Где свой приют нашли слова
О ледышке в дубовой бочке,
О том, как дрогнут дерева,

Как веют изморозью доли,
Как зябнут веточки ветлы...
И как в стихе торчат глаголы,
Что заострённые колы.

А Дух, пронизанный Поэмой,
Остолбенел, увлёкшись темой:

«Любовь сопутствует... беде!»
Но есть ли выход? Где он? Где?

Он там – в порывах вдохновенья,
Где Дух подобен дуновенью
Небес, взывающих к мольбе,

Моей овладевая ленью,

Своей зашториваясь тенью,
Чтоб растворить меня... в себе.

*Январь, февраль 2009 г.,
Касимов*

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

доцент Литературного института им. А. М. Горького

ЧЕТЫРЕ ПУТИ — ЧЕТЫРЕ НАДЕЖДЫ

Одно из лирических стихотворений Натальи Ивановой начинается вопросом, который становится своеобразным волшебным ключиком ко всей её поэзии:

*Чем же ещё я могла бы тебя удивить,
Столь искушённого в золоте, хлебе и камне...*

Действительно, чем можно удивить искушённого человека в более чем искушённом двадцать первом веке? Сложностью? Техническим совершенством? Оригинальностью? Пошлостью? Богохульной провокацией? Грубым цинизмом? Изощёренной непристойностью? Трагедией? Кровью?.. Отнюдь нет, всё это давно уже стало примелькавшейся картинкой телевизионного экрана, этого безостановочного отупляющего всемирного комикса...

Единственное, что ещё может поразить и напоминает человеку, что он человек — это искренность и простота. Редкостные, надо сказать, качества, требующие при всей казалась бы внешней незамысловатости — большого ума и умного сердца. От того и поражаешься, что в столь рационализированном, прагматично-потребительском мире ещё живы никому не нужные, как оставшиеся без матери дети-сироты — поэзия, музыка, живопись... Как те самые дети, о которых сказано было: «дайте детям приходить ко Мне», и на примере которых говорилось: «будьте как дети»...

Вот эту удивительную и удивляющую простоту, искренность и детскость несёт в себе поэзия Натальи Ивановой. В стихах Ивановой, родившейся под бескрайними небесами прекрасных башкирских степей, есть узнаваемый колорит и аромат, органичное сочетание азиатской обжигающей энергии и русской душевной выдержанности, воздух родины, детства, дальних странствий, путешествий во времени, пространстве, в лабиринтах культуры, памяти, в самобытности своего народа...

Мир в её стихах — простой до объективности, — пройдя через субъективный мир чувств, становится оригинальным... Поэтесса как бы создаёт личный миф из собственного детства, из своих странствий... И этот миф кажется необыкновенно трогательным, обворожительно завораживающим:

*... Скошенной пахнет травой и незрелой пшеницей,
Донником, мятой, гречихой — как будто по ним
Память могла бы разыгрывать действие в лицах
И возвращать меня девочкой в прежние дни:*

*Переворачивать вилами колкое сено,
Переливать молоко через марлю в бидон,
В спутанных косах выискивать шарик репейный,
Прятаться в стог, собирать облещиху в подол...*

*... Время летит... Созревают ирга и калина...
Семечка ржи прорастает тяжёлым зерном...
Боже, Ты знаешь, живу я не хлебом единым –
Дай мне ребёнком вернуться в родительский дом.*

О чём бы ни писала Н. Иванова, какие дальние страны и времена ни описывала, она как будто пленена единой мыслью, похожей на страсть — это идея возвращения. Поэтесса как будто всё время гонима возвращающимся на круги своя ветром Экклезиаста, кружа по вечному кругу любви, нежности, истории, привязанности к дорогим людям, родным местам... Её стихи подобны золотому кольцу возвращения. Они связывают времена, слова, города, воспоминания, и связывают так прочно, как сказано в её любовной лирике:

*... А я к тебе привязана так туго,
Что и зазора нет на узелке...*

Лирические, и страннические (не туристические!), и философские, и пейзажные стихи Натальи Ивановой свидетельствуют о серьёзной заявке молодой поэтессы на свой узнаваемый голос в русской поэзии...

Дипломная работа Снежаны Холодовой называется «Вдох-выход». Анаграмма «выход», в которой, конечно, скрыто привычное «выдох», может показаться всего лишь игрой слов, мало ли в сегодняшней литературе желающих поиграть в слова, чтобы скрыть отсутствие смысла... Но, читая стихи Снежаны Холодовой, понимаешь, что для неё именно смысл, раскрытие, обновление смысла связано с обновлением семантики слова, и, если можно так выразиться, с кладоискательством в лексическом Клондайке русского языка... Уставший, затёртый, унылый нивелированный и заштампованный современный язык скучен для Снежаны, она возвращает ему молодость, дерзость, горячую новую кровь...

В сонете № 0 строки словно разрывает энергия, темперамент автора:

*Даже солнце нынче встало не с той ноги —
Натошак закурив, прокашлялось и взошло.
И в кромешном февральском дне не видать ни зги,
И не веришь, что будет однажды тебе тепло.*

*Я живу как перст, но как все — без царя в башке,
И башка давно развёрнута не туда:
Ни апреля тебе, ни мая-мира-труда.
Улыбаться жизни — шило таить в смешке.*

И тут возникает это как бы вывернутое наизнанку известное словосочетание, которое, разумеется, появляется не забавы ради, но затем, чтобы подчеркнуть точный психологический жест, когда за улыбкой спрятана драма — «Улыбаться жизни —

шило таить в смешке». И таких открытий, находок, речевой свободы в рукописи «Вдох-выход» немало...

Вообще в стихах Снежаны Холодовой сейчас преобладает период выяснения отношений с жизнью, с неустроенностью не только в быту, но и в бытии, а значит, и в самом мироздании. Её мотает по свету, она — в поисках тепла, понимания, в поисках своего угла. Об этом многие её, условно говоря, *географические* стихи, в том числе яркий петербургский цикл:

*Дремлет маргинальная столица
На воспетых берегах Невы.
Реки, руки, улицы и лица,
Кто теперь родня мне, как не вы?*

*Три зимы следила, как кружится
Суетливый люд по мостовой,
И старались гордо не ужиться
Три бессонных лета мы с тобой...*

*Улыбнись, блаженно-отречённый:
Таинство Столицы — жест простой, —
Окропит водою Речки Чёрной,
Примет, как хозяйка на постой.
(«Родной город»)*

И ещё об отношениях с бытием:

*Улыбаюсь от боли, иду, ни о чём не думаю —
С переменным успехом, с частотой счастливого случая.
Только Северный ветер, узнавший в лицо беду мою,
Дует в самую душу, на рану: терпи, живучая.
(«Легче»)*

В этой всегдашней бесприютности есть обнадеживающий знак: только страданием подтверждается подлинность поэта, о чём у Новеллы Матвеевой есть даже целая поэма «Выселение из Вселенной»... Но какое при этом благородное (истинно поэтическое и философское!) отношение к испытаниям в стихах Снежаны Холодовой:

*Белые пятна и чёрные дыры —
Строгий узор полотна Мирозданья.
Благодарю Вас, чужие кумиры,
Благо дарю вам, живые созданья.
Шрамы на сердце — штрих-код всепрощенья.
Корни обиды не дали бы всходы...
Я отрекаюсь от вечного боя,
Чтобы в итоге остаться собою.
(«Сонет № 1»)*

Этот финальный афористичный аккорд «Я отрекаюсь от вечного боя,

Чтобы в итоге остаться собою» — казалось бы, противоречит всем классическим канонам про то, что «жизнь — борьба», про «вечный бой» и покой, который «нам только снится»... Но есть здесь удивительная мудрость: не слишком ли много борьбы, не прекращающейся гражданской войны в нашей жизни, в которой уже ничего не осталось от личности человека, давно уже превратившегося в ходячую идею, тенденцию, в мелкую, всё опошляющую обиду...

Обаяние стихов Снежаны Холодовой в том, что она не терпит дидактичности, басенно-фельетонных сентенций. Её, как сказал бы Шерлок Холмс, дедуктивный метод заключается в том, что кульминацией поэтического сюжета как правило становится та самая улыбка с *«шилом в смешке»*. Так, в стихотворении «Любимая» она как будто бы долго подбирается к финалу, последовательно рассказывая историю о том, что «моя любимая девочка не любит моих друзей», «мои любимые мальчики не любят друг друга. Зря...», «мой любимый отец не любит моих мужчин», «моя любимая мама не любит мой скверный нрав»...

И вот неожиданный финал — взрывной, остроумный, да просто — умный:

*Мой любимый не любит. Просто не любит. Совсем.
Это сводит на нет смысл дальнейших обид.
А я всех их люблю. Мне приятно просто быть тем,
Что их немного, несильно, но всё же роднит.*

Чтобы показать, как Снежана Холодова владеет интонацией, разнообразием приёмов, стилей, сменой ритмов, синтаксиса, словаря, — приведу несколько строк из её очаровательного стихотворения «Карелия»:

*Легко, как после баньки по-чёрному.
Светло, как после церкви на выселках.
Свежо, как вдоль по руслу кручёному
В камнях, где время летопись высекло.*

*Туман — молочной пеной в подойнике.
Во мху стоим язычески-босьми.
Молчат угрюмо ратники-хвойники,
Следят за алмазными росами.*

Снежана Холодова в первую очередь лирик. Она много пишет о любви. Чаще всего с элементами иронии, всё с тем же самым *«шилом в смешке»*. Но и в этой, так называемой «любовной теме», она оригинальна, а главное — индивидуальна. Это лирика, на которой печать времени, она всегда будет узнаваться по каким-то явным и тайным приметам, по современным ритмам, по новому словарю...

*Мои корабли улетают из гавани в небо.
Мои забвудки смеются в прицел октября.
Моих голубей, ожидающих мира и хлеба,
Священным огнём разгораясь, накроет заря.*

*Мои города захлебнулись неоновым светом.
Мой старый приятель, устав их спасать от беды,
Склонился над картой, сверяясь с Новейшим заветом,*

И тем, кто идёт по пятам, оставляет следы.

*Мои интенданты, сломав воронёные дула,
С чужих огневых рубежей попадают в эфир.
Моё беспокойное счастье беспечно уснуло,
В себе умещая мой заново созданный мир.
(«Мои...»)*

Не впадая в красоту, всё-таки хочу сказать, что поэтический корабль Снежаны Холодовой, «улетающий в небо» или просто уходящий «из гавани» Литературного института, достаточно хорошо технически и профессионально оснащён, чтобы быть спокойным за его капитана, выходящего в плавание по бурным и беспощадным волнам нынешней литературы!..

Истинный поэт всегда приносит в мир свой словарь, свой рифмовник, свои «столбцы», свои «снимки». «Нестерпимо важно получить ответ, хороший или плохой, дарящий надежду или отбирающий её. Это желание делиться даже самым сокровенным, только бы перебороть тишину равнодушия», — декларирует свою цель в поэзии Дарья Ильгова.

Можно цитировать практически каждое её стихотворение. Отдающий эхом цветаявской стихии, речевой поток Ильговой может быть беднее в красках, в изобразительных, литературных ассоциациях и реминисценциях, но по звуку, по очарованию захлёбывающегося наива современной юной дикарки — по-своему завораживающий...

Пока в её мире только Он и Она, да две-три подруги, да мама и ангел-хранитель... Не так уж и много. Но и не мало. Этого могло бы хватить на целый человеческий век, не будь Ильгова поэтом. Но поэту принадлежит весь мир, даже история принадлежит ему, как заметил незабвенный Александр Сергеевич. А жизнь, внешний мир — ещё нарастут и деталями, и красками, и цитатами из вечных и не вечных книг, из современного мусора культуры, — но это уже будет другая ступень её поэзии, её пути... Пока что поэзию Дарьи Ильговой можно назвать самоцитатой, автоцитатой, закавыченной в рамках одного стихотворения, одной книги...

У неё как бы нет лучших и худших стихотворений, чтобы их можно было как-то явно выделить, хотя найти таковые при желании нетрудно. Просто она пишет одно большое стихотворение, одну историю, в которой есть обаятельно эгоистичное Я, во-круг которого вращается весь остальной мир... В это Я иногда впускают Его, подруг, самых близких людей, но они как-то там не приживаются...

*Мои близкие люди любят меня сильнее
За мои провалы. Когда уезжают, помнят,
Что я не боюсь глухих, онемевших комнат.
Просто некуда быть одной...*

В подобных неологизмах («одней») язык Ильговой становится шифровальщиком её чувств, её темперамента, под напором которого усиливается нагрузка на синтаксис:

*... Мои близкие люди — маленькие вожди
Моей «правильной» жизни. Я редко бываю рядом
И прошу каждого: «Прости, но сейчас так надо.
Жди меня. Жди меня. Жди.»*

Можно сказать, что стихи Ильгóвой — это история о попытках трансплантации в Я некоторых элементов мира и чем это кончается. Её Я то вдруг начинает оплакивать эти «несовпадающие», отторгнутые или отторгнувшиеся чужеродные элементы внешнего мира, то смеётся над ними, то гонится за ними... И в конце концов снова приходит к началу замкнутого круга — к собственному Я, которое ощущает своё экзистенциальное одиночество: «не бывает одной»! И тогда апофеозом несовпадений и отторжений становится крик этого Я:

*Я закрыта в своей ракушке. Немой моллюск.
А вокруг меня жизнь — песни, мечты, салют.
Ну, услышьте меня, пожалуйста, я не глюк.
Я живу. Я дышу. Я чувствую. Я люблю.*

На её мгновенных снимках-стихах о любви только: или-или, только: всё — или ничего:

*Мне неважно, серьёзен ты был, играл ли.
Сотый раз наступить на всё те же грабли
Я не в силах. Я больше тебя не граблю.
Не учу, не лечу, как встарь.
Я хочу покоя. Без нежных всплесков,
Раз в году приходящих мне эсэмэской,
Чтоб украденный мир на тончайшей леске
Не подвешивать больше. Оставь.*

Вот яркий пример и летящего синтаксиса, и свежих рифм, и необычной строфики, и современного словаря, и внутренних рифм, и ритма, и цезуры, и анжамбемана — такое свободное сочетание всех этих приёмов, которые, на самом деле, не только от блестящего ремесла идут, но и от самой структуры интонационного и речевого потока.

А вот ещё моментальный снимок, миниатюра, которая требует особого мастерства. Тут есть и воздух, и глубина, и лёгкость, и — тайна, без которой нет поэзии:

*Город падал и плыл в наклоне.
Горы прятались к нам в ладони.
Говорили, что нас бездомней
И счастливей не видел свет.
Спали чутко, вставали рано.
Осыпались в саду каштаны.
Самый тёплый октябрь. Так странно.
Было всё.
Ничего нет.*

Обаяния стихам Дарьи Ильгóвой добавляет владение иронией: «Жизнь — корзина: чем дольше живёшь, тем больше приходит спама», «Я всегда побеждаю. Ведь по колоде В каждом моём рукаве», «И я не знаю, откуда сила, Откуда хлещет такая прыть, Что я умом бы затормозила, А сердце не хочет затормозить» (с этим согласился бы и сам Паскаль, сказавший когда-то: «Ум всегда в дураках у сердца»!)...

Она блестяще умеет концентрировать мысль, ставить финальную интонационную точку в стихотворении:

*Лучшее время для нас. Когда?
Лучшая жизнь. Где?*

Но во всём том умении, изяществе не было бы ощущения полноты, цельности, подлинности — без какого-то пусть незаметного, скромного, неброского штриха, как не бывает полноты пути человека без материнского благословения:

*Моё детство запомнило маму и папу в двадцать,
Дым костра, лес сосновый и Дона тугой изгиб.
Ты останься со мной до последней строки абзаца.
Потом — беги.*

*Я дарю тебя тем, кому ты сейчас нужнее,
Тем, кому без тебя будет плохо. Моей сестре.
Жаль, мелеет Дон, лес сгорел, и лишь тихо тлеют
Дрова в костре.*

В этих строках обещание взросления, преодоления эгоцентризма, переход к новым темам, выход из замкнутого круга милого Я — в Другие, в Другое, в открытый космос Родины, истории, судьбы народа... Выход на ту высоту, откуда становится видно не только как мелеют или углубляются свои или чужие чувства, слова, но и как мелеет река детства Дон, как бесследно исчезает русский лес, как догорает и дотлевают чистота и красота родного истока... И тогда, пережив сиюминутные драмы, Ильгова генетической памятью ощутит свою сопричастность к тому, что её роднит с вечными ценностями, вспомнит, что сама она из тех воронежских мест, откуда ведут своё начало украсившие русскую литературу имена Алексея Кольцова, Ивана Никитина, Андрея Платонова, Гавриила Троепольского, Юрия Гончарова, Анатолия Жигулина, Алексея Прасолова... Ибо невозможно в современном Вавилоне, на столичном асфальте, среди чужого сброда, не почувствовать со всей остротой, откуда ты родом: «Пусть они удивляются, мол, и откуда сила // У дикарки этой, выскочки из глуши». От тех истоков у Дарьи Ильговой — упрямый характер («Я никогда не сдамся. Я обещаю»):

*Если чувствуешь, что из камня искры не высечь.
Что пробита лодка, и может так жизнь вытечь.
И весь мир изнанкой к тебе, без масок и без прикрас.
Значит, надо брать жар и молот. Латать каркас.
Может, сотни раз, если нужно. И тысячи тысяч.
Чтобы даже Бог не сомневался в нас.*

Не знаю, как поступит Бог, а я верю в поэтическую судьбу Дарьи Ильговой.

Роман Ненашев умеет эпатировать своего читателя, заявляя, например, о себе: «В меру умён и в меру же начитан. Много думаю на разные отвлечённые темы. Пишу редко». Однако, как мы увидим дальше, за этим лёгким и добродушным эпатажем стоит всего лишь самоирония человека, которому есть что сказать, но который понимает

некую бессмысленность, ненужность сказанного в сегодняшнем мире, в котором как никогда ранее любой разумный голос оказывается гласом вопиющего в пустыне. И тут появляется соблазн: говорить, собственно с самим собой, как Чаадаев или Чацкий, при этом доводя свои немногочисленные монологи до возможного совершенства...

В стихах Романа Ненашева, практически всегда виртуозно сделанных, есть некоторый эстетизм, литературное гурманство, когда человек понимает, что умеет мастерски делать своё дело. Любую историю он доводит в собственном письме до блеска, блики которого, правда, иногда могут отвлекать от сути высказываемого, но после определённого взглядывания и вдумывания в сюжет, ты понимаешь, что форма вполне соответствует содержанию, а часто и возвышает это содержание:

*Казалось, целый день до сентября,
И жизнь моя длинна и безголова.
И если я выдумываю слово,
То Бога нет, нечестно говоря.
Десятый год. Седьмое января.
Весь день — воспоминание былого.
Наутро смерть приятеля Крылова.
Метель. Цветы. Лицо из янтаря.
2-ое. Март. Коричневый альбом.
Два призрака на бледно-голубом
Невнятном фоне. Яркая зарница.
Косые звёзды. Запахи весны.
Сияют светофоры. Снятся сны.
Мне ничего давно уже не снится.*

Конечно, эти «Метель. Цветы. Лицо из янтаря» — запоминающийся изыск. Но читается это с удовольствием, тем более, что в пору всеобщего катастрофического непрофессионализма, падения культуры вообще и падения культуры стиха в частности, особенно остро чувствуется дефицит такой поэзии, пожалуй, с уходом Давида Самойлова и Владимира Соколова, почти окончательно утратившей эту линию...

Изысканность формы всегда предполагает наличие истоков, того, что когда-то называлось «школой», хотя Владимир Соколов однажды по этому поводу мудро заметил: «Нет школ никаких, только совесть...» И всё же, всё же... нельзя не заметить некоторую близость, например, стихотворения Романа Ненашева о цирке и со «Столбцами» Заболоцкого, и с прекрасными стихами о цирке Александра Кушнера:

*... Вот факир клинки витые
Поглощает не спеша...
Мы сидим как понятия,
Позабывшие дышать.
Тут, обтянут белым твидом,
Крутит обручи жонглёр;
Два кота с унылым видом
Тянут вдаль фуникулёр.
Силачи и лилипуты,
Слон, приученный к труду.
Злой погонщик из Калькутты
Машет кистью на ходу.*

*Он рисует на попоне
Краской яркой, как имбирь,
Сотни маленьких Японий.
Две Руси. Одну Сибирь.
(«В цирке львы и акробаты...»)*

В рукописи Ненашева немало запоминающихся мощных по темпераменту и форме стихотворений, но даже и среди них — на особом месте стоит лирическое стихотворение «Страна, где теплятся идеи», в котором ярко явлен трагический дар поэта:

*Страна, где теплятся идеи
И время сыплется в кульки,
Где вырастают орхидеи
И заводные мотыльки,
Где джинн в оранжевой бутылке
Пускает носом пузырьки,
Где разбиваются затылки
По мановению руки —
Там и живёт моя отрада
В одноэтажном терему.
И значит мне и значит надо
Шагать в египетскую тьму —
Туда, где путаются даты,
Как их с утра ни запиши,
Где оловянные солдаты
И на столе карандаши,
Где салютует канонада,
И запах крови на траве.
И значит мне и значит надо
Лежать с дырою в голове.
И значит мне теперь приснится
Слепая белая луна,
На ней районная больница,
На ней та самая страна,
Где тьма египетского толка,
И постовые, и зима.
Где орхидеи спят. И только
Одноэтажные дома...*

Трагедизм в стихах Ненашева был и в более ранних стихах, например, в стихотворении «Война случится, и, положим, в среду...», вошедшее в антологию «Русская поэзия. XXI век». Но там ощущение катастрофы, предчувствие мировой войны описывалось как новая Антиутопия, в которой абсурдистские образы были перемешаны с экспрессивной лексикой, с иронией, с безумием «Сумасшедшего трамвая» Гумилёва:

*Война случится, и, положим, в среду.
Положим, что Шестая Мировая.*

И я, пожалуй, загодя уеду,
 Дождавшись 31-го трамвая.
 И порох ляжет запахом на ели,
 И по команде, скажем, сисадмина
 Натасканные коккер-спаниели
 Найдут в подвале залежь кетамина...
 И город лопнет на две половины
 И истины, что будут безусловны:
 Одни, допустим, в знании невинны.
 Другие — по незнанию виновны...
 И город, сев на антидепрессанты,
 Украсит транспарантами аллеи.
 И с неба будут падать диверсанты,
 Как листья с пожелтевших тополей...

С замечательными деталями, легко, непринуждённо написано сюжетное, иронично-детективное стихотворение Ненашева «Короткое письмо», в котором как всегда у него за озорными наблюдениями стоят серьёзные мысли: «А город вымахал. Наверное, в три раза. Здесь даже есть фабричная труба. Высо-о-о-кая. Ну и дымит, зараза. Есть зоопарк, гостиница, тюрьма. И самое смешное — антиквары. А в остальном — всё та же кутерьма: товары — деньги — и опять товары...»

Для меня Роман Ненашев — истинный поэт, без всяких натяжек, во всём — в стихах, в жизни, в поведении, насколько я мог узнать его. Во всяком случае, за творческую судьбу человека, написавшего в своей «краткой биографии»: «В очередной раз подивился красоте русского языка и незыблемости хронологического порядка поэмы великого слепого старца — уроженца семи греческих городов», — можно быть спокойным.

* * *

СНЕЖАНА ХОЛОДОВА
выпуск 2012 года

ДРУГ ДЕТСТВА

Я молчу, опомнившись в вагоне.
 Жизнь не обновляют без разлук.
 Выпорхнув синицей из ладони,
 Щебечу: «Прощай... любимый... друг».

Оба так бездумно разменяли
 Мелочью житейской четвертак.

Юность провожаешь ли? Меня ли?
И стоишь, как будто просто так.

По закону жизненных ироний
Детских грёз застенчивый герой
Мокрым воробышкой на перроне
Растворится в серости сырой.

06.11.09 г.

НОВЫЙ ГОД

В 15 лет мир видишь совсем иначе,
Если смотришь в Новогоднее небо
Из окошка кардиоцентра.
К 25 забываешь,
Как однажды забыл момент рожденья,
Потому что было больно.

На время действует закон Сальвадора Дали.
Ковыряешь вилкой пресный салат,
Вдыхая запах мандариновой кожуры.

На всякий случай, ещё веришь в Деда Мороза,
Уже – в исполнение желаний,
Загаданных в Новогоднюю полночь,
И заранее готовишь речь:
– Добрый Дедушка Мороз!
Подари мне новое сердце,
Можно самое простое, без приложений,
Не обязательно золотое, самое большое, или доброе, или...
Пусть это будет просто рабочий орган.

За окном палаты вскипают салюты.
Входит главный Дед Мороз,
И на этот раз он не в белом.

А утром похмельная медсестра
Трясущейся иглой попадает в вену.
Правда, только с третьей попытки.
Она, бедняжка, работала в праздник,
Заливая ночное дежурство
Лимонадом с казённым спиртом.

Знаешь,
А ведь тогда я в последний момент передумала
И попросила счастья.
И с тех пор никогда не жалела об этом.
Знаешь,
Кажется, сбылось.

2010 г.

Н. ОДИН, Н. ОДИН

Болезненно время ползло по спирали
Со скоростью ртути в стекляшке под мышкой.
В пространстве меж пледом и плюшевым мишкой
Мы сами осознанно грани стирали.
*(И руки предательски были мягки,
И губы манили, как в шторм – маяки.)*

А вечер мучительный был тошнотворней
Дешёвой наливки в бутылке початой.
Роились слова – успевай лишь печатай –
О «дружбе мирской», о «материи горней».
*(Но, оба бессильно в ознобе трясась,
Мы лишь обсуждали духовную связь.)*

Сознание, туго спелёнуто снами,
Застыло букашкой в янтарной гробнице.
Прерывистый бред по болезни приснится.
Порывистый выдох: не правда! Не с нами!
*(Телами прижавшись, как пара котят,
Мы знали, как ласки порою хотят.)*

А утром мы тайно молили отсрочки,
Но были здоровы, и, жаль, не двулики.
Мы сами сознательно скрыли улики,
Не влезшие в эти случайные строчки.
*(Мы просто друзья – накануне и впредь
Прости, мне понравилось вместе болеть.)*

15.06.10 г.

ЛЮБИМАЯ

Моя любимая девочка не любит моих друзей.
Глубокомысленно делает выводы, не общаясь, замечу, лично:
Мол, это даже не цирк – автономный био-музей –
Диаметрально разные, одинаково эксцентричные.

Мои любимые мальчики не любят друг друга. Зря.
А был бы шикарный повод чаще гонять за пивом,
И вместе, сидя на крыше, следить, как вскипает заря.
Чем не повод искренне быть счастливым?

Мой любимый отец не любит моих мужчин:
Мол, ни хорошей пули не выйдет, ни продолжателей рода,
За что их любить? Нет объективных причин.
Ты лучше скажи, как здоровье, там, как погода?

Моя любимая мама не любит мой скверный нрав:
Мол, если б не он, всё было б совсем иначе.
И нет ни малейшей тяги к разбору, кто из нас прав –
Любой разбор завершит аккорд материнского плача.

Мой любимый не любит. Просто не любит. Совсем.
Это сводит на нет смысл дальнейших обид.
А я всех их люблю. Мне приятно просто быть тем,
Что их немного, несильно, но всё же роднит.

05.05.2010 г.

КАРЕЛИЯ

Легко, как после баньки по-чёрному.
Светло, как после церкви на выселках.
Свежо, как вдоль по руслу кручёному
В камнях, где время летопись высекло.

Туман – молочной пеной в подойнике.
Во мху стоим язычески-босыми.
Молчат угрюмо ратники-хвойники,
Следят за алмазами-росами.

Я здесь, в чужую сказку попавшая,
Как встарь, к варягам, с предками-греками.
Постель листвою устлали опавшею,
Купель сменили бурными реками.

Закат, червонным золотом вышитый,
Горит атласной лентой карминовой.
И Он, так близко, – можно ли ближе-то? –
Дарит рубины грозди рябиновой.

Колдун, не разберу, или праведный,
В глаза глядит с вопросом – а верю ли?
Когда, бессонно вставшая, завидно
Молюсь камням замшелым Карелии.

11.11.09 г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Мне никогда не напиться воды из колодца –
Мутного неба с белёсым балтийским оттенком.
Город гранитный в болотах тонуть остаётся,
Призраков рати Петра расовав по застенкам.

Архитектурные демоны в поисках суши
Выползли к нам на негнущихся каменных лапах.

В сети каналов запутались новые души.
Приторным ядом речной поднимается запах.

Спите, усталые львы, на своих постаментах –
Нынешней ночью в дозор не выходят грифоны.
Замерли сфинксы на водных мерцающих лентах
В оспинах бликов. Химеры попрыгали в кроны.

Молча мосты разогнули усталые спины,
Ночи незрячей вгляделись в пустые глазницы.
Воды залива – как рваный лоскут парусины.
Солнце! Тебе, как и мне, почему-то не спится?

08.05.07 г.

МОИ...

Мои корабли улетают из гавани в небо.
Мои незабудки смеются в прицел октября.
Моих голубей, ожидающих мира и хлеба,
Священным огнём разгораясь, накроет заря.

Мои города захлебнулись неоновым светом.
Мой старый приятель, устав их спасать от беды,
Склонился над картой, сверяясь с Новейшим заветом,
И тем, кто идёт по пятам, оставляет следы.

Мои интенданты, сломав воронёные дула,
С чужих огневых рубежей попадают в эфир.
Моё беспокойное счастье беспечно уснуло,
В себе умещая мой заново созданный мир.

2005 г.

СОНЕТ № 1

Белые пятна и чёрные дыры –
Строгий узор полотна Мироздания.
Благодарю Вас, чужие кумиры,
Благо дарю вам, живые создання.
Шрамы на сердце – штрих-код всепрощенья.
Корни обиды не дали бы всходы.
Страсти огонь не несёт очищенья.
В реках сознания – мутные воды.
Смерть – не спасенье для тех, что не жили.
Жизнь – не подарок для тех, кто страдает.
Боль о былом – как преграда из пыли.
Ненависть – лёд, не горишь – не растает.
Я отрекаюсь от вечного боя,
Чтобы в итоге остаться собою.

июнь 2007 г.

ЛЕГЧЕ

Легче лёгкого бытие, ничего не хочется.
 Принимаешь реальность внутрь, как сырое месиво.
 От касаний её ускользнуть и под панцирь скорчиться –
 Эка невидаль, ведомо, видимо, злая месть Его.

Я не верю Ему, ибо сказано – мало веры в нас.
 От подарков судьбы уклоняюсь поднятием ворота.
 Проверяю на практике, есть ли *in vino veritas*,
 Убежав в лабиринт без выхода – сердце города.

Легче лёгкого бытие, обречённость – мнимая.
 И откуда берутся силы сквозь плач и жалобы?
 Полоснув по лицу витрин, пробегаю мимо я –
 В повседневности так сойдёт, изменять не стала бы.

Улыбаюсь от боли, иду, ни о чём не думаю –
 С переменным успехом, с частотой счастливого случая.
 Только Северный ветер, узнавший в лицо беду мою,
 Дует в самую душу, на рану: терпи, живучая.

02.06.2010 г.

РОМАН НЕНАШЕВ
 выпуск 2012 года

* * *

Так и сходят с ума – разлинуешь себя на бумаге:
 Крестик-нолик. Трёхпалубный. Ранен. А после – убит.
 И гадаешь на воске, на купленной в универмаге
 Чёрной гуще: каким же он будет – твой треснувший быт?
 Или клеишь с утра два осколка слепящего солнца,
 Или куришь в себя, из себя выдыхая слова.
 Ночью выйдешь во двор – старый дворник с глазами японца
 Подметает два слога из тех, что оставит молва.
 И хватает едва для того, чтобы петли не мерить
 По своей голове, и височную область беречь
 От ударов крылатых ракет неоткрытых америк,
 От серебряных пуль под названием «русская речь».
 Это после... А до – рвутся звуки на свет из гортани,
 Прожигая дыру (вот и ходишь весь день по портным).

Расскажи мне, Изольда, о славном французе Тристане –
Я тебя бы не слушал, не будь я душевнобольным.
Расскажи... До заката в длину – два плевка до ограды,
Да четыре неверных и робких шага в глубину.
С неба катятся звёзды на сцену разбитой эстрады.
С неба катятся звёзды. И тихо уходят ко дну.

* * *

В цирке львы и акробаты,
Смех, и тьяканье борзых.
В цирке клоуны горбаты
И увечны на язык.

Жмутся зрители друг к другу,
До упада хохоча,
Ходят хищники по кругу
Под ударами бича.

Маг из воздуха и плоти
Прячет зайца под тюрбан;
И отчаянно колотит
Дрожь дырявый барабан.

Там горбун из Нотр-Дама
Мчит на заднем колесе,
Здесь фаянсовая дама
Пляшет в юбочке-плиссе.

Вот факир клинки витые
Поглощает не спеша...
Мы сидим как понятия,
Позабывшие дышать.

Тут, обтянут белым твидом,
Крутит обручи жонглёр;
Два кота с унылым видом
Тянут вдаль фуникулёр.

Силачи и лилипуты,
Слон, приученный к труду.
Злой погонщик из Калькутты
Машет кистью на ходу.

Он рисует на попоне
Краской яркой, как имбирь,
Сотни маленьких Японий.
Две Руси. Одну Сибирь.

ПАРОМЩИК

Я пришёл потолкаться на пёстрый базар –
И себя показать, и взглянуть на иное.
Был практически полдень. Торговый азарт
убывал от июльского зноя.
От жары высыхала конструкция слов,
и её заменяли на жесты местами.
За прилавком старик доставал свой улов –
рыба, прыгая, била хвостами.
Было душно, монеты потели в руке,
и старик упирался в цене, будто кремний.
Я оставил его и спустился к реке,
где качался паром – одинокий и древний.
Сонный берег был пуст. Я шагнул на корму,
где на лавке сидел сам хозяин парома.
Он был будто нетрезв. И, жуя бастурму,
обдавал меня запахом рома.
Он охотно кивнул, согласился с ценой:
«Знаю. Плавал. Ну, крона, так крона».
Я вгляделся в него... Да ведь прошлой весной...
Не за ним ли причаливал ялик Харона?!..
Да, за ним! Он тогда рыбаком был в порту.
Починял свою лодку и старые сети.
Подносил папироску к беззубому рту,
щуря глаз при полуденном свете.
Продавал окуней – две монеты кило,
сохранял свою внешность усохшего мима.
Мне порою казалось, что время текло
у него за спиной... Незаметно и мимо...
Он отшельником жил – там, где был его дом,
разрастался пустырь и бродили собаки.
И однажды, столкнув свою лодку с трудом,
он забрался в неё и направил за бакен.
И уже не вернулся... На день или два
про него позабыли, укрывшись делами.
Только лодку прибило... И после молва
восседала в домах за столами:
в миг, когда старика осветили огни,
громко взвизгнули бабы и стали креститься:
... было козье копыто на месте ступни.
И рога. И сиреневый клюв, как у птицы...
Старика отпевать ни одна из церквей
не взялась. Ни свечи к упокою.
Лодку после сожгли, и разнёс суховей
чёрный пепел над чёрной рекою.
А теперь он сидит, повернувшись спиной,
направляет паром – почерневшую глыбу...

Я очнулся... То зной! То полуденный зной
жѐг базар. И старик перекладывал рыбу...

* * *

Война случится, и, положим, в среду.
Положим, что Шестая Мировая.
И я, пожалуй, загодя уеду,
Дождавшись 31-го трамвая.
И порох ляжет запахом на ели,
И по команде, скажем, сисадмина
Натащенные коккер-спаниели
Найдут в подвале залежь кетамина.
И будет раздаваться канонада.
И цвета хаки мчат велосипеды,
И мордами поблѣскивать торпеды,
Всплывая пузырьками лимонада.
И два матроса – Павел и Ерѐма,
Как хищники удачливы и ловки, –
Достанут из оконного проѐма
Гранаты и тяжѐлые винтовки.
И город лопнет на две половины
И истины, что будут безусловны:
Одни, допустим, в знании невинны.
Другие – по незнанию виновны...
И город станет строить баррикады,
И запастись йодом и бинтами.
А в пятницу, сквозь облако блокады,
Маяча разноцветными бантами,
Пройдѐт, допустим, девочка живая
Походкой неуверенной и шаткой.
И вслед ей, начинѐнная брусчаткой,
Пещерным эхом ахнет мостовая.
И город, сев на антидепрессанты,
Украсит транспарантами аллеи.
И с неба будут падать диверсанты,
Как листья с пожелтевших тополей...

* * *

Страна, где теплятся идеи
И время сыплется в кульки,
Где вырастают орхидеи
И заводные мотыльки,

Где джинн в оранжевой бутылке
Пускает носом пузырьки,
Где разбиваются затылки
По мановению руки –

Там и живёт моя отрада
В одноэтажном терему.
И значит мне и значит надо
Шагать в египетскую тьму –

Туда, где путаются даты,
Как их с утра ни запиши,
Где оловянные солдаты
И на столе карандаши,

Где салютует канонада,
И запах крови на траве.
И значит мне и значит надо
Лежать с дырою в голове.

И значит мне теперь приснится
Слепая белая луна,
На ней районная больница,
На ней та самая страна,

Где тьма египетского толка,
И постовые, и зима.
Где орхидеи спят. И только
Одноэтажные дома...

ЯБЛОКИ

Двенадцать, восемнадцать, пятьдесят...
Как детские фонарики, мигая,
В саду соседском яблоки висят,
И яблони под ношей голосят,
К известному поступку подстрекая.

В деревне вечер, тишь и благодать,
И ласточки летают со стрижами.
Соседа целый вечер не видать –
С каким-нибудь любителем поддать
Сидят, наверняка, за гаражами.

Жена соседа – женщина в летах –
Из дома вышла в поисках супруга.
Лишь яблони остались на местах
И ветви их качаются упруго.

Ты полезай и яблок набери,
Широкие карманы набивая.
Двенадцать, восемнадцать, двадцать три...
Плывёт луна с осколками внутри
Надменно, как дворянка столбовая.

И сумерки густеют, и пора
С соседским садом наскоро проститься.
Молчит, на счастье, пёсья конура,
Лишь звёзды промигают до утра,
Проухает вдали ночная птица.

Ступай легко и веток не качай –
Час не ровён, сосед ещё вернётся.
И саду прошептав «прости-прощай»,
Коснись ноги соседа невзначай,
Пусть он в ответ, как маятник, качнётся...

* * *

Я подарю тебе милое стихотворение,
Только подруга-судьба совершит поворот:
В нём будет всё обо мне и процессе старения.
В нём будет всё о тебе, только – наоборот.

Будут свистеть и выплясывать зимние праздники.
И поздравлять. И сквозь вьюгу кричать: «Повезло».
Но не сегодня – сегодня минуты-проказники
Будут куда-то спешить. И кому-то назло

Станут вращаться быстрее барабаны истории,
Снова и снова выбрасывать тот же билет:
Мне до подъезда, тебе по своей траектории,
Что параллельна моей уже тысячу лет.

Если с ума не сойти от такой географии,
То уж старуха-тоска до костей загрызёт.
Скоро фотограф проявит твои фотографии:
Ты – это ты. Ну, а я – это как повезёт.

Знаешь, наверно, прямые когда-нибудь сходятся,
Если на них неотрывно – до боли – смотреть...
Может и нас перекрестит с тобой Богородица,
Сдвинув маршруты и оси на целую треть.

Перечеркнувши законы российской грамматики,
Точки поставит, как точки опоры в пути,
Нам, оказавшимся рядом в такой математике,
Где параллели не сходятся, как ни крути.

Если же нет – я пройду через все ударения,
Стану окружностью, выгнусь, нащупаю брод!..
Я расскажу как-нибудь тебе стихотворение:
В нём будет всё о тебе, только – наоборот...

ДАРЬЯ ИЛЬГОВА
выпуск 2012 года

СНИМКИ

А ведь могли бы смотреть добрей и засыпать в обнимку,
В июле жарком варить уху, зимой уходить в леса.
Но время не медлит. И чем старей, тем ярче, дороже снимки,
Где мы так верили в чепуху, приметы и чудеса.

Вот лето, в парке шумит фонтан, мы рядом всего лишь сутки.
Ты смотришь устало — ты мало спишь — и теребишь часы.
В моей ладони лежит каштан в зелёной ещё скорлупке,
И я рассматриваю шипы, похожие на усы.

Зима, на озере лёд трещит. Сгребашь меня в охалку,
Смеясь и тщетно пытаюсь встать на льду на свои коньки.
И всё в целом мире меня смешит. Ты носишь смешную шапку.
И жизнь удивительна и проста в пределах твоей руки.

Вот осень, долгой была гроза, не виделись больше года.
Несёшь ерунду, как плохой артист, жизнь нашу мнишь игрой.
Солнце нещадно слепит глаза, прячется в переходах.
Ты поднимаешь кленовый лист, я подаю второй.

А ведь могли бы из года в год играть на желанье в карты,
Пить виски и колу, спать на полу под тихий и лёгкий транс.
Но время не медлит, идёт, идёт — и к прошлому нет возврата, —
Жестоко стирает в пыль и золу
Снимок, хранящий нас.

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

Мои близкие люди всегда от меня далеки.
Даже если зима и за дверью пятнадцать минус,
Если кашель не лёгкие — душу из тела вынес,
Мне никто не подаст руки.

Мои близкие люди любят меня сильней
За мои провалы. Когда уезжают, помнят,
Что я не боюсь глухих, онемевших комнат.
Просто некуда быть одной.

Мои близкие люди не знают моих тревог.
Я жалею их сердце. Я здесь ожидаю казни.
Они ждут моего приезда, как праздник.
Кто б их расстроить смог.

Мои близкие люди – маленькие вожди
Моей «правильной» жизни. Я редко бываю рядом
И прошу каждого: «Прости, но сейчас так надо.
Жди меня. Жди меня. Жди».

* * *

Что скучаю по невозвратному (в июне – по январю)
И что порчу гораздо большее, чем творю,
Что не жалею себя, а всё время других корю –
Мне известно. Пора уподобиться сухарю.

Я закрыта в своей ракушке. Немой моллюск.
А вокруг меня жизнь – песни, мечты, салют.
Ну, услышьте меня, пожалуйста, я не глюк.
Я живу. Я дышу. Я чувствую. Я люблю.

* * *

Уходи навсегда. Мне бывало сложно
И легко с тобой. Правда. Но сколько можно
Так тепло смеяться и врать безбожно,
Что со мною ты был знаком.
Ты не знал ни единой ничтожной мысли.
На вопросы друзей отвечал: «Да мы с ней...»
И терялся. Мне каждый твой вздох, как выстрел
Между рёбер. Всё под замком.

Мне неважно, серьёзен ты был, играл ли.
Сотый раз наступить на всё те же грабли
Я не в силах. Я больше тебя не граблю.
Не учу, не лечу, как встарь.
Я хочу покоя. Без нежных всплесков,
Раз в году приходящих мне эсэмэской,
Чтоб украденный мир на тончайшей леске
Не подвешивать больше. Оставь.

* * *

Троекратно ура, в воздух летят монеты.
Лето. И площадь переполняют люди.
Где это было? Когда это было? Где ты?
Как это можно было забыть? Забудем.

Если я утром отправлюсь прямым маршрутом –
За пределами счастья. Пропахла октябрьской пылью –
Ровно к обеду я буду у института.
Как это можно было забыть? Забыли.

Всё суета. В пять тридцать звонит будильник.
Новая жизнь. Другие миры и войны.
Только провал – от памяти подзатыльник:
Не забывай никогда. Никогда. Помни.

Мы атланты – на наших плечах и лежит небо.
Делаешь в сторону шаг – и трещит шарик.
Сдаться сейчас было бы так нелепо.
Я никогда не сдамся. Я обещаю.

* * *

Город падал и плыл в наклоне.
Горы прятались к нам в ладони.
Говорили, что нас бездомней
И счастливей не видел свет.
Спали чутко, вставали рано.
Осыпались в саду каштаны.
Самый тёплый октябрь. Так странно.
Было всё.
Ничего нет.

* * *

Моё детство запомнило маму и папу в двадцать,
Дым костра, лес сосновый и Дона тугой изгиб.
Ты останься со мной до последней строки абзаца.
Потом – беги.

Я дарю тебя тем, кому ты сейчас нужнее,
Тем, кому без тебя будет плохо. Моей сестре.
Жаль, мелеет Дон, лес сгорел, и лишь тихо тлеют
Дрова в костре.

* * *

Каждое слово продумай, взвесь
Прежде, чем скажешь вслух.
Что изменилось? Исчезла спесь.
Раб не имеет слуг.

Перебесилась. Слова вонзять
В воздух – пустая блажь.

Я бы сказала тебе в глаза.
Ты же сказать не дашь.

Тонем и ждём, кто бы добрый спас.
Мирно идём на дно.
Как ни пыталась понять я нас —
Видимо, не дано.

Надо ли было не спать ночей,
Ценней не иметь валют,
Чем «я приеду на пару дней»
Или «тебя люблю».

Чтобы теперь ничего не ждать.
Только круги на воде.
Лучшее время для нас. Когда?
Лучшая жизнь. Где?

* * *

Кто ты, девочка, уходящая в небо за пядью пядь.
Спать ложишься в четыре, в полпятого, даже в пять.
Но все мысли ворохом и не смыкаешь глаз.
Свет зажётся в доме напротив. Фонарь погас.
Кто ты, девочка, с детства приученная терять?
Даже Бог сомневается. Что говорить о нас.

Если чувствуешь, что из камня искры не высечь.
Что пробита лодка, и может так жизнь вытечь.
И весь мир изнанкой к тебе, без масок и без прикрас.
Значит, надо брать жар и молот. Латать каркас.
Может, сотни раз, если нужно. И тысячи тысяч.
Чтобы даже Бог не сомневался в нас.

* * *

Февраль бушует. Так стемнело быстро.
Несильно день прибавился пока.
Боюсь разлук. Разносит ветер искры
От губ, соприкоснувшихся слегка.

Я знаю место, где укрыться можно,
Где море шепчет и закат красив.
Но твой ответ я чувствую подкожно,
Поэтому не буду и просить.

Ты подарил мне сто тревог и паник,
Обид, проблем и маленьких подстав.

Но, уезжая, я твой кнут и пряник
В свой бережно припрятала рукав.

Теперь я не пойму, роман ли? Повесть?
На всю ли жизнь? На эти два листа?
Так сложно... А когда садилась в поезд,
Была катастрофически пуста.

* * *

И смирение, и радушие —
Всё придёт. Только пусть тот,
Кто мудрее меня и лучше
Просто скажет, что мы не скот
И не сборище душ заблудших.
Я же космос, а ты послушный
Врачеватель моих пустот.

Равнодушие и забвение —
Лишь итоги любой из битв.
Пусть он скажет, что мы не пленные,
И что наша душа болит,
Потому что болеет Вселенная.
Ты же космос, а я смиренный
Почитатель твоих молитв.

* * *

И когда я жалуюсь, что не осталось сил,
Я всегда против шерсти, а кто-то всю жизнь скользил,
Что играть по правилам мне явно не по карману,
Что пашу я как лошадь, а лучше никак не стану,
Что вся жизнь — мишень, а я главная у мазил,

В голове что-то щёлкает, мол, посмотри же, вот:
Светит солнце и дует ветер, трава растёт,
Льют дожди, и цветут сады, и летают бабочки,
Поля в саду смеётся и лепит пасочки,
Катя рукой поглаживает живот.

Я ловлю эти дни-жемчужины и в копилку складываю насовсем.
Наши дети здоровы. Мы красивы и молоды. Живы все.
Это — счастье без примесей.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА
студентка 5 курса

* * *

Скошенной пахнет травой и незрелой пшеницей,
Донником, мятой, гречихой — как будто по ним
Память могла бы разыгрывать действие в лицах
И возвращать меня девочкой в прежние дни:

Переворачивать вилами колкое сено,
Переливать молоко через марлю в бидон,
В спутанных косах выискивать шарик репейный,
Прятаться в стог, собирать облепиху в подол.

Снова катиться с горы в трехколёсной повозке,
Плакать навзрыд, ударяясь о щебень плечом.
Вёрткой скакалкой раскручивать в воздухе мостик,
Прыгать в резинки и салить упругим мячом.

Шахматных кукол возить в доминошной коробке,
Воображая автобуса будний маршрут,
И провожать причитанием божью коровку —
Детки-конфетки тебя, мол, пропащую, ждут...

Время летит... Созревают ирга и калина...
Семечко ржи прорастает тяжёлым зерном...
Боже, Ты знаешь, живу я не хлебом единым —
Дай мне ребёнком вернуться в родительский дом.

июль 2004 г.

* * *

Чем же ещё я могла бы тебя удивить,
Столь искушённого в золоте, хлебе и камне.
Хочешь, отдам тебе ливня кручёную нить,
Чтобы скрепить горизонта неровные грани.
Хочешь, отдам тебе степи башкирских небес,
Степи сухие, где солнце кочует кибиткой,
И Шульган-Таш, и подземные реки окрест,
И первобытных рисунков наскальные свитки.

Хочешь, отдам урожай серебристых лещей,
 Россыпи бортей и сок на пчелиной вощине.
 Капля кумыса как мера текучих вещей,
 Чтоб удивить искущённого в войнах и винах.
 Хочешь, отдам тебе молнии острый клинок,
 Карстовый мост, тетивую стянувший ущелье,
 Поле Шайтаново, ставшее устьем дорог
 К нефтепластам и густому девонскому зелью.

В древних колхидах не сыщешь такого руна,
 Коим курай украшает уральскую местность,
 Столь искущённому в женщинах и скакунах
 Я покажу, как Тулпара дают за невесту.
 Я покажу, как ведёт поединок батыр,
 Как нескончаем азарт сабантуйного боя,
 Как благодатны бескрайние земли башкир,
 Как этим землям сейчас не хватает героя...

декабрь 2008 г.

* * *

*На лужайке, которую Дан и Юна
 избрали для своего театра...*

Р. Киплинг

В честь прапрапрабабушки Хьюны,
 Своей родословной гордясь,
 Хотела назвать тебя Юнной,
 Упрочив фамильную связь.

В том имени юность плескалась
 Венками июньских лагун,
 И тюркская кровь откликалась,
 Услышав исконное «юн».

Но как всполошились родные,
 Меня умоляя: «Окстись!
 Мешают созвучья чудные
 С людьми без стеснений сойтись».

И я отступила – но всё же
 Сквозь прапрадревний туман
 Мне видится люлька, рогожа –
 Там Юнну баюкает Дан.

октябрь 2009 г.

* * *

Душа моя – то истина, то кривда.
 То ровный путь, то ломаный зигзаг.
 Всё мечется меж Сциллой и Харибдой,
 Которых разделяет только шаг.

То разольётся вешним половодьем,
 Выплёскивая чувства через край,
 То ненавистью высушит угожья
 И прежний уничтожит урожай.

Душа моя – в исканиях духовных
 Смятенье двух колеблющихся чаш:
 То гордостью наполнена греховной,
 То святостью неуголённых жажд.

То решкой, то орлом переодета,
 И золото в ней чудится, и фальшь,
 Душа моя – двулика монета:
 Ни Кесарю, ни Богу не отдашь...

2000 г.

* * *

Я – за светлое, за чистое-лучистое,
 За цыплят, клюющих мелкое зерно,
 За колхозные посеы колосистые,
 Я – за старое советское кино.

Я – за пенье гармониста на завалинке,
 За размашистую удаль топора.
 За солому, перекрученную в валики,
 За поля, где громыають трактора.

Я – за голос петуха на алой зореньке,
 За мычание коров на склоне дня.
 Я – за десять ребятишек в нашей горенке.
 Кладезь мой – у деревенского плетня.

август 2009 г.

* * *

Между фальшью и фальцетом
 очень узкий коридор.
 Не зови меня Козеттой,
 не дари мне луидор.

Я готова жить на сольдо,
 быть пастушкой, прачкой – но
 не зови меня Изольдой,
 не дели со мной вино.

Не неволь меня любовью,
 отпусти меня в бега.
 Не зови меня Прасковьей,
 не дари мне жемчуга...

май 2009 г.

* * *

Победа над драконом только снится.
 Уязвлена – читай: разъярена.
 Не обольщайся: я в тебя влюбиться
 Могла бы, но – ещё не влюблена.

Могла бы, но уже не потеряю
 Ни почву под ногами, ни рассудок.
 Плодов запретных я не собираю
 При помощи кувшинов или дудок.

Но дудка! Но свистулька или флейта
 Мне так нужны для укрощенья змея!
 Не влюблена – и без подсказки чьей-то
 Снимать заклятья с чудищ не умею.

А змей не прост – трёхглав и несвергаем,
 Три жала ядовитых наготове.
 Не влюблена! И вот – недосыгаем
 Триумф над зверем, скрытый в нежном слове.

ноябрь 2009 г.

* * *

Любитель забав, я свободы твоей не возьму.
 Тебе всё равно: в голубом я наряде иль в белом.
 Я буду в песочном, надетом на голое тело,
 В сухом и сыпучем, царапая, словно самум.
 Я буду в горячем. И, кажется, не ошибусь:
 Ты весь – изумленье подвергшихся обжигу веток.
 И я загадаю на пару чеканных монеток:
 Орёл или решка – собьюсь ли с пути? Не собьюсь.

декабрь 2002 г.

* * *

Моя судьба разрыв не допускает.
 Когда сквозь сито счастье утекает,
 Скорей лови последние песчинки –
 Супружества песок пороховой,
 Чтоб выкристаллизовывать пылинки
 В песчаный замок, замок родовой.

ноябрь 2009 г.

* * *

Там лодка! Там тугие паруса!
 Не чёрные, не белые, но цвета
 Каперну взволновавшего рассвета.
 Там скрипок торжествуют голоса!

Растерянно, пристыженно бежать,
 Войти по пояс в моря колыханье.
 И, сладко замирая в ожиданье,
 В который раз корабль воображать.

август 2009 г.

* * *

С этой палево-дымчатой мягкостью рысьего меха
 Только мягкость волос твоих может сравниться и спорить,
 Я на мшистых полянах нам терем затеяла строить –
 Лубяную обитель в резных деревянных доспехах.

Посмотри на хоромы – как ладно уложены брёвна,
 И на угол передний запрятаны гривны и ладан.
 Стережёт ли нас Чур, бережёт ли нас добрая Лада,
 Здесь всегда на столе каравай да напиток скромный.

Здесь всегда хлебом-солью встречают гостей и прохожих,
 И колодезный ковш принимает рушник домотканый,
 Кружит голову мак, а душица румяна и пряна,
 Ветер лисьим хвостом замечает следы бездорожий.

Ясный сокол ты мой, несказанно пленительный омут,
 Домостроя законы для нашего века ничтожны.
 Ни водой, ни огнём разлучить нас уже невозможно,
 Я тобою живу и не знаю, как жить по-другому.

апрель 2003 г.

ЭДДА

Пиво хвали – если выпито,
 Меч – после сеч,
 Сабли – коль ими повыбиты
 Головы с плеч.

День хвали по окончании,
 Ночь – на заре,
 Девушку – после венчания,
 Жён – на костре.

Лодку – у берега дальнего.
 И не стыдись
 Слова не слышать похвального
 Целую жизнь.

июнь 2010 г.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

выпускник Высших литературных курсов 1989 года

ПУТЕШЕСТВИЕ НА РОДИНУ

Путевые заметки

Путешествие — всегда чудо. Пусть даже небольшое и непродолжительное, не за тридевять земель, а, к примеру, на родину. Волнение потом долго не унять. Увиденное и пережитое вспоминается долго и с благодарностью судьбе и людям, которых встречал в дороге.

Моя родина — Куйбышевский район Калужской области, самый западный край Калужской земли, за которой начинается уже смоленщина.

Первая поездка совпала с Днём Победы.

Так уж у нас повелось, что основные дни посещения родины — Троица, День Победы и День освобождения района от немецкой оккупации 14 сентября. В эти дни можно встретить многих старых знакомых, детских и школьных друзей.

Дорога на родину всегда лежит через Юхнов. Для меня Юхнов и юхновская земля — места особенные, родина моих героев, а значит, отчасти и моя родина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОГДА ЦВЕЛА СИРЕНЬ

Война перепахала юхновскую землю вдоль и поперёк. Несколько раз. Первая страда была здесь в октябре 41-го. Немцы проводили операцию «Тайфун» — «решающее наступление на Москву». По Варшавскому шоссе наступал 57-й моторизованный корпус вермахта. Сила большая: несколько танковых и моторизованных дивизий, приданные части, а также полк СС из дивизии «Дас Рейх». Действовали здесь и «древесные лягушки» из полка особого назначения «Бранденбург-800». Именно «бранденбуржцы» схватились с батальоном капитана Ивана Старчака на юхновском мосту через Угру возле деревни Палатки.

Здесь, на реке Изверь, к батальону капитана Старчака присоединился отряд подольских курсантов. Здесь произошла забытая историками битва с авангардами мотодивизии. Немцы пришли к выводу, что путь на Москву по Варшавскому шоссе для них закрыт, и основными силами повернули на север. Вывод был ошибочным. Никаких войск за курсантами и парашютистами Старчака до самой столицы не было. Если бы немцы бросили побольше сил, то путь к Москве им открылся бы в десятых числах октября.

Передовой отряд курсантов почти полностью погиб. Но дал возможность двум училищам, пехотно-пулемётному и артиллерийскому, развернуться у села Ильинского и в районе Детчина на Можайской линии обороны.

Историю отряда подольских курсантов я попытался рассказать в романе «Поздний листопад», который вышел под этим названием в журнале «Москва» в 2008 году, а затем, год спустя, под названием «Примкнуть штыки!» в издательстве «Яуза»-ЭКСМО. Тогда я ещё не думал, что фронтовая судьба курсанта Саньки Воронцова станет основой целой серии романов, которые будут публиковаться и в журналах, и в издательствах, и на долгие годы увлекут и меня, и моих читателей.

В Юхнов в канун Дня Победы меня пригласили мои читатели, два Андрея. Люди увлечённые, влюблённые в здешние края. Москвичи, но поселились здесь, под Юхновом.

Встретиться договорились утром у памятника погибшим советским воинам. Встретились. Пока я подписывал своим новым знакомым последние издания, колонна участников автопробега подтянулась со стороны Мятлева. Я поднял голову и оторопел: колонна огромная, машин пятьдесят, а то и больше! На всех закреплены знамёна Победы, на лобовых стёклах надписи: «Спасибо деду за нашу Победу!» Молодёжь, подростки. Но основа всё же — средний возраст. Поисковики, романтики.

Двинулись. Маршрут: Юхнов-Суковский плацдарм-Павловский плацдарм-Угра-Климов Завод-Жары-Юхнов. Цель: уход за могилами павших воинов, знакомство с местной историей.

На Суковском плацдарме состоялась встреча с генерал-полковником Михаилом Даниловичем Попковым. В 42-м Михаил Данилович воевал здесь солдатом.

49-я армия генерала Захаркина удерживала плацдарм вначале для обеспечения выхода из окружения Западной группировки 33-й армии генерала Ефремова, а потом из упорства. Не хотели уступать врагу захваченную землю, оплаченную тысячами жизней боевых товарищей. Здесь сражались несколько дивизий. Хотя на двух крошечных плацдармах находились только два батальона.

Национальный парк «Угра» реконструировал оборону Павловского плацдарма. Осенью прошлого года мы сюда приезжали. Тарусские школьники из школы № 1 им. генерала М. Г. Ефремова весь день не вылезали из траншей и окопов. Обследовали весь берег Угры, увезли в Тарусу реликвии для школьного музея: стреляные гильзы и обрывки колючей проволоки. Нынешней осенью учителя и школьники мечтают снова побывать здесь, на земле «Маленького Севастополя».

Дело в том, что во время боёв на Угре героически сражался Севастополь. О севастопольской обороне тогда писали все газеты. О боях на Угре — только армейские и дивизионные. И бойцы стали называть полосу земли, отбитую у противника за Угрой, Маленьким Севастополем.

Севастополь, как известно, всё же пал. Маленький Севастополь на Угре наши воины удержали до 43-го года, когда немцы отсюда начали отходить. Противник готовился к операции «Цитадель» на Орловско-Курском выступе и спрямлял линию фронта здесь, на Юхновско-Ржевском выступе, чтобы высвободить дополнительные дивизии, технику и вооружение для переброски южнее.

Мы разговаривали о том, что нас волновало. А волновала нас война, её многие тайны, скрытые временем и землёй, в том числе, и здесь, на берегах Угры и Рессы.

Только что в издательство «Центрполиграф» я сдал новую рукопись под названием «Кровавый плацдарм. От прорыва под Тарусой до противостояния на Угре». Книга выйдет в серии «Забытые армии. Забытые командармы». Она — о наступлении 49-й армии в ходе битвы под Москвой.

49-я с октября 41-го до осени 43-го действовала на территории нашей нынешней Калужской области. Освобождала её центральную полосу по оси восток-запад: Тарусский, Ферзиковский, часть Малоярославецкого, Дзержинский, Юхновский, Куй-

бышевский районы. Дралась в Полотняном Заводе, в Кондрове и в Юхнове. В книге собраны уникальные документы, которые удалось извлечь из архива. Думаю, что она вернёт часть нашей истории, забытой и невостребованной.

Юхновская земля — удивительный край. Великолепный по красоте и глубокий по исторической составляющей.

Я ощущал это не только в своей душе во время поездки, но и видел в глазах своих спутников, двух Андреев, которым бесконечно благодарен за прекрасный день, за те неповторимые эмоции, за свидание с родиной моих героев.

* * *

На родину в Куйбышевский район приехал ранним утром.

В Кузьминичах остановился неподалёку от памятника погибшим односельчанам над их братской могилой. На постаменте установлена пушка. Старый памятник обветшал. И Николай Сафонов по своей инициативе и на свои средства установил вот это грозное противотанковое орудие. Обновил оградку. Благоустроил братскую могилу.

Николай Сафонов родился и вырос в этом селе на Варшавском шоссе. Талантливый организатор, крупный руководитель, он сейчас работает в Подольске, управляет мощной фармацевтической фирмой. Вывел её на уровень высокоэффективных предприятий, выпускающих необходимые, качественные лекарственные препараты. В родных Кузьминичах у него дом и усадьба, которую он называет «Озеро». На земле, доставшейся ему в наследство от родителей, он действительно создал озеро и парк. Большие средства инвестирует в развитие социальной инфраструктуры родного Куйбышевского района. В благодарность за эту его миссию земляки присвоили Николаю Сафонову звание «Почётный гражданин Куйбышевского района».

Мои земляки — народ цельный, со здоровой душой и крепкими корнями. Родина для них значит многое. И многое она определяет в жизни. Знаю это по себе. О чём бы ни писал в своих романах и документальных книгах, всегда перед глазами родная деревня Воронцово, село Закрутое, светлые струи речки Десёнки, лица моих односельчан. Герои моих книг говорят языком здешних жителей. Ничего не надо выдумывать. Родина так богата! И сюжетами, и характерами, и образностью, цветистостью русского языка. Этот колодец неиссякаем и чист!

Родина — категория нравственная. Либо она есть, либо её нет. Её не вырастить в себе, как морковь на грядке. Но её можно хранить, лелеять. Преобразовать. Как делают это мои земляки Николай Сафонов и Николай Яшкин.

Николай Яшкин живёт в соседнем селе Жерелёве. Руководит сельскохозяйственным производственным кооперативом «Жерелёво» много лет, со времён существования здесь совхоза.

Как ни трепали бывшие колхозы и совхозы, на какой только поток их не ставили, а некоторые всё же выжили. Конечно, в основном благодаря таланту и оборотистости руководителей. Вот уж кому пришлось поистине держать глухую оборону, чтобы сохранить хозяйство, не пустить его на распыл, не распродать земли и коллективно нажитое добро. Что греха таить, многие руководители были соблазнены именно лёгкой *прибылью* от продажи не принадлежащего им. Вот и торчат теперь среди бурьянов нераспаханных полей остовы ферм с провалившимися крышами...

В Жерелёве и окрестных деревнях, которые входят в состав одноимённого сельхозпредприятия, всё обстоит иначе. Порядок, добротность, рабочая обстановка. Поля распаханы. Фермы наполнены скотом. Народ на жизнь смотрит с уверенностью и на-

деждой, что самое худшее они пережили и что впереди, как обещают наши правители, сельскому жителю и его труду будет уделено достойное внимание.

Основной профиль хозяйства — производство молока и мяса.

На фермах и в поле трудится 148 человек.

Пока же здесь — как на передовой. Все достижения — с бою. Купить новый трактор, молоковоз, комбайн, оборудование для фермы — проблема, и прежде всего финансовая. Каждая такая покупка ложится бременем на хозяйство, на себестоимость молока и мяса. Именно молоко и мясо — основная продукция хозяйства Николая Яшкина.

«Жерелёво» — лучшее хозяйство не только Куйбышевского района. Оно входит в десятку лучших по Калужской области и известно во всей стране. Такой факт: молока доит больше, чем вместе взятые соседние Спас-Деменский, Барятинский, Мосальский, Износковский районы.

Николай Иванович охотно называет цифры основных достижений хозяйства, но тут же на что-нибудь посетует.

— Хозяйство кое-как удерживаем, не падаем, — говорит он. — А вот частный сектор совсем пропал. Не держит ныне сельский житель ни скота, ни больших, как в прежние времена, огородов. Нет ни экономического, ни социального смысла. Во дворах у крестьян одни куры остались. В Жерелёве три коровёнки. А было четыреста голов! Картошку перестали сажать. Затраты не окупаются. Крестьянина не обманешь. Бывало, с начала лета шли, просили сенокос выделить. В прошлом году никто не пришёл. Сейчас в сельском хозяйстве только на свои силы надо рассчитывать. Только на себя.

— Молодёжь уезжает. Надо жильё строить. Не на что. Прибылей хватает только на то, чтобы хозяйство держать. Надо же основные средства обновлять, от времени не отставать. В стране вроде бы существуют какие-то программы, в том числе и по улучшению жилья для молодёжи, но они все как-то мимо села проходят.

— Государство надо укреплять с деревни. Дороги, жильё, школы и детские сады, спортивные площадки... Работой обеспечим. Деньги заработают.

К сожалению, труд таких людей, как Яшкин и Сафонов, не особенно замечается *наверху*. А ведь они и есть соль земли. Те, кто сейчас особенно нужен, чтобы выдернуть страну из затянувшегося кризиса. Общество должно призвать таких. И они жизнь положат, весь свой талант, всю энергию, чтобы послужить стране в нелёгкий период. Кадры... Вот они, кадры. Но время пока не призывает их. Значит, ещё не пора. Или не так всё плохо, или уже поздно...

* * *

Безымянная высота — высота удивительная. Её вроде бы и нет. Нет горы, холма, даже относительного возвышения. Но когда оказываешься в её наивысшей точке, у мемориала героям-сибирякам, вдруг ощущаешь, что ты настолько приблизился к небу, что ходишь на цыпочках, словно тебя вот-вот подхватит и понесёт на крыльях...

В нынешнюю весну на Безымянной высоте собралось столько людей, что площадь перед мемориалом — памятником и землянкой — была буквально запружена, и народ постепенно стал растекаться по аллеям и берёзовым окрестностям. Жители Куйбышевского района, соседних Кировского, Спас-Деменского приехали целыми семьями, с детьми и стариками. Прибыли делегации из Брянской, Смоленской областей, из Новосибирска.

На граните имена восемнадцати: младший лейтенант Порошин, старшина Панин, рядовой Галенкин, рядовой Касабиев, рядовой Артамонов... Все они награждены орденом Отечественной войны 1-й степени, шестнадцать из них — посмертно.

Свой последний бой они приняли здесь, на высоте 224,1 в ночь на 14 сентября 1943 года. 10-я армия шла на Рославль. 139-й стрелковой дивизии по фронту попала эта неприступная высота, которую противник превратил в укрепленный и контролировал отсюда обширную территорию. Дивизия была ослаблена предыдущими боями в районах Закрутого и Козловки. В полках насчитывалось по 300–340 штыков. Танковая бригада, сильно выбитая под Дегирёвом и Закрутым, была выведена из боя. Вся тяжесть прорыва легла на плечи матушки-пехоты.

Батальон, которому предстояло штурмовать высоту, создал ударную группу. В неё вошли восемнадцать бойцов. Возглавил группу младший лейтенант Порошин. Ночью начали продвижение. За ударной группой следовала стрелковая рота. В случае успеха в дело вступали соседние батальоны. Но немцы обнаружили группу, стянули резервы и начали контратаковать. Всю ночь шёл бой. Группу Порошина отсекали и начали истреблять изолированно. Но отважные сибиряки смогли организовать круговую оборону и держались до тех пор, пока были боеприпасы.

Из восемнадцати в живых остались только двое.

*Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят...*

Песня потребовалась спустя годы режиссёру кинофильма «Тишина». Её написали поэт Михаил Матусовский и композитор Вениамин Баснер.

*Дымилась роща под горою,
А вместе с ней горел закат...*

Был и третий. Поэт не ошибся. И о нём я написал повесть «Безымянная высота». Она публиковалась в журнале «Воин России», а потом вышла в издательстве «Гриф» в Калуге. Сейчас переиздаётся в Москве, в издательстве ЭКСМО. В текст я внёс некоторые поправки.

Повесть в своё время была встречена неоднозначно. Как это так, их было всего восемнадцать, а вы пишете ещё о каких-то штрафниках... Что у нас, штрафники выиграли войну, упрекали меня.

Да, и штрафники тоже. Все ложились в эту землю. И солдаты, и офицеры, и штрафные, и прославленные. Правда заключается в том, что во время боя на высоте погибло значительно больше наших бойцов. Тогда, в сентябре 43-го, военным корреспондентам нужен был победный материал. Армия шла в наступление на Рославль, и бойцам нужен был пример подвига. Ничего предосудительного здесь нет. Военные корреспонденты сделали своё дело. Историк теперь делает своё. Никто никому не противоречит. Восстанавливается правда истории.

*Мне часто снятся те ребята,
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней...*

Удивительно то, что эти сны, сны отцов и дедов, снятся сейчас новым поколениям победителей. Вот почему молодёжь так стремится в эти дни на могилы своих предков-героев. Вот почему она так возбуждена и одухотворена.

В трудные годы нация, народ ищут опору в прошлом, в истории. Так было всегда. Ближайшим прошлым, когда мы, народ, были едины и сильны как никогда, была Великая Отечественная война.

* * *

Ямное была деревней большой. Она разлеглась несколькими улицами на тракте Бетлица-Жерелёво, далее на Кузьминичи, с выездом на Варшавское шоссе. Дворы когда-то подступали к реке Снопоть и устьям речки Десёнки.

Теперь в Ямном всего один житель. Хотя домов несколько — дачники.

Григорий Иванович живёт за ручьём в просторном доме. Он — единственный из мужчин, кто уцелел во время расправы, учинённой в Ямном полицейской ротой после гибели двоих немецких солдат и одного советского военнопленного из числа добровольных помощников германской армии.

Эту историю, как мне казалось, я знал давно. В конце семидесятых работал военруком в Петровской средней школе, и домой, в Закрутое, ездил на лыжах по прямой — вначале вдоль Снопоти поймой, потом по полю, а там через лес, на Суборово, через Воронцово. Два часа хорошего хода по пробитой лыжне, и вон оно, моё Закрутое, родительский дом. Однажды решил написать для районной газеты очерк о ямновской трагедии. Несколько раз приезжал сюда, расспрашивал очевидцев. Тогда все в один голос твердили: ямновских мужиков сожгли немцы.

Григорий Иванович:

— Полицейские сожгли. Полицейские. Приехали на подводах и верхами. Из Новосельского. Привезли пулемёты. Из пулемётов и стреляли.

Ямное — это калужская Хатынь.

Трагедия произошло летом 42-го, когда из-под Вязьмы и Дорогобужа в сторону Кирова, где проходил фронт и стояли дивизии 10-й армии, выходил из окружения кавалерийский корпус генерала Белова, а также остатки воздушно-десантного корпуса генерала Казанкина и Западной группировки 33-й армии генерала Ефремова.

Окружённые выходили несколькими потоками. Главным препятствием было Варшавское шоссе, по которому курсировали одиночные танки и бронетехника. Оснащённые рациями, они оперативно передавали необходимую информацию, после чего в дело вступала ударная группа. Для истощённых, изнурённых долгим переходом и полуголодным существованием в смоленских лесах кавалеристов бой на марше был равносителен неминуемой гибели. К счастью, выход прошёл успешно.

Но отдельные группы попадали на немецкие заслоны и гибли.

Григорий Иванович:

— Мне было двенадцать лет. Мы в ту ночь пасли лошадей. Бой начался в стороне Троицкого. До утра гремело. Утром смотрим — едут четверо или шестеро всадников. Наши. А немцы каждое утро из Жерелёва на Мокрое посылали грузовик за продуктами. Там у них был склад. Едет эта машина. Кавалеристы спешились и попрятались среди домов. Когда машина подъехала, они открыли стрельбу. Убили двоих немцев и одного пленного. Он уже был не пленный, а служил у немцев. Но форма на нём была ещё красноармейская, неизношенная. После пошла колонна беловцев. Шли целый день, на Закрутое. Когда они прошли, через несколько часов из Новосельского приехали полицейские, власовцы. Согнали весь народ в противотанковый ров, уста-

новили пулемёт. Тогда староста нашей деревни, Степан Башанов, послал в Жерелёво своего сына, чтобы тот сообщил в комендатуру, что так, мол, и так, полицейские расстреливать нас собрались... Приехали немцы. С командиром отряда власовцев немцы долго спорили. И вот начали отделять мужчин, подростков и стариков от женщин и детей. Мужиков, кого отобрали, погнали в ригу. Немцы, их было немного, трое или четверо, стояли в стороне, курили, наблюдали. Всё делали полицейские. На дверях поставили часового. Меня мать под коротуш подсунула и с собою провела. А брата Николая, двадцать пятого года рождения, сразу сунули к мужикам. Поставили пулемёт. И начали стрелять по риге. Вначале стреляли. Потом подожгли. Выскочили трое. Один, Пётр, моему брату ровесник, побежал к другой риге, к нашей. Нашу не жгли. К матери побежал. Его охранник, полицейский, из винтовки в упор застрелил. Ещё двое побежали по дыму, к речке. Одного застрелили, а другой, Егор, ушёл. В речке отсиделся. Не нашли.

Потом Григорий Иванович пошёл показывать мне и тот ров, где их держали полицейские до приезда немцев, и место риг, где заперли их и мужчин.

— До войны в Ямном было семьдесят дворов. Весёлая была деревня. Теперь я один остался. Скоро умру. Но ещё поживу. Посмотрю, до чего мы доживём. Я телевизор смотрю, всё знаю.

Григорий Иванович рассказывал охотно. Но иногда останавливался, ссылаясь на забывчивость, умолкал.

Непростая история. Она имела продолжение. В 44-м, говорят, в Калуге состоялся суд. В Прибалтике наши войска взяли много пленных власовцев. Их отправляли по месту службы, вели расследование. Нашли и некоторых из той новосельской роты.

Нейдёт из головы сожжённая деревня. Последний свидетель говорил правду. Я это сразу почувствовал. Но не всю, кое о чём умалчивал. Если забыл, то вспомнит. Вспомнит и расскажет. Подожду. Больше спросить не у кого. Даже у пепла. Пепел давно стал землёй.

На краю деревни, за дорогой, памятник расстрелянным и сожжённым. Он тоже молчит.

Возле брошенных домов и сараев бушует сирень. Нынче она зацвела рано. Сирень не помнит о войне. Сирень поёт о жизни и любви, о вечной юности.

ГЛАВА ВТОРАЯ. АВГУСТ

В этот раз решил: поеду на родину, когда начнётся жатва, уборка хлеба. В прежние времена в эту пору хлебом пахли даже ветра, залетавшие в наши края от соседей. Страда шла везде. Родители приходили домой к полуночи и тут же валились спать. А мы, детвора, и те, кто постарше, работали на току, перелопачивали вороха пшеницы, затаривали в мешки отсортированный овёс — на отправку. В деревне летом работы хватало всем.

И вот снова стою в августовском поле. Пахнет так, как пахло в детстве — хлебом. Теперь это волнует ещё сильнее. Потому что выталкивает откуда-то изнутри волну воспоминаний и ассоциаций. Кажется, закрой глаза — и зазвенят голоса твоих детских друзей. Тот же густой пахучий ветер, влажный и вязкий. Те же паутины над жнивём. Они то исчезают, то снова вспыхивают длинными, плавно изогнутыми нитями под самым солнцем и кажется, что это не просто паутины, что небо посылает нам какие-то радостные знаки. Я говорю об этом моему спутнику, и он тут же, улавливая моё настроение, отзывается:

— С хлебом будем.

Мы — в поле сельскохозяйственного производственного кооператива «Жерелёво», и мой спутник — директор СПК Николай Иванович Яшкин.

Подъехали комбайны. Остановились. К ним подлетел грузовик. Из рукавов хлынуло зерно. Ветер понёс полову. Не его это дело, отделять плевелы от зёрен, но ветер тоже хочет помочь людям, сочувствуя их упорству, уважая трудолюбие и то, что они продолжают на этой земле дело своих предков.

Старенькие «Енисеи», изготовленные сельскохозяйственными машиностроителями ещё в советскую пору, трудятся, как муравьи. Комбайнёры на них опытные, освоившие свою хлеборобскую профессию тоже в прошлую эпоху. В сельском хозяйстве вообще всё ещё пока держится, как говорят в деревне, *на социализме*. Правительство и власти разных уровней нужд и бед российского села пока ещё полными глазами не видят. Бюджет распределяется на решение иных проблем, а село по-прежнему обносят. К местному самоуправлению этот мой упрёк, конечно же, не относится. Что местные власти могут сделать при их скудном бюджете? Сиди смиренно и терпеливо жди, когда что-нибудь выделят из области.

Между делом Николай Иванович сетует:

— С такими закупочными ценами у села будущего нет. Говядина ещё в цене держится и потихоньку растёт, — и тут же уточняет: — Вслед за горючкой и энергоносителями. А вот молоко этим летом на два-три рубля упало. А мы, да и все остальные хозяйства района, только на молоке и мясе держимся. Спрашивается: откуда такая напасть? Что, молоком залили перерабатывающие предприятия? Да нет. Дело в другом. Таковы первые плоды вступления нашей страны во Всемирную торговую организацию. Переработчики страхуются, чтобы не рухнуть со своими завышенными ценами, когда всё произойдёт, и на наши прилавки хлынет новый поток импортных товаров. Но страхуются за счёт нас, крестьян. Свои прибыли они стараются сохранить.

Да, куда бедному крестьянину податься? А некуда. Работать, терпеть. Авось Бог орду переменит.

Я фотографирую. Поле знакомое. Ряды овсяной соломы под ногами отливают золотой зрелой чистотой. Солома богатая, едомая. Внизу посеян и зеленеет плотным газоном клевер, и комбайнёры выставили жатки на высокое кошение, чтобы сохранить клевер. Чувствуется хозяйская рачительность. На соседнем поле уже снуёт уборочная техника: тракторы с агрегатами и прицепами — закатывают овсяное золото в рулоны, грузят на платформы и тут же увозят к фермам, там складировать под навесы. И золотые рулоны, и сами тракторы, и ветер, и паутины в небе, под самым солнцем, и берёзовый перелесок посреди поля — всё, кажется, пронизано хлебным духом.

И комбайнёры, и Николай Иванович улыбаются. Разговаривают степенно. Комбайнёры, пользуясь паузой, закуривают. Всё у них сегодня ладится. Техника не ломается. Погода хорошая. Намолоты весомые. Значит, скотина в зиму пойдёт на вольные корма.

Поодаль, ближе к лесу, ходит другой комбайн. Этот движется мощно, как крейсер. Он заметно покрупней своих стареньких собратьев. На обшивке надпись: «ПАЛЕС-СЕ». Николай Иванович поясняет:

— В Белоруссии купили, у батьки. Хороший комбайн. Производительность в разы больше. Надёжный. Посмотри, кабина какая. Комбайнёр сидит — как в самолёте. По лизингу взяли, с рассрочкой платежа на семь лет. Можно было немецкий взять, но мы решили закупить у братьев-белорусов. Белоруссия — рядом. Если нужны запчасти, то поедем и купим, что надо. И цены сходные. Закупили у них и тракторы. Хорошие, мощные. Пашем.

Зерновой клин в хозяйстве — 1200 гектаров. Уже половину убрали. Намолотили больше тысячи тонн. В этом году посеяли гречиху — 100 гектаров. Продовольственную. Спрос на неё есть.

— Поедем-ка и к нему, — Николай Иванович махнул в сторону «Палесся». — А то скажет потом — обошли вниманием. И обязательно его сфотографируй.

Педагогика. Яшкин управляет в своём хозяйстве не только волей и рублём, но и мудростью, талантом крестьянского руководителя. Человек высокой культуры и большого житейского опыта, он знает цену слову. Хотя немногословен. Как-то зашёл к нему в контору: на столе рядом со справочниками и подшивкой «Сельской жизни» сборник рассказов Евгения Носова «Шумит луговая овсяница». Заметив мой взгляд, открыл книгу и прочитал абзац:

— Смотри, Егорыч, как, написано! Настоящий мужик Евгений Иванович Носов. Крестьянскую душу как знал. Я все его книги перечитал и теперь вот беру, чтобы иногда кое-что перечитывать.

Сели в УАЗик, покатали по стерне.

— Смотри, сколько троп — кабаны.

— Да, кормиться ходят.

— Для них овёс — как мёд. Из Троицкого леса приходят. Ну всё, отлакомились, бездельники, — смеётся Яшкин, а сам любит, как разворачивается, дымя половой, комбайн бабки Лукашенки. — Хотим зерновой клин расширять. Больше полей запахивать. Пастбищ хватает. Рожь вернём на поля.

Почвы на моей родине бедные — пески. На таких без удобрений урожая не получишь. Значит, к хорошей технике и умным рукам нужны ещё и дополнительные денежные вложения.

* * *

Бетлица, когда-то бывшая железнодорожная станция, теперь разрослась в крупный посёлок и давно имеет статус центра Куйбышевского района. Посёлок довольно опрятный, благоустроенный. Народ живёт в основном в частных домах. Живёт основательно, по-деревенски. При садах и огородах, с баньками и надворными постройками для скота. Правда, скотину в перестроечное время вывели. Теперь во дворах разве что кудахтают куры, да кое-где по-хозяйски вскрикивают гусаки.

Давно собирался заехать в гости к своему давнему, ещё с институтских лет, приятелю Александру Васильевичу Филимонову.

Филимоновы — фамилия в Бетлице известная, уважаемая. После окончания Калужского педагогического института Александр Васильевич какое-то время работал в школе. Потом возглавил музей маршала Г. К. Жукова. Родина прославленного Маршала Победы на долгие годы стала для него и местом жительства, и местом приложения сил, знаний и таланта. Но чуть больше года тому назад Александр Васильевич внезапно оставил директорский пост и перебрался с семьёй в родную Бетлицу. Сейчас работает в сельской школе простым учителем истории.

Однажды во время очередного своего приезда в город Жуков (работал в архиве музея, собирал материалы для документальной книги «Серпухов, Последний рубеж») я, как всегда перед расставанием, зашёл к Александру Васильевичу попить чайку с конфеткой. Мы сидели в его уютном кабинете среди книг и картин и разговаривали. О чём бы мы ни толковали тогда, в недолгие минуты наших встреч, все темы сводились к одному — к родине. Бетлица, Мокрое, Закрутое, Жерелёво, Снопоть, Десёнка, Безымянная Высота... И помнится, я тогда сказал в запале: вот бы, на старости лет,

устроиться где-нибудь в деревенской школе учителем истории, рассказывать ребятишкам о войнах и походах, о правителях и тиранах, о судьбе бедного нашего русского народа... Помню, как вспыхнули глаза моего приятеля. Я и предположить не мог, как близок он был к осуществлению этой нашей общей мечты.

Филимоновы купили в Бетлице, на тихой улочке, дом, отремонтировали его на свой вкус. Устроили сад. В саду хозяйствует Ольга Прокофьевна, жена Александра Васильевича. Цветники, где особое место отведено розам, ирисам и лилейникам. Теплица с помидорами. Урожай настолько хорош, кисти помидоров настолько тучны и тяжелы, что их приходится подвязывать. Виноград. Земляника.

Стою в саду-огороде Филимоновых и думаю: да, трудолюбие, культура, воля и крестьянская основа способны любой клочок земли превратить в цветущий и плодоносящий сад.

А сколько её, земли, брошенной, видел я в эти дни. Вдоль дорог, среди лесов. Ну, да ничего, ничего, ободряю я себя, не желая впасть в уныние, земля наша ещё воспрянет, ещё распашут её, вернут ей вид и суть полей и лугов, и будет здесь колоситься пшеница, рожь, волнами ходить лён и зашумит своим вольным тихим шумом луговая овсяница...

Сидим в доме Филимоновых и разговариваем. Крепкий чай на травах. Яблочный пирог. Всё своё.

Александр Васильевич рассказывает о школе, о детворе, о школьных проблемах, которые приходится решать, в основном, самим учителям.

Яблочный пирог кончается, как всё хорошее. Мы расстаёмся.

Я подарил Филимоновым только что вышедшую в издательстве ЭКСМО новую книгу. В неё вошла повесть «Безымянная высота» и рассказы. Книга получилась совсем бетлицкая, родная.

* * *

Ночевать поехал в Воронцово.

Дорога до Закрутого вполне хорошая. Ехал не спеша, смотрел по сторонам, на знакомые места.

Есть в этой дороге до дома одна точка, где я всегда останавливаюсь. Уже вечерело. Солнце ушло за Образцовский лес. Зареве переливалось багряными наплывами подсвеченных будто изнутри облаков. Насыпь уходила в сторону Закрутого, вправо, а если смотреть прямо — за придорожными деревьями, вон они, виднеются крыши редких дворов. Это моё родное Воронцово. Отсюда, с большака, с насыпи, хорошо видна вся окрестность: Воронцовское поле, Богачёвское поле, Полянское поле за речкой Десёнкой, хотя самой Десёнки не видать, дорога от Закрутого на Воронцово. Ракиты скрывают постройки, деревня всегда утопала в зарослях ракут. Но я-то знаю, что мой дом — там. Среди этих вековых ракут, в их заповедной глубине. Деревня — как родник, взгляду даёт не сразу, и не всякому. Я ещё трясусь по дороге, объезжая канавки, а душа уже там.

Но родной дом в этот раз меня через свой порог не пустил. Дело в том, что, выезжая из Тарусы, я не предупредил свою тёткушку, мамину сестру Зину, что приеду. А она недавно перебралась к старшей дочери, моей двоюродной сестре в Людиново. Откупила там, на окраинной улице районного городка, домик и поживает теперь при тепле, газе и водопроводе. В Воронцово приезжает. Какое-то время даже сажала огород. Крестьянину тяжело с землёй расстаться. Но годы смирили и эту непреодолимую страсть. Огород теперь зарос травой. А на двери замок. Пошарил в знакомом месте,

где всегда лежал ключ. Нет, пусто. Посмотрел на окно. Везде рамы двойные, но одна одиночная, летняя.

Нет, в родной дом через окно я не полезу.

А в доме рядом вспыхнул свет, стукнула дверь. Вышла соседка тётя Шура и, узнав мою машину, окликнула:

— Серёжа, это ты приехал?

Я откликнулся и подумал: как хорошо, что на родине тебя ещё узнают.

Заночевал у соседей.

Сергей Арсентьевич и Александра Прокофьевна давно уже пенсионеры. И ему и ей — за восемьдесят. Сергей Арсентьевич всю жизнь трудился в совхозе. Был трактористом, механиком, руководил мастерскими. В семидесятые годы мастерские совхоза «Закрутовский» — это крупный цех, в котором работа шла день и ночь. Сотни единиц различной техники. Всё должно работать — пахать, сеять, жать, косить, молотить... Сын погибшего солдата, он рано начал работать. В четырнадцать уже управлял трактором-колёсником и однажды, опахивая закраину поля, подорвался на mine, был контужен. Александра Прокофьевна работала агрономом.

В Воронцове осталось всего несколько живых дворов. Остальные брошены, зарастают тёрном и бурьяном. Покосившиеся, с выбитыми окнами и провалившимися крышами, они ещё сохраняют свой строй, умирают с достоинством, будто старые солдаты в проигранном бою. Бежать некуда, да и поздно уже, так что лучше погибнуть там, где стоишь... Вон там жили Аксютенковы, там Матруненковы, дальше Романенковы. На другой стороне пруда — Михеенковы, Ларины, Филатенковы, Миленковы, Абрамовы, снова Ларины, Тарасенковы... Заросли стёжки и следы, осели в бурьянные травы голоса нашего детства. Мы росли под этим небом, на этих пригорках, в этих прочных и казавшихся просторными домах и думали, что нашей деревне не будет износу. Но ушли старики, потом наши родители. И нам выпала мучительная участь наблюдать, как умирает родная деревня.

А каково жить последним жителям гибнущей родины...

Всю ночь мы разговаривали. Не спалось и мне. И хозяевам. Всё-таки и им какое-то разнообразие в их однообразной жизни. Правда, старики не унывают. Держат огород, курочек. Усадьба опрятная. Всё прибрано, чисто, аккуратно. Помню, тётя Шура была лучшей в округе вышивальщицей. Все молодки и девчата ходили к ней, срисовывали узоры и советовались, какой ниткой вышить подзор или подушку невесте в приданое.

Сын Сергей живёт в подмосковных Химках, работает на крупном заводе, изредка приезжает с семьёй погостить, помочь старикам по хозяйству. В деревне сидя на лавке не проживёшь. Стоит опустить руки, и жизнь тут же начнёт худеть, как выброшенное под дождь корыто.

— А кому теперь тут жить? Некому, — Сергей Арсентьевич смотрит в окно; там темно, ни зги не видать. — Говорят, что таджиками да узбеками наши земли и деревни заселят. Да всяким другим народом. А я думаю: как же они вместе жить станут? Они ж друг друга не знают. Мы жили — всё друг про друга знали, кто какой человек и как к нему подойти. Дедов знали и прадедов, кто какого роду-племени. Нет, ничего у них из такой жизни не получится.

Это произвольное «у них» засело занозой и теперь не даёт покоя. Старики среди новых жителей деревни себя уже не числят. Своих детей и внуков тоже.

Гибель деревни — это не просто гибель домов и заросшие поля. Гибель деревни — это погубленная культура народа, веками строившего на этих песчаных пригорках своё жильё и житьё, любившего свою землю и возделывавшего её по своему умению. Поле можно распахать, только будет ли тот хлеб в радость? И — кому? Народ тоже

можно сволочь с разных концов и закоулков земли. Только какой культурой он будет владеть? И будет ли?

В 1990 году в журнале «Молодая гвардия» была опубликована моя повесть «День Флора и Лавра». Сюжет: в брошенной деревне доживают старики...

Вот я и навестил своих героев.

Утром, распрощавшись с приветливыми и добрыми стариками, я отправился в дорогу.

Навестил могилу отца и матери. Прошёлся по кладбищу. Какие лица на крестах и на обелисках! Какая порода! Какое поколение ушло! Богатырское поколение. Таких людей и таких лиц в наших деревнях уже не будет.

* * *

В Бетлице предстояла работа. Я привёз последнюю партию своих книг, изданных в последние годы в издательствах Москвы. Книги выкупил земляк Николай Викторович Сафонов.

Удивительный человек, этот Сафонов. Талантливый руководитель, удачливый предприниматель. В родных Кузьминичах на родительской усадьбе выстроил дом, обустроил пруды. Разводит оленей. И много помогает землякам в их житейских нуждах. Вкладывает немалые деньги в благоустройство районного центра и мемориала на Безымянной Высоте. В родных Кузьминичах реконструировал памятник землякам, не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны.

И вот выделил деньги на закупку книг для общественных и школьных библиотек. Теперь мои книги будут доступны всем читателям Куйбышевского района, всем землякам.

Мы раскладывали книги по стопкам. Библиотекари тут же писали временные таблички: это в Закрутое, это в Мокрое, это в Бутчино...

Перед отъездом заведующая отделом культуры администрации Куйбышевского района Любовь Ивановна Тимоховская подарила мне флажок: на светло-зелёном, цвета молодой майской листвы, фоне ствол берёзы и пять берёзовых веточек, расположенных симметрично; веточки с серёжками. Такой же, только большой флаг, я видел в кабинете главы администрации района Игоря Николаевича Феденкова. Местная символика.

Закрепил его на панели автомобиля и теперь смотрю на родные берёзки с гордостью и теплом. Флаг у моей родины очень поэтичный и вполне соответствует лицу и духу района.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СЕНТЯБРЬ

14 сентября в нашем Куйбышевском районе день великий — праздник освобождения района от немецко-фашистских захватчиков. Отмечается ежегодно всеми жителями райцентра, сёл и самых дальних деревень. С утра люди, переодевшись в чистое, приходят к солдатским могилам — а они есть почти в каждой деревне, кладут у памятников цветы, поминают своих защитников и освободителей. Пьют и за свою родню, кто не пережил два года оккупации, за отцов и дедов, не вернувшихся с фронтов, за тех, кто вернулся, но пожил недолго и умер от ран и контузий. Пьют не торопясь, долго и много. Застолье и чарка перемежаются рассказами о том, что пережито и не

забыто. Удивительные рассказы можно услышать в такие дни. Порой их пересказывают дети и внуки тех, кто был очевидцем и героем тех историй. Они, эти рассказы — уже часть местного эпоса.

Я же делал своё дело — что-то записывал, что-то запоминал — потом всплывёт, когда душа позовёт нужное слово.

Прошлое — пепел. Пепел... Но оно именно тот пепел, который, как пепел Клааса, стучит в груди. Спросить у пепла нельзя. Невозможно. Он сам оживает в определённые минуты и дни, в такой, как этот, 14 сентября, и рассказывает свои истории.

Пик празднований Дня освобождения района всегда проходит на Безымянной высоте.

В этот раз всё прошло днём раньше, 13 сентября. Видимо, исторически это верно: ведь взвод младшего лейтенанта Порошина и подразделения поддержки ворвались на Безымянную высоту в ночь с 13-го на 14-е сентября. Всё произошло ночью. Все их надежды, страдания и всю ярость атаки впитали те давние вечер 13-го числа и ночь, которая наступила потом.

Я опоздал.

О празднике на Безымянной высоте я узнал на Зайцевой горе, что на Варшавском шоссе в Барятинском районе. Остановился заправиться. Зашёл в музей. Там несколько человек рассматривают в киоске книги. Прислушался к их репликам: они вчера были на Безымянной, теперь едут домой. Разговорились. Двое из Обнинска, один из Юхнова. Поисковики. Занимаются военной реконструкцией. Совсем юные, лет по двадцати.

С поисковиками общаюсь давно. Что ищут они? Солдатские медальоны? Имена погибших? Вроде бы — да. Но понял я, наблюдая за ними, и другое: ищут они себя. Частичку себя в своём народе. В той земле, которая на полметра пропитана кровью. Кровь давно растворилась, осталась история, легенда об этой большой солдатской, народной крови. Вот эту легенду собирают, как оборванные и разрозненные корешки, внуки погибших здесь и там солдат, связывают те корешки в нити и сматывают в клубок. Они, я это тоже понял совсем недавно, тоже работают не на себя — на детей и внуков. Клубок постепенно растёт, нить тянется и тянется, и нет ей конца...

Второй день освобождения района отмечали в селе Кузьминичах. Собрались у памятника погибшим землякам.

Командовал парадом Николай Сафонов. Он и взял на себя все расходы по поводу фейерверка-салюта и застолья для всех приехавших в его родное село, чтобы почтить память погибших и поднять чарку за Победу.

За Победу выпить — дело святое. А уж на родине — дважды нужное.

Николай Сафонов произнёс правильную речь. Все слушали в полной тишине. Потом погладил мраморную плиту. На ней в ряд, как в солдатском строю, четверо Сафоновых. Среди них его дядя, погибший в 45-м в Восточной Пруссии и посмертно награждённый орденом Славы, и дед, повешенный карателями за связь с партизанами.

Водка на братской могиле пьётся не так, как за столом. И вкус она имеет другой. И это почти необъяснимо.

К полуночи пошёл дождь. Сразу запахло хвоей. Сквер вокруг братской могилы тоже посадил Сафонов. Молодые сосенки. Когда-нибудь вырастут. Будут небо подпирать бронзовыми вековыми колоннами. Ронять жёлтые отмершие хвоинки на солдатский холмик внизу, на стальной хобот противотанковой пушки, установленной на бетонной площадке. Эту пушку Сафонов приволок из Подольска. Раритет. Ребягня её разглядывает, трогает, восхищается.

* * *

В этот раз ночевать я уехал к своему однокашнику Николаю Ивановичу Гычину.

Мокровскую школу он окончил раньше меня. Поступил в юридический институт. Работал прокурором. Да где! В Холмогорах, на Северной Двине, под Архангельском, на родине Михайлы Васильевича Ломоносова. Теперь с женой живёт в Калуге. Но недавно восстановил материнский дом и обитает здесь.

В один из вечеров мы с Николаем вышли «послушать соловьёв». Деревня-то как называется? Соловьёвка. Должна же она оправдывать своё название. Но какие соловьи осенью? Они к тому времени не только петь перестали, а уже, должно быть, на юг улетели, за Десну.

У нас всё, что далеко — за Десной.

Тишина. Только речушка внизу поплёскивает на камнях возле моста. Имя у речки — Хатожка. Светлая, как роса, с песчаным дном и каменистыми отмелями. Весною сюда с низовьев заходят на нерест щуки. Вот тогда здесь потеха! Весенний щучий промысел — древний. Имеет свою культуру. Особые снасти. Навыки, которые передаются из поколения в поколение. Название своё речка получила, по всей вероятности, от южно-западного типа жилой постройки, отличающейся от постройки ярусного типа, на фундаменте или подклете (изба), тем, что она начинается непосредственно на земле. Хата — это слово, имеющее то же значение, есть в украинском, болгарском, польском и венгерском языках.

И я подумал: на родине надо бывать чаще. Ходить. Наблюдать. Слушать. И — думать.

— А знаешь, сколько земляники нынче было! Я за час по три литра набирал! Прямо тут, рядом с огородом. Вон в том березняке.

Огород, прямоугольная пластовина земли, уходящей к лесу, где мама Николая когда-то сажала картошку, уже медленно зарастает березняком.

— Ты представляешь, как быстро растёт! Вот, смотри, что творится... Лет пять не пахали, и уже — на тебе. Лес!

— А если запахать, — зачем-то предлагаю я, хотя понимаю, что это никому теперь не нужно, даже здесь, в деревне.

— Нет, не буду. Пусть ещё немного подрастёт, и я за него возьмусь. Шнур протяну из конца в конец и буду по шнуру берёзочки оставлять, а остальное — под топор. Берёзовый лес будет. Тогда и грибы у меня тут пойдут. Ягоды уже есть.

— Волки придут, — говорю я.

— А они давно ходят. Только есть им тут нечего. Коров давно вывели.

Звёзды осенью крупные, как перезрелые вишни. Лежат — прямо на верхушках деревьев. Кажется, поставь лестницу, и доберёшься до них уже через десяток ступеней.

Бывал я у Николая и весной. Вот уж воистину — Соловьёвка! Поют так, что стёкла в окнах дрожат. Гнездятся в зарослях черёмухи. Черёмухи вдоль Хатожки — непроходимые заросли.

Ещё долго не спим. Разговариваем. Вспоминаем школу. Нашу, Мокровскую. Учителей. Друзей. Девчат. Как мы за ними ухлёстывали. Какие записки им писали. Эх, как много нас тогда, в начале семидесятых, было! Два класса почти по сорок человек. Куда мы все подевались? В какой мгле растворились? Родину опустошили...

— Всё, — говорит, засыпая, бывший прокурор Холмогорского района Архангельской области, — деревни больше не будет. Мы — последние. И то — чужие.

Как хорошо засыпать в деревянном доме, в глухой деревне посреди звенящей тишины, которая вся наполнена прошлым. Как страшно...

Утром открываю глаза. Николай уже сидит у окна, читает. Библиотеку из Калуги он перевёз сюда, в Соловьёвку. Отвёл для библиотеки особую комнату. Днём мы заходили в эту комнату и долго сидели среди книг.

— Теперь тянет сюда ещё и потому, что тут, в тишине, на воле, почитать можно. Библиотека большая. Что захочу, то и читаю. Вот, видишь, Горького взял.

— Потеряли мы что-то в своём организме, винтик какой-то, что читать вдруг расхотелось.

— Вот, точно! И я об этом часто думаю. Дети не читают. Внуков силой приходится заставлять. Компьютер! Компьютер! А без книги мы превратимся в животных. В напрасный народ.

— Таджики тоже книги не читают.

— Им некогда.

— Некогда. Нашим тоже — некогда. Спроси любого торгующего, почему он не читает ничего, кроме счётов и договоров? Скажет: некогда.

— Я твои книги читаю, — улыбается однокашник. — Все прочитал.

— Я для тебя и пишу.

Нам от этих слов хорошо.

Пошли сажать кустарники. Николаю привезли много саженцев. Подарок. Надо всё посадить.

Взяли лопаты. Наметили лунки. Работа весёлая. Сажать растения приятно. Посаженный корешок — это будущее. Уже следующей весной распустятся листочки, а какая-нибудь веточка и зацветёт.

Но Николай всё о своём:

— Сказал сынам, когда умру, чтобы дом не продавали — сожгли.

Я лопату из рук выронил.

— Не хочу, чтобы тут кто-то чужой ходил. А дети сюда не поедут...

— А как же книги? — машинально спрашиваю я.

— Вместе с книгами.

Обо всём этом Николай говорит весело, с улыбкой. Но твёрдо. Глаза не улыбаются.

Прошлись по Соловьёвке из конца в конец.

Николай указывает на пустые усадьбы, заросшие бурьяном, и говорит: вот здесь такой-то жил, а вот там такой-то... Некоторые дома сияют яркими белыми и вишневыми наличниками. В одних живут дачники. В другие приезжают дети бывших хозяев. Хозяева уже переселились на местное кладбище.

— Вон, видишь, липа — дед сажал. Тут их две было. Одну ветром завалило.

Красивейшая деревня. Благодатные места. Край тишины и покоя.

— Посмотри, пойма заросла. А раньше огороды раскапывали до самой Хатожки.

Идём, думаем. Думаем об одном и том же: неужели умрёт и эта русская деревня? Неужели и она исчезнет с лица родины? Или жизнь всё же вернётся сюда? Люди построят свои дома на берегу речки Хатожки и будут радоваться жизни, рожать детей, работать в окрестных полях и растить пшеницу и картофель. Неужто мы так ослабели, что не сможем заселить свою землю и снова распахать её?!

* * *

Глава Куйбышевского района — человек молодой, полон энергии и самых светлых надежд на будущее. Немного мечтатель. Из местных.

Как-то так повелось, что нашим районом всегда руководили управленцы из местных. И первые секретари, и теперь главы. Когда заходит речь на эту тему, сразу вспоминают первого секретаря райкома партии 70-х годов Александра Михайловича Майорова. Человек был добрый, умный, заботливый, талантливый организатор. Хорошо разбирался в сельском хозяйстве. После него Николай Николаевич Ивчин. Хозяин. Из бывших директоров совхоза.

Теперь районом управляет молодёжь. И это вселяет надежды.

Игорь Николаевич Феденков родился и вырос здесь, в Бетлице. Здесь учился в школе. Отсюда ушёл в армию. Служил в мотострелковом полку. Окончил Мещовское педагогическое училище. Работал физруком в Троицкой восьмилетней школе. В 90-е годы руководил отделом по делам молодёжи районной администрации, потом отделом образования. Год руководил Управлением профессионального образования и науки Министерства образования и науки Калужской области. В 2010 году назначен на должность главы администрации муниципального района «Куйбышевский район». Сорок один год.

Хоть и молод Игорь Николаевич, а всё равно вспоминает прошлое:

— Какие красивые были деревни... Всё выкашивалось, прибиралось. Старики... В деревне были старики. Весь народ в полях, работает. А старики сидят у завалинок. Народу было много. Вы помните, сколько нас было здесь, в районе, в семидесятые и в восьмидесятые годы?

Ещё бы. Посёлок Бетлица, райцентр, для нас, деревенских, казался городом. Железнодорожная станция, кинотеатр, стадион. В кинотеатр на вечерний сеанс билет невозможно было купить! А когда ехали в Калугу, на учёбу, в поезде Могилёв-Калуга специально для нашей станции оставляли два, как сейчас бы сказали чартерных, вагона — плацкартный и общий. Так общий мы, студенты, брали штурмом, ныряли в окна, чтобы место занять и не ехать до Калуги в тамбуре или на третьей полке.

— Как всё это возродить? — но тут же Игорь Николаевич спохватывается. — Возродим. Есть идеи и есть уже реальные дела и начала. Экономике надо восстанавливать. Налаживать производство. Без экономической составляющей народ на землю не потечёт. Экономика — это то русло, которое надо прокапывать и прокапывать, пока оно не оживёт. Вначале, может быть, ручьём. Но потом потечёт и речка.

Кубышевский район — край малых речек. Большой реки здесь нет. Десна протекает по западной границе района, на той стороне уже Смоленщина, Рославльский район. Дальше она поворачивает на земли Брянщины. Мои земляки не считают Десну своей рекой. Наши — Снопоть, Десёнка, Шуица, Хатожка, Бестань, Ветьма. Ах, какие красивые имена! Сколько родной музыки в этих звуках! Так что наш район — край малых речек. И дела здесь, видимо, придётся начинать с малого.

— Учитывая особенности географического положения, природных достоинств нашего района, у нас можно развивать сельское хозяйство и деревообработку, — Игорь Николаевич постепенно увлекается, и реальные расчёты в его словах начинают переплетаться с мечтами. Так и должно быть, думаю я, ведь он живёт и работает на родине, и свой родной край ему хочется видеть процветающим. И он его уже видит таковым.

— Инвесторы сажают своё производство, как правило, поближе к Москве. Или к областным центрам. А мы от Москвы в четырёхстах километрах. От Калуги — в двухстах. На таком же расстоянии от Смоленска и Брянска. С одной стороны мы пока менее привлекательны. Но, с другой стороны... Есть производства, которые выгоднее развивать подальше от крупных городов. Мы сейчас усиленно восстанавливаем инфраструктуру, дороги, подъездные пути. И у нас много достоинств. Во-первых,

не такая уж мы и глухомань. Во-вторых, есть железная дорога, шоссе. Даже два. Варшавское шоссе и шоссе на Киров. Сейчас нам очень здорово помог губернатор Калужской области Анатолий Дмитриевич Артамонов — восстановлена дорога на Киров. Ведь это выход на Киевское шоссе! При поддержке губернатора ведём природный газ. Это ли не благо? А лес пустим на переработку. Реконструируем водопроводные магистрали.

А вот это уже не мечты, а реальная работа, которая частично уже выполнена. Так что глава района не такой уж и мечтатель.

— Мы подготовили инвестиционный паспорт района. Разместили его на своём сайте. В нём определены инвестиционные площадки. И предложения уже поступают. Запланировано строительство трёх крупных свинокомплексов. Полный цикл. Утилизация отходов. Две с половиной тысячи свиноматок и шестьдесят шесть тысяч откормочных. Работы уже ведутся. Земли отведены. Двести десять рабочих мест! Представляете?

Сейчас в сельском хозяйстве района работают всего 350 человек. В основном — в СПК «Жерелёво» у Николая Ивановича Яшкина.

— Так что настанет такое время, когда деревни будут заселены. И люди в них будут по-настоящему счастливы. Потому что они — на родине, имеют хорошую работу, заработок, а на столе здоровые и свежие продукты.

Рассказал глава и о том, что появился инвестор, который намерен построить фанерный завод. Кругом Бетлицы — леса. В основном берёзовые. Отличное сырьё.

Признался, правда, что фанерщики действуют менее энергично. Но земли выкупили. Есть подъездные пути — железнодорожная ветка, которую сейчас уже восстанавливают. Если всё получится, это ещё 250 рабочих мест.

Господи, пошли моей родине и моим землякам добросовестных и нескупых капиталистов, которые с умом вложат в здешний край свои деньги и поведут дело так, что жизнь здесь начнёт приобретать мажорные черты.

Расстались мы с Игорем Николаевичем уже когда начало смеркаться. А до сумерек он несколько раз подходил к окну и указывал рукой вдаль, за купол церкви, на косяк леса за железнодорожными путями:

— Вот там отведены земли для завода.

Дорога до Кирова действительно хорошая. Не ехал, а летел на крыльях. В душе стояла радость. Смутная, почти немотивированная. Её можно было назвать коротко — надежда.

В сумерках вспыхивали обочь дороги золотые свечи берёз. То вдруг просёлок проплывал по полю в сторону дальнего леса, словно след невидимого самолёта. Деревня засветилась огнями приземистых окон. Свет тёплый, как материны глаза. Свети, деревенька, грей мою душу, родимая, сияй своим вековечным и негасимым светом!

Май-октябрь 2012 г.

РАССКАЗ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

АЛЕКСАНДР МАТВЕИЧЕВ

ПРИВОРОТНАЯ ТРАВА

Мне пятнадцать с половиной лет. Июль... Недавно я приехал на летние каникулы в райцентр, село *Новое Чурилино*, из Казанского суворовского училища. Валяюсь в сених на жёсткой железной койке поверх одеяла, по голой спине ползают мухи. Сквозь томную дремоту слышу: моя мама разговаривает с кем-то. И я уже догадываюсь — с кем. Это Соня... Соня Асатова — девочка, которая иногда берёт у нас молоко. Моя старшая сестра — директриса здешней десятилетки — расхваливала Соню ещё в мой приезд на зимние каникулы, в рождественские морозы, когда корова была стельной и не давала молока. Поэтому, может быть, Соня и не появлялась при мне в нашем доме. А сегодня утром мама известила с неким прозрачным лукавством, что вот, мол, придёт за молоком хорошая девочка, хозяйственная, сирота — мать у неё года два назад от чахотки умерла совсем молодая, — и сейчас Соня нянчится с младшим братиком от мачехи. А мачеха *шадривая* — всё лицо обезображено оспой — и злая...

И ещё, что я Соне очень понравился по фотографии. Это чем-то походило на сказку о Золушке и прекрасном принце...

Наверно, не лицо ей понравилось, подозреваю я, а мои погоны, лампасы, фуражка. Сорок восьмой год, всего четвёртое лето, как нет войны, и от любой военной формы всё ещё пахнет порохом, дорогой, пылью и туманом. И самая модная песня — о *друзьях-однопольчанах*. А суворовцы — самые популярные пацаны в Казани. Все девчонки из женских школ города мечтают быть приглашёнными на воскресные или праздничные самодеятельные концерты и балы, изредка устраиваемые в актовом зале нашего училища. А мы ходим на школьные вечера на танцы, и ревнивые завистливые *шпаки* иногда затевают с *суриками* — кому-то из *шпаков* пришлось на ум приклеить к суворовцам этот ярлык — драки, не выдерживая честной мужской конкуренции с обмундированными в броскую форму кадетами...

Солнечное пятно падает на бревенчатую стену из маленького окошка над кроватью, мама то и дело шикает на куриц, пытающихся прорваться со двора в сени, — они отлетают в сторону, хлопая крыльями, недовольно бормочут что-то. К недовольному квохтанью куриц примешиваются крики и визг моих племянниц — пятилетней Светки и трёхгодовалой Гельки. Они носятся где-то по двору и постоянно ссорятся по мелочам. Вчера Светка нечаянно наступила на цыплёнка, и он, бедный, с минуту на глазах перепуганной матери-наседки и своих братьев и сестёр с пронзительным предсмертным писком высоко подпрыгивал по двору, а из его головки тоненьким фонтанчиком брызгала и в солнечном свете рассыпалась на мелкие брызги кровь.

Они сидят рядом, мама и Соня, на ступеньке перед открытой сенной дверью спиной ко мне. Но я на всякий случай притворяюсь спящим и смотрю на них через по-

луопущенные веки и нарочно дышу глубоко и ровно. Две длинных матовых косы лежат спокойно у Сони на спине поверх белой кофточки, и голос у неё тихий и добрый, с едва заметным прищепётыванием. Чувствуется, что она говорит и улыбается. И мама с ней беседует ласково, как с больной, — мама *жалливая*, она со всеми одинаково добрая, терпеливая, никогда сама не плачется, зато другим сочувствует по любому поводу. Иногда неудобно за неё, хочется, чтобы она была посуровей, что ли... Да что с ней поделаешь? Её и война не изменила. А смерть моего брата Кирилла — от осколка мины в затылок под городом Орлом — сделала только печальней и добрее.

«На всё воля Божья, сынок», — успокаивает она меня, когда я начинаю роптать на жизнь. Суворовское совсем отбило меня от дома, от маминой чуткости и заботы. Её желание приласкать и угодить кажутся посягательством на мою мужскую самостоятельность. И я, бессмысленно отстаивая право на внутреннюю свободу, порой огрызаюсь, как попавший в зоопарк волчонок. А теперь, уже седой, про себя каюсь и прошу у покойной мамы прощения за причинённую ей боль на протяжении всей моей извиристо-порожистой жизни...

Наконец надоедает лежать и слушать неинтересный разговор о том, как надо ублаживать ребёнка, готовить *перемячи* из баранины, а из топлёного молока — кислый *катык*, солить помидоры, огурцы и капусту, и я заявляю о себе притворно громким зевком. И вижу, как ко мне живо поворачивается голова Сони — лицом, круглым и лимонно-смуглым, светящимся, как подсолнух. У неё узкие, совсем узкие глаза и полуоткрытые алые, красиво очерченные губы. В общем-то, ничего хорошего, уверяю я себя. Конечно, её не сравнишь с казанской кудрявой, кареглазой и капризно-

озорной Таней Осиповой. Её одну — сомнений быть не может — я страстно и безнадежно люблю вот уже полтора года. И эта любовь — на всю жизнь.

Я сажусь на постели. Меня не смущает, что я в казённых сатиновых трусах. Зато я загорелый, упитанный, хорошо тренирован в суворовском училище — под тонкой кожей переливаются упругие желваки мышц, — таким, по крайней мере, я себе представляюсь. В деревне тоже стремлюсь не потерять форму: по утрам бегаю по периметру сада вдоль прясел ограды. Делаю армейскую зарядку. Раз десять за день подтягиваюсь на притолоке сенечной двери. И, к маминому ужасу, следуя примеру генералиссимуса Суворова, обливаюсь ледяной водой прямо из колодца. Среди здешних ребят утвердил свой авторитет тем, что показал несколько упражнений на турнике, брусках и канате в школьном спортгородке. И ещё больше, когда прыгнул вниз головой в воду, вынырнул у противоположного берега пруда и продемонстрировал пару спортивных стилей плавания — брассом и кролем...

К моему удовольствию, Соня ростом оказалась мне до бровей — невысокая такая, крепко сложенная девочка. Мы стоим друг против друга, улыбаемся, и у меня возникает чувство, что я давным-давно знаю её... Точно! — она напоминает мне Риммку Хасанову — я учился с ней в *Мамадыше* ещё до суворовского в третьем и четвёртом классах. И был несказанно и безответно в неё влюблён. Потом, когда я уплыл по Вятке, Каме и Волге на белом пароходе «Чувашеспублика» и поступил в суворовское училище, Римма первой написала мне, но было поздно: моя страсть к ней угасла под напором новых впечатлений. А неуловимое сходство между Риммой и Соней есть... Только Римма была веснушчатой, а у Сони лицо чистое и свежее, будто и в сених его освещает солнце.

— Вы, ребяташки, поговорите, мне обед надо готовить, скоро с работы придут, — говорит мама, гладит нас своими синими глазами и лучистой улыбкой и уходит в дом.

С Таней мне всегда трудно, не знаю, о чём говорить, и чувствую себя дураком. А с Соней разговор сразу складывается просто, безо всяких усилий. Мы садимся рядом на тёплую ступеньку — ту самую, где минутой раньше сидели мама и Соня. Оба смотрим в распахнутую дверь, шурясь на солнце, как роятся в земле у серого тесового забора куры и командует ими воинственный красный петух. И болтаем о разном. Она — о школе, о моей строгой и справедливой сестре — она преподаёт в Сонином классе историю. А я хвастаюсь своим училищем: какой у нас распорядок дня, как нас гоняют в военном лагере. О парадах, культпоходах в театры и цирк. Попутно и о разных случаях из моей четырёхлетней военной биографии. В пределах дозволенного, конечно. Ровно столько, чтобы не сболтнуть лишнего и не разгласить *военную тайну*: болтун — находка для шпиона!.. А сам не могу сдержаться и часто взглядываю на девочку — на её внимательное, обращённое ко мне лицо. Вижу полные, без единой морщинки, губы, влажные ровные белые зубы, узкие серые глаза. И она мне уже кажется красивой.

Пахнет тёплой землёй, картофельной ботвой с огородов. А пуще всего — сеном, потому что всё село сейчас озабочено сенокосом. Сеном забиты сеновалы, сено сушится на лужайках у дворов. Копны сена, похожие на казацкие шапки, ставятся в огородах и даже на местном заброшенном кладбище... Но от Сони пахнет не сеном, а *приворотной травой*, известной по сказкам. Или чем-то другим, нежным и волнующим, чему я не знаю названия.

— Мы первый год здесь живём, — говорит Соня. — До этого жили в *Масре*, на разъезде, в шести километрах отсюда. Там я в татарской школе училась, а здесь — в русской.

Хотелось спросить, как она научилась так хорошо говорить по-русски — никакого акцента, — но не захотел перебивать.

— Папа в *Масре* был председателем сельсовета. Его на фронте ранили много раз. На нём живого места нет, у него всё-всё болит. Его сюда в райисполком перевели, бли-

же к райбольнице, но работы ещё больше стало. Вечером приходит — и сразу падает и стонет: у него нога осколками раздроблена... А мачеха начинает ругаться: «Я тоже на машинке весь день стучу, тоже хочу отдохнуть. А ты развалился, как боров!..» Она в райкоме машинисткой... Мне папу жалко, я стараюсь всё сама по дому делать. Даже пилить дрова одна научилась. И колю тоже сама... Я сильная, вот потрогайте.

Она сгибает руку и доверчиво смотрит на меня своими узкими смелыми глазами. Я осторожно, словно боясь обжечься, скользя ладонью по её предплечью, чтобы смять рукав кофточки к плечу, и двумя пальцами сжимаю то место, где находится бицепс. Острое тепло доходит от кончиков пальцев, кажется, до самого сердца. Быстро, боясь быть уличённым в чём-то постыдном, *охальном*, я отдёргиваю руку и говорю:

— Да, чувствуется!.. Я тоже каждый день дрова колю, до конца отпуска на всю зиму заготовлю. Только пилим мы вдвоём с мамой — у одного у меня не получается. Наверно, у пилы *развод* плохой... Давайте, вам помогу с дровами?

— Нет, что вы! — отмахивается она. Я уже заметил — пальцы у неё короткие и ладонь шершавая. — А когда вы в Казань уезжаете?

— К первому августа. У нас каждый год — один месяц лагерей. В палатках, на нарах — в нашем парке. Каждый день строевая подготовка и спорт: бег, прыжки в высоту, длину, гимнастика, футбол, баскетбол... Плаванье сдаём на БГТО на *Казанке* или на озере *Кабан* — там мы с вышки в воду прыгаем. А иногда целый день тактикой мучают — окопы копай, бегай, *ура* кричи... В увольнение отпускают только в субботу после обеда и в воскресенье после завтрака до восьми вечера. Если, конечно, тебя за что-нибудь не лишат и туалет чистить не заставят. Или в наряд на кухню не пошлют.

— Эх, жалко, я не мальчишка! Почему для девочек нет суворовских?

— До революции в нашем здании был институт благородных девиц. В нём Вера Фигнер училась, народоволка, — по истории помните? Вам бы туда больше подошло... Вы подождите, я оденусь, и мы в сад сходим! — вскакиваю я на ноги.

Мне уже не хочется расставаться с Соней. Моя элегическая грусть о Тане, постоянное ожидание писем от неё не забылись, но как бы ушли на время в тень, за кулисы.

— Нет, не могу, — почти с испугом отказалась Соня. — Я попросила подругу мою, Нину Величко, посидеть с Ринаткой, пока он спит. Надо скорей молоко нести, кипятить, Ринатку поить. Он из бутылочки через соску сосёт. У матери молока почти сразу не стало — *мастит* был, и он ко мне больше, чем к ней, привык. И *аный* — мамой — меня называет. Мачехе это не нравится — ревнует и на меня кричит.

— А в кино вы не пойдёте?

— Пойду. Вечерами меня отпускают, я за вами зайду, ладно?

Жизнь сразу обретает иной смысл.

Я мечусь по дому, не нахожу себе места и бегу во двор колоть дрова. Не просто колоть, как раньше, а тренироваться: перед Соней нельзя будет опозориться, долбить по одному месту колуном по несколько раз. А надо вот так, вот так!.. Берёзовые поленья трескаются, разлетаются, белые и словно живые на сколе. И запах от них — свежий, здоровый, и от этого просторно, необъятно становится в груди.

Наш белолобый телёнок с полчаса смотрит на меня с изумлением из-под навеса большими влажными глазами и механически жуёт свою жвачку.

На неподатливые сучковатые пни у меня тоже есть управа — клин и деревянная колотушка, — я бью колотушкой по макушке клина, забитого в толстый чурбак, и мне всё время кажется, что за спиной стоит Соня и загадочно улыбается.

Потом я моюсь под звонким умывальником во дворе; вода в нём нагрелась на солнце, но всё равно приятно холодит тело. Я растираю свои руки полотенцем и воображаю, что мышцы на руках и груди сделались толще и плотнее.

Мне хочется быть сильным, очень сильным — какой ты военный без силы и выносливости?.. Но и умным мне хочется стать: сражения выигрываются теми, кто умнее. А я — будущий генерал, полководец, так мне внушают воспитатели. Это в деревне я блистаю, среди же ребят второго отделения третьей роты я выгляжу серо. И, если бы не хорошая учёба, авторитет мой давно бы испарился... Правда, плаваю хорошо, дальше всех ныряю и дольше всех могу находиться под водой. Уже овладел кролем и брассом и хочу научиться плавать баттерфляем. Капитан Соколов, наш преподаватель по физе, сказал как-то, что у меня фигура пловца, а у пловцов самая красивая фигура. У пловцов нет грубо выпирающих мышечных узлов, их тело эластично и гладко, они выносливы и умеют расслабляться.

Потом я сажусь у открытого окна, за горшками с геранью, вдовушкой, алоэ и пытаюсь читать. Из этого ничего не получается. Я весь уже не здесь, я жду вечера, сквозь страницу проступает Сонино лицо. Вспоминаю её голос, жесты, как она слушает, не смыкая сочные губы. И злюсь на себя: я должен думать о Тане, я люблю только её!.. Но тут же забываю об этом и снова представляю Сою. До клуба идти далеко, будет ещё светло, все бабки в это время сидят на лавочках. А когда мы пройдем, зашамкают нам вслед. И в клубе на нас все уставятся, и завтра будет о чём поговорить с деревенскими ребятами! Внимание к моей персоне мне нравится. Я люблю удивлять, чем-то выделяться. Недаром в суворовском Жорка Сазонов присвоил мне обидное прозвище — *Индюк*...

Гонят с пастбища стадо коров, над дорогой поднимается серое облако тёплой пыли, пронизанное лучами заходящего солнца, слышится густое мычание, щёлканье пастушьего кнута, крики женщин и ребят. Я прикрываю окно, натягиваю старые брюки моего зятя и майку и выбегаю на улицу. Нашу корову нельзя прозевать. Бывает, она уходит к железной дороге. Мама рассказывала, как однажды её едва не зарезало поездом.

Потускневшее солнце опустилось совсем низко над крытыми соломой и замшелым тёсом избами, а небо чистое, атласно-жёлтое на западе и голубое над головой. Стучат копыта, слышатся усталое мычание и фыркание, где-то по ту сторону стада хлопает кнутом пастух. Наша чёрная корова с обломанным рогом увидела меня, покосилась и медленно, оттолкнув мордой пёстрого подтёлка, направилась к открытым воротам...

Мама подоила корову, и я ем на кухне холодную картошку с чёрным хлебом и запиваю парным молоком. И в это время в дом врывается Петька Милешин, чёрный, как *погалешек*, нервный и подвижный. А следом за ним — сын школьной уборщицы, Юрка Иванов. Этот, напротив, абсолютный альбинос с льянными волосами, розовый от солнца, медлительный и добродушный. Все деревенские зовут его просто — *Сивый*. У обоих ребят отцы погибли на фронте, и они, как и все школьники, начиная с весны, наравне со взрослыми работают в колхозе. И ничего за это не получают, кроме бесплатного семилетнего образования. Начиная с восьмого класса, родители уже должны сколько-то платить. И поэтому, и просто потому, что надо самим зарабатывать на скудную кормёжку, большинство детей после седьмого класса бросают школу. Идут работать в колхоз. Более смелые подростки и девчонки уезжают в город — в ремесленные училища, чтобы в пятнадцать лет взять в руки инструмент или встать у станка.

— Ты *чой-то* сидишь? — требовательно кричит Петька. Он единственный, кому наплевать на то, что я суворовец и брат директорши школы, да ещё и шурин первого секретаря райкома. Он сам в авторитете и самой природой создан командовать.

— В ночное, что, забыл вояка?

Я уже дважды съездил в ночное, успел на скаку свалиться с лошади в пшеницу, и лучше ночного трудно что-то придумать. Спутанные лошади бродят по лугу под луной, а мы сидим у костра, жуём печёную картошку. А конюх, дядя Ваня, курит *козью ножку* и рассказывает о фронте и о смешных и чудных обычаях в отвоёванных им у фашистов странах.

— Ну, *чё ты?* — говорит Юрка *Сивый*. — Жуй да *айда* на конюшню! Лошадь тебе *сёдня* смирнуто дадим — не бойся!

Я уже не могу ни пить, ни есть — мне хочется с ребятами, но и с Соней я не могу не встретиться.

— Сегодня занят, простите, — говорю я. — В другой раз. Завтра или когда?

Петька смотрит на меня яростно синими выпученными глазами, и по его чёрной окрысившейся физиономии видно, как он хочет обругать меня, но рядом мама. И *Сивый* рассердился, отвернулся и моргает своими короткими и острыми, как из стекло-ваты, седыми ресницами. Мама наливает им по стакану парного молока, и они молча уходят, оба босые, в заплатанных на локтях рубахах. Я дорожу их дружбой. Я вообще больше всего люблю друзей. И очень переживаю потерять их. Завтра поеду с ними на сенокос. А когда выдастся дождливый день и нельзя будет выходить в поле, мы, как всегда, соберёмся в полутёмной бане Костьки Серьгина, похожей на избушку *бабы-яги*, и будем играть в «*дурака*», изредка поглядывая в окошечко на пруд, вспухающий от дождя, и старые ивы, моющие косы на ветру в серой воде.

А пока я готовлюсь к свиданию с Соней. На шестке русской печки накладываю древесных углей в тяжёлый чугунный утюг, поджигаю угли при помощи клочка из газеты «*Правда*», выхожу с утюгом на крыльцо и раскачиваю его до тех пор, пока из-под крышки и узких щёлок поверх дна не начинают сыпаться белые искры. Ржавый утюг оживает, раскаляется и разносит по двору чистый запах берёзового дымка — как там, в ночном, у костра.

В суворовском мы чаще всего гладим брюки холодным способом: мочим стрелки, кладём брюки под простыню и ложимся на сырое — *Рахметов* и на гвоздях спал. Брюки преют всю ночь, и к утру всё в порядке... Бывает, конечно, — дежурный сержант будит тебя и заставляет положить брюки на место — на табуретку. Ты бормочешь со сна «*слушаюсь*» и, сонно покачиваясь у кровати, неохотно выполняешь приказ. А после ухода сержанта снова аккуратноенько укладываешь брюки на матрац под своё горячее кадетское тело...

Дома другое дело. Дома под рукой всегда утюг, никакой очереди, как в суворовском, где на всю третью роту, на восемьдесят шесть человек, всего два утюга. Да и то, если один из них чудом достался тебе, то надо бежать с ним на училищную кухню и клянчить у поваров нагрести углей в утюг из печки... Зато здесь, дома, ты неторопливо раскладываешь брюки на столе, застеленном старым байковым одеялом, прыскаешь изо рта на них водой. Брызги надолго повисают в воздухе, и вода течёт у тебя по подбородку. Потом накрываешь брюки белой тряпкой, и тёплый пар идёт из-под утюга, когда ты, краснея от натуги, начинаешь водить им, заботясь о том, чтобы особый нажим приходился на стрелки.

Таких стрелок на моих брюках, как сегодня, отродясь не было. Я надеваю их осторожно, ещё горячими, пристёгиваю подтяжки, обуваюсь и люблюсь лампасами — они алыми струями стекают к начищенным ботинкам. Затем неторопливо накидываю на себя китель с золотыми галунами на стоячем воротнике, алыми погонами и шестью золотыми пуговицами. Китель положено носить с ремнём, но в отпуске считается особым шиком ходить в нём без ремня, и я им, конечно, не подпоясываюсь. В селе, слава Богу, нет военных патрулей, и ко мне никто не придерётся за нарушение фор-

мы одежды. Даже здешний райвоенком, майор, по-видимому, не знает, что к нашему кителю предписывается ремень: я несколько раз встречал его на улице, переходя на строевой шаг и отдавая ему честь. Он вежливо козырял мне в ответ, улыбался и оставивал для светского, неслужебного, разговора... Но главное, это чёрная фуражка с малиновым околышем — без неё никак нельзя. Нас до выпускного класса стригут «под ноль», за отпуск волосы отрастают на каких-нибудь полтора сантиметра и смотреть на свою оболваненную голову в зеркало, когда на ней нет фуражки, — мука. О чём я мечтаю — так это о волосах, а до них ещё целых два года!.. И ещё бы я хотел быть брюнетом, иметь жгучие чёрные глаза, тонкие решительные губы, впалые щеки, тонкий нос — всё противоположное тому, что есть у меня.

Уже одетым я захожу в спальню и достаю из-под подушки зятя «вальтер», тяжёлый воронёный пистолет с выбитым на затворе орлом, держащим в когтях свастику. В наступающих сумерках он выглядит особенно грозным и опасным. Но в суворовском нас учат владеть оружием, и я умею разбирать наган, пистолет ТТ, карабин и автомат ППШ. И «вальтер» уже разбираю и собираю по косточкам. Поэтому я привычно выдёргиваю из рукоятки обойму, набитую толстыми, из красной меди, девятимиллиметровыми патронами, передёргиваю с сухим лязгом затвор — патрона в стволе нет — и целюсь в окно, в склонённую шапку подсолнуха. Главное, чтобы не дрожала рука и мушка находилась в прорези прицела точно посередине, а её верхушка была на одной линии с верхней кромкой прицела, и воображаемая линия проходила от глаза через прицел к выбранной цели...

Мой зять, дядя Ахмет, — первый секретарь райкома, поэтому ему выдали два трофейных пистолета. С «вальтером» под подушкой он спит, а пистолет поменьше — польский браунинг — постоянно носит при себе — в кармане галифе или в портфеле. Я в прошлые годы часто ездил с ним по деревням Чурилинского района на заднем сидении «газика» в качестве, как он сам представлял меня председателям колхозов, его личного адъютанта. И дядя Ахмет мне пояснил, почему он не расстается с оружием. В деревнях осталось много родственников раскулаченных ещё до войны и высланных недавно в Сибирь крестьян за неуплату налогов и нежелание работать в колхозе. Некоторые фронтовики вернулись домой с оружием — с *парабеллумами, вальтерами, лимонками*. А оружие рано или поздно даже само раз в год стреляет.

Высланные в Сибирь иногда тайком возвращаются в родные места и начинают мстить властям. В лесах до сих пор, хотя им и была объявлена амнистия, скрываются дезертиры — поэтому надо быть настороже... А сестра сказала ещё яснее: дядя Ахмету уже не раз угрожали, и прошлой осенью, ночью, пытались поджечь их дом. Хорошо, у моей мамы бессонница, она услышала за стеной подозрительное шуршание, осторожные шаги и разбудила зятя. Он выскочил в кальсонах на крыльцо с «вальтером» и стал палить в воздух. Потом позвонил в милицию, но там даже машины нет — всего две лошади и один тарантас. Пока запрягали, злоумышленники ускакали на конях верхами, оставив под стеной дома несколько охапок соломы и четверть с керосином. В тот же день приехали из Казани *чекисты*, кого-то арестовали, кого-то выслали неизвестно куда, и сейчас пока в районе спокойно...

И здесь я слышу, как меня зовёт мама. Я нажимаю на спусковой крючок, вставляю в рукоятку обойму, ставлю пистолет на предохранитель, аккуратно кладу «вальтер» на прежнее место и поправляю тюлевую накидку на подушке. Сердце у меня начинает бешено колотиться — не потому, что я испугался. Мама уже несколько раз заставляла меня с пистолетом и мягко просила не баловаться с опасной игрушкой. Сердце затрепыхалось потому, что я услышал стук двери и голос Сони.

Но радость от её прихода как-то гаснет, во мне исчезает прежняя уверенность, я так и не придумал, как вести себя дальше. Мгновение я смотрю в окно на стену со-

седнего дома, на печальную берёзу у забора, глубоко вздыхаю, как перед прыжком в воду, и быстро иду к выходу. А Сони уже нет в доме — она во дворе. Я вижу её в светлом проёме сенной двери, как в раме, одетую в серенькое платье с поясом. На ногах у неё белые туфли с лаковым ремешком. Острые холмики волнующе приподнимают материю на её груди. Мне становится неловко за своё гусарское великолепие. Зато она не скрывает восхищения:

— Вот это да! Я в первый раз вижу суворовца в форме. Вас я видела позавчера издали, в окно, — вы к Серьгиным заходили, а мы напротив них живём. Но вы не в форме тогда были.

Костька — мой самый первый друг здесь. Когда дядю Ахмета из Казани, из обкома, сюда послали работать два года назад, и этот дом ещё строился, он у них на квартире жил. И я с ним. Был июль, я находился на каникулах, и он привёз меня на машине из Казани с собой. Костька у них ничего, только нервный — раза два чуть с ним не подрались. Он не любит в карты проигрывать.

У тёти Фени был ещё и Санька, восьмилетний краснощёкий пацан, невероятный шkodник. Мать от него всё съестное прятала. И бабушка, мать убитого на фронте отца мальчишек, зорко следила за ним. Только Санька всё находил, наверное, по запаху. И пожирал в одиночку.

Кормить семью было нечем. Даже молоко, надоенное от коровы, тётя Феня по утрам относила на сепаратор как налог за голову личного рогатого скота. Запомнилось, как к Серьгиным постучался в ворота строгий худой мужик с портфелем и предупредил тётю Феню, что если она не выплатит денежный налог и не сдаст положенное количество масла, её имущество опишут, корову и бычка заберут в пользу государства и, может, даже вышлют.

Тётя Феня вывернулась — купила масло в соседнем районе, в *Сабых*: там оно было дешевле... А может, чем-то мой зять помог — всё же хозяин района, как он себя именвал, выпив неизменную воскресную бутылку водки. Во всяком случае, прошло два года, и тётя Феня, её сыновья и бабушка продолжали жить в *Новом Чурилино*.

— Знаете, а Костьку в школе *Сопливым* обзывают. Я с ним в одном классе училась, он еле-еле седьмой в этом году закончил. А дальше учиться всё равно бы не смог — работать будет, матери помогать... Вы заметили, у него под носом никогда не просыхает — и от этого пятно красное не проходит?

Я сам редко мог дышать носом, но засмеялся вместе с ней, и наши взгляды встретились. И я удивился, какие у неё большие зрачки — можно в них утонуть. А влажная полоска зубов, блеснувшая в щёлке между нежными лепестками губ, влекла своей запретной тайной.

— Времени много, — преодолевая в себе неведомо откуда возникшую силу притяжения к её приоткрытым губам, говорю я. — Билетов может не достаться.

— Вы что, не знаете ещё? Кино отменили. Я сейчас у магазина видела Половинкина — пьяный и матерится. Кричит, что у него опять электродвижок сломался, а запчастей ему не дают.

Кинемеханик Половинкин — иначе как *Половинкиным* этого долговязого, басовитого парня в селе не зовут — был развязен, часто напивался и имел некоторые странности. Недавно он, например, сделал себе шестимесячную завивку. Когда он выходит на волейбольную площадку на лужайке возле клуба, все бабы и девушки разбегаются враспынную. Каждый удар или промах Половинкин комментирует смачным, от души, матом.

В районе Половинкин самый известный и важный человек. В деревнях взрослые и дети встречают нечастое появление его кинопередвижки всенародным ликованием.

И он хвастается, что в каждой деревне у него есть с кем выпить и с кем переспать. Война наплодила молодых вдов, и у него после вечернего сеанса начинается самая трудная *работа*... Эту «работу» он называет конкретным похабным именем.

— Пойдёмте в наш сад тогда, — неуверенно говорю я.

Соня молча кивает головой с ровным белым пробором, убегаящим от середины невысокого лба к затылку. От неё слегка пахнет духами — сиренью или резедой, волнующе и призывно. И опять мне кажется, что и сейчас, в наступающих сумерках, лицо у неё освещено солнцем.

Через калитку в сплошном дощатом заборе выходим со двора в сад. Это скорее бывший сад, половину которого теперь занимает цветущий белыми и сиреневыми цветочками картофель. А от бывшего сада остались только густая полоса зарослей черёмухи, отделяющая наш огород от соседнего. Росло ещё несколько высоких кустов калины и вишни вдоль изгороди из ольховых жердей, да по центру — три-четыре клумбы крыжовника и смородины. В сорок первом, в студёную зиму, по словам зятя, добрая половина сада вымерзла. А вторую его прежний хозяин вырубил, чтобы не платить налоги за каждое плодородное дерево. Потом и дом на этой усадьбе сгорел, а куда девались погорельцы — толком никто не знает. На пепелище построили *пя-тистенку* для семьи первого секретаря райкома. На месте яблонь в загубленном саду торчат короткие чёрные пни, и от них, от самых корней, брызнули вверх упругие бесплодные ветви с крупными сочными листьями.

Купол неба высок и светел, а в саду — густые тени. Верхушки деревьев и трава, нагретые за день, отдают своё тепло вечеру и кажутся овеванными подвижным белёсым туманом.

Мы ходим по мягкой густой траве и говорим, говорим. Нам никто не мешает. Слышно, как иногда у колодцев в соседних огородах гремит стальная цепь; представляется, как помятая жестяная бадья со звоном летит в тёмную глубину, задевая краями замшелый сруб, шлёпается дном по густой воде, и потом долго скрипит несмазанный ворот. И совсем далеко, у больницы, как всегда, кричат перед сном галки, собравшиеся на тополях в гомонливые стаи на вечернее заседание.

Соня рассказывает о себе — она хочет стать школьной учительницей, как моя сестра Наташа, ставшая для неё жизненным примером. О своём классе, самом лучшем по успеваемости и самом плохом по дисциплине. И очень подробно — о своей лучшей подруге, Нине Величко. Они друг с другом всем делятся — всем-всем. И Нина такая смешная, бойкая, полненькая и чернявая, а глаза, как вишни, — настоящая украинка. Она и поёт хорошо, и пляшет, и вышивает — это у них в семье так заведено...

* * *

В том же году я вдруг начну получать письма от Нины Величко — сначала дружеские, как от знакомой, а потом с признаниями, что она давно и тайно любит меня. И что Соне верить нельзя: она хитрая, умеет притворяться, а сама ещё с двумя мальчиками переписывается. Сначала это известие меня покоробит, и я отвечу на пару Нининых писем очень сдержанно. А на последующие промолчу... У кадетов не принято предавать друзей. И, как бы ни вела себя Соня по отношению ко мне, я не мог стать соучастником предательства. Это было равнозначно тому, как если бы меня так же подло заложили мои лучшие друзья-кадеты Джим Костян или Боб Динков... Письма от Нины продолжают поступать: я запечатываю все её послания в один или два конверта и посылаю Соне. И Нина замолкает. Зато Соня пишет и пишет, и в каждом письме оправдывается, хотя мне уже не нужны ни её письма, ни её оправдания...

* * *

А сейчас Соня больше всего говорит о своей умершей матери. Мать у неё, как и у большинства детей, была необыкновенной — красивой и доброй. Соня внешне на неё немного похожа. Её мама никогда не пила чая с заваркой, и кожа у неё на лице была намного лучше, чем у Сони. Соня тоже пьёт чай без заварки, только с топлёным молоком — не хочет портить природный цвет лица... Туберкулёзом Сониная мама заболела во время войны: работала на разъезде стрелочницей, одежды тёплой не было, простудилась, несколько раз переболела воспалением лёгких, потом плевритом. А есть было нечего, начался туберкулёз... Умерла она через полгода после того, как отец приехал из госпиталя; он тогда ещё на костылях ходил...

И мы вспоминаем войну, кто и как жил в те бесконечные четыре года. Нам обоим было по восемь, когда она началась, и по двенадцать — в День Победы. Всё помнилось, как вчерашний день, — и голод, и холод, и собственные страдания, и муки наших матерей. Я рассказал Соне, как моя мама страшно выла, рвала на себе волосы и билась затылком о стену, когда летом сорок третьего года соседка, бабка *Грызуниха*, у которой сын погиб в самом начале войны, нарушила просьбу моей сестры не проболтаться и сказала маме о гибели моего брата Кирилла...

Небо из бледно-голубого окрасилось в синее, и первые звёзды проклюнулись и замигали в его прозрачной глубине. Мы ходим, нечаянно касаясь плечами, и, чем темнее становится, тем сильнее я чувствую что-то новое, необычное в сегодняшнем вечере. Что-то обязательно должно произойти. Словно я поднимаюсь на незнакомую вершину, и скоро оттуда откроется для меня неизведанный мир — то, что я знаю только по рассказам своих старших и опытных сверстников. И кое-что из книг.

— Я устала, — говорит Соня и останавливается.

— Тогда сядем. Только здесь негде.

В саду и действительно нет ни одной скамейки, даже бревна, чтобы присесть. И я опасаясь, что Соня захочет уйти домой. У меня почему-то снова начинает колотиться сердце. Мы стоим у самых черёмуховых зарослей, я не вижу в сгустившейся темноте Сониного лица и слышу только совсем близко её тёплое дыхание. Странно думать, что мы знакомы всего несколько часов. Миг, когда я проснулся и услышал её голос, отодвинулся в бесконечно далёкую вечность.

— Давайте сядем прямо на землю, она ещё сухая, тёплая, — говорит Соня. — Вот здесь.

— Нет, осторожней, — предупреждаю я. И удивляюсь своему голосу: он кажется мне сдавленным и чужим. — Здесь крапива, мелкая и злая... Лучше по ту сторону черёмушника.

Мы продираемся сквозь заросли в чужой огород, тихо смеёмся, и я быстро нахожу удобное место под сенью черёмуховых ветвей. Сидеть на земле не очень удобно, и Соня, в поисках опоры, незаметно прислоняется ко мне плечом. Даже сквозь суконный китель я ощущаю её тепло, и мне уже чудится, что я начинаю медленно кружиться, как в вальсе у нас, в суворовском, на новогоднем балу.

— Рядом, почти над нами, соловей живёт, — говорю я всё тем же внезапно севшим, не своим голосом. — Птенцов сейчас выводит, поэтому не поёт.

— Да? — шепчет Соня, и мы напряжённо молчим, словно хотим убедиться, уснула ли соловьяха и не подслушивает ли нас.

Тёмное пространство постепенно наливается белым, трепетным светом, бледнеют звёзды. Вскоре за огородами, за деревней, показывается плоский диск луны. Мы сидим на земле, и расстояние до горизонта скрадывается высокой картофель-

ной ботвой, всего в метре от нас, и кажется, что луна совсем близко. И только когда красноватый диск, подёрнутый синеватой дымкой, отрывается от земли и начинает, как бы разгораясь, взбираться по пологой кривизне неба, этот обман пропадает. Выступавшие из темноты силуэты домов, и особенно банька под соломенной крышей невдалеке от нас, напоминает мне страшные сказки Гоголя.

— А я вам что-то не сказала, — шепчет Соня и замолкает.

— Что? — тоже шёпотом говорю я, потому что при таком свете, да ещё когда рядом спит соловей, иначе говорить невозможно.

— Вы авиационное спецучилище у вас в Казани знаете?

— Спецуху? Конечно. У меня оттуда несколько ребят знакомых есть. Я к ним весной в казарму заходил и удивился — никакого порядка!

— Там Вовка Куренчиков учится, племянник Николая Куренчикова. Он мне всё время письма пишет.

— А вы отвечаете?

— Отвечаю иногда. Но у нас ничего такого нет. Объясняется, пишет, что любит, а мне он не нравится.

Мне неприятно почему-то это слышать. Может, потому, что и на мои письма Таня часто не откликается. Только откуда знать Соне о моих страданиях? И она продолжает рассказывать о Вовке, хотя я знаю только его дядю и мы с ним приятели. Дяде — я обращаюсь к нему на «вы», но зову просто *Николай* — уже двадцать четыре, он бывший лейтенант, командир взвода, года два успел повоевать на фронте. В прошлом году демобилизовался из-за тяжёлого ранения в грудь перед концом войны. В госпитале к ранению добавился туберкулёз. Николай приехал прямо из Австрии, из Вены, и жил с отцом и матерью на пенсию по инвалидности в крошечной избе и писал маслом по клеточкам копии с репродукций картин Васнецова в «Огоньке» — «*Богатыри*», «*Алёнушка*», — рассчитывая их продать в Казани и подкупить продуктов. На одной картошке, говорил он, туберкулёз не вылечить...

Я люблю приходить к нему смотреть, как он ловко работает кистью перед открытой дверью в чистых сенях, завешенных по потолку и стенам берёзовыми вениками. Бывает, что застаю его и во дворе, под старой липой. Сажу рядом с Николаем на табуретке или пеньке и, развесив уши, слушаю истории из фронтовой жизни. Или о красивом городе Вене, где, как представлялось мне по трофейному фильму, все только и знают, что поют и танцуют вальсы Штрауса.

* * *

Три года пройдёт, и я увижу Вовку Куренчикова на танцах в деревянной церкви, лишённой купола и креста и превращённой в тридцатые годы советской властью в районный клуб и библиотеку. Как всегда, под низким потолком зала будут гореть три керосиновых лампы. На огромном перламутровом трофейном аккордеоне будет играть вальсы, фокстроты, танго и польку-бабочку Василий Фёдорович, низенький и угрюмый учитель немецкого, окончивший в войну курсы переводчиков. Девушки и девочки сидят на лавках или жмутся в углах и лузгают семечки. Парни режутся на сцене в домино или карты. Несколько пар танцуют. Пахнет керосином, табачным дымом, пылью и потом. И Вовка Куренчиков — Соня мне его покажет, как только мы с ней появимся в зале, — и этот Вовка подойдёт ко мне в своей зелёной лётной форме с фольговыми погонами и «капустой» — кокардой — на фуражке, сдвинутой чуть набок и на затылок. Маленький такой, ладный, с крупным носом и голубыми печальными глазами. Он пожмёт мою руку, назовёт имя и попросит с подозрительной вежливостью:

— Выйдем поговорить?

— Вовка, — сердито скажет Соня, — только попробуй сделать какую-нибудь глупость!

Она попытается удерживать меня за рукав, но я на неё посмотрю так, что лицо у неё окаменеет от испуга. Она после случая с письмами Нины Величко стала бояться меня. В спину нам будет глядеть весь клуб. А самые любопытные выбегут на крыльцо. Поэтому мы уйдём подальше к забору, куда не достаёт красноватый свет из окон, встанем лицом друг к другу. И я почувствую, что от Вовки пахнет водкой. Мне кажется, что я спокоен, просто напряжён немного.

Я выходил во двор в полной уверенности, что предстоит драка. Тогда при первой же угрозе я ударю первым, как меня учил мой друг по суворовскому, непобедимый в кулачных поединках Раиф Муратов. К тому же я несколько месяцев занимался боксом и отработал с десятков полезных приёмов нападения и защиты. Вовка был на полголовы ниже меня — это тоже давало мне превосходство: в случае драки легче будет удерживать противника на дистанции...

— Слушай, кадет, — жалобно скажет Вовка, — ты отдай мне Соньку... Ты ведь её не любишь.

— Это моё дело. Она же — не перочинный нож или носовой платок, чтобы её отдать. Давай, позовём её, спросим...

Легко выступить, когда чувствуешь своё преимущество и заранее знаешь результат.

— Нет, — остановит Вовка, — не надо. Не зови... Я уже знаю, что она скажет. А я не хочу этого слышать. Не хочу, пойми ты!..

И вдруг заплачет. Он заплачет по-детски, и привычными к темноте глазами я буду видеть, как он утирает своё лицо кулаком. Потом он скрипнет зубами, помолчит, превозмогая себя, и скажет:

— Ни черта не могу поделаться с собой... Четвёртый год... эта мука. Ты прости меня, я совсем не пьяный. Мутно на душе, принял сотку. И ничего не помогает.

Мне будет жаль его. Я на себе испытал, что такое неразделённая любовь, — у меня аналогичная история с казанской Таней Осиповой, — и я положу ему руку на фольговый погон и скажу, как больному:

— Не надо, Володя, пойдём...

В клубе я попрошу Соню, чтобы она потанцевала с Вовкой. Она меня послушалась, и я видел, какое счастливое было у Вовки лицо, когда он обнимал её за талию и чирикал, как воробей. Только после танца Соня почти бегом возвратилась ко мне, и из клуба мы ушли с ней.

* * *

Тихо, очень тихо, даже собаки, уставшие от зноя за долгий летний день, и те молчат, и только, когда за селом проносится состав, лунный воздух начинает дрожать от железного грохота, и потом долго не пропадает звон, словно по стальным струнам, натянутым на тысячи километров, всё ещё ведут громадным смычком.

Соня вдруг смолкает на полуслове, трогает меня за руку, я вижу близко её глаза — ночью они кажутся больше и тревожней — и осторожно спрашивает:

— Вам не нравится всё это?

— Что? — притворно удивляюсь я.

Мне не хочется, чтобы она убирала свою руку с моей, и она не убирает. Тёплый нежный ток проходит от её руки по всему моему телу.

— Ну, насчёт Вовки... Я тогда не буду. Хотите, я покажу вам его письма, а потом порву их?

— Нет, нет, — теперь уже я сжимаю её руку. — Пусть пишет, и вы ему пишете. Он ничего плохого вам не делает.

У человека удивительная способность всё примерять к себе: я уже думаю о Тане Осиповой, о моих письмах к ней. Может, и ей они в тягость, и она показывает их кому-то, и потом они вместе смеются над излияниями наивного *сурика*, и она демонстративно рвёт письмо на мелкие клочки. Хотя я ещё ни разу не говорил, не писал ей о своей любви. Боялся услышать в ответ «нет» — и тогда уже потеряешь последнюю надежду и ничего не поправишь. От одной этой мысли становится жутко и пропадает желание жить...

* * *

В пятидесятом году дядю Ахмета по велению татарского обкома партии переведут первым секретарём Нурлатского района, и вся семья переедет в другое село, в Нурлаты Северные, тоже райцентр. Там будет два старых ветряка на горе — они жутко скрипели по ночам и напоминали мне о Дон Кихоте. В год окончания суворовского, в пятьдесят первом, я приеду в Нурлаты со своим однокашником Раифом Муратовым, непобедимым драчуном нашей роты, хоккеистом, гимнастом, пианистом и аккордеонистом. Осенью того же года, в конце сентября, мы вместе с другими нашими сверстниками уедем в Рязанское пехотное училище. А до того, в июле, — к моменту моего приезда в Северные Нурлаты на каникулы — моя сестра пригласит Соню в гости. Она придет, и мне это будет неприятно. Я начну делать вид, что не замечаю её. Сердобольная мама сделает мне несколько осторожных выговоров, потому что она по-прежнему любила Соню, как дочь. Соня плакала и говорила ей, что не может жить без меня. И сестра возьмётся отчитывать неучтливово братца, словно провинившегося ученика. Но я становился от этого только упрямей и угрюмей, представляя себя кем-то вроде Печорина или Онегина, а Соню — княжной Мэри или Татьяной Лариной. Раиф тоже заступался за Соню. И вдруг, воодушевлённый моей неуступчивостью, испросил позволения приударить за ней. Я только пожал плечами — пожалуйста!.. А Соня, в ответ на попытку приласкать её, приложила ладонью или кулаком к бульдожьей физиономии непобедимого драчуна так, что у него образовалось нечто вроде флюса. И он теперь на неё обижался и подговаривал меня «уфаловать» её.

Мне было уже восемнадцать. Начитавшись распространявшихся нелегально из рук в руки дореволюционных трудов доктора Фореля и других, менее авторитетных, авторов, теоретически я «по этим делам» был хорошо подготовлен. Но, как нас учили классики марксизма-ленинизма, теория без практики мертва. А это был подходящий момент для перехода от словоблудия к реальным действиям...

В начале июля стояли душные ночи, Соня спала в сених.

Я выйду из избы к ней глубокой ночью с нечистыми намерениями. Она проснётся сразу, словно совсем не спала, и, когда я сяду с края постели и склонюсь над ней, она не испугается и не оттолкнёт меня. Только печально бросит в темноту:

— Зачем ты пришёл? Ты ведь меня ненавидишь...

Помню, как меня пронзили её слова. И как я сразу забыл о замысле, подсказанном мне коварным провокатором. Это было неправдой, я просто не хотел притворяться и давать ей какую-то надежду. Просто хотел быть честным с ней, оттолкнуть от себя, сохранить свободу и себе, и ей. В конце концов, я уезжал в новую жизнь. Она тоже окончила школу, и перед ней распахнулись свои возможности...

Я склонился над ней ещё ниже и стал тихо бормотать об этой мелодраматической ерунде, выбирая нежные и добрые выражения и в то же время чувствуя, что слова мои

для неё хуже яда. Непреодолимая жалость заставила меня прикоснуться к ней. Она вся сжалась под байковым одеялом, её бил непреодолимый озноб, как это было со мной, когда весной и осенью откуда-то налетали приступы малярийной лихорадки... В какой-то момент она внезапно прервала меня: обняла за шею горячими руками, прильнула губами к моим губам и долго не отпускала. А потом зашептала о своей любви. А я говорил ей о том, как я люблю Таню, и получилось одинаково, хотя и говорили мы о разном, несовместимом. Станный и жуткий дуэт это был — так мне теперь представляется...

А ещё через три дня мы простимся в Казани, на железнодорожном перроне. В последний момент, прежде чем подняться в тамбур и уехать за сто километров от Казани — в Новое Чурилово, она отдаст мне толстый конверт. Я суну его в карман, поезд тронется, она будет махать мне рукой из-за спины толстого проводника и плакать.

Сердце у меня сжалось и горло перехватило — я знал, что теряю преданного друга. Но в трамвае спокойно прочитал её длинное взволнованное письмо. Запомнилась одна банальная фраза — «будет трудно, позови меня, и я сразу приду». И когда вышел из трамвая у театра оперы и балета имени Мусы Джалиля и стал пересекать широкую пустынную площадь, мне вдруг подумалось, что с прошлым покончено. Скоро я смею чёрный кадетский мундир на курсантскую хлопчатобумажную форму. А фуражку с алым околышем — на пилотку, и подковки яловых сапог зазвенят об асфальт. Прощай, прошлое!..

И тогда, не сознавая прилива жестокой бессердечности, я разорвал письмо на мелкие клочки, сжал их в горсть и бросил на ветер. Они закружились, замелькали в солнечном, словно пронизанном тончайшей пылью воздухе, вскоре упали на асфальт и смешались с ворохом других бумаг и окурков у края тротуара...

* * *

— Что-то холодно стало, — говорит Соня и передёргивает плечами. — Уже поздно.

Наверное, она хочет уйти, и я торопливо начинаю расстёгивать пуговицы на кителе. На мгновение спохватываюсь, что под ним у меня только майка, но заботиться о себе стыдно. Срываю с себя суконовый китель с сатиновой подкладкой, накидываю Соне на плечи и оставляю, как бы невзначай, свою руку на её спине. Она тихо и радостно смеётся:

— А вы?

— Мне жарко, — бодро хвастаюсь я. — По утрам каждый день из колодца холодной водой обливаюсь.

И на самом деле, ощущение такое, словно меня омывает прохладная вода.

Роса ещё не выпала, но воздух, трава, листья становятся влажными, по земле тянет ночной прохладой.

— Знаете, лучше не так, — говорит Соня, — лучше укроемся вместе. Садитесь ближе.

И мы долго возимся, пристраивая китель так, чтобы он не сползал с наших плеч. Моя левая рука на её тёплой спине. На своём плече, другой рукой, я придерживаю полу кителя, и мы сидим, замороженные желанной близостью, долго и тихо, и еле дышим. И чего-то ждём. Я, не мигая, гляжу на звезду — как она тлеет в немыслимой глубине — и боюсь словом нарушить, спугнуть этот сон. А Соня вдруг роняет мне на плечо свою голову, волосы её пахнут полевыми цветами. Меня бросает в жар, мысли путаются, а теоретическая подготовка только мешает естественным инстинктам.

Сколько мы просидели в молчании, блуждая глазами по голубому лунному океану, никто не скажет. Только в какой-то момент я, словно что-то вспомнив и уронив

с головы фуражку, повернулся к Соне. Китель соскользнул с плеча, и мои губы сначала коснулись тёплых и добрых её губ. И навстречу будто распустили влажные лепестки неведомого цветка. Ярким светом вспыхнуло во мне что-то неведомое, хотя глаза были закрыты, — и навсегда осталась в душе радость и изумление от первого поцелуя, похожего на чудо воскресения.

* * *

... И восемь лет минует с той ночи в Нурлатах Северных. Мои офицерские погоны как память об армейском прошлом будут лежать на дне чемодана рядом с двумя парами других — суворовца и курсанта. А я превращусь в студента, самого пожилого в группе, и буду старостой этой группы. И передо мной возникнет новая цель — через шесть лет стать инженером. Я всегда ставил перед собой цели, без этого жизнь теряла смысл, только не все они достигались.

Запомнится день в начале зимы. Я выскочу после лекции по химии из второго здания института. Оно напротив скверика Льва Толстого, всего в ста метрах от моего суворовского. Буду одетым в офицерскую шинель без погон, в хромовые сапоги и каракулевую шапку. И с тетрадями, засунутыми за борт шинели. Худой, небритый, сбросивший после армии килограммов десять. И здесь, на остановке трамвая, столкнусь с Соней.

С Волги дует морозный ветер, тротуар покрыт хрустким льдом, и земля, и воздух тускло отсвечивают на скудном солнце. Голые липы и клёны в скверике Льва Толстого выглядят почерневшими, озябшими сиротами.

— Ты? — я сжал её руки. — Вот это да! Сколько мы не виделись?

— Давно. Больше пяти лет, — сказала она, и я удивился, каким отчуждённым и резким стал её голос. И улыбка другая — только на губах, а серые узкие глаза остаются холодными.

Я забываю о том, что и я другой. Настолько другой, что не люблю вспоминать себя прежнего.

— Ты что — студент?

— Да, учусь в авиационном. И ты, Соня, прости — тороплюсь на лабораторку в первое здание. Преподаватель — зверь!

— Ладно, езжай, — холодно говорит она и отворачивается.

И я понимаю, что так нельзя. Второй случайности может не быть. Всё же мы рады друг другу — я, во всяком случае, — и пропускаю трамвай.

— У тебя всё такое же лицо, — говорю я, чтобы сгладить свою оплошность. — Чистое, без изъянов. Ты по-прежнему не пьёшь чай с заваркой?

— Нет, не пью. Где ты живёшь?

— В общежитии. На поле Еришова.

— Да? Я близко от тебя — рабочее общежитие рядом с клубом Маяковского. Знаешь?.. Вот из-за общежития и яслей пришлось пойти на завод, на металлосклад, кладовщицей. Приходи в гости. Я недавно приехала из Архангельской области, из леспромхоза, разбежалась с мужем. Увидишь мою дочь, ей шесть месяцев. А ты не женился?

— Что ты? Надо учиться.

— Ты всю жизнь учишься.

— Ты права. И умру дураком... А ты как? Ты хотела в педагогический.

— Не получилось. И уже не получится... Даже не пыталась поступать. Отец отказался помогать, а на одну стипендию не проживёшь. После десятого класса год работала в Чурилино учительницей в младших классах — Наталья Никитична, твоя сестра, рекомендовала меня новому директору перед переездом в Нурлаты. Хотела

в педагогический поступить на заочное отделение, но с отцом и мачехой жить стало невозможно. После окончания учебного года завербовалась и уехала на Север. Там вышла замуж за лесоруба, тоже вербованного. Оказался пьяницей, ревновал, бил. Прожили в холодном бараке леспромхоза полтора года, и я сбежала с дочкой от него, в чём была. Он сейчас не знает, где я. И отец с мачехой тоже.

Покачиваясь и высекая искры из троллей, подходит трамвай. Я умоляюще смотрю на Соню. Преподаватель, пришедший в институт с авиазавода, я не преувеличил, был действительно беспощадным и злопамятным типом по отношению к прогульщикам.

— Поезжай! — разрешает Соня. И более точно называет свой адрес: рабочее общежитие на Красной позиции — всего в квартале от нашей институтской общаги по улице Ершова, напротив городского кладбища.

— Только учти — я не Асатова, а Слонова. Запомнишь? Лучше в среду, часам к семи. Я жду!..

Ещё бы не запомнить — слоны в архангельских лесах!.. Я смотрю на неё сквозь мутное стекло с задней площадки вагона. На ней серое пальто, слишком лёгкое для морозной и ветреной погоды. И она похудела. Лицо у неё уже не так похоже на маленькое солнце. Ещё бы: муж, ребёнок, развод! — уму непостижимо! Не совмещается с той нашей первой ночью, с луной, соловьём над головой, первым поцелуем...

В среду я отказываюсь от других планов, брешу и вспрыскиваю табачным одеколоном в своём общежитии. Достаяю из чемодана помятую белую рубашку, привезённую из Китая, и затягиваю на худой шее бордовый галстук. В зеркале вижу: галстук прекрасно гармонирует с моим коричневым костюмом из «ударника», сшитом в Китае. Менее двух лет назад я командовал там пулемётным взводом в районе Порт-Артур — Дальний. Сосед по комнате Фираил одалживает мне свои почти новые армейские полуботинки — он тоже поступил в институт после армии, из авиатехнического училища, — натягиваю на себя шинель, получаю братское благословение и иду к Соне.

Она живёт в каком-то зловещем здании из кроваво-красного кирпича впритык к такому же невзрачному кинотеатру. По грязной, пахнущей нечистотами лестнице поднимаюсь на второй этаж. Широкий гулкий коридор с пыльными лампочками на длинных шнурах делает меня сразу чужим здесь: то и дело открываются двери бесчисленных нор, и в них возникают всклокоченные женские головы — сверлят глазами лицо и потом целятся в спину. Словно все нетерпеливо ждали моего появления, чтобы пропустить сквозь строй.

И Соня открыла дверь раньше, чем я дошёл до её комнаты.

— Я узнала твои шаги, — сказала она и закрыла дверь на крючок. — Так надёжней. Здесь все друг за другом шпионят. Могут придаться к пустяку и выселить.

— Так же, как и у нас. Студсовет общежития бдит за нравственностью днём и ночью.

Она была в ситцевом застиранном халатике. Я взял её за плечи, и что-то дрогнуло во мне — они были худыми и слабыми, совсем другими, чем восемь лет назад, словно из них выветрилась прежняя молодая сила. И губы у неё стали другими — суше и безответней... А мы ведь не старые, подумалось мне, нам всего по двадцать три. Но дело, как видно, не в количестве лет — темпы, скачки от школьных лет к этим, наполненным событиями о выживании, были сумасшедшими...

Я повесил шинель, вышел из-за занавески, и первое, что бросилось в глаза, был голубой свёрток, положенный поперёк узкой, точь-в-точь как некогда у меня в казарме, койки.

— Моя дочь, — улыбнулась Соня. — Плод любви несчастной. Спит.

Да, голос у неё действительно стал резким, без прежних, тёплых и ласковых, нот. Я подошёл и посмотрел на спящего ребёнка с пустышкой во рту. Он ничем не отличал-

ся, на мой взгляд, от тысяч других. Самому мне и в голову не приходило обзавестись потомством.

— Прелестное дитя, — холодно констатировал я.

Мы сели за крохотный стол в углу комнатки со стенами, покрытыми влажной штукатуркой, и некоторое время рассматривали друг друга.

Странно, думалось мне, ни одной правильной черты лица. Невысокий, немного сдавленный на висках лоб, слегка приплюснутый, вздёрнутый на конце нос, глаза серые, в щёлку, короткие стрелки бровей — и всё же её можно назвать красивой. Татарская, или монгольская, неповторимая красота. А мой портрет она нарисовала вслух:

— Ты стал каким-то косматым и худым. И печальным... Почти не верится, что это ты. Даже губы бледные.

— Время идёт. Бледнеют не только губы — вся жизнь.

— Да, — сказала она. — Ты служил в Китае?.. Мне писала твоя мать, адрес прислала. А ты на мои письма не отвечал.

Жаль, нет вина, с ним было бы проще. Что-то давит на сердце. Я бы, конечно, прихватил бутылку портвейна, только денег нет ни у меня, ни у Фираила, а до «стипы» ещё целая неделя. Унизительная нищета; на неё обречены большинство студентов на шесть лет учёбы в нашем вузе... Правда, с некоторых пор я почти не пью — берегу мозги для высшей математики, аналитической и начертательной геометрии. Пять лет в армии не прошли бесследно: учёба не даётся с прежней лёгкостью, и я порой жалею, что выбрал технический вуз. К тому же назначили старостой группы, и я поневоле должен являть благотворный пример для своих семнадцатилетних одноклассников. Одиннадцать из них — медалисты...

— Я, по-моему, писал тебе.

— Когда был курсантом. А офицером — перестал. Зазнался!

— Брось ты! Я и писал-то одной маме.

— А Тане?

Она помнила имя незнакомой ей соперницы. А я бы хотел забыть о ней всё — и имя, и черты, и образ. Она по-прежнему не покидала душу и крапа по частичкам мою свободу, мешала жить.

— С Таней покончено год назад! — сказал я резче, чем бы мне хотелось. — Она замужем.

Мы помолчали. И потом настала моя очередь на экскурс в прошлое.

— А Вовка Куренчиков, как он?.. Сохраняет верность тебе? — спросил я.

— Он всё время слал письма — и из училища, и потом. Когда вышла замуж, попросила не писать... Он офицер, летает. Где-то в Калининградской области...

Потом мы с Соней пили чай, вскипячённый здесь же на плитке, установленной на полу, на кирпичи. Без заварки, конечно: Соня, наверное, надеялась вернуть прежний, солнечный, цвет своему лицу. Лицо Сони, как и прежде, оставалось без единой морщинки, но, наверное, навсегда лишилось лучистой свежести, радовавшей глаза... Она говорила о том, что окончательно потеряла связь с отцом и даже не знает, жив он или уже умер. Ни на одно из её писем ни он, ни мачеха не отвечали. А съездить самой в Чурилино у неё не было времени. И главное — денег... Пусть она уже никому не нужна — ни отцу, ни мачехе, но хотелось бы взглянуть на Ринатку, на знакомых в Чурилино и Масре. Побывать на маминной могиле... И я ничем не мог ей помочь, предложить денег — ничтожную, в общем-то, сумму. Мы оба были нищими пролетариями, и комната, казалось, после каждой сказанной фразы наполнялась безысходностью...

Девочка уже проснулась и сопела, причмокивая соской. Я видел, как колебалось над её носом красное гуттаперчевое колечко.

Комната была давно небелёной, с грязноватыми потёками по углам жалкой конуры, — похоже, они промерзали зимой. Железная койка с сосущим пустышку ребёнком, квадратный столик, накрытый обшарпанной клеёнкой, и две некрашенных табуретки. И у двери — чёрный обшарпанный чемодан, напоминавший о станциях, длинной дороге и верхней полке в душном вагоне. Словно Соня собиралась прожить здесь день-другой и снова отправиться, куда глаза глядят...

Да, во время войны, когда её пламя обугливало наше детство, будущее представлялась в более радужных красках. О войне постепенно стали забывать, но повсюду царили те же нищета и убожество. И только партийные лозунги оставались прежними — торжественными, оптимистичными и многообещающими: через десять-двенадцать лет каждая семья будет жить в отдельной квартире. А через двадцать — весь советский народ окажется в ласковых лучах незакатного солнца коммунизма...

Я долго смотрел на свои часы — было около десяти. Потом уперся взглядом в глаза Сони и медленно поднялся с табуретки. Она тоже встала и крепко прижалась ко мне своим худым, выпитым не мной телом. Запрокинутое лицо было бледным и горячим.

— Я так и не смогла тебя забыть, — сказала Соня мне в плечо.

Я взял в ладони её лицо. Оно было так близко, что я видел только большие глубокие зрачки. Кажется, лишь они не изменились с той первой непорочной ночи.

— Я останусь?

Она помолчала. И я наперёд знал ответ. В комнате даже не было места, куда бы она смогла положить ребёнка. Не на холодный же пол...

— Нет... Не сегодня. Сегодня тебя видели. Послезавтра приходи позднее, ближе к полуночи, тогда в коридоре горит всего одна лампочка, и все спят.

Я надел свою жёсткую шинель на коричневой атласной подкладке, сшитую весёлым китайским портным в Лядзедане, называвшим всех советских офицеров «капитана» или «тунза». И, не застёгивая её, ещё раз обнял Соню. Мы поцеловались, и от этого долгого и бесстрастного поцелуя мне сделалось вдруг пусто... и томительно стыдно... Как далеко и безвозвратно ушёл я от того чистого, витавшего в светлых грёзах мальчика в чёрном кадетском мундире! А Соня — от солнечной девочки в ситцевом платье. И оба мы — от неповторимой лунной июльской ночи в саду под черёмухой, по соседству с соловьиным гнёздышком...

ОТ РЕДАКЦИИ. Наш давний автор, друг и земляк Александр Васильевич Матвейчев, живущий ныне в Красноярске, отметил в минувшем январе восьмидесятилетие. Искренне поздравляем его, талантливого писателя и общественного деятеля, со славным юбилеем, желаем здоровья и новых книг и благодарим за прекрасный рассказ о своей юности, о первой любви на нашей общей родине — в Татарстане.

«ДРЕВО ЖИЗНИ» БАКИ УРМАНЧЕ

(Орнаментальность как основа искусства)

Для исследователей и почитателей наследия великого мастера в его многообразии и многоплановости не перестают раскрываться всё новые грани таланта, мастерства, самобытности, величия и масштаба его дарования. Казалось бы, творчество Баки Урманче всесторонне исследовано, проанализировано. За двадцать с небольшим лет, прошедших со дня его ухода, издано огромное количество книг, альбомов, монографий, каталогов выставок; проведён ряд научных конференций. Творчество Баки Идрисовича как энциклопедически одарённой личности изучено не только в видах и жанрах изобразительного искусства — живописи, графики, скульптуры, но и в контексте литературы, музыки, театра, архитектуры, философии, эстетики.

Искусство Баки Урманче как одного из первых профессиональных татарских художников, родоначальников татарского изобразительного искусства, необходимо рассматривать и с точки зрения корней его искусства, истоки которого берут своё начало в народном декоративно-прикладном искусстве, его полихромии и орнаментальности.

Поиски стиля национальным художником, базой для которого была реалистическая русская и европейская школа, теснейшим образом переплелись с осмыслением сущности национального своеобразия искусства. Урманче исходил в своём творчестве из того, что чувство национального нельзя обращать исключительно в прошлое. Динамика жизни приводит к эволюции традиций, диалектике национального характера, адекватной современности. Поэтому Урманче сравнивал национальные черты народа с вековым дубом: своими корнями он уходит в седую древность, а ветви его простираются в современности¹.

Основным художественным принципом народного искусства является орнаментальность. Орнамент был и остаётся формообразующим элементом в любом из видов прикладного искусства и архитектуры. Неслучайно в 1930-е годы, чтобы придать городу Казани черты национального своеобразия, начинаются активные разработки архитекторов П. Сперанского, И. Гайнутдинова, Р. Бикчентаева, А. Любимова, основу которых составляли форма, силуэт, декор. В живописи, скульптуре, графике рассматриваемого периода художники стали чаще пользоваться арсеналом средств прикладного народного творчества. Узорность как стиль искусства и даже как художественное воззрение на мир была изначально присуща художественному самосознанию Востока, мусульманского мира. Урманче, чутко уловив эту мировоззренческую основу искусства, положил её во главу угла собственной интерпретации своеобразия национального искусства. Приёмы орнаментального узорочья мы видим в живописи

¹ Новицкий А.И. Баки Урманче. — Казань: Татарское книжное издательство, 1994. — С. 134

ВЕРНИСАЖ БАКИ УРМАНЧЕ

На току

*Иллюстрации работ Б.И. Урманче публикуются с разрешения
Фонда музея национальной культуры при МБУК «Национальный культурный центр «Казань»*

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Сенокос в Салтыках

На Волге (Чулмантамак, Лобач)

Штиль

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Портрет Абая

Татарстан

Портрет Шары Жандарбековой

Бану

Зимние лучи

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Иллюстрация к поэме-сказке Г. Тукая «Шурале»

ВЕРНИСАЖ БАКИ УРМАНЧЕ

Писатель и ученый Галимджан Ибрагимов

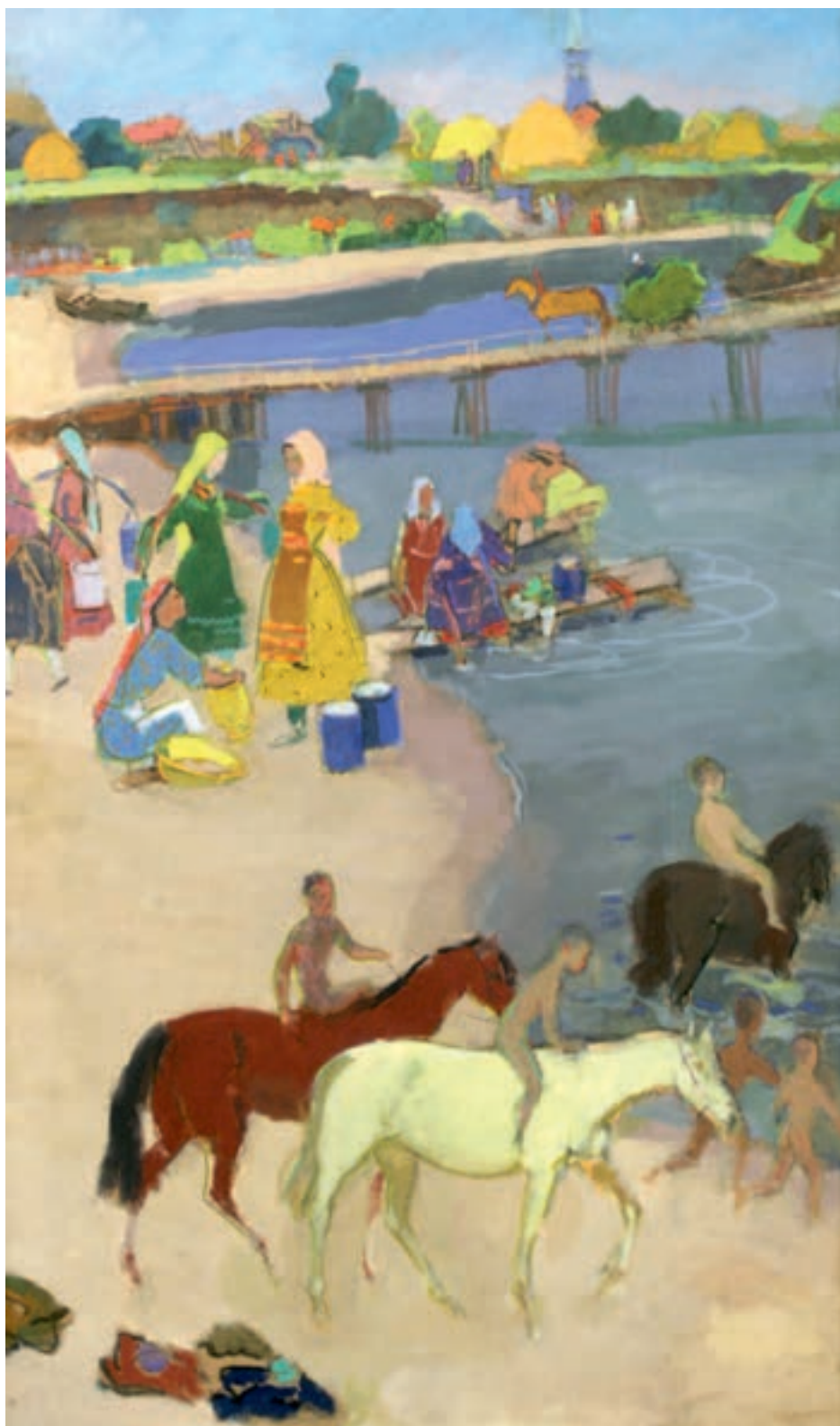
Муса Джалиль

Габдулла Тукай

Сююмбике

Купание коней

и графике Б. И. Урманче, Ф. Г. Аминова, Б. М. Альменова, скульптурных произведениях Р. Х. Нигматуллиной, Б. И. Урманче, Г. А. Зяблицева, Н. И. Адылова.

Сам художник — выходец из классической татарской деревни, образованной семьи муллы — застал живую патриархальный уклад жизни с окружающими всюду вещами: узорными тканями и вышитыми полотенцами, намазлыком, шамаилем, Кораном, написанным изящным каллиграфическим письмом и украшенным тончайшим растительным орнаментом, народными мелодиями, сказками и дастанами... Душа художника впитала в себя эти впечатления и ассоциации детства, отразившиеся впоследствии на всём творчестве мастера.

Орнамент стал фундаментом, основой, сутью жизни и искусства великого мастера, но проявлялась эта живая нить иногда опосредованно, через колорит и полихромноию, иносказание, или — непосредственно, когда художник обращался к орнаменту как формообразующему элементу композиции.

В первых известных живописных произведениях 1920-х годов, полных жизни и радости бытия, открытости и яркости цвета, в сочетании локальных цветовых соотношений (школа ВХУТЕМАСа) наблюдается не только воплощение импрессионистической линии, характерной для искусства того времени, но, как подоснова, полихромная палитра произведений татарского искусства.

Волею судьбы художник многие годы жил в Башкирии, Средней Азии, Казахстане, среди народов, близких по духу татарскому. Изучая и глубоко проникаясь их культурой и искусством, Б. Урманче обогащает свой багаж, насыщая его знаниями об общности корней и единстве основ искусства этих народов. В «Портрете актрисы Шары Жандарбековой» находит своё воплощение орнаментальное искусство казахов, посредством которого художник приводит зрителя к древним истокам культуры кочевых тюрок, подчёркивая неразрывную связь искусства с его истоками.

Непосредственным обращением художника к татарскому орнаменту является серия эскизов национального костюма, созданная им в 1960-е годы. К теме орнамента и костюма художник обращался ещё в 1930-е годы, в преддверии готовящейся в 1941 году Декады татарского искусства в Москве. Именно Урманче стал автором декораций и оформления праздничных мероприятий на состоявшейся Декаде в 1957 году, применив там во всей полноте свой талант и дарование национального татарского художника. Не акцентируя на цвете и линиях фигур, выделяя лишь отдельными пятнами детали, мастер основное внимание сосредотачивает на орнаменте. В этих акварелях проявились самобытные черты народного искусства, известные по вышивкам, золотому шитью, ювелирным украшениям, кожаной мозаике, резьбе по камню и дереву.

Наибольшую распространённость получает растительный орнамент, восходящий своими истоками к болгарскому искусству. Его основные мотивы тюльпана, трилистника, лотоса, виноградной лозы — также разнообразные вариации изображения листьев, побегов, бутонов, мотивов цветочного букета и «древа жизни» во всём многообразии и богатстве проявились в этих произведениях художника. Урманче при выполнении эскизов использовал национальный колорит, но облагородил его до изысканной утончённости.

Совершенство Урманче-рисовальщика и тонкого колориста достаточно полно проявилось в графике. Именно в этом виде искусства художником было воплощено многообразие его замыслов, идей, фундаментальных философских знаний; глубинное воплощение получили сюжеты из произведений устного народного творчества — эпосов, легенд, сказок. «Шурале» Габдуллы Тукая стал ветвью графического наследия мастера. В листах, выполненных в монохромной и полихромной акварели, туши, в карандаше художник открывает новые грани и оттенки татарского декоративного узорочья. В своеобразном условно-декоративном стиле автор раскрывает образы не только главных героев сюжетного повествования — Шурале и джигита Былтыра, но

и всего окружающего их таинственного мира леса, некоего языческого духа — в неразрывности и взаимосвязи с природой. Эта философская глубина подаётся художником в лёгкой и непринуждённой игре стилизованных узоров, переплетений цветочно-растительных и зооморфных мотивов. Здесь «облик Шурале, сотканный из материи леса: папоротников, золотых шишек, трав, а также стилизованные цветы, растения, — становятся символами яркого духа жизни самой природы»¹, а он сам — перевоплощением булгарских языческих сказочных обитателей леса — мифологических чудищ и панов. В этих сюжетах художника с особенной полнотой проявилась семантика образов природы, связанная с языческими, космогоническими представлениями.

Легенда «Сак-Сок» в интерпретации мастера приобрела драгоценную огранку в виде великолепных многоцветных листов, выполненных в гуаши. Здесь Баки Урманче восходит к традициям восточной средневековой миниатюры, для которой были свойственны изысканность цвета, линейный ритм и плоскостность, декоративизм и утончённость. Сюжетные образы легенды переплетаются с орнаментами из стилизованных мотивов цветов и листьев, реалистических изображений зверей и птиц, обитающих в этом сказочном пространстве.

Тема мифа нашла своё продолжение в деревянной скульптуре, например, в рельефе «Тулпар», где мастер обращается к образу крылатого коня — тюркского Пегаса — символу воли, красоты, свободы, неукротимого движения. Пластика образа сочетается с изысканностью линейного орнамента.

В творчестве Баки Урманче казанский, последний и наиболее продуктивный период связан с воплощением образов представителей татарской духовной культуры — мыслителей, писателей, поэтов, общественных деятелей. На многие годы Б.И. Урманче был оторван от родины, своих корней. Все его помыслы и творческие устремления были теперь направлены не только на раскрытие татарского национального мира, где в поле зрения мастера — герои, легенды, мифы и предания этого мира, а также — современники, через образы которых наиболее полно и ёмко можно было передать духовную жизнь своего народа. Среди личностей, вдохновлявших художника, — Габдулла Тукай, Дэр-дменд, Каюм Насыри, Шигабутдин Марджани; из своих современников — Галимджан Ибрагимов, Салих Сайдашев, Муса Джалиль и многие другие. Им создаётся колоссальная по масштабу и своему охвату галерея мыслителей, деятелей культуры и искусства татарского народа. Среди них — и портрет Сююмбике. Образ казанской царицы — особая тема в татарском изобразительном искусстве и истории. И Урманче воплотил своё видение этой исторической и легендарной личности. Из цельного куска ствола дерева проступает прекрасный женский лик, в полуопущенных глазах которого — целомудрие, чистота, пережитые драмы и предвидение трагических событий. Пластика произведения подчёркнута динамичными срезами дерева в сочетании с гладкостью поверхности, на которой тонкой вязью вьётся орнамент из цветов и листьев. Орнамент украшает высокий царский головной убор так, как обычно традиционно орнаментируется калфак.

Таким образом, дух национального творчества, культуры народа — основа произведений мастера. Владение художником великими знаниями истоков и корней народного искусства обеспечило ему создание совершенных творений, являя живой пример неразрывности и преемственности искусства.

¹ Шагеева Р.Г. Баки Урманче. Каталог произведений к 90-летию со дня рождения. — Казань: татарское книжное издательство, 1987. — С. 7.

К 75-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

«ВО МНЕ ЭЗОП НЕ ВОКРЕСАЛ...»

Природа смеха в поэзии Владимира Высоцкого

У русских поэтов после Пушкина как в XIX, так и в XX веках существовала чёткая личностная грань, определившая их отношение к стихам юмористическим или сатирическим. Если у Пушкина стихи трагедийного, элегического, пейзажного характера органически соседствуют с сатирическими и шуточными («Моя родословная», «Подъезжая под Ижоры», эпиграммы) и все вместе составляют единое целое, то впоследствии положение меняется. У Лермонтова, Баратынского и Тютчева, а после у Блока и большинства поэтов серебряного века в стихах сатира и юмор практически отсутствуют (именно в стихах: Лермонтов пишет поэму «Тамбовская казначейша», Блок — драму «Балаганчик»), перед нами лирика философская, интимная, пейзажная, полемическая, публицистическая. В противовес этому существовали поэты-сатирики, юмористы, у которых соответствующие жанры господствуют или преобладают (В. Курочкин, Д. Минаев). Исключение в XIX веке составляет А. К. Толстой, но оно только подтверждает правило: лирические, балладные и сатирические стихи этого поэта чётко отделены друг от друга жанровыми перегородками, и никто никогда не пытался печатать их иначе, например, в хронологической последовательности. В XX веке смешение, соединение высокой лирики, публицистики и сатиры встречается в полной мере только у Маяковского.

Эта тенденция сохраняется в основном и во второй половине XX века. Поэзия Владимира Высоцкого — исключение. В его стихах вновь, как в пушкинскую эпоху, произошло слияние, «сбалансирование» разных стихий: лирического, трагического, сатирического и юмористического начал, единых и неразделимых, — явление в истории поэзии необычное.

Говоря о неразрывной связи этих начал, я хочу сослаться на сборник стихов Высоцкого в серии «Антология Сатиры и юмора России XX века»¹. Сборник, дающий полное представление о сатирическом и юмористическом начале в поэзии Высоцкого, включает в себя — и это не кажется натяжкой — некоторые из широко известных стихов поэта, напрямую не связанных со смеховой стихией, но

¹ Владимир Высоцкий. Антология Сатиры и Юмора XX века. «Эксмо», 2005

подчёркивающих и оттеняющих её в общем контексте: «Моя цыганочка», «Корабли», «Экспресс Москва — Варшава, тринадцатое место» и другие. Лиризм и трагичность, с одной стороны, сатира и юмор — с другой не отделены здесь, как у А. К. Толстого, тесными жанровыми и тематическими рамками, а взаимопроникают как в пределах одного тематического цикла, так и в пределах одного стихотворения. Первый случай — цикл «альпинистский»: проникновенно трагедийные «Здесь вам не равнина...», «В суете городов» — и искромётная «Скалолазка»; второй — «Нет меня, я покинул Расею...» с живыми портретами москвичей, которые «толкают локтями и сидят на коленях в такси» и жёсткой, отнюдь не юмористической концовкой:

*Не волнуйтесь, я не уехал,
И не надейтесь: я — не уеду.*

Стихия сатиры и юмора в стихах Высоцкого многолика и многогранна. Попробуем в этом разобраться.

Прежде всего, чего нет в стихах Высоцкого? Нет эпиграмм, подобных, например, эпиграммам В. Гафта. Нет литературных пародий, как у Л. Филатова. Нет внешнеполитической, да и вообще политической сатиры и, как следствие, нет «эзопова языка» («Во мне Эзоп не воскресал»). Нет обобщённо-гротескных портретов (их мастером был В. Маяковский). И уж, конечно, нет басен, подобных басням С. Михалкова. А что есть?

Прежде всего, наше внимание привлекает так называемая «ролевая лирика». Это, как пишет Б. О. Корман, «двуродовое литературное образование, характеризующееся сочетанием лирической формально-субъективной организации преобладающей фразеологической точки зрения. Герой ролевого стихотворения (основной субъект сознания) соотносит факты, обстоятельства, людей со своими представлениями о норме»¹. Проще сказать, в ролевой лирике монолог ведётся не от лица автора, а от лица другого человека («роли»), не совпадающего с автором не только по факторам биографическим или историческим, но и по социальному положению, складу характера, углу зрения на мир. При этом фразеология действительно имеет определяющий характер, будь то речевая характеристика персонажа или нарочитая игра словами. В целом «ролевая лирика» Высоцкого создаёт панорамный портрет советского общества 60-х — 70-х годов, причём это портрет «изнутри», увиденный глазами тех, от имени кого ведётся речь.

Сразу две оговорки. Во-первых, эта «портретность» встречается, хотя и редко, и помимо «ролевой лирики». Вот, например, «Баллада о детстве»: «Там за стеной, за стеночкой, за перегородочкой, соседка с соседочкой баловались водочкой. Все жили вровень, скромно так, система коридорная...» Во-вторых, среди «ролевой лирики» есть, хотя их и мало, стихи отнюдь не комического, «смехового» звучания, подчас трагедийные или, по крайней мере, драматические: «Тот, который не стрелял», «Дорожная история», «Банька по-белому». Причём и тут сохраняется фразеологическая модель, присущая данной группе стихов: разговорная речь с элементами речевой характеристики, характерные для неё фразеологизмы, игра словами.

*Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою.*

*Мне быть бы радым, но, присев у пня,
Я выл белугой и судьбину клял.*

¹ Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов. В кн. «Проблемы истории критики и поэтики реализма», Куйбышев, 1981, с. 43

*Я вышел ростом и лицом.
 Спасибо матери с отцом.
 С людьми в ладу, не понукал, не помыкал.
 Спины не гнул, прямым ходил.
 И в ус не дул, и жил как жил,
 И голове своей руками помогал.
 Но был донос и был навет.
 Кругом пятьсот, и ваших нет.*

Это «кругом пятьсот» потом обыгрывается на протяжении всего стихотворения: «вперёд пятьсот, назад пятьсот» километров застрявшей в снегах машины, напарник, ставший от страха агрессивным: «а что ему? Кругом пятьсот, и кто кого переживёт, тот и докажет, кто был прав, когда припрут»; сон, где рассказчику снится лагерь: «что будто вновь кругом пятьсот, ищу я выход из ворот, но нет его, есть только вход, и то не тот».

Но вернёмся к той основной группе стихов «ролевой лирики», в которой комическое начало превалирует.

Мне уже приходилось писать, что литературные истоки и параллели «ролевой лирики» Высоцкого следует искать не в поэзии, а в прозе, в частности, в рассказах М. Зощенко, что неоднократно отмечалось, и особенно в рассказах В. Шукшина¹. Это те же, что у Шукшина, люди, над которыми можно смеяться, но которым нельзя не сочувствовать. Это мы сами, а если не мы, то наши соседи, наши сослуживцы, все те, с кем мы сталкиваемся ежедневно. В тысячах квартир до сего дня Ваня (Петя, Коля) и Зина (Маша, Вера) сидят на диване рядом (именно рядом: «Подвинься, Зин») или порознь, наслаждаясь нехитрыми радостями и пытаясь забыть обыденность. И современные бичи (ныне бомжи) ищут удачи на своей речке Ваче. И милицейские протоколы на сильно выпивших составляются. Хотя многое изменилось. Нет уже всем привычного дефицита, и никто не едет из провинции в Москву со «списком на восемь листов». А ведь было! Даже анекдоты были: «Как вы осуществляете снабжение столь огромной страны? — У нас снабжение централизованное: всё везём в Москву, а оттуда каждый развозит себе». Даже загадки: «Что это: длинное, зелёное и пахнет колбасой? Ответ: поезд «Татарстан» прибывает в Казань». Я и сама свидетельствую: приезжая в Москву работать в Ленинской библиотеке, я часть времени тратила на посещение магазинов, покупала и везла в свою глухую провинцию всё возможное и невозможное. Могу заметить: Высоцкий очень точен в определении предметов дефицита:

*Чтобы я привёз снохе
 С ейным мужем по дохе,
 Чтобы брату с бабой — кофе растворимый,
 Двум невесткам — по ковру,
 Зятю — чёрную икру,
 Тестю что-нибудь армянского разлива.*

Причём ведь всё это (и многое другое) и в Москве надо было искать, толкаться в громадных очередях. И вполне естественно, что у героя «Поездки в город» голова идёт кругом («Я тыкался в спины, блуждал по ногам»), и заученный наизусть список превращается в кошмар, что и вызывает наш сочувствующий смех: «зятю — чёрную икру», «куму с бабой — всё подряд», «растворимой мне махры», «кофе на меху», «коньяк в пуху». И, конечно, самый дельный совет дал тесть: «Тесть сказал: «Давай бери что попадётся». Тема дефицита возникает и в ещё одном смешном стихотворении: «Инструкция перед поездкой за рубеж», где герою-рабочему на-

¹ Вердеревская Н.А. Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого. Наб. Челны, 2001, с.62

столько заморочили в местное голову, что он уже готов отказаться от чести ехать то ли к полякам, то ли к болгарам «в славный город Будапешт». Но не тут-то было: жена настаивает.

Обещал, — забыл ты нешто? — ну хорош! —

Что клеёнку с Бангладешта привезёшь.

Сбереги там пару рупий, не бузи —

Мне хоть чё — хоть чёрта в ступе — привези.

Между прочим, клеёнка (на стол) — это реальность, тоже дефицит, я её сама однажды из Москвы привозила.

Итак, перед нами широкая панорама «массовой» жизни, как московской, так и провинциальной (удивительно, но Высоцкий хорошо знал провинцию), смешная и печальная одновременно: ведь мы узнаём себя. На героев сатира Высоцкого не направлена, их понимаешь и чаще всего им сочувствуешь: Ване и Зине (что с них взять?), неунывающему бичу, приятелям-забудыгам в вытрезвителе, «самому непьющему из всех мужиков», растерявшемуся в московских магазинах, и уж, конечно, работяге-кузнецу, который «два плана залудил». Даже хозяйственник, погоняющий «доцентов с кандидатами», — не монстр, его позиция определяется повседневной практикой и «спущена сверху»: учёных, равно как студентов и школьников, постоянно «гоняли» «на картошку» и «на базу», используя в качестве даровой рабочей силы. Вспомним «Гараж» Эльдара Рязанова. Исключение, пожалуй, только одно: житель коммунальной квартиры, который люто ненавидит своего соседа-геолога за его «богатство»: у того на окнах плюшевые занавески, а «баба его шастает в халате» (великое богатство в коммуналке). Эта ненависть во имя справедливости! — выливается в ёмкую и теперь уже вечную формулу:

У них денег куры не клюют,

А у нас на водку не хватает.

Однако «ролевая лирика» — не единственная носительница «стихии смеха» у Высоцкого. Есть и другие группы произведений, и другие приёмы.

Один из них я назвала бы приёмом стилистической (лексической) адаптации текста. Он редок в литературе, да и у Высоцкого встречается нечасто. Его суть: текст, по тематике, по смыслу, даже по жанру требующий, казалось бы, определённого, соответствующего стиля, как бы адаптируется к вымышленному читателю, которому традиционная стилистика либо непривычна, либо недоступна. Таким приёмом пользуется М. Зощенко в «Голубой книге», «адаптируя» рассказы о событиях всемирной истории: «И вот тут, как нарочно, умирает у них римский папа, может быть, Сикст Четвёртый. Я, впрочем, не уверен в этом. И вот у них там начинаются переборы. Может быть, пленум. Или там конференция специалистов по священному писанию. Одним словом выборы».

У Высоцкого мы видим тот же приём в «Страшной сказке», одном из стихотворений, соотносённым с частой у поэта фольклорной, сказочной тематикой. Лексический ряд в нём, однако, весьма далёк от фольклорной традиции. Он включает в себя как обороты заведомо сниженной, разговорной речи, которая отнюдь не свойственна волшебной сказке («стал король втихаря попивать», «отъявленный хам»), как и лексику сугубо современную, не связанную ни с фольклорной, ни с разговорной традицией. Она привычна читателю газет, политических обзоров, официальных выступлений: «Он прогнал министров с кресел, оппозицию повесил», «слал им каждую субботу оскорбительную ноту», «на соседей покусился». Сочетание того и другого производит комический эффект, тем более что действие происходит в тридевятом государстве, тридесютом королевстве и даже триодиннадцатом царстве.

Ещё более интересно проследить такую переадресовку в «Песне о Вещем Олеге». Высоцкий следует за Пушкиным, не изменяя сюжета баллады: Олег слышит предсказание; Олег ему не верит; Олег погибает, согласно предсказанию, «от коня своего»: от укуса змеи, выползающей из черепа, Высоцкий сохраняет пушкинскую шестистрочную строфу. Стихотворение — не пародия на жанр баллады, ни, тем более, на Пушкина. Это «перевод» текста, ориентированный на иного читателя, адаптация текста.

Как ныне собирается Вещий Олег

Щиты прибавать на ворота.

Вместо «врата» — «ворота», вместо «идёт вдохновенный кудесник» — «но тут прибежали седые волхвы», вместо «гробовой змеи» — «злая гадюка». Такое впечатление, что текст либо адаптирован, либо сам пересказан читателем, которому неизвестны и не свойственны слова и выражения «врата», «обрёк мечам», «заветы грядущего», «мудрый старец», «чело», которому неизвестны Перун, отроки-друзи, тризна, князь Игорь и Ольга. А между тем смысл баллады понят, а трактовка не расходится с оценкой Пушкина: «Каждый волхв покарать норовит, а тем бы — послушаться, правда?»

Есть ещё один путь, применяющийся Высоцким при создании «смеховых», комедийных ситуаций. Это переосмысление самой темы, перевод её из торжественного, патетического, даже трагического, но привычного для нас ряда в ряд подчёркнуто сниженный, комедийный, несерьёзный. Обычно такое свойственно пародии, но у Высоцкого, как я уже замечала, пародий нет, однако ирония по отношению к «высокой теме» очень заметна. Таких стихов немало.

Прежде всего, снижению подвергается тема спорта, точнее — спортивные состязания: «Песня о сентиментальном боксёре», «Песенка про прыгуна в высоту», «Песенка про метателя молота», «Марафон», «Честь шахматной короны» и др. Они не объединены в цикл и написаны в разное время. Это не «ролевая лирика», повествователь — лицо условное, не наделённое ни индивидуальными, ни социальными признаками. В каждом из стихотворений присутствует гротескная ситуация. Следует уточнить: мы привыкли соединять в нашем сознании понятия «гротеск» с гиперболическим, фантастическим виденьем предмета или явления; между тем гротеск — это соединение несоединимого. Гротеск «выступает в качестве пародийного смехового двойника торжественной, патетической гиперболы», «гротескная форма помогает освобождению от ходячих истин»¹.

Соединение несоединимого в данном случае — привычная для нас торжественная, патетическая, приподнятая атмосфера состязания (чемпионата) с подчёркнуто сниженным, чуть ли не пародийным обликом участника (он же рассказчик), который не может и даже не хочет одержать победу, хотя, как ни странно, иной раз её и одерживает. Вот боксёр оказывается победителем именно потому, что не хотел и не умел драться. Вот тренер ставит бедного спринтера на длинную дистанцию, и что из этого вышло? Упал на середине, но хотя теперь тренер не пускает его на стадион, рассказчик не унывает: он стал заниматься боксом, и на него посматривают с опаской. Вот незадачливый шахматист, едва знающий ходы, выдвинут месткомом защищать честь Родины в поединке с Фишером и т.д.

Рискну предположить, что такая предельно сниженная трактовка темы «спортивной победы» связана с тем, какое место эти победы занимали в «идеологическом воспитании» конца 60-х — 70-х годов. Мы должны были быть «впереди планеты всей» не только в области балета, но и в области спорта (ныне то же самое, только с очевидным перекосом в спорт и подальше от искусства, в частности, от поэзии). Полагаю,

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса, М., 1990, с. 42

Высоцкий любил спорт, но официозная риторика была ему ненавистна, а патетика органически чужда. Отсюда и нарочитое снижение темы.

Как это ни странно, но в некоторой степени то же самое можно сказать и о космической теме. Здесь уже не официоз, здесь настоящий всенародный подъём. О космосе и космонавтах создавались стихи и песни искренние и горячие. Вспомним Роберта Рождественского или даже В. Войновича: «Заправлены в планшеты космические карты». Не сомневаюсь, что и Высоцкий разделял этот порыв. И всё же в его поэзии герои-первопроходчики — это моряки, нефтяники, полярники; космонавтов среди них нет. А о космонавтах он написал «В далёком созвездии Тау Кита» — весёлый монолог опять-таки незадачливого героя.

*На Тау Ките
Живут в тесноте,
Живут, между прочим, по-разному
Товарищи наши по разуму.*

Высоцкий играет словами: «на Тау Кита», «у таукитян», «у таукитов», «на Тау Ките», «но таукиты». Он пользуется намеренно сниженной лексикой: «Корабль посадил я как собственный зад», «лечу в настроеньи питейном». Герой глубоко разочарован: таукитянки заявляют ему: «Не хотим с мужчинами знаться, а будем теперь почковаться». Более того, герой в страхе: а вдруг и на Земле, которая «по гнусной теории Эйнштейна» ушла на 300 лет вперёд, тоже дошли до этого.

Во всех предыдущих случаях речь шла о переводе в «смеховой» ряд патетического, торжественного. Но речь может идти и о трагическом.

Тема Отъезда. Для тех, кто вырос и вошёл в жизнь в постсоветскую эпоху, её трагизм абсолютно непонятен. Есть замечательный фильм Глеба Панфилова «Тема», который теперь уже вряд ли попадёт на экраны: современный зритель ничего не поймёт. Герой решил уехать за границу? Ну и что? Подумаешь, трагедия! А была трагедия: уезжали, оставляли близких, друзей, многолетние связи, уезжали, думая (нет, зная!), что это навсегда. Навсегда не будет писем, телефонных звонков, возможности встретиться; навсегда не будет России, её запахов, её снега. В поэзии эта трагедия запечатлелась в стихах Александра Галича, написанных и до, и после эмиграции, в стихах Бориса Чичибабина: «Не веря кровному завету, что так нельзя, ушли бродить по белу свету мои друзья», «Дай вам Бог с корней до крон без беды в отрыв собраться». Трагедия уезжающих, трагедия остающихся.

*Нам не дано, склоняя плечи
Под ложью дней,
Гадать, кому придётся легче,
Кому трудней.*

Высоцкий живо ощущал эту трагедийность. Для него, как для Чичибабина, не было вопросов: уезжать или оставаться. В стихотворении «Темнота впереди...» он так и говорит: «Только мне выбирать не приходится. Очень нужен я там, в темноте». Да, он был нужен.

Но Высоцкий и переосмысляет тему, переводя её из трагедийного в смеховой ряд, говорит о возможности и невозможности отъезда весело, дерзко и яростно.

*Нет меня, я покинул Расею!
Мои девочки ходят в соплях.
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях.*

.....

*Я уже попросился обратно.
Унижался. Юлил. Умолял.
Ерунда! Не вернусь, вероятно,
Потому, что и не уезжал.*

*Кто поверил, тому по подарку,
Чтоб хороший конец, как в кино.
Забирай Триумфальную арку!
Налетай на заводы Рено!*

*Я смеюсь, умираю от смеха.
Как поверили этому бреду.*

А потом, как я уже говорила выше, неожиданно жёсткий и безапелляционный конец: «Не надейтесь! Я — не уеду!»

Близок к рассмотренному ещё один приём, используемый поэтом, хотя и нечасто: «смешение стилей» в рамках одного стихотворения, включение «серьёзного», по своему содержанию, отнюдь не рассчитанного на смеховое восприятие текста в контекст подчёркнуто сниженный (в данном случае «серьёзное» с точки зрения общепринятого, но отнюдь не с точки зрения самого поэта: авторская ирония очевидна).

Я уже говорила, что политическая сатира Высоцкому не свойственна; однако есть исключения, и как раз в рамках этого приёма. Высокая политика оказывается предметом «лекции о международном положении», прочитанной человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам. Он хорошо «подкован», явно читает газеты и имеет свой взгляд на вещи: «Но как мы место шаха проворонили?», «Вот место Голды Меир мы прохлопали, — а там на четверть бывший наш народ». Но особенно интересно в этом отношении «Письмо с Канатчиковой дачи в редакцию передачи «Очевидное — невероятное». Здесь ирония автора направлена прежде всего на всеобщее увлечение «невероятным», которое было повальным в 70-е годы и снова становится повальным в наши дни: экстрасенсами, целителями, инопланетянами, таинственными зонами, где пропадают люди и исчезают корабли (следует отметить, что сегодня телевидение не ограничивается одной передачей такого рода). То, что эти передачи даже психически больным, как говорится, в зубах навязли, — уже смешно. Но в стихотворение ещё врывается и политика.

*... На происки и бредни
Цепи есть у нас и бредни,
И не испортят нам обедни
Злые происки врагов.
Это их худые черти
Бермутят воду во пруду,
Это всё придумал Черчилль
В восемнадцатом году.*

Сколько мы слышали этих «нот» в 70-е, в 80-е, в 90-е годы! И произносили их отнюдь не обитатели Канатчиковой дачи, а партийные лидеры Советского Союза и уважаемые депутаты Верховного Совета, а затем Государственной Думы.

И, наконец, есть ещё одна группа стихов Высоцкого, не очень большая, но включающая в себя вещи известные и всеми любимые.

В одном из современных (и очень хороших) вузовских учебников по теории литературы говорится: «смех как грань сознания и поведения человека, во-первых, является выражением жизнерадостности, душевной весёлости, жизненных сил и энергии

и при этом — неотъемлемым звеном доброжелательного общения... И, во-вторых, смех — это форма неприятия и осуждения людьми того, что их окружает непосредственно — эмоциональное постижение неких противоречий»¹.

Всё, о чём мы до сих пор говорили применительно к поэзии Высоцкого, относится к «во-вторых». А есть и «во-первых»: стихи, не претендующие на житейские обобщения, далёкие от сатиры, иронии, сарказма, а просто весёлые, жизнеутверждающие, энергичные и в высшей степени доброжелательные: «В жёлтой жаркой Африке...», «Утренняя гимнастика», «Почему аборигены съели Кука». Я, например, очень люблю «Песенку о переселении душ», где так весело и необидно обыгрывается один из постулатов индуизма. Будешь жить с мечтой о высоком — и в будущей жизни сохранишь это свойство, а вот свиньёй быть не стоит: останешься свиньёй, и хорошо, если ещё не четвероногой, потому что облезлый кот был, скорее всего, раньше негодеям.

Пускай живёшь ты дворником — родишься вновь прорабом,

А после, от прораба, до министра дорастёшь,

Но если будешь туп, как пень, — родишься баобабом

И будешь баобабом тыщу лет, пока помрёшь.

Досадно попугаем жить,

Гадюкой с длинным веком.

Не лучше ли при жизни быть

Приличным человеком!

Мы смеёмся весело и беззаботно. Мы не хотим быть попугаями. И мы благодарны поэту за этот очищающий и жизнеутверждающий смех.

В своей известной книге «О лирике» Л. Я. Гинзбург пишет: «По самой своей сути лирика — разговор о значительном, высоком, прекрасном (иногда в противоречивом, ироническом преломлении), своего рода экспозиция идеалов и жизненных ценностей человека. Но так же и антиценностей — в гротеске, в обличении, в сатире, но не здесь всё же (оговаривает Л. Гинзбург) проходит большая дорога лирической поэзии»². Эта оговорка не для Высоцкого. Его стихи, полные страсти и боли — поистине высокая лирика, один из этапов большого пути в истории русской лирической поэзии. «Мы вращаем Землю», «Песня о России», «Охота на волков», «Кони привередливые», «Здесь лапы у ели дрожат на весу», «Люблю тебя сейчас», «Райские яблоки», «Я не люблю фатального исхода» и многое другое — всё это останется навсегда. И смех тоже останется: то задумывающийся, то ироничный, то откровенно весёлый, но помогающий нам понять себя, взглянуть на себя и потому помогающий жить.

¹ Хализев В. Е. Теория литературы. Изд. 2-е, М., «Высшая школа», 2000, с. 75

² Гинзбург Л. Я. О лирике. Изд. 2-е, Л., 1974, с. 310

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

Воспоминания о мензелинском театре

Светлой памяти папы и мамы

Она взяла и сбежала после седьмого класса из своей деревни Зирекле в Уфу, потому что мечтала стать актрисой. Ещё в школе — занималась в акробатическом кружке, и теперь тут, в Доме культуры до седьмого пота отработывала у балетного станка бесконечные «гран батман жете» и «деми плие», а вечерами, будто не было усталости, окрылённая надеждой, тут же мыла полы... Затем годы работы в танцевальном ансамбле Уфимской филармонии, пока судьба не привела её в русскую труппу мензелинского театра.

Он, в 1938 закончив Харьковское театральное училище и вернувшись в 1945 с победой из Венгрии, играл несколько лет в Харьковском академическом украинском драмтеатре имени Т. Шевченко, затем колесил по театрам России, пока в одно распрекрасное утро — откуда ведёте и где вы перекрещиваетесь, дороги судьбы?! — не оказался в Москве на Казанском вокзале... Разговорились с рядом сидевшим мужчиной:

- Вы кто?
- Я актёр, на сегодняшний день — безработный, а Вы?
- А я — режиссёр, приглашаю Вас к нам, в мензелинский театр.
- Как Вы сказали? Куда?
- В Мензелинск.
- Где это?..

Режиссёром оказался Сабир Гадельзянович Амутбаев. Безработным актёром был мой будущий папа.

А в Мензелинке его поджидала красавица Фаниса, или Ася, как называла её вся русская труппа, но он ещё не знал об этом тогда... Да и никто не знал. Особенно — я.

* * *

Один из старейших татарских театров, в котором, как часто повторяли приезжавшие театральные критики, сохранился татарский язык в чистом виде. Когда-то, в самом начале пути в нём существовали две труппы — играли и на русском, и на татарском языках, в русской, среди многих прекрасных актёров играли мой папа — Абрамович Семён Исаакович, и моя мама — Зайнутдинова Фаниса Салаховна, впоследствии — заслуженная артистка ТАССР. Затем, когда русскую труппу закрыли, мама осталась в татарской труппе, а папа занялся моим воспитанием, перейдя на дру-

гую работу, но театр продолжал жить в нём, ибо это и была для него — жизнь, вёл кружки художественной самодеятельности. Многие воспитанники его театральной студии в клубе «Строитель» города Набережные Челны поступили в театральные школы и вузы! А ещё он ставил спектакли в Рязанской области.

Я пришла в театр в 1982 году, когда главным режиссёром был Мулланур Мустафин, заслуженный деятель искусств ТАССР, ученик Юрия Завадского. Мустафину театр обязан прекрасным репертуаром в 70-е годы, благодаря чему состоялись большие гастроли в Москве, Ленинграде, Свердловске, Ташкенте, Фергане, Самарканде, Андижане. И всюду были аншлаги, и зритель принимал горячо, и критика не обходила вниманием спектакли «Хаят», «Солдатская вдова», «Ученик дьявола», «Две снохи-сношеньки».

В то же время работал там и режиссёр Ленар Гильмеевич Садриев, заслуженный деятель искусств ТАССР, который и стал моим первым режиссёром в спектакле по пьесе Гульшат Зайнашевой «Зелёная сумка» — лёгкая комедия на злобу дня, высмеивающая спекулянтов. Ленар Гильмеевич всей душой принадлежит театру и нас призывал к каждому спектаклю относиться как к первому и последнему в своей жизни. Он приходил в ярость, когда заставал кого-то из актрис за вязаньем! (А многие из них были большими рукодельницами, вязали на гастролях такие воздушные шали-паутинки, что те, что продавались на базаре — были им не чета! Вязали и себе, и на продажу. А как прожить на 150 рублей, когда у всех семьи, не подскажете?..)

Сегодня вспоминаются забавные и грустные истории, которые нам рассказывала Илюса-ханум Саттарова (Бадриева), народная артистка ТАССР, с ней и её мужем Фаиз абый Бадриевым, народным артистом ТАССР, мне посчастливилось играть во многих спектаклях, а значит, и многие годы гримироваться за одним столом во многих-многих городах и деревушках.

Однажды Илюса апа вдруг сказала: «А знаете, что на гастролях только в нашем театре все гримируются за одним столом?» Мы удивились: «Как так?»

— А вот так. К нам как-то на один сезон устроился на работу актёр из Казани, он был поражён. «Как, — говорит, — с вами уютно! Вы как на чаепитие собираетесь».

А гримировочным столом в клубах чаще всего нам служил бильярдный стол. Когда с мороза рабочие заносили все сундуки и кофры, и на зелёном сукне зажигались две лампочки, соединённые проводом — и в самом деле становилось необыкновенно уютно... А уж если кто-нибудь из сельчан приносил приготовленный в печке балеш, и надрезалась верхняя корочка, и жаркий аромат картошки и мяса наполнял комнату!.. Ах, это было волшебное! Кипятильником заваривался чай, кто-нибудь обычно вздыхал и говорил при виде горячей домашней еды: «А нормальные люди сейчас сидят дома, у телевизора...», и Илюса апа обязательно вспоминала какую-нибудь историю о тех актёрах, с которыми уже не познакомимся мы, но хорошо помнит она...

Хадича-ханум Салимова — выдающаяся актриса татарского театра, заслуженная артистка РСФСР. Вместе с мужем, Сабиром Амутбаевым — заслуженным деятелем искусств Татарстана, чьё имя сейчас носит Мензелинский татарский Государственный театр — после работы в Москве она приехала в Мензелинск. Спектакли, поставленные Сабиром Амутбаевым, я помню только запечатлёнными на фотографиях. Актёры старшего поколения говорили, что это был необыкновенно талантливый режиссёр.

Театр — передвижной: пять дней в месяц дома, двадцать пять — на гастролях. За многие годы забываются, путаются в памяти лица, встреченные в разных деревнях, городах, республиках. Порой с ужасом пытаешься и не можешь вспомнить — кто, откуда?! Конечно, при этом — и страх, и смущение; но актёры, каждый по-своему, выпутываются из таких ситуаций. Чтобы вспомнить хотя бы имя собеседника, начинают с невинным видом задавать самые нелепые вопросы: «Послушай, никак не могу вспомнить, а как тебя мама в детстве называла?» А если вдруг в ответ раздаётся недоумённое: «Да мы с тобой в училище вместе учились, а не в детский сад ходили...» — тут же ориентируются и, смеясь, говорят: «Да я прекрасно помню, просто мне вдруг интересно стало!»

Так же вот однажды, вернувшись с очередных гастролей домой, в Мензелинск, Хадича апа пошла за водой на колонку, а там встречается с женщиной, лицо которой как будто бы очень знакомо...

ЖЕНЩИНА: *(очень рада её видеть)*. О! Хадича апа, здравствуйте!

ХАДИЧА АПА: *(расплылась в самой доброй улыбке, сделала вид, что узнала)*. А! Это ты что ли?! Здравствуй-здравствуй! Когда приехала?

ЖЕНЩИНА: *(заикаясь от удивления)*. От-ткуда приехала?..

ХАДИЧА АПА: В Мензелинск-то, говорю, когда приехала?

ЖЕНЩИНА: Да я здесь... в Мензелинске живу...

ХАДИЧА АПА: *(быстро спохватилась, но виду не подаёт; ещё рассмеялась, будто бы над её непонятливостью)*. Да я знаю, что в Мензелинске живёшь! Я говорю, как ты на нашей улице-то очутилась?

ЖЕНЩИНА: *(задумчиво)*. Да я... живу... на этой улице...

Немая сцена!.. Вот и удивляйтесь после этого, что актёров называют странными!

Актёры сидят перед спектаклем в маленькой комнатухе очередного деревенского клуба и гримируются. Зрители, собираясь в фойе, один за другим под разными предлогами — то журнал взять, то бильярдный кий — входят в эту комнату и выхо-

дят. Хадича апа еле сдерживает накапливающееся раздражение — перед спектаклем хочется сосредоточиться, — она ещё из той породы актёров, которые за два часа приходили в театр перед спектаклем, чтобы настроиться.

Опять входит какая-то девушка, молча берёт стакан со стола актёров (в вестибюле возле бака с водой не всегда есть стаканы...) и невозмутимо направляется к выходу... Это была последняя капля. Хадича апа взорвалась: «Ку-да понесла стакан?!» Девушка испуганно обернулась. (Это оказалась дочка хозяйки, у которой частенько останавливалась Хадича апа на ночлег после спектакля.)

— Ой, Хадича апа! Это вы?! Что же вы к нам не зашли, хоть на чашку чая!..

Хадича апа моментально расплылась в самой искренней улыбке — а играют актёры в таких случаях безукоризненно!

— А-а! Здравствуй-здравствуй, милая! Бери-бери стакан! Это я так просто, это к тебе не относится. Это другие ходят тут без конца, то одно надо, то другое... Бери-бери, это я — просто, чтоб ты обратно не забыла принести, ладно?

— Ладно-ладно, конечно! И-их, зачем Вы к нам на чай-то не зашли?!..

И девушка, довольная встречей, радостно вышла.

ХАДИЧА АПА: (*тихо и зло*). Кто это?

Общий смех...

Хадича апа, уложив в чемодан свои лучшие вещи и предвкушая только самое приятное из того, что может случиться с человеком в отпуске, отправилась отдыхать в санаторий ВТО под Москвой. Разместилась она в угловой комнате во флигеле. А сам флигель — белого цвета, изящный, красивый, ну, будто чёлн, плывущий под облаками в никуда, как мечта поэта, — одним словом, белый корабль, да и только!

Как-то вечером условились они с соседкой на следующий день пойти постирать на реку.

Утром Хадича-ханум проснулась от голосов электриков, ремонтирующих проводку (уснуть больше не представлялось возможным, да и вообще пора вставать), накинула на себя лёгкий халатик, и вскоре обе женщины, собрав белье, спустились к реке, а поскольку день был чудесным, то и блаженствовали там до самого вечера.

Когда солнце стало спускаться, усталые, разморённые водой и солнцем, они двинулись в обратный путь. По дороге вдруг увидели женщину, бегущую им навстречу во весь опор. Почему-то возмущённая их счастливым вальяжным видом, женщина крикнула:

— Чего плетётесь, как коровы? Пожар! — и умчалась дальше.

Хадича апа — в ответ, ничуть не смутившись: «А мы что, пожарники что ли?» А после небольшой паузы: «А что горит-то?» — «Белый корпус-у-с...» — донеслось уже издалека.

Наших женщин как ветром сдуло! Мчались до флигеля во весь дух. Добежали... и встали, как вкопанные... «Белый корабль» полыхал ярким пламенем. Все вещи сгорели дотла.

Вот теперь настала пора отдать должное актёрской изобретательности! Какая выдержка! Какое самообладание! Решительным движением руки Хадича апа отрезает верх от только что выстиранной сорочки, прошивает оставшийся подол с трёх сторон — и нужный мешок готов!

И так, как была — в летнем халатике, хлюпающих шлёпанцах и с мешком за плечами (в нём — остаток вещей) предстала на пороге ВТО. Председатель ВТО Рашида Зиганшина только руками всплеснула:

— Хадича! Ты откуда?!

— Погорела я!

— А-а!.. И ты там была?

Слухи летят быстрее ветра. В Казани уже давно было известно, что в одном из московских санаториев случился пожар.

С тех пор Хадича апа, собираясь летом отдохнуть, тщательно сортировала вещи:

— Эти — возьму, эти — не возьму. Это тряпье... — возьму. Эти лохмотья тоже возьму, всё равно сгорят!..

В один из вечеров перед спектаклем за нашим столом зашла речь о мужчинах и женщинах, кто сильнее? И вот ещё история.

Хадича апа к приходу мужа с работы сварила суп — золотистый куриный бульон с домашней лапшой, чистейшую воду прямо из колодца принесла. А... уж только когда суп был готов, с ужасом заметила, что в бульоне плавает жирный белый колодезный червь!..

Заново суп варить времени нет: Сабир абый вот-вот придёт. Что делать? Зачерпнула ложкой червя и выбросила. С глаз долой — из сердца вон!

Сабир абый пришёл, сразу — за стол.

— А ты что, Хадича, не ешь? Такой вкусный суп!

— А я... Да я что-то плохо себя чувствую сегодня. Совсем аппетита нет...

А сама еле сдерживается от тошноты, как посмотрит на суп, который муж кушает с таким удовольствием!..

Вывод в тот вечер был однозначным: мужчины без нас — бедные. Они только хорохорятся: «Мы! Мы — голова!» А на самом деле!..

Сабир абый и Хадича апа разошлись. Перегородили комнату фанерной стенкой. Тёплая сторона, на которой печь находилась, осталась на стороне мужа. А зимы в Татarii холодные.

Наконец, в один из вечеров раздаётся из-за перегородки голос Сабира абый:

— Хадича!..

— Эу!..

— Не мёрзнешь?

— Мёрзну!

— Заходи, погрейся у печки.

Зашла. Вдруг стук в дверь, пришёл в гости один из актёров. Куда деваться? Уже весь театр прослышал о разводе! Стыдно! Недолго думая, Хадича апа нырнула под одеяло.

Входит актёр — кто-то из ампула любовников. Мебели особенно не было, присел тут же, на кровать, и подмигивает, кивая на фанерную стенку: «Соседка-то в гости заходит?» Сабир абый мычит что-то невнятное в ответ. И долго так разговаривали, пока он по одеялу как-то нечаянно рукой не провёл...

— А что это так жёстко на кровати, Сабир? Дрова что ли там у тебя? Приоткрыл одеяло... а оттуда — запыхавшаяся, чуть не задохнувшаяся Хадича апа... Актёр так и обомлел, не нашёлся, что сказать, только: «Ой, что ж вы не сказали, что опять поженились? Я бы раньше ушёл...»

Так они сходились и расходились. Непростые характеры. Как только расходились, Хадича апа брала единственную пуховую перину и решительными взмахами огромных ножиц разрезала её пополам, и половина торжественно вручалась мужу, как печать о разводе! Каждую минуту делала всё раз и навсегда... Когда опять сходились — та же единственная перина аккуратно и любовно сшивалась под тихую беседу примирившихся супругов.

Но однажды она была разрезана в последний раз.

Как-то на пороге их дома появилась Эля, женщина, которая познакомилась с Сабиром абый на гастролях в Альметьевске, полюбила его и обещала приехать за ним. И — приехала.

И сейчас стояла в коридоре. Звонок в дверь... Открывать пошёл Сабир абый... увидел её и от неожиданности опять закрыл! Растерянно подошёл к жене и сказал: «Хадича, так и приехала ведь эта... за мной...»

ХАДИЧА АПА: Ах, за тобой?!

И многострадальная перина была разрезана и вручена теперь уже бывшему мужу в очередной — а оказалось — в последний раз...

После развода, когда уже все актёры постепенно начали получать благоустроенные квартиры, Хадича апа жила на втором этаже двухэтажного красного кирпичного дома на Конной площади, по ул. Тукая 55. (Никакой площади там уже не было и в помине, но название осталось; говорят, раньше там торговали лошадьми.) Три подъезда дома выходили навстречу подъездам соседнего дома, так что получался вполне уютный двор с дорожкой посередине, где танцевали по праздникам.

По этой же дорожке и провожать выходили двумя домами... Когда двоих хоронили друг за другом в одном из домов, уже по старой примете ждали третьего. Как ни печально, примета сбывалась.

Соседи рассказывали, как Хадича апа частенько по вечерам выходила на балкон, брала в руки мандолину и устраивала концерты.

Мы с родителями переехали в этот дом в 1978 году. Хадича апа иногда заходила к нам в гости. И после угощения они вдвоём с мамой пели песни. Пела она хорошо и русские песни своим характерным голосом. «Ой, да ты, кали-и-и-нушка...» А я, как могла, подтягивала и подыгрывала им на маленьком купленном папой аккордеончике.

Когда заходила речь о смерти, всегда резко и горячо говорила:

— Упаси Аллах, меня ненакрашенную в гроб не кладите!

И однажды всё-таки пришлось мне услышать, как мама, вернувшись домой, тихо сказала: «Помыли, причесали, уложили. Накрасили красиво, как просила...»

Очень боялась большой скорости. Обычно на театральных автобусах не слишком-то и разгонишься (даже я, работая уже в 80-е годы, не припомню, чтобы мы ездили на комфортабельных машинах), но когда надо было въехать на гору, шофёрам часто приходилось съезжать с горы и сильно разгоняться. Покрышки трещали и, казалось, что машина мчится с несусветной скоростью.

Хадича апа очень пугалась в такие моменты, и почти кричала на весь автобус, показывая на шофёра:

— Зачем он мчится?! Ну, зачем он так мчится!

— Ну, Хадича апа, так нужно.

— Кому это так нужно?!

И ей терпеливо объясняли всю незамысловатую технику въезда на гору на старом полуразвалившемся автобусе. Она, сохраняя на лице гневное выражение и внимательно выслушав, гордо отворачивалась к окну и поучительно говорила:

— Нёчего!.. На гору въезжать!..

А однажды по дороге на спектакль Хадича апа спрашивает:

— В какую деревню едем?

— Урус авылы, — отвечают. (В переводе с татарского — «русская деревня».)

— А название — как?

— Урус авылы, Хадича апа.
 — Что деревня русская — это я поняла! Деревня-то как называется?!
 — Она так и называется, Урус авылы! Урусово — по-русски!
 — Нечего кричать, так сразу бы и сказали, — миролюбиво заключала Хадича апа, доводя собеседника до белого каления.

После развода бывшим супругам пришлось работать вместе. С ними же на гастроли ездила и Эля апа.

Не брезговали наши актёры и шабашкой — левым заработком, только это категорически запрещалось в то время. Вот и ездили по деревням под фальшивым названием самодеятельного театра.

И вдруг! В одну из деревень, где играет наш «самодеятельный театр», откуда ни возьмись приезжает на спектакль комиссия из Москвы — ищут таланты, чтоб пригласить в Москву на смотр самодеятельных театров.

— Мы заехали, можно сказать, случайно, — с улыбкой говорит председатель комиссии — были в соседней деревне, и вдруг услышали, что неподалёку тоже самодеятельный театр играет. Ну уж заодно и к вам...

Ой-ёй! Что делать?! Как бы куда не доложили о шабашке! Но деваться некуда, представились сборным самодеятельным коллективом города Мензелинска и, помолясь, открыли занавес...

Рядом с комиссией специально человека своего посадили, чтобы он разъяснял — кто есть кто.

Выходит на сцену Муслима апа — замечательная актриса, яркая, с отменным чувством юмора.

— Это — буфетчица наша, — докладывает наш человек комиссии, — из Горстроя.

— Буфетчица?! — поражена комиссия из Москвы. — Ну и ну! Какой талант...

А рядом Эля апа сидит, не понимает, что происходит, и возмущённо перед комиссией возражает: «Да вы что?! Какая буфетчица? Это же Муслима наша! Не знаете — так не говорили бы лучше!..» Но на неё зашикали сразу, отвлекли от неё внимание.

Выходит Илюса апа на сцену.

— Это студентка из ФАША. (Фельдшерско-акушерская школа, медучилище.)

Выходит актриса Галина Юзманова.

— Это студентка из педучилища...

Эля апа от возмущения вскочила, хочет всю правду рассказать, её кое-как усадили, комиссию быстренько на другое место пересадили: «Вы на эту женщину внимания не обращайтесь, она немного не в себе...» (И на голову показывают лёгким движением.)

Тут Хадича апа на сцену выходит. Ну, её-то скрыть тяжело было. Даже и не пытались: «Это заслуженная артистка РСФСР Хадича Салимова, она на добровольных началах самодеятельности помогает».

Спектакль закончился. Комиссия — поражена.

— Мы — в восторге! Вы... Вы обязательно едете в Москву! Можете уже считать себя победителями. Хорошо, что мы заехали сюда! Такое бы пропустили! Просто слов нет. Да ещё такая актриса помогает самодеятельности — да это же!..

— Но в Москву на смотр самодеятельных театров мы так и не поехали, — улыбаясь, закончила рассказ Илюса апа, — видимо, правду всё-таки узнали...

Деревня Кузкеево. Очередной спектакль, в котором Хадича апа, подстреленная из ружья, должна была падать. Но она была бы не она, если бы просто падала на сцену. Нет! Она в порыве шуточной страсти обычно «случайно» падала в первый ряд прямо

на колени к председателю или, на худой конец, заместителю председателя колхоза. Надо думать, это весьма оживляло спектакль!

В этот раз председателя в первом ряду не оказалось, и она «упала» на колени просто к какому-то старичку. А он... вдруг как схватил её в объятия — и не выпускает! Цепкий такой дедушка попался. Уже артисты остановили спектакль, кричат ему со сцены: «Отпусти, бабай, отпусти её! Нам играть надо!» Бабай молчит и только крепко держит её. Уже и зрители кричат: «Отпусти её, отпусти!»

Подбежали, наконец, несколько зрителей и насилу вырвали актрису из крепких рук. Продолжили спектакль. Потом, в перерыве, старик зашёл в гримёрную и говорит актёрам:

— Оставьте мне её, пожалуйста... У меня жена два года как умерла. Оставьте её, у неё тело-то какое мягкое... Ну что вам? Оставьте...

Ну, и вслед за этими смешными и грустными воспоминаниями хочется сказать в память об этой удивительной женщине, актрисе, кому-то там, наверху: «Оставьте её нам. Не забирайте всю. Отпускайте дух её кружить иногда над родным театром, над маленьким городом Мензелинском, где состоялась её жизнь, её горение и, конечно, любовь...»

* * *

Илюса апа Саттарова и Фаиз абый Бадриев — великолепная актёрская пара, которая работает в театре с начала своей карьеры и по сей день.

Приехали в очередную деревню. Илюса апа — тогда ещё молоденькая актриса — замешкалась в автобусе, а все актёры уже вошли в клуб. На улице — зима. Илюса апа подходит к двери, а дверь закрыта на ключ. Как-то странно. Вроде, только что все входили... «Откройте!» — кричит она и стучится в дверь, а в ответ молчание. Она удивлена: только что все вошли, минут пять назад, а за дверью ни привычного шума, ни голосов; она стучится ещё громче: «Откройте! Впустите меня!»

Наконец, из-за двери доносится голос Мохит абый Кичубаева — старейшего актёра мензелинского театра.

— Кто там?

— Пустите меня! Это я!

— А кто это — ты? — невозмутимо спрашивает Мохит абый, будто не узнаёт.

— Это я, Илюса! — Илюса апа приплясывает на месте от холода.

— Фамилия! — требует Мохит абый.

— Саттарова!

— А отчество?

— Ахметовна! Впустите уже!

— А-а... Так ты Илюса. Ещё и Саттарова. Да ещё Ахметовна, оказывается. Тогда ступай-ка, обойди клуб, там будет парадный вход, вот в ту дверь и зайдешь, а эта — закрыта изнутри.

«Уф! Ну, что тут поделаешь, пришлось обходить!» — смеётся Илюса апа.

В 60-е годы актёры с утра приезжали в деревню, в которой вечером предстояло играть спектакль. Расселяли всех по разным домам, где отдыхали, приводили себя в порядок перед спектаклем. Хозяева попадались разные.

Очередная деревня. Артисты приехали. Пока администратор зашёл к хозяевам спросить, пустят ли актёров на постой, Илюса апа и Фаиз абый уже зашли с вещами

во двор, а с ними и маленький сын Марат, которому было годика два. Во дворе стоял мешок с пшеницей. Марат — маленький, пшеницу в зёрнах первый раз увидел, подошёл, ткнул пальчиком — «Мама, что это такое?»

В это время на пороге как раз показалась хозяйка дома, увидела Марата возле пшеницы и в ужасе закричала:

— Ой, они с ребёнком! Нет-нет! С детьми не пушу! Ни за что! Ребенок всё тут перевероршит! Не пушу!

Делать нечего. Пошли в другой дом проситься. Там дома — только хозяин. Но — пустил. А хозяйка ещё на работе была. До её прихода Илюса апа полы вымыла, в доме прибрала, заодно и своё бельё постирала и на дворе повесила.

Хозяйка пришла, только руками всплеснула:

— Ой, опозорилась перед гостями! Не прибрано в доме было.

— Ничего, апа, — говорит Илюса апа, а сама думает: «Лишь бы не выгнала!»

И тут вдруг входит во двор её соседка, — та, что квартирантов из-за ребёнка не пустила, а хозяйка не нахвалится:

— К нам актёры на квартиру зашли, так артистка к моему приходу весь дом прибрала, да ещё и полы помыла.

А та ей в ответ — горячо:

— Вот ведь, кому как повезёт! А к нам тоже хотели артистов поселить, так ты не представляешь — ребёнок ворвался, всю пшеницу по двору раскидал, всё вверх дном перевернул!..

Илюса апа ей с крыльца говорит:

— Апа, а ведь это мы и были.

— Нет-нет, не вы, у тех ребёнок был!

— Вот наш ребёнок, — показывает Илюса апа на подошедшего Маратика.

Женщина слегка растерялась, но не сдаётся:

— Да нет, не вы! На той и платье-то другое было.

Илюса апа показала на своё выстиранное платье, что на верёвке во дворе сушилось:

— Вот это платье?

Женщина взглянула, и обомлела, — узнала:

— Да... Эт-то платье было...

Немая сцена.

Успех гастролей провинциальных театров часто зависит от очень неожиданных вещей. Когда летняя страда — раньше девяти вечера и начинать нечего. Зимой — другое дело: как только стемнеет в пять-шесть, народ с работы придёт, с делами разберётся, в полвосьмого, бывало, начинали. Мы, тогда двадцатилетние, не очень разбирались в таких тонкостях, хотелось скорее начать, чтоб, вернувшись в гостиницу, успеть повеселиться за общим столом, а если повезёт — и попасть в райцентре на последний сеанс кино.

— Ну, давайте уже начинать! Чего ждём? — стонали мы.

— Когда коров подоят, — степенно отвечали наши умудрённые опытом сорокалетние «старики».

— О-о!

Они думали и о том, чтобы больше людей спектакль посмотрели, и о том, чтобы в казне театра — прибавилось.

А однажды наши гастроли совпали с показом по телевидению сериала «Цыган», где главные роли исполняли Клара Лучко и Михай Волонтир.

Лето. Вечер. Вернулось стадо... — и деревня будто вымерла. Возле клуба виновато прохаживался заведующий и бродили, покуривая, одинокие актёры. Только после окончания очередной серии в половине десятого вечера (ещё не потерявшие интереса к национальному искусству) зрители собрались на спектакль.

— Волонтира убьём, — мрачно изрёк Фаиз абый.

«Мулланур абый — настолько тактичный человек, — рассказывает Илюса апа (Мулланур Мустафин — режиссёр, заслуженный деятель искусств ТАССР). — Я была совсем ещё молодая, после театрального училища, одну из первых своих ролей репетировала. И вдруг ко мне в гости подруга из нашей деревни приезжает. Я попросила разрешения привести её на репетицию. Мулланур абый согласился, и за весь рабочий день ни одного замечания мне не сделал. Вышли мы вечером из театра, а подруга смотрит на меня восхищёнными глазами и говорит:

— Эй, Илюса, ты теперь совсем настоящая артистка стала! Смотри-ка, режиссёр ваш всех учит, а тебе ни слова не сказал!..

Я промолчала», — улыбается Илюса апа.

Актёры сидят в гримёрной. Актриса Менавара апа крем на руки мажет. Подходит к ней маленький Марат, спрашивает:

— Для чего ты мажешь?

— Чтобы руки мягкие были.

— Дай и маме немного.

— На, возьми, — и на ладошку ему немного из тюбика выдавила.

Марат тут же маме отнёс:

— Возьми, мама.

— Спасибо, — говорит Илюса апа и кремом, как обычно, тыльную сторону рук смазала.

— Ой, что ты сделала? — кричит Маратик, — ты же не той стороной меня вчера шлёпнула!

Что ж, шлёпали нас немножко родители... Актёры. Горячий народ. Потом только понимаешь татарскую поговорку: «То место, куда мать ударила — шайтан не возьмёт».

Святое место...

Я теперь уже взрослая. Моей дочери — 21 год. И только теперь я понимаю, что, конечно, при большой роли всевозможных воспитательных процессов, как всё-таки мало мы меняемся!

И уверенной рукой подписываюсь под словами Фаины Раневской: «Беда не в том, что человек стареет, а в том, что он остаётся молодым...» Актёры — это дети. Теперь я уже сомневаюсь — больше ли они дети, чем все остальные, чем люди других профессий? Может, они — дети, которые *просто не умеют и не хотят этого скрывать?*

Сидим, гримируемся в холодном клубе зимой.

ИЛЮСА АПА: Из всех смертей — только в воде утонуть боюсь.

Я: Да и в огне сгореть не лучше.

ИЛЮСА АПА: Ой, не знаю! Я не очень боюсь в печке сгореть: мне кажется, я там только согреюсь!

Смеёмся. Вьюга завывает во всех щелях.

В последний день гастролей, после спектакля, той же ночью мы возвращались в Мензелинск — домой! Пока разбирали декорации, Фаиз абый обычно спрашивал:

— Который час?

— Половина двенадцатого, — отвечает кто-нибудь.

Фаиз абый задумывался на мгновение и уверенно изрекал:

— Без пятнадцати три будем в Мензелинске.

Так он любил проверять свой внутренний хронометр, свою интуицию. И почти никогда не ошибался. Он вообще был очень наблюдательным человеком. Например, говорил, что после 22-го дня гастролей обязательно из ничего, на пустом месте возникает ссора, потому что 22 дня — это наш актёрский и человеческий предел, после которого неминуемо наступает срыв. Когда было слышно, как кто-то скандалит, Фаиз абый невозмутимо провозглашал: «Двадцать второй день».

— Поэтому, — он говорил, — гастроли лучше делать не на 24, а на 22 дня.

Может, когда-нибудь администрация и прислушается к этим выстрадаанным на нашей собственной шкуре наблюдениям.

Последний день гастролей — это особенный день. Ты всё ещё будто на сцене, но — тебя уже нет! Только твоё брэнное тело мечется из кулисы в кулису, ловко огибая проваливающиеся доски и торчащие гвозди старого клуба — а душа! Душа уже въезжает в ночной Мензелинск, где все спят, где качаются в тёмном небе огромные зелёные деревья, и ветер, словно невидимый стражник, требуя пропуск, — свой, чужой? — сначала рывком бросает себя навстречу, потом — окутает, успокоит...

Последний день гастролей — это такой день, когда на репетиции мы никак не можем ухватить нужный темп, режиссёр ехидно подбрасывает нам подсказку: «Эту сцену играйте так, как вы играете в последний день гастролей». И всё становится ясно! Темп найден!..

Уже сейчас, когда я пишу эти воспоминания, смеясь и вздыхая, я узнаю, что Фаиз абый ушёл от нас...

И вспомнилось, как он однажды сказал: «Я утром всегда сначала умоюсь, побреюсь, надену свежую рубашку, а потом только подхожу Булата будить». (Речь — о младшем сыне, режиссёре Булате Бадриеве.)

Я поинтересовалась: «А почему, Фаиз абый?»

Он сказал: «Потому что если сегодня я умру, он должен навсегда запомнить меня аккуратным и подтянутым».

Да, Фаиз абый. Мы таким Вас всегда и будем помнить — аккуратным, подтянутым и честным человеком. Это не всем дано — каждый день помнить о смерти и каждый новый день проживать как последний.

Спасибо, что мы много лет были добрыми соседями; что Илюса апа не забывала позвать и меня, когда перед школой наливала Марату морковный сок («Это — полезно!»), спасибо за незабываемые минуты веселья, за чудесное сценическое партнёрство; за то, что большой отрезок жизни мы были попутчиками на этом свете, и за то, что встретились в таком удивительном месте, которое называется театр. Которое, несмотря ни на что, мы всё-таки любим...

* * *

Насима апа договорилась с родственниками, чтобы они помогли сделать ремонт в квартире. Жиангир абый всё оттягивал, не хотел начинать.

НАСИМА АПА: Жиангир, когда уже?! Посмотри на стены — белить, красить надо!
ЖИАНГИР АБЫЙ: Да ведь чисто ещё!

Не выдержав, в один прекрасный день Насима апа взяла в руки кисть, обмакнула её в коричневую краску, встала на стул и на весь потолок огромными буквами написала: «НА — СИ — МА!»

Тогда только Жиангир абый начал ремонт. «Иначе, — говорит Насима апа, — не дождалась бы!»

Яркая женщина, великолепная актриса, она вместе с Анваром Фасхетдиновым и Хадичой Салимовой возвратилась в 1939 году из Москвы после участия в Декаде татарского искусства со званием — заслуженная артистка РСФСР. Много лет мы были добрыми соседями, я благодарна ей за потрясающее умение сочувствовать и вовремя приходиться на помощь.

Приехали в деревню, распределяют артистов по квартирам. Администратор ещё не успел из автобуса выйти, а актриса Менавара апа сама в дом побежала, чтоб быстрее с хозяйкой договориться — уж очень добротен дом выглядел; а значит, и накормят сытно, если повезёт!

А хозяйка в это время в погребе была, картошку перебирала. Погреб находился не в первой комнате, а во второй. Чтобы попасть в погреб, обычно выпиливалось из пола две-три доски квадратом, а в деревянях по старинке просто убирались две длинные доски, которые шли от самого порога комнаты до противоположной стены. Вот они-то как раз и были в тот момент убраны.

Менавара апа в первую комнату бежала, хозяев нигде не увидела, и, не останавливаясь, бегом — во вторую, дверь на себя открыла... — и свалилась в погреб чуть не на голову хозяйке! Мгновенно на ноги вскочила, еле от земли отряхнулась, и, не переводя дух, выпалила:

— Апа! На квартиру пустите?!

Обомлевшая хозяйка оглядела её с ног до головы и жалостливо как-то сказала:

— И-ий, доченька... А если б сюда не прыгнула, там, наверху, неужели не успела бы спросить?..

*** апа и Роза апа моются в мензелинской бане в душевых кабинках. О, мензелинская баня тех времён — это особое место! Место встреч по субботам для тех, у кого во дворе не было своей бани, место последних новостей, стряхивание и смывание с себя тяжести прошедшей недели и предвкушение беззаботного воскресенья!.. Но и частенько — сидение без воды в самый разгар мытья! Хорошо, если успеешь шампунь с головы смыть!

И на этот раз кончилась вода.

*** апа халатик на себя накинула: «Пойду, посмотрю, почему воды нет». А халат только сверху застегнула и таким образом гордо по всему коридору прошествовала в район кочегарки — мимо мужчин, ожидавших очереди в свой душевой отдел.

Когда вернулась, Роза апа с широко раскрытыми глазами спросила:

— Ты *прямо так* выходила?.. — и показала ей на развевающиеся полы незастёгнутого внизу халата.

*** апа только ахнула:

— А я думаю, что это все на меня так смотрят!

Под халатом, конечно, ничего не было. Так и прошлась по коридору, удивляя всех своей первозданной красотой!..

Наши артистки пошли в баню, в общее отделение. А *** апа, взяв веник и таз, зашла в парную, в которой несколько довольно больших и крутых ступеней вели на горячий широкий поллок.

Вдруг посреди общего шума, заглушив громкие голоса женщин, крики детей, звук льющейся в железные тазы воды, раздался нарастающий грохот со стороны парной. Дверь с треском распахнулась, и, сидя в тазу, крепко держась за края, с выпученными глазами из моечного зала выехала наша знаменитая актриса — *** апа.

С самого верха! Упав в таз, по каждой ступеньке! И не перевернулась по дороге, и не потеряла управления! Хорошая физическая подготовка!

График работы в театре всегда был примерно один и тот же: два-три месяца репетиций нового спектакля, и — труппа отправлялась на 24-дневные гастроли в какой-нибудь район. Затем — долгожданное возвращение домой на 3–4 дня, и — опять, с тем же спектаклем отправлялись в следующий район. Так спектакль обкатывался 10 месяцев в году.

10 месяцев, помноженных на 24 дня, мы произносили одни и те же слова одного и того же текста. Пожалуй, мы были своеобразными героями! Потому что считается, что сохранить творческий дух произведения в таких условиях, когда текст уже вязнет в зубах (или набивает оскомину — как хотите!) — почти невозможно.

Но каждый вечер, на каждом спектакле кто-нибудь из актёров старался внести новый нюанс, какой-нибудь «оживляж», импровизацию, чтоб мы совсем уж не превратились в механических говорящих кукол. Для творческих встрясок существовало ещё и такое «мероприятие», как приезд режиссёра на гастроли.

Для режиссёров это было приятной прогулкой, разнообразящей будни (пусть они поправят меня, если я не права!), а для нас, конечно, своеобразным толчком, чтобы проснуться и вспомнить, что когда-то на репетициях этого спектакля и глаза горели, и стулья ломались, и много было сказано слов о сверхзадачах вообще и о смысле жизни в масштабах Вселенной в частности.

В такие «набеги» к нам на гастроли, когда мы разъезжали с «Зелёной сумкой», Ленар Гильмеевич Садриев обычно просил кого-то из нас перед спектаклем, пока мы гримировались, вслух читать одну из последних статей в журналах «Театр» или «Театральная жизнь». (И правильно делал! И большое ему спасибо за это!)

В тот вечер я читала вслух статью-жалобу одной московской актрисы о том, что в их театре постепенно иссякает дух творчества, что нет уж прежнего служения священному огню искусства во славу изменчивой Мельпомены. И так далее, и тому подобное.

Роза апа Зиганшина закончила гримироваться первой и теперь внимательно слушала статью, глядя на меня. И когда я дошла до места, где автор статьи восклицала (а читать я старалась, как говорят в школе, с выражением): «О каком творчестве может быть речь, когда в прошлом году нас отправили на гастроли в какой-то N-ск, где мы *целый месяц были вынуждены играть один и тот же спектакль!*»

Тут Роза апа не выдержала и чуть ли не со слезами на глазах проникновенно выдохнула:

— *Мес-кен-нэр! (бед-ны-е!..)*

Мы все попрытали смех — кто в ладони, кто — отвернувшись к окну, но потом дружно расхохотались...

Целый месяц! Это вам не 10 месяцев, помноженные на 24 дня!

Анвар абый Фасхетдинов — это большая страница нашего театра. Большой мастер. Настоящий художник. Его грим под Ленина был неотличим от фотографий Ленина.

Но грим Ленина требовался ему не только для спектаклей: наш местный «Владимир Ильич» Фасхетдинов проезжал на броневике на мензелинских парадах и под холодным ветром 7 ноября, и в цветущем аромате майских акаций — и, разумеется, неизменно вызывал восхищённые взгляды. А в театре за грим Ильича он садился за два часа до спектакля, в котором, кстати говоря, моя мама, заслуженная актриса ТАССР Фаниса Зайнетдинова, играла Н. К. Крупскую.

Актёры провинции — мы не знали прелести прикосновения рук профессиональных гримёров. Взрослые актёры учили молодых; так мы потихоньку и постигали премудрости:

— чтобы нос казался короче, надо на кончике «укоротить» его коричневым цветом,

— чтобы нос был длиннее — надо по бокам оттенить коричневым, а посредине оставить тонкую светлую полосу,

— внутренние уголки глаз отмечаются красными точками, чтоб глаза казались моложе,

— чтобы казаться красивой для последних рядов галёрки, нужно наложить такой грим, который вблизи кажется чуть ли не уродливым и так далее...

Анвар абый был актёром старой школы. Мы с папой пришли на премьеру спектакля «Женитьба» по Н. В. Гоголю, сидели в последнем ряду. На сцене появился Анвар абый Фасхетдинов в роли Подколёсина. После первой же его проходки из одной кулисы в другую папа тихо сказал мне: «Да, это старая школа. Мастер». А мой папа за свою жизнь повидал много больших актёров и на Украине, и в России.

Одно появление Анвара абый на сцене вызывало в памяти все гоголевские образы. (Так говорили, что в одном спектакле В. Э. Мейерхольда, поставленном по произведению какого-либо автора, можно было почувствовать атмосферу всех произведений этого автора одновременно.) Он в одном образе как бы концентрировал самый дух этой эпохи, как в одной капле можно разгадать все свойства воды. Это было поразительное слияние внутреннего состояния образа с пластическим рисунком роли — невероятное мастерство!

А ещё про Анвара абый говорили, что он — такой художник, что нарисованные им 10 рублей невозможно отличить от настоящих! Может быть, это была шутка, но, глядя на его недолговечные шедевры грима, которые, в отличие от картин, через несколько часов исчезали навсегда, в это верилось...

Однажды в одном из спектаклей, в сцене, где участвовали Анвар абый и Ахмадиша абый Зиганшин, Анвар абый со словами «Да-а, Степан...» должен был задумчиво и проникновенно похлопывать Ахмадишу по плечу. Анвар абый делал это, глядя в зал, а на последних спектаклях начал это делать настолько механически, что потерялась связь с партнёром, — Ахмадиша абый переживал по этому поводу:

— И ведь не смотрит! Даже не смотрит на меня! Ну, я — ему!..

Такого «оскорбления» Ахмадиша абый выдержать не мог и на следующем спектакле в том месте, когда Анвар абый задумчиво говорил, глядя в зрительный зал «Да-а, Степан...», Ахмадиша абый просто отошёл в сторону, а Анвар абый действительно не заметил этого, и... рука буквально провалилась, похлопав по воздуху!

Анвар абый рассердился, зато Ахмадиша абый своей шуткой остался доволен!..

Ахмадиша абый был опытный охотник. В один из зимних походов в лес он встретил лису. Выстрелил. Лиса упала. Подошёл ближе — оказалась ещё живая. Потом лиса встала на ноги. Ахмадиша абый стоит, подсмеивается, мол, куда она может уйти?

А лиса сделала шаг, пошла, пошла, прихрамывая... так и ушла! Опомниться не успел.

В следующий раз он опять подстрелил лису, но, памятуя о произошедшем (не зря, наверное, сказки складываются о том, что заяц — трусливый, а лиса — хитрая), он подошёл, посмотрел — лиса не шевелится. «Вроде — мёртвая». Но потом подумал: «Э-э, нет, теперь не проведёшь!» И ударил её ружьем изо всех сил. Лиса не шевельнулась: действительно была мертвая. Зато приклад дорогостоящего ружья раскололся надвое. Мёртвая лиса над ним подшутила!

Купил Ахмадиша абый новый пылесос. Инструкция, наверное, к нему прилагалась, но он читать её не стал. Пропылесосил диван, ещё один диван. Машина работала так красиво и слаженно, что он тщательно и с удовольствием пропылесосил все закоулки в доме и сел отдохнуть. С гордостью рассматривая «нового домашнего друга», он заметил какую-то неизвестную кнопку и решил нажать на неё, чтобы проверить... Вся пыль квартиры, которую он так заботливо собирал полтора часа, с ужасающим свистом вырвалась наружу, оросив квартиру грязным дождём!.. Кнопка была распылителем, который применяется при побелке стен — действительно реальная помощь для разумных хозяек при ремонте квартир!

Приехали в очередную деревню. Ахмадиша абый — в плохом расположении духа. Навстречу — завклубом:

ЗАВКЛУБОМ: Ой, вы уже приехали, да?

АХМАДИША АБЫЙ: *(мрачно)*. Нет ещё.

ЗАВКЛУБОМ: *(растерянно глядя на автобус)*. Так ведь... приехали же...

АХМАДИША АБЫЙ: Ну, а если видите — нечего и спрашивать.

Последние числа июля, уже конец маминого отпуска. Мы с мамой идём по городу, а финансовое положение перед выходом на работу, конечно, было — не очень. Мне хотелось купить что-то, но денег у нас не нашлось. Вдруг мы заметили, как по площади идёт Ахмадиша абый.

— Ахмадиша-а! — закричала мама, — у тебя рублей 5 до аванса не будет?

Ахмадиша абый остановился, развернулся к нам и красочно оттанцевал чечётку с широко разведёнными руками!

Ах, как живописен и красноречив был этот короткий степ!

Мы все трое расхохотались. Да и правда, «не хлебом единым жив человек!»

Анатолий Степанович Богатырёв — заслуженный артист ТАССР, долгие годы совмещавший должности актёра и директора театра, волевой, энергичный человек, фамилия как раз ему подстать. Это он, принимая меня на должность костюмерши в 1981 году, спросил, улыбнувшись:

— По татарски-то хоть понимаешь?

— Немножко, — тихо ответила я.

— Немножко, — усмехнулся он.

Исторический день. Так я и пришла в театр. А впрочем, я думаю, это было неизбежно.

Администратор Галя распределила всех артистов по домам. Анатолий Степанович и его жена Альфия с хозяйкой познакомились, вещи в дом занесли, потом вышли.

Пока Альфия апа по делам ходила, Анатолий Степанович вернулся и перед спектаклем лёг спать за печку.

Когда проснулся, увидел, что перед ним хозяйка стоит, как-то странно на него смотрит, но он спросонья внимания не обратил, только поинтересовался:

— Альфия не вернулась?

— Вечером придёт... — говорит хозяйка. (А в татарском языке — «придёт» и «приедет» одинаково звучит.)

— А-а... — и повернулся на другой бок.

Выспался к вечеру, встал, посмотрел на хозяйку — и ничего не понял:

— Ты — не наша апа.

— Как понимать? — улыбается хозяйка.

— Ты — не из этого дома?

— Из этого.

— Но ты не наша апа.

Наконец, выяснили. Оказывается, он перепутал дома и зашёл к соседям. А дочку хозяйки тоже Альфия звали, и как раз сегодня вечером она должна была приехать на спектакль.

Когда Анатолий Степанович вернулся в «свой» дом, рассказал всё это, хозяин подмигнул ему:

— А-а! Неслучайно ты в этот дом-то зашёл! Эта её дочка Альфия тебя от себя не отпустила бы! Она — ух, какая!..

Дети из двух соседних домов долго друг другу хвастались:

— А к нам на квартиру артист зашёл!

— А к нам тоже зашёл! Только он спать лёг за печкой!

И все были очень довольны, что к ним артист на квартиру зашёл, что никого не обделили.

* * *

1965 год. Страна разбогатела. Колхозы начали мясо продавать. Актёры купили одну овцу на четыре семьи. Купили, разделали на четыре равные части, ноги отрезали, сначала выбросить хотели, потом передумали, и пока Нур абый Ягудина не было, все четыре ноги на его долю отложили — просто так, послушать, как он пошутит.

Нур абый подошёл, развернул сверток с мясом. Внимательно посмотрел и спросил:

— На скольких разделили?

— На четверых.

— О-о... — задумчиво сказал Нур абый, — шестнадцать ног было у этой овцы...

Говорят, как только кто-нибудь, вздыхая о прошедших временах, с грустью начинал рассказывать: «Эх, а вот я в былое время...», то Нур абый резко прерывал: «Тарихны сойлэмәскә!» («Историю не рассказывать!») Понимал, что грустные воспоминания — это признак старости. И — запрещал стареть!

Как-то Жиангир абый Зиганшин зимой перед спектаклем пошёл на охоту. Актёры все уже загримировались, уже спектакль пора начинать, ждут-ждут, а его всё нет. Наконец, приходит — заснеженный весь, в одной руке — ружьё, в другой — заяц. Очень устал. Быстроногий, видимо, заяц попался.

А в спектакле этом у Жиангир абый был огромный — на пять минут! — и очень ответственный монолог. Его спрашивали:

— Ну, как там дела?

И он пять минут должен был рассказывать, что произошло «там», откуда он пришёл. Собственно, этот монолог объяснял весь смысл происходящего в пьесе действия. И завершился монолог словами: «Да-а, уж были там дела, поверьте мне!» И все зрители ахали от таких новостей.

В этот вечер открыли занавес. Играют спектакль. Доходят до этой сцены. Выходит Жиангир абый. Его спрашивают:

— Ну, как там дела?

Жиангир абый вышел, еле ноги волочит после охоты, опустился на стул, хотел было начать подробный захватывающий рассказ, но... только рукой устало махнул и сказал последнюю фразу:

— Да-а, уж были там дела, поверьте мне!..

Актёры остолбенели! Без монолога — никак! Ничего не понятно! Давай расспрашивать его и с этого бока и с того, но, сколько ни пытали, он больше ничего не сказал.

Как уж выкрутились — непонятно. Но обычно в такие моменты актёры приходят на выручку очень быстро, обязательно кто-нибудь быстро сообразит, так или эдак расскажет зрителям то, что нужно — вроде спасительной фразы: «Ты тут молчишь, старый пень, но мир не без добрых людей, и мне вот вчера рассказали, что...» И дальше — по тексту...

А ещё одну несмешную, но удивительную историю рассказала Илюса апа.

Тайфур абый, старейший актёр театра, во время Великой Отечественной войны попал к немцам в плен. И вот ведут их по дороге, недалеко от какой-то деревни. Вдоль дороги стоят столбы, через один — столбы с подпорками, за которые можно спрятаться. И — пришла безумная мысль: «Бежать!»

Тайфур абый улучшил момент и спрятался за один из них. Подумал: «Убьют — так убьют!» Шеренга с военнопленными медленно удалялась вдоль по дороге, а ему эти минуты, видимо, казались вечностью... Так и ушли, не заметив. Он добежал до деревни, а там — в первый попавшийся дом, притаился в сенцах. Выходит хозяйка в сени, испугалась, хотела крикнуть, а он ей: «Тише, я — русский солдат». Хозяйка руками всплеснула: «Что ты?! Да у меня же в доме штаб расположился!» Но спрятала, спасла его, потом ночью уже всеми правдами и неправдами тихонько вывела из дома и показала, куда бежать. Так Тайфур абый чудом спасся из плена. Говорит, что потом часто видел это во сне и страшно кричал...

В 70-х годах в театр приехал новый режиссер Рафаэль Усманов, только что окончивший Московский институт культуры, — весь исполненный романтических театральными планами и высокой любви к искусству. Он подходит к гримёрной, где вместе с актёрами сидит уборщица Альфия апа, и рассказывает солёные анекдоты с такими крепкими словечками, что Рафаэль просто замирает на пороге... Потом, уловив, наконец, паузу, ошарашено спрашивает:

— А Вы где работаете?

— Пид-ущилище, — вызывающе говорит Альфия апа. (Она плохо говорит по-русски, но разыгрывать любит!)

— В педучилище?! А... кем??

— Пи-да-гог!

— Кош-мар... — только и выдохнул Рафаэль.

В мензелинском театре появился Фаиль Ибрагимов. После нескольких спектаклей, которые он поставил в качестве приглашённого режиссёра из Набережных Челнов, он взял в руки пьесу Карима Тинчурина «Голубая шаль», перекроил её, как

опытный портной, уверенной рукой превратив повествовательный рассказ в захватывающую основу для действия — и приступил к постановке. А действие и вправду оказалось захватывающим. Второй акт начинался с лесной сцены беглецов, и в это время за кулисами собирались работники театра и актёры, видевшие её на репетиции сотни раз, чтоб посмотреть ещё. Это дорогого стоит...

Пьеса о несознательных элементах, не принимающих революцию, таких, как сластолюбивый псевдорелигиозный ишан, мечтающий взять пятую по счёту жену, юную Майсару, и о первых вестниках коммунизма на деревне, это — молодой, вернувшийся с далёких работ шахтёр Булат, влюблённый в Майсару, и она отвечает ему взаимностью. Но её родной дядя то уговорами, то угрозами и побоями подталкивает к свадьбе с богатым ишаном.

Репетиция «Зэнгэр шэл». («Голубая шаль».)

Мы — массовка, стайка перепуганных подружек Майсары — жмёмся друг к другу на одном помосте, на втором — Жиганша (Рашит абый Мардеханов) измывается над Майсарой (Разиля Харисова-Муллина).

Два помоста на колёсиках, из которых и состояла вся декорация, Фаиль распорядился сделать такими крутыми, что если бы не канифоль, которой приказали перед спектаклем всем нам смазывать ичиги (сапоги) и всю остальную обувь, — не знаю, смог ли бы там кто-нибудь вообще удержаться!

ЖИГАНША: *(обмотав вокруг руки звенящие монистами косы Майсары, кричит)*. Будешь! Я сказал — ты будешь женой ишана!

МАЙСАРА: *(кричит)*. Нет! Никогда!

ФАИЛЬ: *(кричит громче всех)*. Переживайте!! *(Это — нам.)* Что вы стоите?! Пережи-вай-те за Майсару! Её же отдают за нелюбимого! Ещё раз сначала!

Начали сцену заново. На помосте рядом со мной актриса Гульсина Хисматуллина, стыдливо прикрыв губы платком, пересказывает громким шепотом — чтобы слышно было только нам — весь свой переживательный монолог:

— Бедная Майсара! Ну, зачем она сопротивляется? Всё равно отдадут ведь. Несчастливая... Что она понимает в жизни?! Чем за этого нищего голоштанного Булата идти, уж лучше тихонечко, спокойненько вышла бы за ишана — и горя бы не знала! Каталась бы, как сыр в масле! И-их!.. *(Переживает. Очень. Мы, конечно, еле сдерживаем смех. В 20 лет вообще всё смешно...)*

Ещё одна история вспомнилась на тему «А нормальные люди в это время...»

К тому времени, когда уже и я начала выезжать на гастроли, а Насиля Гараева несколько лет не работала в качестве актрисы, вдруг — перед самыми гастролями возникают непредвиденные обстоятельства. Ах, срочный ввод!

Насиля быстро вводится на роль, и мы выезжаем на зимние гастроли в соседний район.

Зимние гастроли изначально предполагают холодный автобус, тулупы поверх пальто и незапланированные метели. И вот — вечерний выезд на спектакль. Что-то около шести или семи часов, когда быстро сгущаются сумерки, в окна домов уютно зажигаются тёплые огни, и снег действительно становится голубым, как его и рисуют... Роза апа Зиганшина со вздохом, глядя в окно автобуса:

— И-их, а нормальные люди в это время, вернувшись с работы, поужинав, садятся перед телевизором...

— Ой, а я насколько им не завидую! — с жаром откликается Насиля, — как всегда, вернутся сейчас с работы, прочитают газету, завтра опять пойдут на работу. Скучно! А мы!.. Даже выезд в эту деревню — само по себе маленькое приключение, не знаешь, что тебя ждёт!..

Она возбуждена, соскучилась по гастролям, по дороге и, наверное, даже по этим вечно ломающимся холодным автобусам, нашим «Кубанцам» и «Уральцам».

А насчёт: «Не знаешь, что тебя ждёт», — тут она оказалась права.

Пока играли спектакль, кто-то сказал: «На улице — буран». Ну, буран так буран, метелями нас не удивись.

Заполночь возвращаемся обратно.

Но метель оказалась всем метелям метель. Снега намело столько, что приподнятое над полями шоссе сравнялось с полями окончательно, и всё превратилось в одно ровное белое полотно. Сначала на дорогах попадались не очень большие сугробы, но постепенно стало ясно, что дальше автобус не проедет.

Кто-то сказал: «Может, полем попробуем проехать?»

Непонятно, почему все поддались на эту идею. То есть, конечно, понятно — поскорее хотелось вернуться в гостиницу! Но и не только: просто на замёрзшем поле сквозь косую позёмку просвечивала чёрная земля, и надо было только прорваться несколько метров!

И шофёр, недолго думая, — а лучше сказать, вообще не думая! — резко повернул влево, попробовав выехать на поле... Наш автобус глубоко кивнул головой и медленно, мягко и явно бесповоротно сел в глубокие наметённые снега. Все замолчали.

Потом начали с надеждой оглядываться на дорогу, где скоро должна была показаться наша вторая, грузовая машина с декорациями, которая не раз буксиром вывозила наш заплутавший автобус из подобных ситуаций.

Ура! Свет грузовой машины! Воспрянули духом.

Выбежали, и... (воистину, иногда затмение находит на всех разом) вместо того, чтобы отправить грузовую машину обратно, за подмогой — за трактором — начали уговаривать шофёра, чтобы и он свернул на поле — у него рессоры повыше! — а потом вывезет буксиром и нас!

И — о, чудо! — шофёр грузовой также поддался на уговоры, и наша грузовая также мягко, грузно и бесповоротно села, носом уткнувшись в снег — симметрично автобусу, словно подчёркивая, что одна глупость обычно похожа на другую...

Тут уж мужчины, откопав кем-то припасённую бутылку водки и распивая её на ходу, вместе с шофёрами отправились пешком в деревню, подгоняемые собственным смехом и колючим морозным ветром, раздевающим на ходу. Кто-то кричал им вслед: «Вы осторожнее там, тут волки водятся!..»

Кто не сидел зимой (минус 30 градусов) в промокшей от снега одежде всю ночь посреди поля в старом «Кубанце», тому этого не объяснишь. Мы настроились на многочасовое ожидание, и в автобусе воцарилась спящая тишина, которую прорезал тихий спокойный вопрос Розы апа:

— Ну, что, Насиля, я им тоже нисколько не завидую: нормальные люди сейчас всего лишь обыкновенную куриную лапшу поели, какой-то там телевизор посмотрели, газеты почитали и спать легли, бедные — а вот мы!

Общий смех...

Огромное спасибо тем нашим шофёрам, которые так же, как и мы, заболели театром и задержались в нём надолго. В непролазную осеннюю грязь, где по нашему бездорожью иногда проехать мог только К-700 (знающие — знают, о чём я говорю: у этого трактора одни колёса — высотой два метра), наши водители показывали чудеса пилотажа, чтобы вовремя довести нас домой живыми. Аркадий, Володя Иванов, Ирек Теряев, Олег Теряев, Саша Иванов. Да и грех бы им нас не вывезти живыми, мы ведь таких красивых детей им нарожали!..

Это был спектакль, где Насиля заменила Илюсу, по пьесе Файрузы Байрамовой «Һәркемгә бер кояш» («Для всех одно солнце»). Судьба подарила Насиле ещё одну возможность сыграть на сцене. Роль жены миллиардера, где в финале её убивают. В момент выстрела её маленького сына Ильдара всеми правдами и неправдами пытались отвлечь и увести подальше от сцены, потому что он каждый раз закатывал громкую истерику. Его ничуть не утешала мысль, что каждый раз после выстрела мама приходила к нему за кулисы живая и невредимая...

Насиля погибла быстро, тяжело и страшно. Её на полном ходу сбил КамАЗ, когда она побежала вслед за старшим сыном, перебежавшим дорогу — в ужасе, как бы его не сбила машина. Через два часа её уже не стало...

Это случилось на Сармановском тракте возле Набережных Челнов, на самом опасном участке дороги, где машины разгоняются до полной скорости. Насиля боялась машин, но только тогда, когда думала о ребёнке, а не о себе...

70-е годы. Спектакль о трудных буднях хирургов. Одного из врачей играет великолепный Рашит абый Мардеханов, народный артист ТАССР. Актриса Гульсина и я — в массовке, в белых халатах и масках, расхаживаем туда-сюда — создаём фон больницы и очень радуемся, когда удаётся придумать хоть небольшую бессловесный этюд.

В начале четвёртой картины в ординаторскую входит Хамзэ Нэбиевич (Рашит абый), затем мы с Гульсиной встречаемся в коридоре на заднем плане, она останавливает меня, тычет пальцем в книжку — якобы собирает профсоюзные взносы, так мы про себя объяснили смысл этой сценки — я киваю: мол, хорошо, сейчас распишусь, а деньги принесу потом. Так было изо дня в день.

А сегодня вдруг, как только мы встретились и начали свою пантомиму, Рашит абый обернулся и внезапно прикрикнул на нас зло: «Эшегездэ булыгыз!» («На рабочих местах будьте!»)

Мы вздрогнули от неожиданности и с испугу разбежались в разные стороны. А он что-то начал сердито ворчать себе под нос. И когда вошёл Фэвзи (актёр Хафиз Хамматуллин, заслуженный артист Татарстана), то поздоровался с ним, но не приветливо, как обычно, а буркнул: «Сэлэм!», и потом, в ответ на недоумённый взгляд Хафиза, пояснил, будто извиняясь: «Ходят тут, в коридоре книжки читают!» Хафиз еле удержался от смеха.

Чудесный актёр. Какая правда жизни! Для импровизации хватило пустяка. И какая вера в эти самые предлагаемые обстоятельства!

В одной из деревень перед спектаклем вдруг — не покормили. То ли председатель работницу столовой пораньше домой отпустил, то ли ещё что — не повезло. Мы не обиделись, но настроение всё-таки — не то.

Вначале той же самой картины, когда Хафиз входит в ординаторскую, после обычного приветствия у Рашита абый идёт фраза: «Бик кунелсез куренэсез, Фэвзи». («Что-то у Вас настроения нет, Фэвзи».)

А сегодня Рашит абый ничего не подозревавшему Хафизу говорит, как ни в чём не бывало: «Бик кунелсез куренэсез, Фэвзи, эллэ ашамый килгэнсез?» («Что-то у Вас настроения нет, Фэвзи. Вас что, не покормили?»)

И Хафиз при всей своей силе воли опять чуть не «раскололся».

Но это поднимает настроение, не даёт забыть, что всё, в конечном счёте, — игра, вся наша жизнь, и не стоит её усложнять...

Перед началом спектакля. Народ собирается. Помреж и актёры посматривают из-за кулис, не пора ли начать. Наконец, звенит третий звонок, и — раздаются радостные аплодисменты засидевшихся зрителей. Рашит абый — задумчиво и странно:

— Этот народ — не поймешь: уже и звонку в ладоши хлопают...

В том же спектакле. Муслима апа Гарифуллина (заслуженная актриса ТАССР) играет маму Рината (актёр Тагир Халиуллин).

Муслима апа сказала свою последнюю реплику, после которой должен войти Тагир, и выжидающе застыла.

Пауза. Тагир не входит.

Муслима апа на разные лады с разной интонацией ещё пару раз повторила последние слова. Опять — пауза. Тагира нет. Она поняла, что так его не дожждётся, повернулась в сторону гримёрной и закричала сердито, что было сил, как будто видя его вдалеке:

— Ринат! Ты куда пошёл?! Сначала домой зайди, а потом пойдёшь туда, куда собирался!

Тагир пулей выскочил на сцену:

— Ах, здравствуй, мама!..

Тагир. Наш добрый гений. Молчаливый и умный. Все рассказывали ему свои секреты. Но никто никогда не слышал от него секретов чужих. Китайский гороскоп он знал наизусть. Но рассказывал нам его весьма своеобразно: избирательно. То есть только то, что мы на данный момент *хотели услышать*.

— Тагир, а как у Тигра с Быком? — спрашивала я, когда завязывались отношения с будущим мужем.

— Очень неплохо, — уверенно кивал головой Тагир, — приземлённый Бык как раз даёт Тигру опору, которая ему так необходима...

Это была правда. Но, не слишком обожествляя гороскоп, я всё-таки заглянула в него для интереса сама и прочитала, что Бык с Тигром почти никогда не уживаются в одном доме. Но зачем мне тогда было об этом знать? Так правильно рассудил мудрый Тагир. А чему суждено сбыться — то и так произойдет, так зачем лишний раз говорить об этом?

К тому же всегда есть надежда, что люди окажутся мудрей тех капканов, что составляет им жизнь... И предвещает гороскоп.

На это он нас и настраивал.

* * *

И напоследок — не о смешном.

1982 год. Играем пьесу Гульшат Зайнашевой «Зелёная сумка».

Моя первая роль, первая пьеса. Мой первый партнёр — Фидаис абый Мухаммадиев. Он поддержал меня, сказал, что я — на своём месте, что не зря выбрала профессию.

А потом — одно из собраний, и... он уволен из театра.

Увольняли многих. В том числе и по этой, весьма распространённой причине — тоже. Но я хочу повиниться перед его семьёй от имени нас всех. Никто не свят.

Я думаю, он был уволен в назидание другим. И, скорее всего, через несколько месяцев был бы опять принят на работу, как часто со многими и бывало.

Только никто не ожидал, что после нескольких месяцев мучительных поисков и попыток работать в других местах — не выдержит сердце.

Он очень любил театр. И свести счёты с жизнью для него оказалось легче, чем жить без театра. Никто и не ожидал. Фидаис абый, простите нас, пожалуйста...

В гримёрной как-то я заметила, что в баночке с пудрой у него нет обычной марли, в которую мы заворачивали кусок ваты, чтобы стряхивать пудру.

— А чем же Вы убираете остатки пудры? — спросила я.

— А у меня есть для этого особенная вещь, — улыбаясь, сказал он.

— Какая?
— А вот! — сказал он и достал заячью лапку.
— Она настоящая?!
— Самая настоящая. Смотри — пушистая, лёгкая и не пропитывается потом. Очень удобно.
Он любил вот такие удобные лёгкие вещи. И они действительно были особенными.

Ринат абый Юзикеев. Актёр нашего театра. А для меня — ещё и сосед, мы жили через стену. Он, жена Нурзия апа и маленький Радик.

Однажды мы с подругой-одноклассницей учили физику и никак не могли понять тему «Шлюзы».

Постучались к Ринату абый.

— Шлюзы?! — сказал он, — это же так просто!

И тут же привёл нас к себе в комнату, достал разные тазики, миски, банки, резиновый шланг — и начал объяснять нам, как устроены шлюзы.

Когда с работы вернулась Нурзия апа, мы покидали залитую водой квартиру довольные, со счастливыми лицами, что неподдающаяся тема по физике наконец-то усвоена!

Он всегда был готов прийти на помощь!

Спасибо, Ринат абый, и тоже — простите нас, пожалуйста.

Он мог сыграть персонажа любой национальности.

Наверное, потому что в нём самом не было никаких границ...

Простите, потому что жизнь, оказывается, коротка и быстро мчится.

Потому что мудро сказал Гёте: «Перед великим умом я склоняю голову, а перед великим сердцем — колени».

Потому что ещё кто-то о том же сказал: «То, что я знаю — узнать может всякий, а сердце такое лишь у меня».

Нет на свете двух одинаковых людей. Даже близнецы с одними и теми же лицами, пришедшие из одной утробы, — и те разные, что уж говорить об остальных.

Провинциальные актёры — особая каста. Не всем удаётся бежать в открытое плавание. А тем, кто предан театру и служит в нём до конца, — низкий поклон.

Воистину, надо слишком любить театр, чтобы не представлять без него жизни.

МОЗАИКА

из жизни писателей, художников, композиторов, артистов, учёных

«Мозаика» — плод увлечённости известного советского писателя и просветителя А. М. Топорова (1891–1984)¹.

«Многие коллекционеры, — говорил он о будущей своей книге, — собирают картины, редкие книги, открытки, почтовые марки, металлические и бумажные деньги, трубки, портсигары, птичьи яйца, спичечные коробки, конфетные и мьельные обёртки и другие предметы, а я попытался собрать любопытные факты и эпизоды из жизни учёных, писателей, художников, композиторов, артистов театра, кино, цирка, словом, замечательных людей, создававших общечеловеческую культуру».

И ещё:

«Я пытался представить героев эпизодов как живых людей в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими. В моих миниатюрах нет ничего вымышленного. Все они извлечены из литературных источников и лишь сжато изложены мною».

Около десяти лет А. М. Топоров усердно разыскивал в старинной и новейшей литературе эти эпизоды. Вместе взятые, они представляют крупницы энциклопедических знаний, преподанных в занимательной форме. Топоров был уверен, что собранное им малоизвестно или вовсе неизвестно большинству читателей, особенно молодёжи, и страстно хотел бы увидеть свою книгу изданной. Но не суждено было: книга в сильно усечённом варианте и сравнительно небольшим тиражом увидела свет лишь год спустя смерти автора — в 1985 году. И сразу же стала библиографической редкостью.

Вниманию читателя предлагается несколько миниатюр из жизни тех великих людей, которые так или иначе связаны с Казанью. Это А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. М. Горький, Д. И. Менделеев и Ф. И. Шаляпин, 140-летие со дня рождения которого отмечается в феврале 2013 года.

Как известно, гениальный русский оперный и камерный певец родился в Казани. Здесь же он учился: сначала в частной школе Ведерниковой, далее в Четвёртом приходском и Шестом начальном училищах. С девяти лет пел в церковных хорах, пытался научиться играть на скрипке, много читал, но вынужден был работать учеником сапожника, токаря, столяра, переплётчика, переписчика. В двенадцать лет участвовал в спектаклях гастролировавшей в Казани труппы в качестве статиста. Первое сольное выступление Шаляпина — партия Зарецкого в опере «Евгений Онегин», в постановке Казанского общества любителей сценического искусства.

¹ Наш альманах уже печатал материалы, связанные с именем писателя и просветителя А. М. Топорова. — «Аргмак. Татарстан», 2011, № 1 (6)

Земляки свято чтят память великого артиста. Международный оперный фестиваль имени Фёдора Ивановича Шаляпина — один из культурных брендов Республики Татарстан. Начиная с 1982 года, он проводится в Казани — на сцене Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М. Джалиля. Это поистине уникальное явление в мировой музыкальной культуре. А в 1999 году у колокольни Богоявленского собора, в котором был крещён Фёдор Шаляпин, установлен памятник певцу (скульптор А. Балашов). Здесь же расположен отель «Шаляпин-Палас».

Игорь ТОПОРОВ

ПОДАРОК ГЁТЕ ПУШКИНУ

Стихотворение А. С. Пушкина (1799–1837) «Сцена из Фауста» вполне оригинальное, хотя поэт и использует образы трагедии Гёте. Это своеобразный философский диалог Фауста и Мефистофеля, в котором учёный выражает своё разочарование в славе, любви, выносит суровый приговор бесплодной схоластической науке:

*В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч её случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна как сон...*

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), путешествуя в 1827 году по Германии, заехал в гости к Гёте. В беседе с ним немецкий поэт выразил восхищение русским вольным переводом «Сцены из Фауста» и попросил Жуковского передать Пушкину в знак благодарности перо, которым была написана бессмертная трагедия.

ИСКРЫ ОСТРОУМИЯ

А. С. Пушкин встретил в Московском английском клубе старика-баснописца Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837), бывшего тогда министром. Дмитриев спросил Пушкина:

— Не правда ли, Александр Сергеевич, какое странное сочетание слов в названии: Московский английский клуб?

Пушкин засмеялся:

— А есть ещё более странное, Ваше Превосходительство.

— Какое же?

— Императорское человеколюбивое общество...

ПОНЕДЕЛЬНИК ЛУЧШЕ ВТОРНИКА

Задержав выплату гонорара Пушкину за помещённую в журнале статью, хитрый издатель послал ему записку с вопросом: «Скажите, Александр Сергеевич, когда Вы желаете получить деньги — в понедельник или во вторник, и все ли двести рублей прислать Вам сразу или сто?»

Пушкин ответил: «Понедельник лучше вторника, а двести лучше ста».

А.С. ПУШКИН В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ

Александр Сергеевич Пушкин был проездом в уездном городке Малоархангельске Орловской губернии.

Местные сплетники раззвонили, что в городок прибыл столичный ревизор по поручению царя. А так как в городке не было гостиницы, то уставший в дороге поэт остановился на постоялом дворе. Городские власти испугались приезда высокого начальства. С раннего утра они в полном составе, в мундирах и при орденах, во главе с городничим Сквозником-Дмухановским, явились на постоялый двор, чтобы предстать ревизору.

Утомлённый с дороги Александр Сергеевич проснулся в дурном расположении духа. Услышал за стеной тревожный шёпот и спросил о нём слугу. Тот доложил. Пушкин сильно рассердился и крикнул:

— Гони их в шею!

Этот грозный окрик заставил чиновников мгновенно исчезнуть. Напившись чаю, Александр Сергеевич уехал из городка. А чиновники ликовали и поздравляли друг друга с миновавшей бедой...

Как известно, поэт рассказал Н. В. Гоголю малоархангельский эпизод, из которого выросла бессмертная комедия «Ревизор». В ней сохранена даже подлинная фамилия городничего Сквозника-Дмухановского.

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Ею обладал брат Пушкина — Лев Сергеевич. Нередко он удивлял своих многочисленных гостей, медленно прочитывая целые страницы прозы, а затем повторяя их наизусть.

Память Льва Сергеевича сыграла спасительную роль в судьбе 5-й главы «Евгения Онегина». Вот как это было.

Крайне нуждаясь в деньгах, Пушкин поехал из Москвы в Петербург, чтобы отдать новую главу в печать. Но в дороге потерял рукопись, а черновик был уничтожен.

Поэт послал Льву Сергеевичу на Кавказ письмо, рассказав о случившемся. И вскоре получил ответ — три листочка бумаги, на которых мельчайшим бисерным почерком был воспроизведён текст потерянной главы с точностью до последней запятой. А ведь Лев Сергеевич лишь один раз слышал эту главу в чтении автора, да ещё раз прочёл её сам.

КТО ГЛУПЕЦ?

В петербургском театре шла опера. Главную партию пел знаменитый бас — Осип Афанасьевич Петров. Некто, сидевший рядом с Пушкиным, всё время скверно подпевал артисту. Поэт не выдержал и довольно громко сказал:

— Что за глупец? Мешает слушать!

«Подпевала» обратился к Александру Сергеевичу:

— Позвольте, милостивый государь, спросить: кого вы называете глупцом?

— Конечно, артиста Петрова, так как он лишает меня удовольствия вас слушать.

ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА

А. С. Пушкин скончался на руках у В. И. Даля. Последние слова поэта: «Жизнь кончена», — слышал только Даль.

На память о Пушкине у него остался перстень с тёмно-зелёным камнем и простреленный чёрный сюртук с маленькой дыркой — следом от пули убийцы поэта.

Перстень Пушкина был для Даля талисманом. При взгляде на него у Владимира Ивановича, по его признанию, «руки тянулись к перу»...

СЛЁЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Софья Андреевна Толстая рассказывала, что Лев Николаевич во время работы над эпопеей «Война и мир» однажды вышел из своего кабинета весь в слезах. Его спросили:

— Что случилось?!

Махнув рукой, он досадливо ответил:

— Да что вы понимаете?.. У меня только что умер князь Болконский...

СТАРИК В ТУЛУПЕ

Как-то в редакцию журнала «Русская мысль» зашёл старик в тулупе и меховой шапке и подал секретарю рукопись рассказа крестьянского писателя Сергея Терентьевича Семёнова (1868–1922). Секретарь обещал ответ недели через две.

В назначенное время старик явился в редакцию, секретарь попросил его подождать, а сам ушёл в кабинет редактора, откуда доносился оживлённый разговор.

Беллетристику в «Русской мысли» вёл тогда Александр Михайлович Ремизов (1877–1957). Секретарь доложил ему, что старик пришёл за ответом о рассказе Семёнова.

— Да, да... Я прочитал. Пусть подождёт. Сейчас я выйду.

Прошло часа полтора. Разговор в кабинете редактора продолжался. Секретарь напомнил:

— Этот старичок дожидается.

— Да, да. Сейчас приду, — сказал Ремизов.

Прошло ещё немного времени. Секретарь в третий раз напомнил о старике. Ремизов схватил рукопись и вышел:

— Где этот старичок?

Старик поднялся с дивана.

— Это вы — Семёнов? Мы прочитали рассказ.

Ремизов внимательно взглянул на старика и онемел: перед ним стоял сам Лев Николаевич Толстой! Это он два с лишком часа покорно сидел в углу, ожидая приёма у редактора, чтобы просить о напечатании рассказа Семёнова.

Жалея растерявшегося редактора, Лев Николаевич виновато сказал:

— Да нет, ничего... Я тут отдышал...

ЛЕКЦИЯ ГОРЬКОГО О ТОЛСТОМ

Алексей Максимович Горький (1868–1936) в 1920 году в Аничковом дворце в Петрограде читал лекцию о Толстом. Резко обличал он ошибки Льва Николаевича. Но когда дошёл до рассказа о смерти великого писателя, не мог произнести слов: «Толстой умер», — только беззвучно шевелил губами и плакал. Удалился в артистическую. Стоя у окна, тербил папиросу и плакал. Публика несколько минут молчаливо ожидала его возвращения на кафедру.

РУССКИЙ ФАУСТ

В 1894 году Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907) пригласили в Кембридж и Оксфорд для получения присуждённой ему степени доктора наук. Церемония награждения обставлялась по-старинному, чрезвычайно торжественно. Высокие избранные одевались в средневековые мантии с широкими рукавами и чёрные бархатные береты. Цвет мантий был разный: у естественников и философов ярко-красный с синими отворотами, у филологов и историков фиолетовый, у музыкантов белый.

Наш гений с его пышной гривой волос очень уж походил на гётевского героя. Недаром Дмитрия Ивановича в Англии прозвали Фаустом...

В Оксфорде процессия новоизбранных профессоров следовала по улице в университет. Одетые в средневековую одежду, учёные величественно шагали парами. Головы их венчали бархатные береты. Только один Дмитрий Иванович Менделеев шёл с непокрытой головой, свой берет неся в руках. Оказалось, что английский берет был ему мал...

ЧЕМОДАННЫХ ДЕЛ МАСТЕР

В 1903 году у Д. И. Менделеева образовалась катаракта. Химик не мог ни писать, ни читать. Но, чтоб не сидеть без дела, приспособился клеить разные вещи: рамки, шкатулки, столики, чемоданы. Материалы для клейки чемоданов Дмитрий Иванович покупал в одном и том же магазине. Однажды, набрав нужного товара, учёный вышел из магазина. В это время некий покупатель, заинтересовавшись его импозантной фигурой, осведомился у купца:

— Кто это?

Купец хвастливо ответил:

— А это известный, знаменитый чемоданных дел мастер!..

ЭТО НАДО ЧУВСТВОВАТЬ

Фёдор Иванович Шаляпин (1873–1938) затруднялся объяснить тайну художественного творчества артиста. Он признавался художнику К. А. Коровину:

— Знаешь, я всё-таки не могу объяснить. Это надо ч у в с т в о в а т ь . Можно уважать работу, удивляться труду... Но вот бык или вол трудится, работает двадцать часов, а он не артист. Артист думает всю жизнь, а работает иной раз полчаса. И выходит, что он артист. А как? Неизвестно...

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?

Среди артистов разгорелся спор по вопросу, что такое искусство. Шаляпин незаметно удалился в соседнюю комнату. Потом внезапно распахнул дверь, стал на пороге смертельно бледный, со взъерошенными волосами, дрожащими губами, с полными ужаса глазами и произнёс:

— Пожар!

Поднялась паника, крики... Но Шаляпин вдруг рассмеялся:

— Теперь понятно вам, что такое искусство?..

ОТВАДИЛИ

Шаляпин и Коровин облюбовали на речке Нерли местечко для рыбной ловли. Но сюда повадился поп из ближайшего села... Друзья решили отшить непрошеного

рыболова. Достали большой бычий пузырь, надули его. Коровин нарисовал на нём страшную рожу. Потом «проказники» прикрепили к пузырю водоросли и привязали верёвку с грузилом.

Пришёл поп. Закинул удочки. Заговорщики спрятались в кусты, опустили пузырь на дно. Коровин шепнул Шаляпину:

— Тащи верёвку!

Фёдор Иванович дёрнул. Из воды вынырнула страшная голова. Поп смертельно испугался, вытащил удочки. Но, подумав, что голова ему померещилась, снова закинул их. Страшное зрелище повторилось. Поп не выдержал; бросил удочки и, подхватив фалды подрясника, удрал домой.

Слух о водяном в омуте на Нерли понёсся по всей округе...

ТРИУМФ В «ЛА СКАЛА»

Итальянский композитор и поэт Арриго Бойто (1842–1918) создал оперу «Мефистофель», но на родине автора её отвергли. Пятнадцать лет заживлял Бойто тяжёлую рану...

Миланский оперный театр «Ла Скала» считался центром высшей музыкально-драматической культуры, академией бель канто (прекрасного пения).

Чтобы добиться всемирного признания, певцы и певицы всех стран непременно должны были получить соответствующую аттестацию в этом театре. Но в нём свирепствовал террор клакёров, т.е. банды «зрителей», за взятки создававших артистам успех шумными аплодисментами. Артиста, не подкупившего их, клакёры освистывали, бросали на сцену тухлые яйца, гнилую капусту и т.д.

В 1901 году Фёдор Иванович Шаляпин должен был выступать в «Ла Скала». С этой целью он, бросая вызов итальянским музыковедам, приготовил оперу Арриго Бойто «Мефистофель».

С клакёрами Фёдор Иванович не церемонился: выгнал из своего номера отеля их шефа, явившегося за взяткой, и напечатал об этом в миланской газете возмущённое письмо.

Опера, великолепная игра, оригинальное истолкование образа Мефистофеля, необычные костюм и грим настолько покорили зрителей, что клакёрам не удалось сорвать спектакль. Публика вызывала на сцену и русского певца, и автора оперы, чтобы просить у них прощения... Сам композитор, Арриго Бойто, нервничал дома, ожидая конца спектакля. Когда он узнал об успехе, сказал удовлетворённо:

— Я отомщён.

На русских просторах. Историко-литературный журнал. Санкт-Петербург. 2012 г., 288 с.

Очередной выпуск открывает тема Великой Отечественной войны. Народный артист СССР Ефим Копелян вспоминает о концертах Театра народного ополчения перед защитниками города. В полевых условиях — это значит, где придётся, — лес, землянка, сохранившееся строение или... баня. Доходило до восьми концертов в день. Кто-то погиб под вражеским огнём, кого-то унёс голод и холод. А в 1943 году БДТ уже распахнул двери навстречу своим зрителям, несмотря на то, что обстрелы и бомбёжки продолжались. О другой стороне войны — уничтожении цыган и евреев в Моглинском лагере в период нацистской оккупации Псковской области — рассказывает

Ю. Алексеев. И ещё историческое событие — русско-японская война 1904–1907 годов. Приведены воспоминания лейб-хирурга Е. Павлова и начало книги В. Станюковича «Пережитое». Тогда же, в 1905 году, Лев Толстой написал статью «Единое на потребу». Публикуемый «запретный» отрывок имеет свою историю. Содержащий остро критичные характеристики царей и правителей, он в то время не мог быть опубликован. В чём же «крамола»? Толстой пишет: «Вся история европейских государств, история бешеных, всходящих один за другим на престол, глупых, развратных людей, убивающих, разоряющих и, главное, развращающих свой народ... И всё это не только дела прошедшего, не то, что происходило когда-то и больше уже не повторится. Всё это происходит теперь, сейчас, везде... где только действует машина, называемая правительством».

Значительный раздел в журнале — «Люди XX века». Автор — В.В. Кузнецов, действительный член Русского географического общества, автор многих книг, монографий, исследований. Журнал публикует его воспоминания «Из записок старого колпинца» (город Колпино под Ленинградом) о детстве, друзьях и соседях, о жизни во фронтовом городе с началом войны, затем в эвакуации, возвращении в Колпино и событиях послевоенных лет. Такой эпизод. Мать Виктора Васильевича сахарные карточки меняла на хлебные (шёл 1947 год), за что ей присудили 10 лет лагерей. И сын написал письмо Сталину, лично отвёз его в Москву. В приёмную ЦК КПСС — заменили на два года условно. Ещё один автор рубрики Е.М. Иванов, кандидат наук, спортсмен, литератор (стихи, проза, пьесы, песни) рассказывает о другом городе Ленинградской области — Комарово: «О тех, кого знал и помню». А помнит Евгений Михайлович многих — скульптора Мухину, балерину Уланову, учёного-химика Качалова, актёров Черкасова, Скоробогатова — все они жили в Комарове. Лично встречался с известным поэтом Александром Прокофьевым и под впечатлением от беседы написал несколько сонетов... Героем очерка А.А. Тетерина стал Почётный полярник, директор Российского Государственного музея Арктики и Антарктики В.И. Боярский. Эти два района планеты Виктор Ильич знает, наверное, как свой дом: только на Северный полюс — более двадцати лыжных экспедиций! А ещё Гренландия, север Канады, наконец,

пересечение Антарктиды по наиболее протяжённому маршруту через Южный полюс. Об этих переходах член Союза писателей России В.И. Боярский поведал в своих книгах. Он – кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени, имеет и другие награды.

Искусство представлено в журнале очерком Т. Лестевой – «Вся жизнь борьба» о творческом пути прославленной ленинградской балерины, народной артистки РСФСР Аллы Осипенко и её воспоминаниями «Париж в моей жизни», написанными для коллективного юбилейного сборника – минувшим летом Алле Евгеньевне исполнилось семьдесят пять лет. Журнал тепло поздравил звезду балета с этим событием.

Светлана Попова. «Незабудки». Стихи. Набережные Челны. 2012 г., 288 с.

Автора и её творчество наш журнал уже представлял своим читателям. Учитель русского языка и литературы, отличник народного просвещения РФ, член Союза писателей России. И вот – третий сборник. Главное, что особенно привлекает в нём, – лиризм. О чём бы ни писала Светлана Попова – о деревенской родине, о маме, о друзьях, о природе – её строки всегда окрашены глубоким чувством любви, сопереживания, боли. Вот как заканчивается стихотворение про май: «Сегодня жизни я дала зарок/ За всю печаль былую повиниться!» Повиниться за былые печали – это шаг к Богу, осмысление пройденного пути. А в нём любой человек (а уж тем более

поэт!) всегда выделяет детство – исток, заряд, потенциал творчества:

*Край вятский – не московский, не смоленский –
Далёкий от скандалов и от смут...
Мне так уютно в детстве деревенском –
Всё чаще возвращаюсь я к нему.*

*Там по утрам меня будила мама.
Я деревенской продолжаю быть
И в лес хожу за новыми стихами,
Как раньше отправлялась по грибы.*

Но не надо думать, что героиня лирических стихов этой книги – идиллическая созерцательница. Нет, в ней живёт боевой дух сильного человека, готового постоять и за себя, и за правое дело.

*Мысли сумяжутся разные-разные
Пёстрой, весёлой гурьбой.
Хочется радости, хочется праздника –
Хочется схватки с судьбой!*

Радость и праздник – в упоении битвой? Как у знаменитого горьковского сокола? Такое в женских стихах нечасто встретишь. В этом особый колорит: «Сухой травой газон давно усеян –/ Ему уже и влага ни к чему./ Один тысячелистник бодр и зелен./ О, как же я завидую ему!» А в другом стихотворении героиня мечтает встретить богатыря Добрыню и: «Дом на отшибе навсегда покинув./ Умчаться на заставу вместе с ним». Понятно, не ради адреналина, а ради желания защищать Отечество. Стихов о Родине в сборнике много. Они написаны с болью и отчаянием. Когда вокруг столько лжи и несправедливости, художники не могут молчать. Подавляющее большинство стихотворцев не обходит вниманием эту

тему. Стоит заметить, чрезвычайно трудную, потому что поэту надлежит выражать свой «благородный гнев», сообразуясь с законами стихотворчества: стихотворение – не место для рифмованной журналистики. В этом беда многих пишущих, не избежала её и Светлана Попова...

Зато в теме любви поэтесса верна себе. Здесь та же концепция: героиня – сильная личность, и страсть у неё в крови. Если уж встретилась ей любовь, то может она без оглядки рвануться ей навстречу:

*Неужели прошлое забуду,
Запылаю, загорюсь, как раньше,
Окунусь в цветенье незабудок
Головой, как белый одуванчик?*

*Всё забуду, все дела заброшу,
Вспомню юность – и тряхну старинкой.
Пробежусь по выпавшей пороше,
Закружусь с метелицей в обнимку.*

Но лирической героине Светланы Поповой и любовь нужна соответствующая, чтобы на равных... По-другому она не может:

*Я раскаяться не грешу,
Говорила – ещё скажу:
«Мне любви твоей скудной мало.
Отлюбила. Отцеловала...»*

Что, крах? Нет, просто этап жизни:

*А над всем, что пришло и прошло,
Сумасшедшее буйство сирени.*

Рамиль Сарчин. Лирика Роберта Миннуллина. Казань. 2012 г., 192 с.

Героя книги – народного поэта Татарстана Роберта Миннуллина представлять, наверное, излишне. Одного из лучших детских поэтов России знают в стране, а уж в Татарстане-то – и говорить нечего! Потому что наши дети и внуки, да и молодые мамы на детсадовских утренниках и школьных вечерах – конечно, с удовольствием декламировали стихи этого поэта. И все вспомнят, как легко их было выучить, как понятна была каждая строчка, потому что язык её был своим, детским, и мир образов и картинок тоже был своим, детским. Значит, в душе поэта есть тот стержень, который позволяет ему видеть в ребёнке не просто малыша, требующего забот-хлопот,

а индивидуума, равноправного со всеми остальными в этом мире. Вы, конечно, замечали, что не только мы, взрослые, учим детей, но и дети учат нас. В разделе о детских стихах Р. Миннуллина Р. Сарчин пишет: «*Детская душа открыта миру, что вызывает вполне естественную потребность во «всемирности», большом, словно небо и вся земля, пространстве. И в этом главное доказательство того, что ребёнок, так сказать, «природное существо», тянущееся ко всему живому. Наблюдая и осмысливая жизнь вокруг, маленький герой примечает: звери бегут от человека, они не хотят в зоопарк.*»

И мудрости его хватает для осознания главного: «*Пускай сегодня увидеть/ животных не пришлось мне,/ зато гуляют где хотят/ лисицы, зайцы, лоси...*» Прекрасна душа человека, написавшего такое стихотворение и увидевшего ребёнка вот с этой, солнечной, стороны. Недаром Р. Сарчин подчёркивает: «*Выражая пафос стихотворения «В лесу», его финальные строки (приведённые выше – авт.) ставят произведение в разряд философских – таковы горизонты «детских» стихов поэта, в которых, как в каплях воды, отражён свет его нравственно-философских исканий*».

В одном из интервью Р. Миннуллин сказал: «*Я, прежде всего, – детский поэт!*» Но автор книги отмечает: «*С годами это признание станет невольным «виновником» некоторой узости в восприятии творчества поэта и понимании его целостности*». Думается, Р. Сарчин прав. Запас дара тут таков, что его достаёт не только на умную и тёплую детскую поэзию, но и с лихвой остаётся на тонкую глубокую лирику – говорят ли стихи о любовных переживаниях героя, или о тоске по отчему краю, откуда навсегда остался в душе поэта «*любимый с мальчишества образ реки Сюнь. Стихи о ней, – говорит Сарчин, – я бы назвал лучшими в пейзажной лирике поэта*». И приводит стихотворение «Закат на Сюнью». Вот его фрагменты:

*Солнце проходит над нами
И дальше в долины плывёт,
С такими тугими лучами,
Что можно развесить бельё.*

*Так долго мгновение длится,
В печали над кручей стою.
И то, что в слова не вместится,
Про жизнь понимаю свою.*

Надо признать, что с Сарчиным невозможно не согласиться. И он как бы подытоживает: «*В Сюни – исток и жизни, и творчества Роберта Миннуллина. И как Сюнь, через реку Белую впадая в Волгу, катит воды дальше и дальше – к морю Каспийскому, так и жизнь, и творчество поэта, наполняясь всё новым опытом и прозрениями, устремлена к Океану вечности, не забывая о своих началах, о своём прошлом*».

Ольга Тимохина. Ходит сказка по планете. Калуга. 2011 г., 160 с.

Пятнадцать лет тому назад задумала поэтесса эту книгу. Нелегко представить себе, сколько же за это время перелистала она сказок разных народов. Но труд стоил того. Книга явно удалась. Её будут читать и взрослые, и дети. А уж лучше бы всего – если вместе, да вслух, да с разговором после, да если ещё оставить в семье какой-нибудь сказочный резон. Например, «*Лишь на голод спешит аппетит*» – полезен будет и мамочке, пичкающей чадо, и чаду, не знающему, чего уже захотеть. Очень даже злободневно. По сути Ольга Тимохина в поэтической форме пересказывает сказки народов мира. Мелькают разные имена, разные края, разные герои, подчас такие узнаваемые. Вот в сказке «Отважный воробей» маленькая птаха победила царя. Да уж не наш ли это золотой петушок? А героиня сказки «За морем хорошо, а дома лучше» ворона решила переселиться в заморскую страну. Отощавшая и побитая вскоре вернулась. Любопытным подружкам объяснила: «*Тот край, как райский сад, только мусорные баки там под крышками стоят*». Мне эта ворона напомнила нынешних умников-

либералов, талдычащих, что Россия неперспективна, попробовавших сменить родину, но вернувшихся почему-то домой.

А чтобы Россия стала перспективной, то относиться к ней надо по-сыновьи. Об этом сказка «Лесник». Старый лесник хочет передать дело кому-то из своих трёх сыновей. Приводит в лес старшего, спрашивает, как бы он распорядился угодьями. «Лес продам на древесину, заживу я богачом». И средний туда же: «А на выручку велю возвести себе дворец». Загрузил лесник-отец. Но вот привёл младшего Ивана «в рощу к соснам-великанам». Тот засмотрелся на красоту и «воскликнул от души: — Ах, как сосны хороши!» Сердце лесника запело: «Есть, кому оставить дело!» Вот она, сказка, чудный сгусток народной мудрости, уместивший в маленький объём целый пласт жизни, а отсюда — вот и он, добрым молодцам урок.

Ходи по планете, сказка, по всем городам и весям, не пропусти ни одного хуторка, ты — такая — нужна нам сегодня, как воздух.

Дина Садыкова. Маленькая тайна. Казань. 2012 г., 110 с.

Маленькая тайна, самая волнующая, которую женщина разгадывает ежедневно много лет, а порой и не может разгадать, — это её дитя. «Ты узнаёшь меня по голосу/ По тёплым каплям молока...», «Какая маленькая тайна/ В твоих зажата кулачках?» Может быть, это тайна женской души. Ведь дитя — её часть. И дальше — остальной мир, превращаемый Диной Садыковой в поэзию. «Мне сложно ответить, для чего я пишу, — говорит она. — Так заложено природой. Как дышать... И, быть может, глоток этого воздуха станет и для кого-то другого спасательным». Дай-то Бог: тогда всё не зря. Не зря —

*Дана мне бессонница думать о вечном,
Стать проще и легче дышать.
Тянуться к ответу рифмованной речью,
Движение чувства познать.*

Не зря — любовь, взыскуемая героиней стихов — душой:

*Так греет обжигающая пальцы
Картошка, запечённая в золе...*

*И кажутся намного ближе звёзды:
Над чёрной бездной — нежность молока.*

*Но описать любовь бессильно слово,
Как будто скулы свёл тебе мороз...*

Не зря — сама жизнь, у каждого мгновения которой свой аромат, свой оттенок, свой вкус:

*И летят на белый клевер снега
Газовые бабочки огней.
Думая о новом — верю в небо,
И в душе становится светлей.*

Знакомиться со стихами Дины Садыковой надо не скоротечием, а неторопливо, чтобы порадоваться изящной, в основном, метафоре, или объяснить встречающуюся порой

усложнённую. Например, открывающие сборник первые три стихотворения поймёт не каждый читатель. Отсюда – опасение – не отпугнули б...

Поход. Духовно-мировоззренческий и литературно-публицистический альманах. Москва. 2012 г., 387 с.

В рамках третьего Славянского музыкального форума «Золотой витязь» в минувшем году состоялось немало культурных мероприятий. Одним из них стал в Большом зале Дома кино юбилейный концерт фольклорного ансамбля «Казачий кругъ», посвящённый 25-летию коллектива. Может быть, немногие о нём слышали, но он заслуживает доброго слова уже тем, что стал центром и оплотом культурно-просветительской Инициативы. «Походъ», куда присоединились художники, писатели, журналисты. В итоге мы имеем фольклорные экспедиции, выставки, выступления народных коллективов и даже издательскую деятельность. Надо ли говорить о том, насколько важно всё это сегодня, в нынешнее время, когда истинная русская культура, народная культура не просто принижается, но уничтожается методично и целенаправленно. Пресловутым телевидением, современными фронтовыми фильмами, театральными постановками с неприличными сценами, жуткими гельмановскими выставками, кривляющейся попсой и т.д. Этой проблеме посвящено в начале выпуска выступление атамана Инициативы «Походъ» Олега Крюкова. И всё же он отмечает, что, несмотря *«ни на какие гримасы глобализации, уничтожающей всё живое и подлинное, несмотря на новые формы идеологического насилия над духовной природой человека... в народе стойко живёт тяга к своей исконной, родной культуре. И что особенно отрадно – и в молодом поколении»*.

Говоря о состоянии культуры, мы ещё ни слова не сказали о современной литературе – важнейшем из факторов, главном составляющем культуры. Потому что об этом лучше сказал В. Лютый. Вячеслава Дмитриевича, наверно, знают многие читатели. Известный литературный и театральный критик, публицист, автор статей о постмодернизме, современной поэзии. Всесторонний анализ фактов, умение объяснить их истоки, живой язык, избегающий специальный терминов, сарказм делают статьи Лютого наиболее читаемыми в любом журнале. «Походъ» публикует его «Призрак литературы». Автор рассматривает литературные передачи на каналах телевидения: что за темы обсуждают приглашённые, кто они и кто ведущие и какой вывод напрашивается из разговора. Это «Культурная революция» Швыдкого, «Апокриф» Ерофеева, «Разночтения» Александрова, «Школа Злословия» Смирновой и Толстой, «Линия жизни», документальные циклы «Ни дня без строчки» и «Эпизоды», также юбилейные выпуски, посвящённые писателям и поэтам. Картина вырисовывается удручающая. *«В недавнем документальном фильме о Владимире Максимове в цикле «Острова» приводились слова писателя: «Искусство, литература в частности, не может жить без надежды. Отними надежду – и это начало конца. Негативная информация в кино, в книгах как будто призвана задавить человека. И вы ждёте от этого человека созидательный труд?!» Столь ответственна здесь этическая и художественная мысль, сколь чужда она либеральному российскому телевидению. Всё бы ему сводить счёты с советским прошлым и втюхивать доверчивым читателям «соевую литературу»*.

И ещё о литературе – в том же ключе главной задачи альманаха – культурно-просветительской. П. Ткаченко (главный редактор издания) пишет о советском поэте Ярославе Смелякове. Его, талантливого человека трудной судьбы, познавшего лагеря и непонимание, нынешние идеологи «подают» народу как якобы служившего советской власти. Ткаченко не оставляет от этого мифа камня на камне, убедительно доказывая, что любимый многими поколениями поэт всегда оставался человеком внутренней свободы, и разъясняет читателю, почему не годится вычёркивать из нашей истории литературу (и культуру в целом)

минувшего столетия. П. Ткаченко называет Я. Смелякова *«большим русским поэтом советского периода истории»*. Кстати, те, кому «Походь» в силу незначительного тиража (1000 экз.) будет недоступен, могут прочесть этот очерк о Смелякове в «Аргамак», № 4 (13). Далее Ткаченко в своём «дневнике редактора» столь же обстоятельно размышляет о традиционной народной культуре — песнях, обычаях, обрядах. Как, например, взаимодействуют народные коллективы и профессиональные, как сочетаются традиционность и современность... Поскольку раздел «Дневник редактора» наиболее отвечает концепции журнала, скажем ещё о двух его статьях. *«И этот путь есть сама Россия...»* — взгляд автора на революции. Всякая имеет две цели: *«Захват власти и овладение национальными богатствами страны»*. Что и случилось в начале минувшего века и в конце его. Общество «бродит», примирения не получается. *«И тут мы видим нечто немыслимое... самое разнузданное и бесцеремонное наступление на духовные и культурные ценности народа, на его самосознание»*. П. Ткаченко имеет в виду деятельность Марата Гельмана, снискавшего дурную славу создателя разрушающих нашу культуру планов, провалившегося с ними в Перми и Краснодаре. Такую деятельность автор называет культурно-идеологическим террором. Завершает этот раздел журнала всесторонний анализ трагедии города Крымска в ночь с 6 на 7 июля 2012 года.

Из литературных произведений номера можно выделить стихи признанного классика русской литературы второй половины XX века Владимира Соколова с предисловием музы и жены поэта М. Роговской-Соколовой. Из прозы — очерк А. Лукиных о талантливом актёре, режиссёре, писателе, земляке и друге Василия Шукшина Геннадии Воронине. Рано уйдя из жизни, он оставил много неопубликованного — рассказы, стихи, сценарии. «ГДЖ — помни детдомовскую жизнь» — эта киноповесть печатается в номере вместе с другими несколькими рассказами Г. Воронина.

Александр Тимофеевский. Кулинария эпохи застолья. Москва. 2012 г., 120 с.

Когда-то давно один шутник говаривал: *«У вас, женщин, две проблемы — чего поесть и как похудеть»*. Книга «О вкусной и здоровой пище» учила и печь, и варить, и солить, и содержать диеты от разных болезней. Прошло время, и всё изменилось. Повара оттеснили от плиты поварами, незаметная профессия стала престижной, а уж что до рецептурной литературы — так на каждом углу и каждую минуту с экрана! Эта волна задела и литераторов. А. Тимофеевский, автор многих стихотворных сборников, автор текстов самых любимых песен из самых популярных мультфильмов предстаёт *«в неожиданной ипостаси, сочетая гурманский пыл, гастрономические познания и поэзию частной жизни»*. То есть рецепты в форме стихотворений. *«Зачем поэту с бараном борщище? Сварю диетический нежный борщок»*:

*Три морковинки беру за зелёный хвостик.
Эй, собратья по перу, приходите в гости!
Свёкла по нутру поэту и красотке,
На тёрке натру, потушу в сковородке.*

«Рецепт спагетти» — просто целая поэма. Из неё вы многое узнаете о сырах, почему тот или другой из них не подходит к этому блюду. И, наконец,

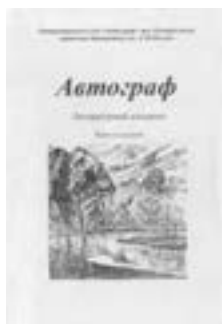
*Известно всех земель гурманам,
Запомни, это твой «сезам»,
Дружны спагетти с пармезаном,
Друг макаронам — пармезан.*

Аж попробовать захочется. С пармезаном. Наши хозяйки часто готовят это блюдо, но с сырами попроще — нашими, российскими. Оно понятно: много дешевле. Но есть и о кровном: «Если б знали вы, как мне дороги Подмосковные огурцы». Или «Окунь, жареный в сметане», или «Варенье из зелёных помидоров», или «Жаркое из грибов», или «Наливка рябиновая»:

*Рябину ставь на досках в печь,
Чтоб ягода пошла морщиной.
И для спасения души
Бутыль наполни на две трети,
Залей водярой и глуши —
И позабудешь всё на свете.*

Точно написано, все подтвердят, потому что рецепт народный, многими опробованный. Словом, книжка хоть и весёлая, а рецепты в ней — всамделишные. По всему поэтому пожелаем автору в его же духе поймать... ну, того самого — из его же стихотворения:

*Вчера на Волгу ездил в Конаково,
Чтобы встречать со спиннинггом рассвет,
И карася поймал там вот такого —
Карась в России больше, чем поэт!*

Автограф. Литературный альманах. Стихи, проза, статьи литераторов Железногорья. Выпуск 7. Железногорск. 2012 г., 228 с.

Всё-таки альманахи, издающиеся в разных регионах нашей страны, — весьма увлекательное чтение. По причине его разнообразия. Исключим вопрос об уровне публикуемых материалов — естественно, он не одинаков. Но здесь важно другое: альманахи не отказывают новичкам, начинающим литераторам, ещё не набившим руку. Наоборот, выделяют их произведения особой рубрикой и, случается, выявляют самородков, и далее — пестуют их. Иначе кто бы заботился о молодых... Так же поступает и «Автограф», уже знакомый читателям альманах из города Железногорска Курской области, названный по имени литературного объединения, судя по всему, активно здесь действующего.

Начать хочется с рубрики, завершающей этот — седьмой — выпуск: «Образцы поэзии». Два имени, два поэта, уже ушедшие из жизни, не широко известные, как теперь сказали бы не «раскрученные», и, тем не менее, стихами которых мы восхищаемся. Мария Петровых:

*Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетии.*

*на площади людной,
под бурей осенней.
Мне трудно дышать, я молю о спасеньи...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.*

Николай Мельников представлен двумя произведениями. Первое — «Поставьте памятник деревне»,

*Чтоб показать, хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час.*

Второе – «Глава вторая из поэмы «Русский крест»:

*Постепенно, год от года,
Всё подлее и сильней
Заражение народа
Грязью новых смутных дней.*

В региональных альманахах, как правило, участвуют краеведы. Это даёт возможность читателю познакомиться с неизвестным ему уголком России, где никогда не был и, возможно, не будешь. В рубрике «Краеведение» Сергей Сургучёв рассказывает о судьбе Троицкой церкви села Больше-Боброво. Она простояла более 200 лет, а в 1943 году была взорвана, и советские солдаты засыпали кирпичом раскисшие весенние дороги для прохождения техники. Сегодня и село доживает последние дни... Ещё один очерк – о визитах в Железнодорожье главы государства Н.С. Хрущёва. Здешняя деревня Калиновка – его родина.

Читатель «Автографа», без сомнения, остановится и на страницах рубрики «Филология и философия» – столь интересны наблюдения за крестьянской речью Михаила Мороза, автора заметок «Живая этимология». Побольше бы таких заметок в СМИ и литжурналах, ведь именно крестьяне сохранили живой народный язык. И написано всё это ярко и увлекательно. Далее Геннадий Александров ведёт разговор о ноктюрнах Афанасия Фета, ставшего первым поэтом, в чьих строках необыкновенно выразительна гармония красок и звуков, и нигде человек так не слит с природой, как в лирике Фета.

Ну, а основное содержание альманаха – это, конечно же, стихи и рассказы членов литературного объединения «Автограф». Только поэтов здесь представлено два десятка, отсюда такое разнообразие тем, стилей, предпочтений.

Сергей Макаров. Ладно. Свод стихов о русских поэтах. Великий Новгород. 2012 г., 75 с.

Пожалуй, не сыщешь сборника, в котором часть произведений автор не посвятил бы своим кумирам – поэтам, великим или менее известным. А поскольку все пишут по-разному, каждый в своей манере, то интересно читать и сравнивать эти посвящения. Не будет ли скучно изпод одного пера, да разом? Не убоившись сей опаски, Сергей Макаров свои посвящения собрал в одной книге. И – получилось. Название ей дал «Ладно» – от «лада», то есть согласно, уживчиво, миролюбиво живут под одной обложкой его герои.

*Стезя бывает к лире.
Короткой или длинной,
Живут поэты разны,
Не ропщут на судьбу.
От песни соловьиной
До песни лебединой
И – полшажка от славы
К позорному столбу.*

Такими строчками начинается это «житие», действительно, разное – один с маникюром, второй бездомно и голодно, но главное в другом: благодарные потомки чтут их па-

мать, учат их стихи и поэмы и горды тем, что являются их соотечественниками. Автор не пишет биографий, вычлняя одно явление или факт, а поскольку мы, читатели, знаем этих поэтов, то череда их словно оживает. С обозом идёт учиться в Москву Михайло Ломоносов: *«Тебе удастся, паря, всыть/ И формулы, и рифмы породнить.../ И постараться диких молний прыть/ для ради нужд науки приручить».*

Стихотворение «В годы молодые» рисует мальчишник — то *«гуляет Пушкин со товарищи, — Самые весёлые дворяне!»* «Сталь»: *«Ты стихи во сне бормочешь, прасол,/ Наша гордость, Алексей Кольцов».* «Некрасовский хлеб» — обращение к Николаю Алексеевичу:

*Вас могли равнодушным оставить едва ли
Начинённые жуткой жестокостью были:
На Сенной не крестьянку кнутом избивали
И не музу — Россию безжалостно били.*

Прошло время, *«Приспел многожданный срок,/ И трепетно ждёт Россия/ Есенинских первых строк!»* Об этом «Есенинки» — стихотворения, состоящие из восьми главок. И ещё удалой красавец — Павел Васильев.

*Поблиз вечернего костра,
Поэт, от сна заговорён,
Стихи читает, как вчера —
Аж до утра!
Казахи, русские, хохлы
Заслушались, разинув рты!*

Да, несправедливо не упомянуть стихотворения, посвящённые Грибоедову, Лермонтову, Крылову, Решетову, Лысцову, Тряпкину и другим. Всё же, в обход жанровых границ, строчки о Рубцове:

*По-над улицую Рубцова
Провод свис вдоль столба, как плеть,
Коля, Коля, кудесник слова,
Жить и жить бы тебе, и — петь.*

Саня Сафина. Атлантида Иванова. Казань. 2012 г., 162 с.

Мамадышский район в Татарстане самый лесной. Само собой, был здесь леспромхоз. Возглавлял его замечательный человек, единственный в лесном хозяйстве страны Герой Социалистического Труда. О нём — Иване Захаровиче Иванове — его делах, идеалах, сподвижниках, о том, какой след он оставил, год назад уйдя из жизни, рассказывает эта книга. Отсюда и её название — «Атлантида Иванова».

Как и многих, судьба его не баловала. Детство — голодные 30-е годы, война, восстановление разрушенной страны и апофеозный финал — 25 лет директором Камского леспромхоза, предприятия, ставшего лучшим в стране. Здесь было создано безотходное производство, один за другим вступали в строй новые цеха — фанеры, ДСП, витаминной муки, бытовых товаров. Директор отказался от неудобных узкоколеек и приобрёл мобильные ЗИЛы. Он постоянно искал новые подходы к совершенствованию и увеличению производства, привлекал молодые кадры из выпускников Лубянского лесного техникума, Марийского политеха, который и сам закончил. Был скромен, жил как все в простом деревенском

доме, детей своих видел не каждый день — уходил на рассвете, приходил затемно. Зато опекал школы. Сания Сафина пишет: *«Иван Захарович не вписывался в схему послушного руководителя-коммуниста, действовавшего по указаниям вышестоящих органов. Если считал себя правым, то поступал вопреки общепринятым правилам. В своих поступках он исходил только из соображений пользы людям, делу... Иван Захарович выдержал самое тяжкое испытание — власть. И не возомнил себя человеком, которому позволено больше, чем окружающим. Званием Героя Социалистического Труда Иван Захарович восславил лес, которому служил и который любил».*

И как же больно было этому человеку смотреть на то, как горбачёвско-ельцинская клика рушила страну! Не уцелел и Камский леспромхоз. *«Сколько средств, сил, энергии потрачено на создание этого благополучного мира под названием Камский леспромхоз! Будто древняя Атлантида сверкнула сполохами и исчезла».* Но жива народная память — камские леса, которые Иванов возрождал, деревни и сёла, которые он строил и благоустраивал, названная в его честь улица в городе Мамадыше, мемориальная стена героя в центре села Албаево. Думают здесь и о возрождении былой славы. Делится планами глава района Анатолий Иванов: *«На базе Камского лесничества будет домостроительный комбинат; второе рождение ожидает построенный Иваном Захаровичем Дом культуры — после реконструкции в нём разместится детский реабилитационный центр; на базе участковой больницы — санаторий».* В основу книги легли дневниковые записи героя, перемежаемые авторским рассказом. Немало нашлось у автора и добровольных помощников, пожелавших сказать своё слово о добром человеке.

Роберт Ясавеев. Серебряные звоны. Провинциальный роман.
Казань. 2012 г., 496 с.

Роберт Латыпович Ясавеев, по образованию строитель и журналист, отдал должное обеим профессиям, посвятив им многие годы жизни. И всё-таки стал литератором. Он — член Союза российских писателей, заслуженный работник культуры РТ. В активе 4 поэтических сборника, песни на собственную музыку. И вот — роман. О любви. Как всегда это бывает в жизни, непонятно от какой искорки вспыхнувшей и разгоревшейся ярким большим костром. О любви трудной, порою мучительно преодолевающей испытания и преграды, посланные жизнью, и всё-таки вышедшей на финишную прямую. Автор явно симпатизирует главному герою, навсегда верному своим идеалам.

Главный инженер стройуправления любит своё дело и сполна отвечает за него; безоглядно его чувство к своим детям, он ценит семью, поэтому, когда готовится уйти от неё, его захлёстывают муки совести; это — высокопорядочный и добрый человек. Под стать и избранница, разумеется, не без женских слабостей — ошибается, кается, много плачет, но — выдерживает. Тут нет сшибки характеров, скорей притирка, усмирение собственных импульсов гордости, недоверия, страха. Такова любовная линия романа, и тут всё по законам жанра.

Время действия — до перестройки и начало её. Время смутное, крикливое, угрожающее. Автор не жалеет тёмных красок для показа партийной верхушки небольшого города. Это чинуши, карьеристы и подлецы. Хотя в жизни были, наверное, и другие. Светлые краски автор приберёт для простых людей: инженер выводит соседей на закладку сквера вокруг дома, в пригородном селе находится много желающих помочь в восстановлении церкви, смелый журналист разоблачает вчерашнего партократа, за что и погибает. Удался автору и образ матери главного героя. Её взаимоотношения с сыном, внуками просто идеальны, иначе не скажешь. Это пример для многих из нас. В целом роман читается с интересом, несмотря на некоторые длинноты в описании душевных переживаний главных героев.

Лирическая поэзия. Стихи. Менделеевское литературное объединение «Лирическая». Казань. 2012 г., 183 с.

В каждом городе (или городке) обязательно находятся люди, которые пишут стихи. Или пробуют писать. Но не всегда находится организующее начало, и авторы, живущие поодиночке, не знают, что и делать со своими выстраданными строчками. Но сегодня о другом, радующем, примере. Хотя и невелик Менделеевск, а нашлись в нём нужные люди, и вот уже литературное объединение «Лирическая» заявило о себе первым стихотворным сборником. Более того, сборник выиграл грант Правительства РТ в номинации «литературная деятельность», и деньги решено потратить на следующий выпуск. Ну, не молодцы ли! Редактором-составителем выступил Радик Ахунзянов – поэт и бард, автор трёх стихотворных сборников, член Союза российских писателей. «Лирическая поэзия» представляет самых разных участников и по опыту, и по возрасту – от старейшин литературного цеха до юношества, как по роду занятий – врач, учитель, студент, инженер, школьник, так и по национальности – татары, удмурты, марийцы, русские. И произведения их даны на родном языке или в переводе. В сборнике много лирики – о любви, природе, малой родине, мироощущении, настроении. Вот строки Наиля Бакировой:

*Качается лист сентября
На тоненькой веточке клёна;
Последний приют от дождя
Для поздних осенних влюблённых.*

*И в этом качаньи его
Спились, будто в медленном вальсе,
Осенних ночей колдовство
И лета горячие пальцы.*

Виктор Колпаков:

*Фонари. Задумчивая полночь.
Слышно лишь: в невидимом окне
Всё зовёт мелодия на помощь,
Заблудившись в гулкой тишине.*

Виктора Колпакова, как и Михаила Герасимова, Дифгата Сираева, Егора Уткина, Камила Галеева, Гайши Сагдиевой и других авторов, уже нет в живых. Но они оставили землякам свои стихи, и в сборнике нашлось для них место. Память о старшем поколении достойна уважения, тем более многие были участниками войны. Как Михаил Петров, выходец из местных крестьян, дорогами войны дошедший до Кенигсберга, ставший впоследствии директором Удмуртского госиздательства, известным удмуртским поэтом. Его стихотворение «Друзьям» посвящено тем, с кем вместе довелось отстоять Родину:

*Вы живы в памяти солдата,
Близки – с роднёю наравне,
Друзья, с которыми когда-то
Я повстречался на войне.*

*В краю, снарядами изрытом,
Мне на привалах пел казах...*

*А я рассказывал о Каме,
О крае, белом от берёз...*

*Не слышал я разрыва мины,
Упал, землю оглушён.
Не знаю, русским иль грузином
Я был от гибели спасён.*

Елена Крылова. Страна Смехохотания. Москва. 2012 г., 100 с.

Судя по обложке, книжка очень весёлая. У неё есть подзаголовок – «Избранные стихи и загадки для детей дошкольного и младшего школьного возраста». Это их уже с первой страницы приглашает автор: *«Вы любите смеяться?/ Тогда давайте, братцы,/ Перенесём компанию/ В страну Смехохотанию»*. Живут в ней разные зверюшки – хохотуны и хохотушки. Есть, конечно, и детишки – это те, которые проказники. Как вот этот Никто, который ударил Сашу, разбросал игрушки, выкрасил козу. И потому *«хотелось знать бы нам про то, кто он, таинственный Никто?»* А в «Шиворот-навыворот»: *«Я сегодня вас лечу!/ – Заявил больной врачу./ Поднесли к компоту рот,/ А компот как заревёт!»* Чего

только нет в этой книжке – и кто как передвигается, и кто как спит, и о капризах, которые *«обожают ребят»*, и *«на каждой грядке по загадке»*, и *«допишите окончания»*, и кто кого выгуливает (*«пёс хозяина вёл на поводке»*), и про хвастунов Гололёда и Гололедицу, и про «аборигенов» из нового чистого подъезда:

*Оглянешься вокруг – и станет жутко,
Ведь расписали стены не малютки,
А из шестого класса грамотеи.
Всё это их «прелестные затеи».*

Стихи Елены Крыловой не просто веселят, но и учат. Не смеяться, если друг споткнулся и упал, не жадничать, не есть бесполезные *«чипсы, кока-колу, вафли, булки, мармелад»*, а *«каши, овощи и фрукты»*, уметь хранить доверенные тебе секреты, не менять слова родного языка на дурацкое «ништяк» и т.д. Повезло ребятишкам Ставрополя, так как Елена Ивановна живёт в Пятигорске, а данный сборник у неё – восемнадцатый по счёту. Она закончила Ленинградский институт культуры и аспирантуру при нём. Работала во Дворце пионеров, в детских библиотеках. Несмотря на солидный возраст и сегодня встречается с детьми в садах и школах. Её стихи находят у них отклик, потому что Елена Ивановна сохранила в себе детский взгляд на мир, детскую душу. Известный ставропольский поэт С. Подольский так отзывался о её творчестве: *«Стихи её, весёлые и поучительные, добрые, написанные хорошим русским литературным языком, впитали опыт отечественной и мировой литературы для детей»*.

МАМА, ПОЧИТАЙ!

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВСКИЙ

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ ГНОМА

У гнома сто гостей,
У гнома день рожденья.
Гвалт, гомон. Новостей
Проходит обсужденье.
Гвоздика и герань
Цветут в его окошке,
А Гена крокодил
Играет на гармошке.

КРОТ СТРОИТЕЛЬ

Зайцы говорят кроту,
— Ты, наверно, очень злой,
Если любишь темноту
И зарылся под землёй.
Крот взглянул на них хитро:
— Я здесь делаю метро!

ПРО ТИГРЁНКА И ПОЛОСКИ

Тигрик ждёт звонка от волка,
Ждёт, бедняга, долго-долго
Волк в дождливый день для носки
Взял у тигрика полоски,
Стал их часто надевать
И не хочет отдавать.

ГНОМ И ГРОМ

Гном гулял в лесу с грибом.
Хлынул дождь и грянул гром.
Гриб, как только дождь полил,
Гнома шапочкой накрыл.
Гром грохочет —
Гном хохочет.

ПЛОХИЕ СЛОВА

Однажды сказала отцу королю
 Прелестная крошка – принцесса:
 – Плохие слова говорить я люблю.
 Послушай-ка для интереса.
 И крикнула страшное: – Трам-там-там-там!
 А после ужасное: – Пам-пам-пам-пам!
 И папочка сверзился с трона,
 А с мамы слетела корона.
 И пишет король королевский указ
 С гербовой печатью на бланке:
 – За эти два слова, принцесса, я Вас
 Отправлю навечно в служанки.
 Какое несчастье, какая беда,
 Служанка теперь никогда, никогда
 Не вымолвит слова плохого.
 Но поздно, никто ей не в силах помочь,
 Не сможет уже королевская дочь
 Принцессою сделаться снова.

БАБУШКА – ФУТБОЛИСТ

Бабушке в кресле сидеть надоело,
 Бабушка шорты и бутсы надела:
 – Штопать носки, – говорит, – не хочу!
 Мне интереснее бить по мячу!
 Бабушка делает финт с поворотом,
 С ходу наносит удар по воротам,
 Бешено, бешено крутится мяч,
 Бабушка по полю носится вскачь.

КОТ НА КРЫШЕ

Целый год наш рыжий кот
 Собирается в поход,
 От весны и до весны
 Кот цветные видит сны:
 Он идёт верхами крыш,
 Ловит птичку или мышь,
 Схватит, выпустит и – тьфу!..
 Вновь проснётся на шкафу.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Хорошее настроение
 Заперто в сундуке,
 Нужно чуть-чуть терпения,
 И ключик будет в руке.
 А что для этого сделать,
 Чтоб в дырочку ключ продеть?

А что для этого сделать –
 Нужно всем вместе петь.
 Не надо хныкать и кукситься,
 И носом шмыгать с утра,
 Доброе утро, мама,
 Бабушка и сестра!
 Вы видите, как мне весело,
 Я над землёй парю.
 Хорошее настроение –
 Я его вам дарю!

Хорошее настроение
 Валяется под столом.
 Его уронили на пол,
 И все забыли о нём.
 Упавшее настроение
 Мешает мне много дней.
 А ну-ка весёлым пением
 Подыдем его скорей.

РОЖДЕСТВО

Когда вошли в пещеру гости,
 Младенец улыбнулся им,
 И вдруг не стало в мире злости,
 Мир на мгновенье стал другим.
 Он улыбнулся так невинно,
 Как будто бы растаял снег,
 Как будто сразу именины
 И день рождения у всех.
 Как будто после долгих странствий
 Они пришли к себе домой,
 Как будто все в родстве и братстве,
 И лето сделалось зимой.
 И так прекрасна и лучиста
 На них глядящая звезда,
 Что смерти больше не случится,
 Не будет просто никогда.

АНГЕЛ

Весной в берёзовой роще,
 Где луч пробивает листву,
 Ангел крылом полощет
 Апрельскую синеву.
 Он весь из солнца волокон,
 Он весь меж ветвей просвет.
 Взглянул ненароком – вот он,
 Вгляделся пристальней – нет!

НЕУКЛЮЖИ

В Москве, в домах, что похуже,
Жили себе Неуклюжи:
Один Неуклюж был длинненький,
Другой Неуклюж был кривенький,
А третий носил ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Они в разбитую чашку
Клади овсяную кашку,
На завтрак, обед и ужин
Ели её Неуклюжи.
Длинный брал ложку в руки
И кашку ронял на брюки.
Кривой тыкал вилкой в кашку
И кашку ронял на рубашку.
А третий сыпал в ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Неуклюжи плавать любили
И летом на пруд ходили:
Они в любую погоду
С мосточка прыгали в воду.
Один Неуклюж перепрыгивал,
Другой Неуклюж недопрыгивал,
А третий всегда, ребятаки,
В воду вступал по пятки,
Так и не сняв ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Они, получив получку,
Возле дома кормили Жучку:
Один ей давал колбаску,
Другой – сосисочек связку,
А третий – погрызть ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Когда зима наступала,
Неуклюжам тепла не хватало:
Они у настольной лампочки
Спасались от зимней стужи
И пели – такие лапочки –
«Пусть бегут неуклюже».

ТИГР ТИГРОВИЧ ТИГРАН

Мой друг Тигр Тигрович Тигран,
Надев берет на уши,
Пошёл в японский ресторан,
Чтобы покушать суши.

Швейцар сказал: «Прошу простить, –
Швейцар развёл руками, –
Но я вас не могу впустить,
Вы ходите в пижаме!»

Мой друг Тигр Тигрович Тигран,
Кино любивший сильно,
Пошёл в кинотеатр «Экран»,
Чтоб посмотреть мультфильмы.
Но билетёр твердит одно:
«Билет свой в урну бросьте,
Смотреть кино запрещено
Тем, кто имеет хвостик!»

Тигр Тигрович Тигран – мой друг –
Шёл мимо зоопарка
И как-то шаг замедлил вдруг
У входа, там, где арка.
Ему служитель говорит:
«Что ж у ворот вы встали?
Для вас проход всегда открыт,
Мы вас так долго ждали!»

ЦВЕТА ОСЕНИ

Друг с другом встречаются люди, собаки,
Однажды, как это не удивительно,
В чистом поле встретились знаки
Восклицательный и вопросительный.
Вопросительный знак спросил: «Ну, как?» –
«Вот так!» – отвечал восклицательный знак.
Вопросительный знак удивился: «В чём?»
Восклицательный знак похвалился: «Во всем!
Осень пришла! Золотая пора!
Ого-го-го! Хорошо! Ура!»
«Как? – сказал вопросительный знак, –
Разве в поле не жухнет злак?
Разве зной его не убил?
Разве мир вокруг не уныл?»
И слышит в ответ: «Научись смотреть,
Рдяный, багряный, красный, как медь,
Янтарный, розовый, как заря...
Мир унылый, сказал ты зря,
Я поспорить с тобой готов –
У русской осени сто цветов!»

Всем миром

Строительство церквей на Руси никогда не было простым и быстрым. Поставить церковь на века — это требует немалых вложений. И потому строились такие сооружения годами, а то и десятилетиями всем миром или на пожертвования богатых людей, меценатов, купцов и промышленников, таких, например, как елабужские купцы Стахеевы, которые строили школы, церкви, приюты для бедных и сирот.

История Набережночелнинского прихода Рождества Христова насчитывает уже 18 лет. И, пожалуй, вряд ли какой-нибудь другой приход сталкивался с таким количеством трудностей и проблем.

Вначале земля под строительство храма была отведена на территории нынешнего парка Победы. Это решение не устроило местных радикальных националистов, последовал ряд конфликтов, в ходе которых пришлось вмешаться даже милиции. В результате был найден компромисс. Приходу Рождества Христова был отведён другой участок земли, неподалёку от спорткомплекса «Олимпийский». По благословению Митрополита Казанского и Татарстанского Анастасия, на новом месте стали возводить храмовый комплекс. По замыслу авторов проекта, его центром должен быть крупнейший деревянный храм в России. Строительство основного корпуса церкви уже практически подходило к завершению, как в один из жарких летних дней во время грозы в огромное деревянное сооружение ударила молния. Верхнюю часть храма охватил огонь. В течение получаса деревянная часть храма, обрушившись, выгорела. Что тогда пережили прихожане, священники... Даже среди простых челнинцев, собравшихся на пожар, многие плакали. В строящуюся церковь были вложены немалые средства частных жертвователей, городских предприятий-спонсоров. И всё пошло прахом. Тут хоть у кого опустятся руки.

Но жизнь продолжалась, и приток верующих, обращающихся за поддержкой к церкви, меньше не становился. На территории прихода сохранилась лишь маленькая деревянная церковь священномученика Ермогена. В ней и продолжались службы.

Пожарище со временем очистили. Нужно было решать — что делать дальше. Денег нет, а прихожане не вменяются во временном храме. Когда приходит больше ста человек — руки не поднять, чтобы перекреститься. Совсем недавно провели Крещение, рождественские праздники для детей. Готовились принять человек 20, пришло 80 и с родителями.

Нелишним будет напомнить, что приход находится в самом центре Нового города, где проживает большая часть населения Набережных Челнов. Сама жизнь подсказывает, что новая цер-

ковь на Автозаводском проспекте не только разгрузит немногие действующие, но и будет иметь свою многочисленную паству. И православных храмов в городе в разы меньше, чем мечетей.

Митрополит Казанский и Татарстанский Анастасий назначил послушание — строительство нового храма — новому настоятелю прихода игумену Василию. Новый храм Казанской иконы Божьей матери придётся строить практически «с нуля». По проекту храм будет площадью почти 500 квадратных метров и высотой до 30 метров, вместимостью до 350 человек.

«Приход многострадальный, — говорит настоятель. — Но люди помогают. Нас поддержал президент Татарстана Рустам Нургалиевич Минниханов. По его распоряжению нам выделено два миллиона рублей. Хватит, чтобы только начать строительство. Но без помощи жителей города нам не обойтись, надо браться всем миром».

В декабре прошлого года состоялось освящение начала строительства нового храма. На территории уже проведены геодезические работы. По предварительным подсчётам, на строительство корпуса церкви под купола уйдёт два-три года и 40–45 миллионов рублей. По финансированию ведутся переговоры с местными бизнесменами, крупными предприятиями. Многие не дали конкретного ответа, попросив время на обдумывание.

Конечно, можно понять тех, кто уже раз вложил в богоугодное дело, и чьи деньги сгнули в пламени пожара. Что же, опустить руки и напоминать о прежних заслугах? И Москва горела не единожды, но каждый раз вставала из пепла краше прежнего. Отстраивать утраченное — единственный путь. Тем и силён наш народ, который веками восстанавливал сожжённое и разрушенное. «Нам смотреть в прошлое нельзя, — говорит отец Василий, — всё, что было раньше, уже прошло. Теперь — смотрим только в будущее...»

СЕРГЕЙ АЛПАТОВ

Реквизиты местной православной религиозной организации — приход Рождества Христова Казанской Епархии Русской Православной церкви г. Набережные Челны Московский Патриархат:

Адрес: 423800, РТ Г. Набережные Челны, 25 комплекс, строение 3Б по Автозаводскому проспекту.

Полное наименование банка: ЗАО «Автоградбанк» г. Набережные Челны
р/с 40703810710000000507 к/с 30101810100000000748. БИК 049240748.

Юридический адрес банка: РТ, г. Набережные Челны

Слово прощания

Когда верстался номер, стало известно, что после продолжительной болезни ушёл из жизни известный художник и целитель, архитектор и скульптор, лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая, поэт Ильдар Ханов.

Ильдар Мансавеевич Ханов родился в 1940 году в посёлке Старое Аракчино. Во время войны перенес клиническую смерть, после которой, по его словам, в нём открылся дар ясновидения и целительства. В 1960 году Ильдар Ханов закончил Казанское художественное училище, в 1968 году — Московский государственный академический художественный институт имени В. Сурикова. Его скульптуры находятся во многих городах Татарстана. В Набережных Челнах он возвёл целый ряд монументальных композиций, которые и сейчас вызывают бурные споры челнинцев, но уже стали символом Автограда.

В 1994 году Ханов возвращается в Казань и прямо на своём участке, вокруг родного дома в посёлке Старое Аракчино (№ 4) начинает строительство Вселенского храма всех религий. В 2010 году Ильдар Ханов стал лауреатом Государственной премии РТ имени Г. Тукая, к 70-летию художника в кремлёвской галерее «Хазинэ» состоялась его персональная выставка. А в журнале «Аргамак» вышла статья Александра Воронина «От хулы до хвалы. Вселенский храм Ильдара Ханова» с цветной вклейкой его работ.

Наши авторы

стр. 90 АХМЕДОВ Магомед Ахмедович — известный российский поэт, переводчик, критик, публицист, общественный деятель, пишущий на аварском и русском языках. Родился в 1955 году в селении Гонода Гунибского района Дагестанской АССР. Со школьных лет писал и публиковал стихи. В 1979 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького; в этом же году в Дагестане вышла в свет его первая поэтическая книга «Ночные письма». Поэт работал в книжном издательстве и редакциях газет и журналов, в Союзе писателей Республики Дагестан, в 1984 году был принят в Союз писателей СССР. В Махачкале и Москве вышли в свет около двух десятков поэтических сборников Магомеда Ахмедова; его стихи и поэмы переводили такие мастера поэтического слова, как Юрий Кузнецов и Станислав Куняев; о поэзии Ахмедова высоко отзывались Расул Гамзатов, Валентин Распутин и другие авторитетные писатели. Поэт перевёл на аварский язык многие произведения Пушкина, Блока, Есенина, Кузнецова, Рубцова, Соколова и ряда других классиков русской поэзии, создал литературные портреты выдающихся русских и дагестанских писателей. В 2004 году Магомед Ахмедов возглавил Союз писателей Дагестана. В следующем году Указом Государственного Совета Республики Дагестан ему было присвоено почётное звание «Народный поэт Республики Дагестан». Магомед Ахмедович ведёт большую организационную работу, является сопредседателем Правления Союза писателей России, секретарём Правления Международного Сообщества Писательских Союзов, членом редколлегии газеты «Литературная Россия», членом Общественной палаты Республики Дагестан. Лауреат Большой Литературной премии России, литературной премии Международного фонда Расула Гамзатова, Государственной премии Республики Дагестан. Живёт в Махачкале.

стр. 49 БОРЫЧЕВ Алексей Леонтьевич родился в 1973 году в Москве. Член Союза писателей России. Кандидат технических наук. Автор четырёх книг стихотворений, публикаций в журналах «Юность», «Московский вестник», «Вестник российской литературы», «Окна», «EDITA», «Литературный меридиан», «Лит-э-лит», в газетах «Российский писатель», «Московский литератор», «День литературы», «Литературная газета», «Культура», альманахах «День поэзии», «Истоки», «Сияние лиры» и др. Лауреат литературной медали «А. С. Грибоедов».

стр. 195 ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в об-

ласти русской литературы 40-х — 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дышащим весны». Член Союза российских писателей. Живёт в Елабуге.

стр. 31 ГОЛУБЕВА Светлана Сергеевна родилась в 1967 году в Пскове. Закончила Псковский педагогический институт им. С.М. Кирова по специальности учитель географии и биологии. Живя в Белгороде, работала в гимназии города, сотрудничала с частным журналом «Графоман». С 2006 г. живёт в Орле. Член Союза писателей России с 2010 года. Участник региональных литературных семинаров в Курске (2008 г.) и Гусь-Хрустальном (2009 г.). Печаталась в «Белгородской правде», «Псковской правде», «Орловской правде», «Орловском вестнике», альманахе «Орёл литературный», сборнике молодых литераторов «Зеркало Пегаса» (г. Орёл); литературном альманахе «Толока» (г. Курск); «Уроки литературы», «Роман-журнал 21век», «Народное творчество» (г. Москва); в «Бийском вестнике», «Красноярском рабочем», «Новом енисейском литераторе», интернет-журнале «Стражник». Автор трёх книг: «Вера», «Капельки» и «Ветра и птицы».

стр. 61 ГРАЧЁВ Сергей Анатольевич родился в подмосковном Подольске 11 февраля 1961 года. После окончания в 1986 году Литературного института им. А.М. Горького служил в армии. Работал в подольских и московских газетах, издательствах «Мир книги», «Славянская школа», в литературно-художественном и публицистическом журнале «Новая Россия. Воскресенье» (бывший «Советский Союз»), в журнале «Строительный сезон».

Публикуется с 1979 года. Первые рассказы были напечатаны в газете «Подольский рабочий» в 1982 году. Затем рассказы публиковались в журналах и альманахах «Истоки», «Аргун», «Пионер», «Дон», «Москва», «Литературная Кубань», «Подольский альманах», «Тропюю радуги», «Уральский следопыт», «Московский писатель», «Московский вестник», «Слово», «Новая Россия. Воскресенье», «Читаем, учимся, играем», «Человек и закон», «Детская Роман-газета» и др.; в коллективных сборниках.

В Союзе журналистов России — с 1990 года, в Союзе писателей РФ — с 1997 года.

Живёт в Подольске, работает главным редактором информационно-общественного журнала «Деловой Подольск», заместителем главного редактора информационно-аналитического журнала о занятости населения и рынке труда Московской области «Стратегия занятости».

стр. 203 ИВАНОВА Марина Семёновна (Марина Май) родилась 18 мая 1962 года в семье актёров, в г. Мензелинске, Республика Татарстан. Закончила библиотечное отделение Елабужского культпросветучилища и режиссёрское отделение казанского Института культуры. С 1982 года – актриса Мензелинского государственного татарского драмтеатра. С 1990 года – актриса государственного татарского драмтеатра г. Наб.Челны, а с 1994-го по 1995-ый – диктор синхронного перевода спектаклей на русский язык. С 1996 года живёт и работает в Тель-Авиве, озвучивает художественные, документальные, мультипликационные фильмы, занимается литературными переводами с английского и иврита.

стр. 152 ИВАНОВА Наталья Аркадьевна родилась в 1978 году. Учится в Литературном институте им. А.М. Горького. Автор книги стихотворений «Имя ласточки горной» (2010 г.). Стихи публиковались в альманахах «Русский смех», «Артбухта». Живёт в Москве.

стр. 147 ИЛЬГОВА Дарья Алексеевна родилась в 1990 году в Воронежской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (выпуск 2012 года). Автор книги стихотворений «Растояния» (2009 г.). Стихи публиковались в антологии «Русская поэзия. XXI век», в журнале «Литературная учёба» (№ 2, 2012 г.), в альманахе «Артбухта». Учится в аспирантуре. Живёт в Москве.

стр. 100 КАН Диана Елисеевна родилась в советском городе-гарнизоне Термезе в Узбекистане в семье кадрового офицера, этнического корейца. В 1980 году переехала в Оренбург, на родину матери, потомственной ящички казачки. Закончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Член Союза писателей России, руководитель народного литобъединения «Отчий Дом», автор семи стихотворных книг. Дважды лауреат ежегодной премии журнала «Наш современник», лауреат всероссийских литературных премий «Традиция», «Империальная культура», Самарской областной премии в области литературы, Самарской региональной премии им. поэта Виктора Багрова, дипломант Всероссийского конкурса молодых поэтов им. Сергея Есенина, премии имени Валериана Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2010). Живёт в Новокуйбышевске Самарской области.

стр. 127 КРАСНИКОВ Геннадий Николаевич родился 30 августа 1951 года на Южном Урале в городе Новотроицке Оренбургской области. С 14 лет пошёл работать. Учился в вечерней школе. Окончил факультет журналистики Московского университета (1974 г.). Работал корреспондентом районной газеты в городе Озёры Московской области. Около 20 лет был редактором альманаха «Поэзия» (вместе с известным русским поэтом

Николаем Старшиновым). В 1981 году в издательстве «Молодая Гвардия» вышла первая книга стихов «Птички светофоры» (с предисловием Евтушенко). Автор поэтических книг «Пока вы любите...» (1985), «Крик» (1988), «Не убий!..» (1990), «Кто с любовью придёт...» (2005). Книга верлибров «Голые глаза» вышла в Канаде (Монреаль, 2002). В 2002 году выпустил книгу статей и эссе «Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба».

Стихи Г. Красникова публиковались в престижных русских и зарубежных антологиях. Вместе с поэтом В. Костровым в 1999 году выпустил (под общей редакцией) наиболее полную итоговую антологию «Русская поэзия. XX век», в 2009 году вышла составленная им антология «Русская поэзия. XXI век», в 2011 – антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!..», в 2012 – антология «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..»

Статьи и эссе Красникова по вопросам литературы, культурософии, истории постоянно публикуются в центральных журналах и газетах.

Лауреат литературных премий им. А.М. Горького, им. Бориса Полевого (журнал «Юность»), премий газеты «Литературная Россия», журнала «Москва», Всероссийской литературной премии им. К.Д. Бальмонта «Будем как солнце», Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка», премии им. К. Симонова, премии им. Бориса Корнилова, Большой Литературной премии России.

Участник Всемирного фестиваля искусств (Эдинбург, 1987).

Доцент Литературного института им. А.М. Горького.

стр. 97 КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ Ольга Владимировна родилась в 1964 году в городе Волжском Волгоградской области. В начале семидесятых вместе с родителями приехала в Набережные Челны, где и окончила среднюю школу, училище искусств по классу виолончели и факультет педагогики и психологии педагогического института. Выпускница Высших литературных курсов 2011 года. Ольга – автор двух поэтических книг «По воле небес» и «Раскачивая маятник судьбы», двух песенных альбомов «Любовь пою» и «Ты услышишь», художественно-документальной книги «Одноклассники. Письма в будущее». Лауреат XIII республиканского конкурса «Бэллур каләм – Хрустальное перо» 2010 года. Член Союза российских писателей.

стр. 109 ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором и заведующим литературной частью театра, инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время – ответственный секретарь журнала

«Подъём». Лауреат премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

стр. 174 МАТВЕИЧЕВ Александр Васильевич родился 9 января 1933 года в Татарстане, в деревне Букени Мамадышского района. Закончил Казанское суворовское училище, затем военное училище, служил в «горячих точках». После увольнения из армии учился в КАИ. С 1959 года живёт в Красноярске. Прозаик, публицист, поэт. Автор многих книг и публикаций в альманахах, антологиях, журналах, коллективных сборниках. Трудовую карьеру завершил первым замом генерального директора — главным инженером НПО «Сибцветметавтоматика» и директором предприятия «Сибцветметэнергоадак». В 60–70 гг. прошлого столетия трижды избирался депутатом райсовета от «блока беспартийных». Баллотировался в Красноярский райсовет. С 1993 года работал журналистом нескольких газет. Преподавал и был переводчиком с английского и испанского языков, работая с иностранными специалистами в республике Куба и в Сибири. Состоял помощником депутатов Госдумы РФ и Законодательного собрания. Избирался сопредседателем и председателем общественных организаций: Красноярского народного фронта, ДемРоссии, Союза возрождения Сибири и Союза объединения Сибири. Входил в состав политсовета и исполкома Красноярского отделения партии «Демократический выбор России». Президент Английского клуба при Красноярской научной библиотеке и почётный председатель «Кадетского собрания Красноярья».

Пишет с детства. Первые рассказы опубликовал в 1959 году. Член Союза российских писателей.

стр. 157 МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 году в д. Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Окончил сельскую школу. Служил в Советской Армии. Выпускник филологического факультета Калужского педагогического института и Высших литературных курсов при Литературном институте имени А. М. Горького. Работал в редакции районной газеты и научным сотрудником в краеведческом музее в Тарусе. Автор романов «Пречистое поле», «Поздний листопад», «Иду на прорыв!», «Операция «Чёрный туман», «Высота смертников» и др. Публикуется в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета». В московских издательствах вышли документальные книги о войне «В донесениях не сообщалось», «Взвод, приготовиться к атаке!», «Армия, которую предали». Издательство «Центрполиграф» в настоящее время выпускает авторскую серию под названием «Забытые армии. Забытые командармы», в которой выходит третья книга писателя и историка. В журнале «Наш со-

временник» выходит его роман-биография о маршале Иване Степановиче Коневе «Солдатский маршал». Живёт в городе Тарусе.

стр. 114 МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич, поэт, прозаик, переводчик, родился в г. Касимове в 1941 году. В 1961 году окончил Касимовский индустриальный техникум, позже — Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в геологических экспедициях в Карелии и Якутии. С 1981 года работал редактором в Лениздате. Г. Морозов — автор более десяти поэтических сборников, вышедших в издательствах «Художественная литература», «Советский писатель», «Современник», «Детская литература», «Лениздат». Своеобразие художественного языка Г. Морозова состоит в использовании народной фольклорной интонации и классического русского стиха. Живёт в городе Касимове Рязанской области.

стр. 141 НЕНАШЕВ Роман Николаевич родился в 1976 году в г. Самаре. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (выпуск 2012 года). Стихи публиковались в антологиях «Русская поэзия. XXI век», «Ты припомни, Россия, как всё это было!..» Живёт в Самаре.

стр. 231 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1939 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей. Член Союза российских писателей.

стр. 38 САДЫКОВА Дина Геннадьевна — поэт, филолог, переводчик, художник. Родилась в Казани в 1986 году. Публиковалась в ряде казанских альманахов поэзии, сборнике стихотворений «Современники» (Москва), в журналах «Идель», «Казань», «День и Ночь», «Аргатак. Татарстан», в альманахе «Золотая строфа», в антологии русской поэзии Казани «Как время катится в Казани золотое...», в книгах «Современная татарская поэзия», «Из века в век. Татарская поэзия» как переводчица. Лауреат VIII республиканского фестиваля поэзии и авторской песни «Галактика любви», дипломант VII Пушкинского фестиваля искусств «С веком наравне», номинант премии имени Виктора Астафьева 2007 года, победительница республиканского конкурса «Поэзия спорта» 2010 года. Автор двух поэтических сборников: «Море внутри» (2007), «Маленькая тайна» (2012). Член русской секции Союза писателей РТ. Член Союза писателей XXI века.

стр. 62 САХИБЗАДИНОВ Айдар Файзрахманович родился в Казани в 1955-м году, учился в Казанском государственном университете. В 1993-м году закончил Литературный институт имени А. М. Горького. Живёт и работает в Москве. Публиковался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Флорида», «Казань», «Идель», «Литучёба», представлен двумя рассказами в сборнике «Русская литература народов России 20 века» при журнале «Дружба народов». Автор книг прозы: «Ни в селе, ни в городе», «Скованные одной цепью», «Сентябрьские груши», «О товарищах весёлых, о полях посеребрённых». Лауреат Всероссийской литературной премии имени Г.Р. Державина (2012 г.).

стр. 82 СКВОРЦОВ Константин Васильевич – русский писатель. Родился в 1939 году. Мастер драматической поэзии. Действительный член Петровской академии наук и искусств (2005). Автор двадцати пьес в стихах. Лауреат Всероссийских литературных премий им. М.Ю. Лермонтова (2000 г.), им. А. И Фатьянова (1986 г.), им. Э.Ф. Володина (2002 г.), им. М.Н. Алексеева (2005 г.), им. А.Т. Твардовского (2010 г.), им. С.Т. Аксакова (2010 г.). Лауреат форума «Общественное признание» (2001 г.). Лауреат народной премии «Светлое прошлое» (2004 г.). Лауреат Большой литературной премии России за лучшее произведение 2004 года. (2005 г.). Обладатель диплома Всероссийской литературной премии «Александр Невский» (2007 г.). Награждён орденами «Знак Почёта» (1976 г.), «За развитие польской культуры» (1989 г.), медалью «За развитие русской мысли» им. И.А. Ильина (2008 г.) и др. Живёт в Москве.

стр. 244 ТИМОФЕЕВСКИЙ Александр Павлович родился в Москве в 1933 г. Во время войны жил в блокадном Ленинграде, затем в эвакуации в Челябинске. После войны вернулся в Москву. В 1958 г. закончил сценарный факультет ВГИК. Стихи начал писать в начале пятидесятых. Впервые «опубликовался» в рукописном сборнике А. Гинзбурга «Синтаксис», после чего первый сборник стихов «Зимующим птицам» был издан лишь в начале 90-х годов прошлого века.

Александр Тимофеевский работал как редактор и сценарист на различных киностудиях, а также телевидении и радио, главным образом, в мультипликации. «Лето 43-го года» – один из его многочисленных киносценариев, он же – автор сценариев к мультфильмам «Мук-скороход», «Медной горы хозяйка», «Петя и волк», «Малахитовая шкатулка», он же – автор песен, например, «К сожаленью, день рождения только раз в году». Но главное, несомненно, это девять его поэтических сборников. А также книга для детей «Геометрия малышам», вышедшая в Московском издательстве «Омега» в 1999 году. Лауреат литературной премии «Венец» и премии журнала «Дружба народов». В 2007 году книга «Письма в Париж о сущности любви» удостоена премии «Московский счёт». В 2009 году стал лауреатом

поэтической премии «Антология» (журнала «Новый мир») за книгу «Краш – тест». Член Союза писателей Москвы. Член редколлегии журнала «Наша улица». Член Академии кинематографических искусств «Ника». Член АСИФА.

стр. 225 ТОПОРОВ Адриан Тимофеевич (1891–1984 гг.) – просветитель, писатель, публицист, музыкант, языковед, библиограф и общественный деятель. Культурно-просветительная работа А. Топорова началась ещё до Октябрьской революции: сначала в Курской губернии, далее в Барнауле. На Алтае он стал одним из организаторов знаменитой коммуны «Майское утро». Здесь же А. Топоров проводил уникальные читки художественной литературы. Коммунары 12 лет подряд слушали произведения классиков и советских писателей, высказывали о них свои замечания, в которых скрывались зачастую глубокие мысли. Со временем этот материал вылился в книгу А. Топорова «Крестьяне о писателях», сделавшую имя её автора известным не только в нашей стране, но и далеко за её пределами (США, Австралия, Швейцария, Польша и т.д.). Она также была высоко оценена М. Горьким, В. Вересаевым, А. Луначарским, Н. Рубакиным, В. Сухомлинским и др. Он прошёл через лагерь и тюрьмы печально знаменитого ГУЛАГа, но не сломался и вновь занялся литературной и общественной деятельностью. А. Топоров дружил или переписывался с А. Твардовским, М. Исаковским, С. Зальгинным и другими писателями. А. Топоров – автор книг «Я – учитель», «Однажды – и на всю жизнь», «Воспоминания», «Мозаика» и др. В конце своей жизни он также подготовил 900-страничную рукопись мемуаров «Я – из Стойла» – по названию села, в котором родился и которая в полном виде пока не издана.

стр. 192 УРМАНЧЕ Баки Идрисович. Народный художник Татарстана и Российской Федерации, заслуженный – Казахстана, лауреат госпремии имени Габдуллы Тукая Республики Татарстан родился 23 февраля 1897 года в деревне Куль Черкене ныне Буинского района Татарстана и прожил большую плодотворную жизнь.

Десяти лет он приехал в Казань с уже оформившимся желанием научиться хорошо рисовать. Но в медресе рисованию не учили, а двери Художественной школы для татар были практически закрыты. Б. Урманче много ездил по стране. В юности он был шахтёром Донбасса, рабочим Надеждинских заводов на Урале, учителем на Тамбовщине, в годы первой мировой войны служил в Средней Азии. Лишь после Октябрьской революции, в 1918 году, работая в Глазове школьным инспектором, он получает первые уроки рисования в местной художественной студии. Он стоял у истоков татарского профессионального изобразительного искусства. Это первый художник из татар, получивший высшее профессиональное образование в советском художественном вузе: сначала в Казанских свободных художественных мастерских, куда он поступил

в 1919 году, затем во ВХУТЕМАСе в Москве. Во ВХУТЕМАСе Урманче учится на двух факультетах, скульптуре — в мастерской А. Голубкиной, и живописи — у А. Шевченко. В 1926 году, закончив институт, художник возвращается в Казань. Работает завучем и преподавателем Художественной школы (в те годы — техникума), создаёт и собственные полотна, организует художественно-керамические мастерские, пишет статьи, делает иллюстрации, читает лекции и руководит секцией искусства в Доме татарской культуры.

В 1929 году Баки Урманче попал под первую волну репрессий и по обвинению в национализме попал в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ), из которого удалось вернуться через 5 лет. Художник перебирается жить в Москву, со временем его принимают в Союз художников, посылают в творческие командировки на нефтепромыслы Башкирии, шахты Донбасса, его работы получают признание. В 1934 году он принял участие в Первой выставке молодых художников России. В 1937 году художника приглашают работать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. С 1941 года Б. Урманче живет и работает в Алма-Ате (Казахстан). Лучшие работы того времени по живописи и графике созданы художником именно там: портреты Абая, Амангельды, Ауэзова, картины, пейзажи, натюрморты и др. После долгих лет скитаний Урманче удачно работает по оформлению Декады татарского искусства и литературы в Москве в 1958 году. Заложив начало новому факультету, 60-летний Б. Урманче возвращается на родину в Казань.

Возвращение в родные места стало для него могучим импульсом творческого вдохновения, катализатором, который вызвал к жизни новые качества его творчества. В Казани создаются основные скульптурные работы, портреты деятелей татарской культуры. В 1976 году он создаёт в селе Кырлай, на родине поэта Габдуллы Тукая, уникальный Тукаевский комплекс, в котором всё выполнено по единому замыслу и проектам Урманче. Умер Баки Идрисович Урманче 6 августа 1990 года, прожив девяносто три года, в зените славы, при жизни став классиком татарского изобразительного искусства.

стр. 43 ФРОЛОВ Андрей Владимирович — поэт и прозаик, член Союза писателей России, автор трёх книг стихотворений и сборника рассказов, родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум, после чего два года служил в рядах Советской Армии, работал — от плотника до инженера. В настоящее время —

ведущий специалист Областного государственного учреждения культуры «Орловский Дом литераторов». Первое признание его литературное творчество получило на областном семинаре молодых литераторов (1997), а затем на семинаре молодых писателей при Московской организации Союза писателей России (1998). Произведения публиковались в журналах и альманахах «Поэзия», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия» (Москва), «Простор» (Алма-Ата), «Невский альманах» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Десна» (Брянск), «Орёл литературный», «Литературный Омск», «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), в столичных газетах «Российский писатель», «Литературная газета», «Московская правда», в областной печати. Стихотворения включены в антологию современной поэзии «Наше время» (Москва — Нижний Новгород, 2009) и антологию «Русская поэзия XXI век» (Москва, 2010). Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2009).

стр. 192 ХИСАМОВА Дина Диасовна родилась в Казани в семье известного писателя, драматурга и философа Диаса Валеева и искусствоведа Дины Валеевой. Внучатая племянница классика татарской литературы Аделя Кутуя. Старшая сестра Майя Валеева — писатель, биолог.

Окончила исторический факультет Казанского государственного университета, аспирантуру Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (ИЯЛИ). Многие годы работала в Государственном музее изобразительных искусств РТ заведующей отделом искусства Татарстана, заведующей Национальной художественной галереей «Хазине» в Казанском Кремле (филиал ГМИИ РТ), позднее — научный сотрудник отдела изобразительного и декоративно-прикладного искусства ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова АН РТ. В 2012 году в Москве защитила кандидатскую диссертацию по искусствоведению. С недавнего времени — заместитель директора по науке в ГМИИ РТ.

Автор более 50 публикаций (альбомов-монографий, каталогов, научных статей) по изобразительному искусству, монументальной скульптуре Татарстана.

стр. 136 ХОЛОДОВА Снежана Александровна родилась в 1984 году в Белоруссии. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (выпуск 2012 года). Стихи публиковались в альманахах «День поэзии. 2011», «Русский смех», «Артбухта». Живёт в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ЗИМЫ

КАЗАНСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

БОЛГАР И СВЯЖСК ГОТОВЯТСЯ ВСТРЕТИТЬ ГОСТЕЙ УНИВЕРСИАДЫ.....3

ДЕСЯТЬ САМЫХ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ФОНДА ВОЗРОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ЗА 2012 ГОД.....6

ОЛЬГА ИВАНЫЧЕВА

ДИНА И ЭЛЬМИРА – ЛУЧШИЕ ГОЛОСА РОССИИ!.....8

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

ЛОБАЧЕВСКИЙ И ПОЭТЫ, ИЛИ НЕЕВКЛИДОВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ11

КАЗАНСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

ОН УШЁЛ В ЯНВАРСКИЕ МЕТЕЛИ.....13

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

«МЫ СЕБЯ ЭПОХОЮ МЕРИЛИ...».....14

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

«ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА», ИЛИ В ОТСУТСТВИЕ ЗООФИЛА18

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ.....20

АНОНС ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

НАПИСАЛ Я КАК-ТО ПРЕЗИДЕНТУ...28

МУЗЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА

ВЗАИМОЧУЖДЫЕ МИРЫ31

ДИНА САДЫКОВА

ДАНА МНЕ БЕССОННИЦА.....38

ВИТЯЗИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

КОЛЕСО ПО ДОРОГЕ КАТИЛОСЬ.....43

АЛЕКСЕЙ БОРЫЧЕВ

ЦВЕТНЫЕ ПАРУСА49

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25

НЕ ПРОДАЁТСЯ ВДОХНОВЕНЬЕ56

АЙДАР САХИБЗАДИНОВ

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ62

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

НЕ МОЖЕТ РОДИНА БЫТЬ МАЛОЙ.....82

МАГОМЕД АХМЕДОВ

НЕБЕСНЫЙ ДАГЕСТАН90

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

СНЕГ В ДЕКАБРЕ97

СЕВЕРНЫЙ ЖАР.....97

МОСКОВСКИЙ ТЁРН.....99

ИАНА КА	
ПОЛЁТ НАД БЕЗДНОЙ	100
ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ	
ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИСТИННОМ СЛУЧАЕ	109
ЕННАДИЙ МОРОЗОВ	
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА	114
ЕННАДИЙ КРАСНИКОВ	
ЧЕТЫРЕ ПУТИ – ЧЕТЫРЕ НАДЕЖДЫ	127
СНЕЖАНА ХОЛОДОВА	136
РОМАН НЕНАШЕВ	141
ДАРЬА ИЛЬГОВА	147
НАТАЛЬА ИВАНОВА	152
СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ	
ПУТЕШЕСТВИЕ НА РОДИНУ	157
РАССКАЗ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ	
АЛЕКСАНДР МАТВЕИЧЕВ	
ПРИВОРОТНАЯ ТРАВА	174
ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ	
ДИНА ХИСАМОВА	
«ДРЕВО ЖИЗНИ» БАКИ УРМАНЧЕ	192
К 75-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО	
НАТАЛЬА ВЕРДЕРЕВСКАЯ	
«ВО МНЕ ЭЗОП НЕ ВОКРЕСАЛ...»	195
НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ	
МАРИНА МАЙ	
ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ	203
НЕФОРМАТ	
АДРИАН ТОПОРОВ	
МОЗАИКА	225
ИЗДАНО В РОССИИ	
НАТАЛЬА ПЕРВОВА	231
МАМА, ПОЧИТАЙ!	
АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВСКИЙ	
ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ	244
ДОРОГА К ХРАМУ	
СЕРГЕЙ АЛПАТОВ	
ВСЕМ МИРОМ	247
НАШИ АВТОРЫ	249

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25, ЛИТИНСТИТУТ

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25, ЛИТИНСТИТУТ

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ВЕРНИСАЖ БАКИ УРМАНЧЕ

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: БАКИ УРМАНЧЕ. МАРТОВСКИЙ СНЕГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

Татарстанское отделение

Союза российских писателей

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Подписано в печать 18.02.2013 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,64 . Тираж 2000 экз.

Заказ С-425

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Рукописи принимаются по адресу:
423809, Татарстан, г. Набережные Челны,
а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Жела-
телен диск с набором, фотография, краткая
биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвра-
щаются. Читательские письма и предложе-
ния могут быть опубликованы в альманахе.
Ответственность за достоверность инфор-
мации несут авторы материалов. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением
редакции. При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан»
обязательна.

Для приобретения номера и размеще-
ния рекламы социальной направленно-
сти обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru,
тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Баки Урманче. Мартовский снег

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

Снег апрельский – остатный – темнее свинца,
тают в небе охлопки тумана...
Мама сердцем больным вспоминает отца –
незабвенного деда Ивана...

День Победы встречает большая страна
(как сердечная рана – большая).
С горних высей родные звучат имена,
нас, живущих, к Любви воскрешая.

* * *

МИХАИЛ ЧВАНОВ

«... почему мне, моей душе так хочется, чтобы я лёг именно тут, чтобы была видна деревня, в которой я родился, изгиб реки, слышен клёкот коршунов, шелест ветвей одинокой сосны? Разве это нужно моему телу, которое через несколько лет превратится в прах? Значит, это нужно моей душе, которая будет время от времени посещать мою могилу? Зачем? Чтобы я когда-то после Страшного Суда встал из неё?»

Я долго смотрел на редкие огни родной деревни далеко внизу. Они меня не грели, потому что ночные огни, как правило, — свидетельство беды: кто-то там тяжело болел, может, даже умирал...

Повернулся, чтобы идти к оставленной машине — и вздрогнул: прямо передо мной, почти надо мной, другим своим краем спускаясь к юго-восточному горизонту, висели серебристые облака».

Цикл стихотворений Юрия Перминова «Песни русской окраины» (Омск), реквием Михаила Чванова «Серебристые облака» (Уфа) читайте в июньском номере литературного журнала «Аргатак. Татарстан».